

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Гусейнов Ю.М. Смещение вектора внешней политики Турции с европейского ареала на кавказский плацдарм в начале XVIII века. Поражение осmano-крымских войск в Кабарде в 1708 г.	9
Гусева Ю.Н., Кабытов П.С. Межевые дела селений Надыровской волости конца XVIII – середины XIX в. и история тюркских деревень Самарского Поволжья	15
Роднов М.И., Макарова В.Н. Торговля чаем в Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)	25
Арапова Ю.В. Правовой статус городского головы во второй половине XIX – начале XX века	34
Леонов М.И. Процесс Боевой Организации партии социалистов-революционеров	41
Баринаева Е.П. Советская Россия 1920-х годов на страницах дворянских воспоминаний	49
Мухин В.Н. Радиоуниверситет в системе устной антирелигиозной пропаганды в 1930-е гг. (на примере ТАССР)	56
Романова Г.А. Организация школ-интернатов и групп продленного дня в рамках реформы школы 1958 года (на примере Куйбышевской области)	61
Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. Петр Серафимович Кабытов: к юбилею историка	67

ПЕДАГОГИКА

Руднева Т.И. Методологические принципы как контекст осмысления качества результата педагогического исследования	78
Виноградова Г.А. Субъективное благополучие и развитие адаптационных способностей взрослых людей в условиях социально-экономического кризиса	83
Стрекалова Н.Б. Планирование самостоятельной работы студентов в открытой информационно-образовательной среде	87
Егорова У.Г. Кризис трех лет у детей: работа с родителями	93
Дмитриев Д.С. Система формирования готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения	98
Агуреева А.В. Операциональная компетентность гида-переводчика в структуре профессиональной компетентности	102
Сариева З.И. Средства формирования речевой культуры студентов	107
Виноградов А.Н. Условия формирования стрессоустойчивости у студентов-дизайнеров	112
Рожнова Е.Н. Структура готовности специалистов среднего звена к управленческой деятельности	116
Ширяев Е.А. Эмпирическое исследование представления субъектов образовательного процесса об успешности обучения	121

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Рымарь Н.Т. Творческий потенциал акта изоляции в искусстве	127
Гарбузинская Ю.Р. Поэтический и прозаический типы строения художественной целостности	135
Голубков С.А. Способы реализации мотива мнимости в русской прозе 1920-х годов	141
Кубайдулова А.Ю. Стилевая многослойность литературного дневника К.И. Чуковского	147
Казарина Т.В. Современная фантастическая проза в поисках новых источников чудесного	152
Эверстов М.С. Особенности построения хронотопа в романах Стругацких («Полдень. XXII век», «Град обреченный»)	158

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Шубина Э.Л. Лексическая сочетаемость компонентов в номинативных группах	164
Пономаренко Е.В. Функциональные свойства иронии в английском деловом дискурсе	171
Никитин В.Н. Материалы по подготовке к международным экзаменам по немецкому языку: дискурсивный анализ	177
Баженов Н.Ю. Наименование лживой и правдивой речи в русских говорах	181
Веколова А.Ю. Новгородские берестяные грамоты как источник изучения оценочных суффиксов субстантивного словообразования в древнерусском языке	188
Маханова Г.Е. «Человек скучный» в мировоззрении А.П. Чехова (семантико-когнитивный аспект)	193
Ибрагимова М.О., Казимагомедова А.А. Концепт «хинкал» в кавказских языках (на материале картвельских, абхазо-адыгских и нахских языков)	200
Кухно И.Ю. Коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты изучения термина	204
<i>Сведения об авторах</i>	208
<i>Требования к оформлению статей</i>	215

CONTENTS

HISTORY

Guseynov Yu.M. Displacement of the vector of foreign policy of Turkey from the European area on the area on the Caucasian bridgehead. Defeat of the Ottoman-Crimean forces in Kabarda in 1708	9
Guseva Yu.N., Kabytov P.S. Boundary affairs of settlements of the Nadyrovsky volost in the middle of the XVIII–XIX centuries and the history of Turkic villages of the Samara Volga Region	15
Rodnov M.I., Makarova V.N. Tea trade in the Ufa province (second half of the XIX – beginning of the XX century)	25
Arapova Yu.V. Legal status of a mayor in the second half of the XIX – beginning of the XX century	34
Leonov M.I. Process of SR Combat Organization	41
Barinova E.P. Soviet Russia of 1920-ies on the pages of noble memoirs	49
Mukhin V.N. Radiouniversity in the system of oral anti-religious propaganda in 1930-ies (on the example of TASSR)	56
Romanova G.A. Organization of boarding schools and extended day care groups in the framework of the school reform of 1958 (on the example of the Kuibyshev Region)	61
Dubman E.L., Leontieva O.B. Petr Serafimovich Kabytov: on the anniversary of the historian	67

PEDAGOGICS

Rudneva T.I. Methodical approaches as the context of pedagogical research outcome quality understanding	78
Vinogradova G.A. Subjective well-being and development of adaptive abilities of adults in terms of socioeconomic crisis	83
Strekalova N.B. Planning of independent work of students in an open information and educational environment	87
Egorova U.G. Three years children crisis: preparing parents to it	93
Dmitriev D.S. University teachers' readiness formation system to the use of e-learning tools	98
Agureeva A.V. Operational competence as a component of professional competence of guide-interpreter	102
Sarieva Z.I. New forms of education in the process of forming students speech culture	107
Vinogradov A.N. Correlation of creativity and stress resistance of representatives of creative professions (on the example of designers)	112
Rozhnova E.N. Structure of readiness of mid-ranking professionals to management activities	116
Shiryaev E.A. Empirical research of ideas of subjects of educational process about the pupils learning success	121

STUDY OF LITERATURE

Rymar N.T. Creative potential of an act of isolation in art	127
Garbuzinskaya Yu.R. On interaction of poetry and prose types of structural integrity of art (on the material of works by O.E. Mandelstam and O.A. Sedakova)	135
Golubkov S.A. Motif of the imaginary in the Russian prose of the 1920-ies: ways of realization	141
Kubaydulova A.Yu. Diverse stylistic layers of the Chukovskys diary	147
Kazarina T.V. Modern fantastic prose in search of new sources of wonderful	152
Everstov M.S. Peculiarities of chronotope composition in the novels by the Strugatsky brothers («Noon, 22 nd century», «The Doomed City»)	158

LINGUISTICS

Shubina E.L. Lexical combinability of components in nominative groups	164
Ponomarenko E.V. Functional properties of irony in business English discourse	171
Nikitin V.N. Materials to prepare for the international exams in German language: discourse analysis	177
Bazhenov N.Yu. Names of telling the truth and telling lies in the Russian dialects	181
Vekolova A.Yu. Novgorod birchbark manuscripts as a source of research of evaluative suffixes of substantial word-formation in the Old-Russian language	188
Makhanova G.E. «Boring person» in the worldview of A.P. Chekhov (semantic and cognitive aspects)	193
Ibragimova M.O., Kazimagomedova A.A. Concept «khinkal» in Caucasian languages (on the material of Kartvelian, Abkhaz-Adyghe and Nakh languages)	200
Kuhno I.Yu. Communicative-pragmatic and cognitive aspects of the study of the term	204
<i>Information about the authors</i>	208
<i>Requirements to the design of articles</i>	215

УДК 94(470.67)

*Ю.М. Гусейнов****СМЕЩЕНИЕ ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ С ЕВРОПЕЙСКОГО
АРЕАЛА НА КАВКАЗСКИЙ ПЛАЦДАРМ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.
ПОРАЖЕНИЕ ОСМАНО-КРЫМСКИХ ВОЙСК В КАБАРДЕ В 1708 Г.**

Статья посвящена политике Российской империи в Крымском регионе, в частности смещению политики Турции с европейского ареала на кавказский плацдарм. Рассматривается османо-крымская агрессия с северо-запада в Дагестан, которая позволила отсечь волны ирано-турецких нашествий с юго-востока. Важными промежуточными базами борьбы с восточными завоевателями служили также Адыгея, Черкесия, Карачай, Балкария, Осетия, Чечня и Ингушетия. В этой связи стало уместно осветить поход османо-турецких войск в Кабарду, которые, естественно, доставляли неисчислимые бедствия местным народам и встречали решительный отпор, поэтому потерпели поражение.

Весомое место в статье уделено русско-турецким взаимоотношениям, а также месту и роли Крыма в нем. Так как Крымский регион был в исследуемое время составной частью Турции, он был втянут во все распри, где участником была Порта.

Таким образом, внешнеполитическое положение Крыма было продиктовано внешней политикой Турции, так как Крым находился под протекторатом Османской империи. Нередко крымские османы совершали разбойничьи набеги на соседей, однако многие из них не увенчались успехом. Одним из неудачных походов гереев стал поход в Кабарду в 1708 году.

Ключевые слова: Россия, Крым, Турция, Порта, Крымское ханство, Причерноморье, Каспийское море, Мустафа III, Кабарда, Сефевиды.

Азовские походы Петра I и подписанные вслед за ними договоры породили две противоборствующие тенденции: во-первых, воспрепятствовали дальнейшему наступлению османов на Западе; во-вторых, дали надежду в сердцах и умах правящих кругов Османской империи на компенсацию понесенных в Европе потерь на Востоке. Иными словами, произошло смещение вектора внешней политики Порты с европейского ареала на кавказский плацдарм.

* © Гусейнов Ю.М., 2016

Гусейнов Юсуп Магомедович (g.usup@mail.ru), кафедра гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 367008, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, 5.

Ситуация в Крымском регионе благоприятствовала этому. Анализ обстановки в его наиболее «горячей» части – на Северном Кавказе – показывает, что на рубеже XVII–XVIII вв. здесь возникла наиболее напряженная обстановка. Она определялась не только внутренними причинами, но и политикой сопредельных стран – султанской Турции, шахского Ирана и царской России, – стремившихся овладеть этим важнейшим стратегическим плацдармом на стыке Европы и Азии.

Ведущее место в своей кавказской политике они уделяли Кабарде, преграждавшей путь османо-крымской агрессии с северо-запада, и Дагестану, отсекавшему волны ирано-турецких нашествий с юго-востока. Важными промежуточными базами борьбы с восточными завоевателями служили также Адыгея, Черкесия, Карачай, Балкария, Осетия, Чечня и Ингушетия.

Уместно отметить, что, вступив с начала XVI века в ожесточенную религиозно-политическую конфронтацию, правящие круги сефевидского Ирана и Османской империи вели длительную борьбу за овладение Северным Кавказом. С истечением некоторого времени в этот конфликт втянулась и царская Россия. Активность иранских феодалов особенно возросла после заключения ирано-турецкого договора 1639 года, передавшего часть Дагестана Ирану, но овладеть Северным Кавказом им не удалось. В середине XVII в. сефевидские правители вынуждены были согласиться с покровительством, которое оказывала Россия Кабарде и Северному Дагестану. В последней трети XVII в. почти все владетели Большой и Малой Кабарды признавали верховенство московских царей. Кабарда и Дагестан представляли для России важнейший стратегический плацдарм, обеспечивая связь по наиболее удобным путям с Азербайджаном, Арменией и Грузией.

Ослабление позиций Ирана в Дагестане и усиление позиций России в Кабарде вызвали новую волну османо-крымской агрессии. Н.А. Смирнов считает: «Раздробленный на множество феодальных владений Северный Кавказ, казался Турции наиболее уязвимым местом, захват которого давал ей в руки ключ к разрешению не только кавказской, но и иранской проблемы» [8, с. 28–29]. Активность этой агрессии заметно усилилась после взятия русскими войсками Азова в 1696 году. Именно с тех пор вассалы Порты – крымские ханы – стали совершать неоднократные разорительные нашествия на земли адыгов, черкесов, абазин, бэкедухов и других народностей Северного Кавказа. Такие набеги, по некоторым данным, на рубеже XVII–XVIII вв. следовали волна за волной (в 1699, 1700, 1701, 1703, 1708 гг.) [9, с. 12].

Но добиться своих целей османским и крымским агрессорам не удалось. Упорная борьба северокавказских народов за независимость и поражение османов в войнах с коалицией европейских держав в конце XVII века временно отвлекли внимание Стамбула от кавказских дел на европейскую арену. Ослабленная династическими распрями и внутренними смутами допетровская Россия также не могла уделить необходимое внимание Северному Кавказу. Одновременно упало давление и со стороны сефевидского Ирана, вступившего в полосу глубокого социально-экономического кризиса. Ввиду влияния указанных факторов последние десятилетия XVII в. для народов Кавказа оказались временем относительного спокойствия. В северных районах региона также наступило некое затишье.

Однако это затишье не означало стабилизации положения на Северном Кавказе и наступления мира для горских народов. Ни одна из соперничавших держав не отказалась от своих стратегических планов в отношении Кавказа. На рубеже XVII–XVIII вв. Кабарда, Дагестан и другие территории региона оставались объектом острой дипломатической борьбы между правителями Стамбула, Москвы и Исфахана. Сложившаяся обстановка осложнялась и тем, что балкарцы, карачаевцы, осетины, чеченцы и ингуши, находившиеся в зависимости от феодальных правителей Кабарды, Дагестана и Грузии, имели свои интересы, в значительной мере отличные от интересов этих феодалов. Тяготая преимуществу к России, они надеялись избавиться под ее покровительством не только от деспотизма местных властителей, но и от угрозы порабощения соседними восточными державами – Ираном и Турцией [1, с. 39–40].

Приведенные выше достоверные материалы показывают, что Северный Кавказ издавна привлекал внимание соседних держав. Многолетняя борьба за овладение этим краем с учетом «крымского фактора» для России и Турции шла с переменным успехом. Наконец продолжавшиеся более века ирано-турецкие войны завершились

временно Касре-Ширинским (Зохабским) договором 31 мая 1639 года, разделившим земли Кавказа между Ираном и султанской Турцией, сохранившиеся за ними до Каспийского похода Петра I (1722 г.). Этот регион вновь оказался и в сфере внешней политики России с выходом ее на побережье Каспия и принятием Иваном IV Грозным в подданство Кабарды (1556–1557 гг.). Но приступить к решению восточной проблемы (доступу к южным морям и овладению стратегической инициативой) Россия не смогла, занятая отражением интервенции польской шляхты на Западе, османо-крымских нападений на юге и тяжелой войной со Швецией на Севере.

В начале XVIII века позиции противоборствующих сторон в регионе были следующие: Азербайджан, Восточная Грузия и Восточная Армения, а также Дагестан находились под властью Ирана; Западная Грузия, Западная Армения, Абхазия и адыги, жившие в Причерноморье и в районах Кубанского бассейна, оставались под властью Порты. В Приазовье и Кубани кочевали зависимые от Крыма ногайцы, составлявшие Кубанскую орду. Позиции России на Кавказе были слабее. Они ограничивались небольшим прикаспийским районом с укрепленным городом Терки и несколькими станицами гребенских казаков на левом берегу Терека. Конечно, взятие Азова в 1696 году и получение выхода к Азовскому морю сулили России большие потенциальные возможности, но содействовать укреплению ее влияния на Северном Кавказе они еще не могли. Как верно заметила В.Д. Налоева, по русско-турецкому Константинопольскому договору 1700 года «кубанская сторона» признавалась территорией с преимущественными правами Османской империи [5, с. 114].

Таким образом, ни одна из сторон не была удовлетворена достигнутыми результатами. Каждая из них продолжала вынашивать далеко идущие планы: Сефевиды стремились не только сохранить свое влияние на Кавказе, особенно в бассейне Каспийского моря, но и продвинуть северные границы шахских владений до Терека; османские правители хотели расширить зоны своего контроля в Закавказье и Прикубанье, распространить с помощью крымских ханов и ногайских мурз свою власть на степные народы, живущие между Кубанью и Волгой; Петр I и его советники считали необходимым укрепиться на побережье Черного и Каспийского морей, обезопасить южные границы от османо-крымских нашествий, удовлетворить потребности экономического и политического развития России.

Особым упорством отличались намерения новых правителей Турции и Крымского ханства, стремившихся взять реванш за военные поражения в Европе и потерю Азова в конце XVII века. Война России со Швецией и усилившийся упадок Ирана благоприятствовали замыслам османской и крымской элиты. Оказавшийся у власти султан Ахмед III (1703–1730) пытался решить внутренние неурядицы активизацией османской политики на Кавказе. Стратегические замыслы правящих кругов Османской империи и Крымского ханства предусматривали, как и прежде, создание опорного плацдарма в Северо-Кавказском регионе для противодействия возможным акциям со стороны России и Ирана.

Следует отметить, что такой курс внешней политики Порты пробудил активность жаждавших новых добыч крымских ханов и ногайских мурз, совершавших, как указывалось выше, опустошительные набеги на адыгов, черкесов, Кабарду, а также на редко заселенные и слабо защищенные южные районы России. Так, по неполным данным, с конца XVII до начала Каспийского похода Петра I турецко-татарские набеги на Кабарду, районы Царицына, Пензы, Симбирска и Саратова следовали почти непрерывно: в 1699–1701, 1703–1704, 1707–1708, 1710–1717, 1720–1721 гг. [7. Л. 282–285].

Особое место среди них занял поход хана Каплан-Гирея в Кабарду в 1708 году, имевший чрезвычайно важные последствия как для Кабарды, так и для Крымского ханства. Он проходил в сложных условиях, оказавших влияние на его начало и продолжение. Походу предшествовал ряд столкновений между крымскими феодалами и кабардинскими князьями. Поводом к обострению ситуации послужило то, что в декабре 1699 г. в доме кабардинского князя Темирбулата был убит крымский царевич Шабаз-Гирей, назначенный султаном Ахмедом III на должность крымского калги (наместника хана) вопреки воле хана Девлет-Гирея [7. Л. 9]. Но вскоре выяснилось, что убийство было организовано старшими братьями самого Шабаз-Гирея, недовольными таким назначением [8, с. 669–670].

Это событие стало толчком для новых вторжений крымских феодалов в Кабарду и перемещения претендентов на ханскую власть в Крыму. Как отмечает, касаясь этого вопроса, В.Н. Сокуров: «В 1700-е годы ведение черкесских дел было поручено Каплан-Гирею, младшему брату Шабаз-Гирея, который в том же году и весной следующего 1701 года под предлогом мести за убийство своего брата совершил два карательных похода в Черкесию» [9, с. 34].

Эти походы, по-видимому, не дали ожидаемых результатов, что вызвало недовольство турецкого султана, издавшего специальный указ о смещении с престола хана Каплан-Гирея. Отношения между Стамбулом и Бахчисараем резко обострились. В 1703 году смещенный Каплан-Гирей поднял восстание против Порты в Крыму и на Кубани, но был разбит и бежал в Кабарду. Узнав об этом, султан Ахмед послал новому правителю Крыма Селим-Гирею золотое оружие и 4000 золотых червонцев с требованием направить 60 000 татар против кабардинцев. Для поддержки этой акции в июне был отправлен новый калга Гази-Гирей, но поход оказался безуспешным. Селим-Гирей скончался в 1702 г. Его сменил Гази-Гирей, неудачное правление которого продолжалось до 1707 г. Пользуясь создавшейся обстановкой, крымские татары добились помилования от султана Ахмеда III, по его же воле крымский престол снова занял изворотливый Каплан-Гирей.

Стараясь оправдать доверие Стамбула, сразу же после восстановления на троне он отправил в Кабарду калгу Менгли-Гирея с отрядом своей конной гвардии для сбора ясыря (дани) и переселения кабардинцев за Кубань, но выполнить эту задачу Менгли-Гирей не смог. Получив известие об этом, султан Ахмед приказал самому Каплан-Гирею собрать до 40 000 войска и организовать поход в Кабарду, чтобы «оных черкес (кабардинцев) разорить и жилища их пожечь» [7. Л. 278].

Естественно, эти нашествия турецких и крымских феодалов, доставляющие неисчислимые бедствия местным народам, встречали решительный отпор. Несмотря на это, получив личный указ от турецкого султана, весной 1708 года Каплан-Гирей напал на Кабарду, о чем подробно повествуют турецкие, кабардинские и другие авторы.

Например, турецкий историк Мехмет Фундуклулу сообщает такие подробности этого похода, в котором участвовал и закубанский правитель Наиб Султан. Черкесские беки при назначении нового крымского хана посылали ему в виде подарка, вернее, дани, 300 человек ясыря (рабов). Но Каплан-Гирей потребовал выдать ему не менее 3000 человек, на что черкесские беки ответили, что им трудно выполнить такое требование, когда крымские ханы сменяются почти каждый год. Они подкрепили свой ответ ссылкой на мусульманский закон, который навряд ли позволяет отдавать в рабство целое полчище мусульманского народа. Разгневанный непокорностью черкесских беков, хан двинулся через Керчь на Тамань, а оттуда на Кабарду. В ответ на это кабардинцы применили военную хитрость. Упросив хана в течение трех дней подождать в долине, пока они выполняют его требование, они за это время собрали свои силы и ночью внезапно напали на крымско-турецкое войско, потерявшее в сражении с кабардинцами и черкесами около 30 000 убитыми и плененными [3, с. 35–37]. Пораженный этим известием, Мехмет Фундуклулу вынужден был признать, что «никогда не слыхано было их (крымцев и кубанцев) такого избиения» [10, с. 1]. Такие же сведения приводятся глубоким знатоком крымской проблемы – русским советским историком Н.А. Смирновым [8, с. 10–11].

Уместно отметить, что в таких же красочных тонах разгром кабардинцами вражеского войска описывает адыгейский (кабардинский) историк Ш.Б. Ногмов. Согласно его записям, выведав детально расположение крымского войска на бугре Канжала и выбрав удачный ночной момент, командующий кабардинскими силами князь Кургоко «тотчас же велел собрать около 300 ослов и к каждому привязать по две вязанки сена». Потом «отправился на неприятеля и, приблизившись к нему, велел у всех ослов зажечь сено и гнать их на неприятельский лагерь несколькими выстрелами [2, с. 53–55]. Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятелей, что они в беспамятстве и смятении стали рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу» [5, с. 146–147].

Важно отметить, что современные кабардинские историки Б.К. Мальбахов и К.Ф. Дзамихов, сохранив и усилив высокий пафосный дух сообщений своих предшественников, придали их сведениям четко выверенную научную формулировку с такой констатацией: «В ходе нашествия Каплан-Гирея произошла Канжальская битва – самое значительное событие за почти 300-летнюю борьбу кабардинского народа с крымско-турецкими захватчиками. Она имела большое политическое значение как для кабардинцев, в первую очередь, так и других народов Северного Кавказа» [4, с. 204].

Не лишне повторить, что правящие круги Турции и Крыма не сделали трезвых выводов из понесенных потерь. Наоборот, захватнические замыслы осmano-крымской верхушки продолжали простираться на обширную область – от Азова до Астрахани. Подтверждением тому могут служить попытки бахчисарайского правителя Девлет-Гирея II в 1708 г. привлечь на борьбу с Россией кумыков и чеченцев, которых он призывал напасть на русские укрепления и казачьи станицы на Тереке. Повидимому, не без влияния подобных уговоров произошло нападение на Терскую крепость чеченцев, ногайцев и кумыков под предводительством башкирского хана Мурада, принимавшего ранее участие в выступлениях под руководством Кондратия Булавина и домогавшегося помощи и подданства у Порты.

Библиографический список

1. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях в XVI–XVIII вв. Тбилиси: Мецкиэрэба, 1974. 578 с.
2. Гусейнов Ю.М. Складывание и развитие крымской политики России: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. № 7. 2015. С. 53–57.
3. Гусейнов Ю.М. Крымский полуостров в первой четверти XIX века: политика Российской империи в Крыму // Историческая и социально-образовательная мысль. № 6. 2015. С. 32–34.
4. Мальбахов Б.К., Дзамихов, К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. 564 с.
5. Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1973. 209 с.
6. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 487 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123: Сношения России с Крымом. 1699. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об. – 10.
8. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. 259 с.
9. Сокуров В.Н. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 186 с.
10. Mehmet Funduklulu. Nisretname. Istanbul, 1962–1964. С. 1. В. 1–3.

References

1. Botsvadze T.D. Narody Severnogo Kavkaza v gruzino-russkikh politicheskikh vzaimootnosheniakh v XVI – XVIII vv. [Peoples of the North Caucasus in the Georgian-Russian political relations in the XVI – XVIII centuries]. Tbilisi: Metskiereba, 1974, 578 p. [in Russian].
2. Guseinov Yu.M. Skladyvanie i razvitie krymskoi politiki Rossii: istoriia i sovremennost' [Folding and development of the Crimean policy of Russia: history and modernity]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2015, no. 7, pp. 53–57 [in Russian].
3. Guseinov Yu.M. Krymskii poluostrov v perovoi chetverti XIX veka: politika rossiiskoi imperii v Krymu [Crimean Peninsula in the first quarter of the XIX century: the policy of the Russian Empire in the Crimea]. *Istoricheskaja i sotsial'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and social-educational idea], 2015, no. 6, pp. 32–34 [in Russian].
4. Mal'bakhov B.K., Dzamikhov K.F. Kabarda vo vzaimootnosheniakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em i Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII vv.) [Kabarda in the relations between Russia with the Caucasus, the Volga Region and the Crimean khanate (middle of the XVI – late XVIII centuries)]. Nalchik, 1996, 564 p. [in Russian].

5. Naloeva E.D. *Gosudarstvenno-politicheskii stroi i mezhdunarodnoe polozhenie Kabardy v pervoi polovine XVIII v. dis... k.i.n* [State-political system and international position of Kabarda in the first half of the XVIII century. Candidate's of Historical Sciences thesis]. Nalchik, 1973, p. 209 [in Russian].
6. Nogmov Sh.B. *Istoriia adygeiskogo naroda, sostavlennaia po predaniiam kabardintsev* [History of the Adighe people, based on the legends of the Kabardian]. Nalchik, 1994, 487 p. [in Russian].
7. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 123: Relations of Russia with the Crimea, 1699. Op. 1, d. 2, l. 9 ob – 10 [in Russian].
8. Smirnov N.A. *Kabardinskii vopros v russko-turetskikh otnosheniiakh XVI – XVIII vv.* [Kabardian question in the Russian-Turkish relations of the XVI – XVIII centuries]. Nalchik, 1948, 259 p. [in Russian].
9. Sokurov V.N. *Vneshnepoliticheskoe polozhenie Kabardy v poslednei chetverti XVII – pervoi chetverti XVIII v.: Avtorefer. dis. ... k.i.n.* [Internal standing of Kabarda in the last quarter of the XVII – first quarter of the XVIII century: Extended abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. M., 1977, 186 p. [in Russian].
10. Mehmet Funduklulu. Nisretname. Istanbul, 1962–1964, C. 1. B. 1–3 [in Turkish].

*Yu.M. Guseynov**

DISPLACEMENT OF THE VECTOR OF FOREIGN POLICY OF TURKEY FROM THE EUROPEAN AREA ON THE AREA ON THE CAUCASIAN BRIDGEHEAD. DEFEAT OF THE OTTOMAN-CRIMEAN FORCES IN KABARDA IN 1708

The article of Yu.M. Guseinov is devoted to the policy of the Russian Empire in the Crimean region. In particular, the displacement of the policy of Turkey from the European area on the Caucasian bridgehead is shown. The author doesn't ignore Ottoman-Crimean aggression from the northwest to Dagestan, which allowed to chop off the waves of Iranian and Turkish invasions from the South-East. Important intermediate bases of fight against Eastern conquerors were also Adygea, Circassia, Karachay, Balkaria, Ossetia, Chechnya and Ingushetia. In this regard it is appropriate to consider the campaign of the Ottoman Turkish troops in Kabarda and their defeat, which, of course, brought untold misery to local peoples, and was met with a decisive rebuff.

Significant place in the article is given to the Russian-Turkish relationships and the role and place of Crimea in it. As the Crimean region was at the investigated time, part of Turkey it once had been involved in all conflicts, where a party was Port.

Thus, international standing of the Crimea was motivated by the foreign policy of Turkey as the Crimea was under protectorate of the Ottoman Empire. Not infrequently the Crimean Ottomans made plundering inroads on neighbours, however the majority of them was not a success. One of the most unsuccessful campaigns of gereis was the campaign to Kabarda in 1708.

Key words: Russia, Crimea, Turkey, Port, the Crimean Khanate, the Black Sea, the Caspian Sea, Mustafa III, Kabarda, Safavids.

Статья поступила в редакцию 10/II/2016.
The article received 10/II/2016.

* *Guseynov Yusup Magomedovich* (g.usup@mail.ru), Department of Humanitarian Disciplines, Dagestan State University of National Economy, 5, D. Ataev Street, Makhachkala, 367008, Russian Federation.

МЕЖЕВЫЕ ДЕЛА СЕЛЕНИЙ НАДЫРОВСКОЙ ВОЛОСТИ СЕРЕДИНЫ XVIII – XIX ВВ. И ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ ДЕРЕВЕНЬ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

Статья написана на основе анализа архивных документов и материалов. В ней предпринята попытка реконструкции истории тюркских поселений Самарской области, входивших в XVIII–XIX вв. в состав Надыровской волости (Уфимского уезда; позднее Бугурусланского уезда Оренбургской губернии, а с 1851 года – Самарской губернии). На основании широкого круга архивных документов рассматриваются вопросы социально-экономического, демографического развития тюркских сел северо-восточного ареала территории будущей Самарской губернии, входившего в состав особой административно-территориальной единицы – Надыровской волости. Данная волость являлась одним из наиболее густозаселенных полиэтничных ареалов с явным преобладанием тюркского этноэлемента. Впервые рассматриваются особенности землевладения различных этносословных групп (тептяри, бобыли, ясачные татары, служилые татары, чуваша, башкиры), выявляется специфика их хозяйственного и демографического развития. Особое внимание уделяется вопросам хронологии и ойконимии тюркских селений Надыровской волости

Ключевые слова: тюрки, татары, Самарское Поволжье, Надыровская волость, татарские селения Самарской области.

Дело «О наделении землей крестьян Надыровой волости». Межевые дела, карты и ревизские материалы сегодня являются одними из немногих достоверных и доступных исследователям источников, способных пролить свет на непростую историю тюркской колонизации Самарского Поволжья. Интересующий нас северо-восточный угол современной Самарской области, населенный татарами «байтуган-сокского» куста¹, не является исключением.

В 1851–1852 годах земельная администрация вновь образованной Самарской губернии рассматривала дело «О наделении землей крестьян Надыровой волости» (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 2417). Согласно указу Министерства государственных имуществ от 13 января 1851 года, следовало наделить крестьян 36 селений Надыровой волости: башкирцев, татар, тептярей, казенных и удельных крестьян, по числу душ согласно данным восьмой ревизии (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 54. Д. 92, 2834). Земли волости в середине XIX века числились в Мензелинском, Бугурусланском и Бугульминском уездах Оренбургской губернии и частично перешли в распоряжение вновь созданной Самарской губернии. Именно на этих землях Бугурусланского уезда располагались интересующие нас тюркские поселения.

* © Гусева Ю.Н., Кабытов П.С., 2016

Гусева Юлия Николаевна (guseva@sfngru.ru), кафедра истории, международного права и зарубежного регионоведения, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443110, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Кабытов Петр Серафимович (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 15-11-63007 «Татарские селения Самарской области: генезис и динамика развития в XVI – нач. XX вв.».

Из архивных материалов мы узнаем, что дело о размежевании земель началось столетие назад, еще в середине XVIII века, и имело свою собственную, весьма запутанную историю, отражающую перипетии заселения и развития населенных мест этого региона. Остановимся на основных обстоятельствах этого дела и попробуем выяснить, как они помогают понять логику возникновения и развития интересующих нас тюркских поселений.

Как указывают казанские исследователи истории Надыровской волости Р. Амирханов и И. Габдуллин, она получила свое наименование «от татарина Надыра Уразметева, который, отыскав еще до 1719 года пустопорозжую (т. е. не закрепленную ни за кем документально. — Ю.Г., П.К.) землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану», поселился здесь вместе с другими «инородцами»². «Впервые как Надыровская волость эта территория фигурирует после указа от 31 декабря 1734 г., данного Надыру мулле Уразметеву от статского советника Ивана Кирилова и полковника Алексея Тевкелева» [1]. И это несмотря на указ Сената 1734 года и указ Казанской губернской канцелярии 1735 года о «занятиях ими Надыровой волости, так как земля оказалась действительно незаселенною, но отказа за ним сделано не было» (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 2417. Л. 2 об. — 3 об.). Вероятно, свою роль сыграли земельные споры, разгоревшиеся между надыровцами и башкирцами смежных волостей.

Между тем по распоряжению местного начальства еще в 1749 году «было отведено из тех самых земель значительное пространство под поселение 14 деревень ямщиков по Новомосковской дороге», позднее были отводы поселянам казенного ведомства, отставным солдатам и «сверх сего дозволено было водворение выходцам из разных мест» [1].

Известно, что в 1751 году Надыр Уразметев попросил Оренбургскую губернскую канцелярию утвердить за ним с товарищами занятую ими землю, для чего в 1751 году геодезистом, капитаном Ляховым, был составлен чертеж земель Надыровской волости [1] (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 28).

В результате, когда «началось Генеральное межевание земель Оренбургской губернии, то приступлено было в 1790 году к обмежеванию дачи Надыровой волости, которое хотя и было произведено, но возникшее по произошедшим при том межевании спорам было до настоящего времени окончания не получено» (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 2417. Л. 1 об. — 4). Из интересующих нас деревень только на земли Верхнего Ермаково в 1794 году Сенатом был дан «владенный указ», и этому тоже предшествовали многочисленные межевые разбирательства (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83).

С 1814 по 1838 годы центральные межевые учреждения изучали «крепости» на эти земли, но, к разочарованию надыровцев, указом от 13 октября 1838 года Сенат постановил «поверенному Надыровой волости в присвоении в собственность земель отказать» (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 2417. Л. 4). Лишь в 1851–1852 годах было проведено итоговое межевание, позволившее закрепить земельные права владельцев, обозначить территории, принадлежавшие крестьянским обществам, частным собственникам и государству.

По результатам межеваний были составлены планы тюркских селений тогдашнего Бугурусланского уезда: Байтуган (1852 год), Балыкла (1853 год); Новое Ермаково (1852 год) (см. табл. 1). Тогда же был учтен отхожий выезжий лес общего владения тептярей и ясачных татар площадью 334 десятины, а также «Тептярский» лес площадью 2225 десятин, перешедший во владение Самарской палаты государственных имуществ (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 825).

Так завершилось столетнее межевое дело земель Надыровской волости, которое хорошо демонстрирует хаотичность и сложность колонизационных процессов, протекавших в северо-восточном углу Самарской губернии.

Общая характеристика развития тюркских поселений Надыровской волости. Документы середины XVIII века четко фиксируют наличие интересующих нас деревень в пределах Надыровской волости. К этому времени процесс колонизации этого региона имел массовый характер, появлялись новые деревни, а старые укрупнялись и разрастались (табл. 1).

Таблица 1

Данные о количестве ревизских мужского пола душ и социальных категориях крестьян части селений «байтугано-сокского куста» Надыровской волости. 1851–1852 гг.

Поселение	По VII ревизии	По VIII ревизии	По IX ревизии
Верхнее Ермаково Байтуган тож (Татарский Байтуган)	37 (тептяри)	66 (тептяри)/ 505 (госуд. кр-не)	676 (госуд. кр-не)
Нижнее Ермаково (Новое Ермаково)	134 (тептяри)	204 (тептяри)/ 174 (госуд. кр-не)	241 (госуд. кр-не)
Камышлы	203 (тептяри)	278 (тептяри)/ 125 (госуд. кр-не)	184 (госуд. кр-не)
Надырова Балыкла (Старая Балыкла)	72 (тептяри)	93 (тептяри)/ 161 (госуд. кр-не)	403 (госуд. кр-не)

Примечание. Составлено по: ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 2417. Л. 72–72 об.

Согласно плану волости 1751 года, старшина Надыр Уразметев «по отводам и данным о владении планам, а по каким указам – неизвестно» владел землями, смежными: на юге – с землями «Кутлугуша тархана сотоварищи»³; на юго-западе – с пристанью Сергиевск на р. Сок. Здесь, на Соку и его притоках, были обозначены татарские деревни Камышлы на р. Верхней Камышле, д. Ермакова на р. Байтуган. «Легенда» карты гласила: «Внутри чертежа старшина Надыр и всей его волости жители земель и угодьями владеют» (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 28). В их общем владении находился также выездной черный Чептемировский лес (площадью 2300 десятин и 2226 сажень), по обе стороны речек Белой, Коровы, Янгингул (Якшигуль?). Как указывалось ранее, в 1850-е он стал государственной собственностью (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 846. Л. 93 об.).

Однако документов, подтверждающих свое право на земли, жители не смогли предъявить, что, как указывалось выше, стало причиной многочисленных разбирательств. Так, в 1803 году при составлении полевой межевой записки д. Верхнее Ермаково⁴ выяснилось, что ясачные татары (их представителем был татарин Макуш Муксимов) и «старожилы-чуваши» заявили, что «земли принадлежат им издавна», а деревня «заселение имеет с давних лет на землях Надыровской волости и никаких прав на оную землю не имеют, а землю и всякими угодьями владеют обще со всей Надыровской волостью» (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83).

На генеральном уездном плане Бугурусланского уезда Оренбургской губернии 1805 года, составленном по материалам Генерального межевания 1796/1799 года, достаточно четко прорисован «байтугано-сокский куст» (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3461). На плане и материалах межевания содержатся наименования речек, как правило, неглубоких притоков Сока: реки Тельгаза, Безымянная, Каргала, Глухая, Мокрая, Тергазы, Якшигуль (Янгингул?), Матвеевка уксуклы (исаклы?), Каран-елга, Бузбаш, Камышла, Утар елга, на правой и на левой стороне которых располагались тюркские деревни, «усады» [3]. Забегая вперед, отметим, что именно они зачастую дают единственную возможность соотнести ойконим с местоположением деревни.

Мы видим, что в конце XVIII века внутри Надыровской волости были отмежеваны земли деревни Верхняя Ермакова Утар илга тож с деревнями: Нижнее Ермаково,

Камышлы, Надырова Якшигуль Балыкла Тамак тож, Надырова Балыкла тож, Давыдкина Балыкла (ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 846. Л. 59 об. – 60). Именно они составляли и составляют ядро тюркских поселений «байтугано-сокского куста». Осталось выяснить, как именно они соотносятся с современными татарскими деревнями, какова была логика их возникновения и развития, какие этносословные группы в них проживали в XVIII – середине XIX вв., когда они все перешли в категорию государственных крестьян.

В первом приближении исследователь сталкивается со значительными сложностями в определении местоположения селений, которые фигурируют в различных исторических источниках. Следует хорошо представлять, как соотносятся исторические ойконимы с современными названиями изучаемых нами деревень. Наши изыскания в этой области приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Современные и исторические ойконимы некоторых тюркских деревень
Камышлинского района Самарской области (бывшей Надыровской волости)**

Современное название	Историческое наименование
Татарский Байтуган	1. Ярмакова что на Соку реке и речке Байтуган тож 2. Надырова что по реке Соку и Байтуган тож 3. Верхняя Ермакова Байтуган тож
Старое Ермаково	1. Ермакова на Соку Утар илга тож 2. Верхняя Ермакова Утар илга тож
Новое Ермаково	1. Нижняя Ермакова на речке Соку Утар илга тож 2. Нижнее Ермаково Липовая гора
Камышла	Камышлы что по Соку реке на речке Камышлы Ак Усады тож
Старая Балыкла	Давыдкина Балыкла на р. Тельгазе (Телегас)
Новое Усманово	1. Надырова Янаилгу Балыкла Тамак тож 2. Надырово Якшигут-Янгикул (Янгаул) Балыкла Тамак тож 3. Новая Усманова Якшигуль тож 4. Новая Надырова Якишгуль Бахлыкликкуль тож 5. Надырова Якшигуль Илга Тамак тож

Этносословная характеристика населения некоторых деревень представлена в табл. 3.

Этносоциальные характеристики селений. Русская колонизация достигла в этот период заметных масштабов, поэтому ожидаемо наиболее значительной по численности была социальная группа помещичьих крестьян (их насчитывалось около 26 тысяч человек). Второй по численности была категория ясачных татар (2758 душ обоего пола, из них 765 татар, выполняющих ямскую повинность). Тептярей и бобылей насчитывалось в округе 2165 мужчин и женщин, а служилых татар и муз – 1227 человек. Наименее многочисленными были группы татар-новокрещен 203 человека и тархан (19 мужчин и 23 женщины).

В начале XVIII в. в Волго-Уральском регионе происходит массовое переселенческое движение татар, связанное с комплексом социально-экономических и идеологических (христианизация нерусских народностей Поволжья) причин. Как известно, на землях тогдашней Оренбургской губернии в XVIII–XIX вв. наиболее массовой категорией тюркских переселенцев были ясачные татары, тептяри (пользовавшиеся

землей по письменному договору) и бобыли (по устному договору) из татар, чувашей, марийцев [4].

Оренбургской губернской канцелярией указом от 31 января 1771 года было предписано не допускать самовольного поселения татар, мордвы и чувашей из Казанской и других губерний в Оренбургскую губернию: переселенцы «заселяются по большей части по припуску Уфимской провинции и в Богуйминском уезде башкиров и татар»,

Таблица 3

**Сведения о населении некоторых тюркских деревень Надыровской волости
Бугурусланской округи Уфимского наместничества в конце XVIII века**

Населенный пункт	Наличных мужского пола душ в 1795	Наличных женского пола душ в 1795	Наличных мужского пола душ в 1795	Наличных женского пола душ в 1795	Наличных муж. п. душ прочих категорий
	Тептяри, бобыли		Ясачные татары		Прочие
Верхняя Ермакова Байтуган тож	–	–	120	94	9 (ямские татары) 125 (чувашин- новокрещены) Служилые татары (нет данных) Татары новокрещены
Надырова Бакаева Акана елга тож	29	42	90	115	–
Надырова Якшигуль илга Тамак тож	46	59	–	–	–
Камышлы	100	119	62	69	5 (служилые татары)
Нижняя Ермакова на речке Соку Утар илга тож	69	80	–	–	64 (служилые татары); 33 (ямские тептяри)
Старое Усманово	–	–	39	55	3 (служилые татары)
Новое Усманово	–	–	–	–	95 (служилые татары)
Давыдкина Балыкла	–	–	158	156	28 (служилые татары)

Примечание. Составлено по: ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 9, 11, 16; ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 846.

власти требовали от башкирских и татарских сотников и старшин не допускать самовольного допуска татар новокрещен на земли татар и башкир «без указа» [5, с. 79].

Надыровская волость не была исключением: основная масса татарских поселенцев относилась к категории тептярей и ясачных татар, занимавшихся земледельческим трудом. К примеру, одно из самых крупных и старых селений «байтуган-сокского куста» – Верхнее Ермаково Байтуган – населяли тептяри, а также ясачные татары, исправляющие почтовую гоньбу (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 11; ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 20).

Новомосковскую, столбовую дорогу из Бугульмы в Бугуруслан (далее она шла в Оренбург) обслуживали т.н. чемоданные, ямские, татары из категории ясачных крестьян. Во всем «кусту» насчитывалось 223 двора ямских татар, 634 мужчины и 537 женщин (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1876). Интересующие нас селения (Верхнее Ермаково, Нижнее Ермаково, Камышла, Бакаево) «отправляли гоньбу в полном подушном окладе по указу 6 июня 1757 года № 7079» и не исправляли рекрутскую повинность (ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 9. Л. 15, 161; Д. 11. Л. 108). В 1827 году «чемоданные татары» имелись в Камышле (89 душ мужского пола), Нижнем Ермаково (в 60 мужчин), Верхнем Ермаково, Бакаево. В 1829 году часть «чемоданных татар» стала подавать прошения на переход в башкирское сословие (ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9847. Л. 80).

В конце XVIII – начале XIX в. служилые мурзы и татары проживали в том числе в Верхнем Ермаково, Бакаево и Балыкле (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 11). Согласно ревизии 1795 года, служилые татары деревни Надырова Бакаева Аканаилга тож Надыровской волости Уфимского наместничества Бугурусланской округи находились в распоряжении старшины Абдулвагапа Мюсеева (ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 11). Тогда же в Давыдкиной Балыкле 14 служилых мурз во главе с Рафиком Валишевым сыном Енгальчевым подали прошение в Оренбургскую губернскую казенную палату, чтобы в ревизских сказках их отделили от ясачных «по мурзинскому нашему званию» (ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 9. Л. 132 об.).

В имеющейся литературе практически не содержатся упоминания о переселении на данные территории служилых мишарей. Материалы ревизий свидетельствуют, что в 1764 году прошение о зачислении их в подушный оклад д. Ермаковой подали мишаре – служилые татары и новокрещены Симбирского уезда деревни Ислаевой Зимницы тож Абдрязяк Курмаев сотоварищи. Интересы переселенцев представляли выборные служилых татар из Зимниц: Велиша Аделов, Исмаил Сюлеев, Алтынбай Осипов; Биктей Темаев, Мосейка Темаев; из д. Новый Атлаш – Мурсалим Курмаев; из д. Зериклей Лебяжье тож – Курмай Батеев; из д. Старой Ишли – Асан Сеинов; из д. Новой Кулатки – Максют Мурсеев, Усман и Уразмет Мурсеев. Всего было положено в подушный оклад 37 мужского пола душ, в наличии оказалась 61 душа (из них 16 женщин) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 781–783). Деревни, откуда пришли переселенцы, ранее были заселены мишарями [6].

Особая категория землевладельцев Надыровской волости – тарханы, имевшие наиболее высокий социальный статус. Предки Надыра Уразметева в 921 и 933 гг. (по григорианскому летосчислению – 1516 и 1526 гг.) при казанских ханах Мухамет-Амине и Сафа-Гирее были жалованы тарханскими грамотами [1]. 1776 годом датируется челобитная Уфимского уезда Надыровской волости башкирского старшины Юсупа Надырова о причислении его к тарханам [7, с. 1].

«Потомки этих тархан, проживавшие в д. Ермаково нынешней Самарской области, в своей “летописи” утверждали, что их предкам были дарованы земли в районе Бугульмы. Видимо, имея поместья на Нагорной стороне Волги и в окрестностях Казани, своими вотчинными землями на периферии ханства по р. Зай они владели лишь наездами. Позднее потомки этих тарханов как переселенцы из Казанского уезда фигурируют в источниках как служилые и ясачные татары» [1]. По рапортам старшин в Уфимской провинции с 1760 по 1767 годы насчитывалось до 654 человек, имевших тарханское достоинство [7, с. 47].

До нас дошли имена еще одной привилегированной категории, старшин, интересующих нас деревень: в Надыровой Бакаевой служилые татары, тептяри и бобыли подчинялись старшинам Моксею Мосееву, позже – Абдулвагапу Мюсееву и Манасыпу Юсупову (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 177–183; ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 9. Л. 35; Д. 11).

Надыровская волость в этноконфессиональном плане была разнородным административно-территориальным субъектом. По вероисповеданию и этнической принадлежности значительную группу представляли тюркские народы (татары, башкиры), исповедовавшие ислам. Тюрки-чуваши могли иметь как политеистические, так и христианские воззрения, частично шел процесс их исламизации [8]. Русские, мордва, часть чувашей и крещеных татар причисляли себя к православным христианам.

Интересен вопрос о количестве крещеных татар в изучаемых селениях. С уверенностью можно сказать, что он был весьма незначителен: по сведениям конца XVIII века, например, в Верхнем и Нижнем Ермаково насчитывалось только семь татарских мужчин, принявших крещение (ГАОО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 21). Подобная картина была характерна практически для всех селений «байтугано-сокского» куста. Исключение составляла деревня Назаровка, в которой проживали «старокрещеные» татары.

В ситуации доминирования исламской традиции в изучаемом ареале закономерно шел процесс формирования религиозной элиты, имевшей высокий социальный статус, активно участвовавшей во взаимодействии с властями. О многих из них мы узнаем из материалов ревизий, так как именно они вместе с выборными из обществ визировали документы арабской вязью, подтверждая достоверность приведенных данных. Так, в 1803 году вместо поверенного из татар Верхней Ермаковой М. Муксимова, который за неграмотностью приложил свою тамгу, расписался мулла Габдель Явкаев (РГАДА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 5–5 об.). В 1795 году «сказку» по Камышле визировал мулла Хусаметдин Явкаев (ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 9. Л. 51).

Таблица 4

Данные о населении деревни Старое Усманово на рубеже XVIII–XIX вв.

Этнич. группа	Кол-во дворов	Число душ по ревизии 1795 года		Наличных душ в 1804 году	
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
чуваши	40	130	130	128	150
мордва	2	6	4	7	7
татары	19	39	48	41	68
татары-переселенцы из Новой Надыровой	15	40	39	Нет данных	Нет данных
ИТОГО:	76	215	221	176	225

Примечание. Составлено по: ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 37. Д. 170.

Нельзя не отметить еще одну важную характеристику развития поселений Надыровской волости, которая является вполне типичной для многих ареалов Волго-Уральского региона. Обращает на себя внимание полиэтничность, смешанность национального состава, связанная со спецификой колонизационных процессов, активной чувашско-татаро-башкирской куплей-продажей земель⁵, историей этого стыкового региона (фактически границы бывшего Казанского ханства) [9], до этого периода входившего в зону влияния ногайской кочевой империи [10].

Во многих случаях мы имеем дело не только с этносословной характеристикой («служилые татары», «ясачные чуваше» и пр.), но и с чисто этническими моментами, что вполне объяснимо, так как многие татарские селения рождались на землях, при-

надлежавших ранее чувашам и представителям иных народностей. Нами зафиксированы факты совместного проживания татар с мордвой, например в Новом Мансуркино, где в конце XVIII века совместно проживали крещеная мордва, крещеные и некрещеные татары (ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 20).

Населенный пункт Верхнее Ермаково Байтуган, который еще в конце XVIII века представлял собой единое селение с русско-чувашско-татарским компонентом, и Старое Усманово, являясь одними из наиболее древних селений данного ареала, исторически сформировались как смешанные поселения (см. табл. 4).

В заключение следует отметить, что изучаемый северо-восточный ареал расселения тюрков в границах тогдашней Надыровской волости испытывал на себе влияние массы внешних факторов, определявших общий вектор колонизационных процессов в Самарском Поволжье. Интересующие нас поселения, как и многие иные, формировались диахронно, в процессе разнонаправленной правительственной и вольной колонизации многих этносословных групп. Межевые материалы и данные ревизий дают возможность реконструировать основные черты их социально-демографического, этнического развития в период середины XVIII – середины XIX веков, а также помогают уточнить отдельные факты их ранней истории.

Примечания

¹ В течение нескольких столетий на землях будущей Самарской губернии развивались селения северо-восточного тюркского ареала (т. н. «байтугано-сокский» куст), расположенные по берегам р. Сок и ее притоков. Он до середины XIX века входил в состав Бугурусланского уезда Оренбургской губернии: ныне – в составе Камышлинского (13 поселений), Похвистневского (8), Челно-Вершинского (7), Шенталинского (4), Клявлинского (1) районов Самарской области.

² Надыровская волость – административно-территориальная единица, существовавшая в XVIII–XIX вв. на землях современного Татарстана (Альметьевский, Черемшанский, Лениногорский, Бугульминский, Азнакаевский районы); Клявлинского, Камышлинского районов Самарской области. Получила свое наименование от имени татарина Надыра Уразметева. На территории волости, просуществовавшей до второй половины XIX в., находился весь «байтугано-сокский куст» самарских татарских деревень. Не случайно, многие из татарских селений на р. Сок имели второе или третье наименование – Надырово, Надыров-аул. В волости проживали татары, башкиры, чувашаи, мордва – припущенники, тептяри, то есть арендаторы, земель у башкир. Элита проживавших здесь башкир после подчинения Казанского ханства и Башкирии получила право сдавать свои вотчинные угодья в аренду, но не продавать их (это право продажи появилось после 1736 г.). Эта элита именовалась «тарханы». Потомки башкир-тархан проживали в д. Ермаково и Алькино [1].

³ О Кутлугуше-тархане см. подробнее: [1].

⁴ Происходило определение границ между современным татарским Новым Усмановым, селцом Кротовкой (владения помещика Степана Кроткого) и служилыми и ясачными татарами современной Старой Балыклы.

⁵ О некоторых фактах подробно пишет Е.А. Ягафова: в Надыровской волости к началу расселения здесь чувашей существовало несколько татарских деревень: Апчикеево (9 м.п.д. по второй ревизии), Денискино или Бихметево (39 м.п.д.)». В 1730 году Сенат признал эти земли свободными для покупки. Чувашаи покупали земли, где были эти деревни, у служилых татар д. Малые Тарханы Свяжского уезда у Надыра Биккулова и Бихмета Уткина. В 1750-е годы на татарских землях возникают еще 22 чувашские деревни [5, с. 59].

Библиографический список

1. Амирханов Р., Габдуллин И. Надыровская волость. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7> (дата обращения: 07.07.2014).
2. Ведерникова Т. И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII–XIX вв. // Проблемы истории СССР. Вып. XII. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 87–95.

3. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1996.
4. Исхаков Д.М. Телтяри. Опыт этностатистического изучения // Советская этнография. 1979. № 4.
5. Ягафова Е.А. Самарские чувашы (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998.
6. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864 // Записки Императорской Академии наук. Т. 4. Кн. 2. Прил. 6.
8. Ягафова Е.А. Чувашы-мусульмане в XVIII – начале XXI вв.: монография. Самара: ПГСГА, 2009.
9. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.
10. Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2014.

References

1. Amirhanov R., Gabdullin I. Nadyrovskaya volost' [Nadyrovsky volost]. Retrieved from: <http://www.tataroved.ru/publication/almety/7/7> (accessed July 7, 2014) [in Russian].
2. Vedernikova T.I. Rasselenie tatar v Stepnom Zavolzh'e (Samarskoi gubernii) v XVIII–XIX vv. [Resettlement of Tatars in the Steppe Transvolga Region (Samara Province) in the XVIII–XIX centuries] in *Problemy istorii SSSR. Vyp. XII* [Problems of the history of the USSR. Issue XII]. M.: Izd-vo MGU, 1982, pp. 87–95 [in Russian].
3. Barashkov V.F., Dubman E.L., Smirnov Yu.N. Samarskaya toponimika [Samara toponymy]. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 1996 [in Russian].
4. Iskhakov D.M. Teptyari. Opyt etnostatisticheskogo izucheniia [Teptyars. Experience of ethno statistical study]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1979, no. 4 [in Russian].
5. Yagafova E.A. Samarskie chuvashi (istoriko-etnograficheskie ocherki). Konets XVII – nachalo XX vv. [Samara Chuvash (historical and ethno geographical essays). End of the XVII–beginning of the XX century]. Samara: IEKA «Povolzh'e», 1998 [in Russian].
6. Mukhamedova R.G. Tatory-mishari: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [The Mishar Tatars: historical and ethno geographical research]. Kazan: Magarif, 2008 [in Russian].
7. Vel'yaminov-Zernov V.V. Istochniki dlia izucheniia tarkhanstva, zhalovannogo bashkiram russkimi gosudariami [Sources for the study of tarkhan granted to the Bashkirs by the Russian rulers]. SPb., 1864 in *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk* [Transactions of Caesarian Academy of Sciences], Vol. 4, Book 2, Appendix 6 [in Russian].
8. Yagafova E.A. Chuvashi-musul'mane v XVIII-nachale XXI vv.: Monografiya [Chuvash-Muslims in the XVIII – beginning of the XXI century: Monograph]. Samara: PГСГА, 2009 [in Russian].
9. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. «Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.). Chast' 2: Zaselenie regiona i etnodemograficheskaya situatsiya [«Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the XX century). Part 2. Colonization of the Region and ethno demographic situation]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014, 254 p. [in Russian].
10. Trepavlov V.V. «Orda samovol'naya»: kочеваia imperiia nogaeв XV–XVII vv. [«Horde arbitrary»: nomadic empire of nogais of the XV–XVII centuries]. M.: Kvadriga, 2014 [in Russian].

Yu.N. Guseva, P.S. Kabytov*

**BOUNDARY AFFAIRS OF SETTLEMENTS OF THE NADYROVSKY VOLOST
IN THE MIDDLE OF THE XVIII–XIX CENTURIES AND THE HISTORY
OF TURKIC VILLAGES OF THE SAMARA VOLGA REGION****

The article is written on the basis of analysis of archive documents and materials. In the article an attempt of reconstruction of history of the Turkic settlements of the Samara Region which were in the XVIII–XIX centuries a part of the Nadyrovsky volost (Ufa county; later Buguruslan county of the Orenburg province, and since 1851 – as a part of the Samara province) is made. Based on a wide range of archive documents, issues of social and economic, demographic development of Turkic villages of the northeast area of the territory of future Samara province which was a part of a special administrative and territorial unit – the Nadyrovsky volost are considered. This volost was one of the most densely populated cosmopolitan areas with obvious prevalence of a Turkic ethno element. For the first time features of land ownership of various ethnoclass groups are considered (teptyar, solitary men, yasachny Tatars, service class Tatars, the Chuvash, the Bashkirs), specifics of their economic and demographic development come to light. The special attention is paid to the issues of chronology and toponymy of Turkic settlements of the Nadyrovsky volost.

Key words: Turkic people, Tatars, Samara Volga Region, Nadyrovsky volost, Tatar settlements of the Samara Region.

Статья поступила в редакцию 21/II/2016.
The article received 21/II/2016.

* Guseva Yulia Nikolaevna (guseva@sfmgpu.ru), Department of History, International Law and Foreign Region Study, Samara brunch of Moscow City Teacher Training University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443110, Russian Federation.

Kabytov Petr Serafimovich (don.kabytov2012@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The work is prepared with assistance of the Russian Foundation for the Humanities, grant 15-11-63007 «The Tatar settlements of the Samara Region: genesis and dynamics of development in the XVI – beginning of the 20 century».

ТОРГОВЛЯ ЧАЕМ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Основным напитком многонационального населения Южного Урала в XIX в. стал чай, привозившийся из Китая через Сибирь. Главным центром чайной торговли сначала был Мензелинск, потом Уфа, где проводились большие ярмарки. Чай также продавался на всех более мелких ярмарках Оренбургской губернии. В конце XIX в. возросли поставки чая из морских портов, но в начале XX в. снова доминировал китайский чай из Сибири. Обороты чайного рынка в Уфимской губернии составляли миллионы рублей. К началу XX в. сложилась система региональной чайной торговли, в сельской местности она совмещала в основном продажу чая с сахаром. Уфа стала одним из важнейших в России центров оптовой чайной торговли. Здесь действовали крупнейшие чаеоторговые фирмы Высоцкого, Грибушиной, «Караван» и Кузнецова, была открыта чаеразвесочная фабрика.

Показано, что к началу XX в. среди многонационального населения Южного Урала сформировалась устойчивая и массовая культура потребления чая. Силу этой традиции даже пытались использовать в борьбе с пьянством, открывая народные чайные по всей Уфимской губернии.

Ключевые слова: чай, торговля, Южный Урал, Уфа.

Чай, главный безалкогольный напиток многонационального населения Южного Урала (Оренбургская губерния, с 1865 г. – Уфимская губерния), по свидетельствам историков и этнографов, стал воистину всенародным любимцем в XIX в. В 1846 г. путешественнику на ямской станции настаивали «чай на канфоре», в 1851 г. писатель В.В. Зефиров с друзьями вечером сидел у костра на берегу реки Белой: «вот вам чай, вот вам водка», в 1852 г. в путеводителе об Уфе говорилось: «Чай продается от 1 р. 50 к. до 2 р. за фунт». Большими любителями чая были башкиры, которые предпочитали «чай черный как кофе» за самоваром. Современник отмечал в 1858 г., что «вообще между башкирами чай и мед всех сортов играют важную роль» [12]. А в рекламных объявлениях за 1862 г. встречаем упоминание о продававшейся помещиком чайной посуде – каменной (керамика) и стеклянной [12, с. 73, 84, 110–111, 128, 158]. Но надежные статистические сведения имеются пока только с 1860-х гг., а главным способом торговли чаем были ярмарки.

В регионе действовала целая сеть ярмарок в крупнейших городах, куда оптовые торговцы привозили большое количество чая. Здесь закупало чай население (горожане и жители пригородных деревень), отсюда мелкие торговцы развозили партии чая по многочисленным сельским ярмаркам и еженедельным базарам. Чай как продукт отличается длительностью хранения, поэтому закупаемые на ежегодных ярмарках ящики или весовой чай могли постепенно распродаваться месяцами.

* © Роднов М.И., Макарова В.Н., 2016

Роднов Михаил Игоревич (rodnov@ufacom.ru), Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН, 450054, Российская Федерация, г. Уфа, пр. Октября, 71.

Макарова Вера Николаевна (vnmasc@mail.ru), Национальный музей Республики Башкортостан, 450008, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Советская, 14.

Например, в 1864 г. на зимнюю ярмарку в уездном городе Бирске было привезено чая на 40 тыс. руб., а продано на 12 тыс. руб. [9, 1864, 22 февраля]. На ярмарку в крупном торговом селе Бакалы (Белебеевский уезд), проходившей со 2 по 9 февраля 1866 г., привезли чая на 15 тыс. руб., продали на 3 тыс. руб. [9, 1866, 16 апреля] В Бирске в 1866 г. на ярмарке с 15 по 22 января привоз чая составил 32 тыс. руб. [9, 1866, 26 февраля] Уже в начале 1860-х гг. чайная торговля была неотъемлемой частью ярмарочных сделок, обороты исчислялись многими тысячами рублей.

На территории Уфимской губернии действовала одна из крупнейших во всей стране Мензелинская ярмарка, входившая в общероссийскую систему ярмарочной торговли, когда оптовые поставщики переезжали со своими грузами с одной крупной ярмарки на другую. Небольшой город Мензелинск был расположен рядом с крупнейшей транспортной артерией – рекой Камой, здесь велась большая торговля лошадьми (для коноводных судов и крестьян), отсюда товары поступали в гражданскую столицу края – город Уфу, другие города и селения.

Особенностью Южного Урала (Оренбургской / Уфимской губернии) было преобладание поставок основных товаров с запада, из Казани и Нижнего Новгорода, с которыми существовало надежное сообщение по Волге, Каме и Белой. С промышленными центрами Среднего Урала и Западной Сибири край соединяли лишь гужевые пути через Уральские горы, перевозка по которым была трудоемкой и дорогой.

Это относится и к чайной торговле. Главный маршрут поставок китайского чая в Россию из Кяхты [см.: 1] через Сибирь пролегал значительно севернее Уфы (через Ирбитскую ярмарку). Основное количество чая поступало сначала в Казань и соседние торговые центры, а уже оттуда товар перевозился на юго-восток, в Башкирию.

Большие объемы торгового оборота на Мензелинской ярмарке привлекали внимание современников, поэтому сохранилось немало статистических данных. Так, по сведениям В.Н. Иванова, в 1856 г. на Мензелинскую ярмарку было привезено чая на 73 тыс. руб., а продано на 61 тыс. руб., в 1857 г. – соответственно на 175,3 тыс. и 162 тыс. руб. [9, 1857, 30 марта]. Как видно, объемы чайной торговли в Мензелинске значительно превышали товарооборот на более мелких ярмарках (Бирск, Бакалы). Именно Мензелинск до открытия железнодорожного сообщения от Самары до Уфы в 1888 г. являлся главными «чайными» воротами Южного Урала. Через среднеазиатскую торговлю чай не поступал, наоборот, из Оренбурга и Троицка экспортировался чай [7].

В 1866 г. на Мензелинскую ярмарку, проходившую с 26 декабря 1865 г. по 12 января 1866 г. (традиционные сроки проведения), поступило чая Кяхтинского на 400 тыс. руб. (продано на 20 тыс.), Кантонского на 100 тыс. (10 тыс.) и кирпичного на 50 тыс. руб. (был продан весь) [9, 1866, 12 марта].

Специально изучавший работу Мензелинской ярмарки в 1872 г. уфимский статистик Н.А. Гурвич отметил, что чай, сахар, бакалейный товар поступил сюда из Елабуги, Москвы, Казани и Кунгура (город на юге Пермской губернии, через который проходил чайный трафик в Россию), а также от своих, мензелинских торговцев. На ярмарке было специально устроено 32 торговых места под чайную торговлю (сдано в аренду 27). Каждое торговое место (помещение, деревянная лавка) было размером 4,5 аршина в длину и 6 аршин в ширину (аршин = 0,71 м). Арендатор платил городу по 30 руб. за место (всего собрали 780 руб.) [3, с. 17] (см. табл. на с. 30).

На Мензелинской ярмарке зимой 1883–1884 гг., по сведениям городского головы А.Г. Попкова, чаем торговали на главной торговой площади. Чаю Кяхтинского было привезено 3500 ящиков на сумму 360,5 тыс. руб. по цене от 110 до 150 руб. за ящик. Весь чай был реализован. Кантонского чая поступило 4000 ящиков на сумму 400 тыс. руб., по средним ценам от 75 до 140 руб. Он также был весь распродан. И, наконец, дешевого «досчатого» чая в Мензелинск доставили 2800 ящиков на сумму 218 тыс. руб. Он продавался от 70 до 100 руб. за ящик, было куплено 2000 ящиков на 201 тыс. руб.

На отдельном мытном дворе в Мензелинске продавались чайные ширы. Шира (китайск.) – бычья или конская шкура, в которую зашивались чайные цыбики (ящики) для сохранности во время караванной перевозки [13, с. 77]. Всего в ту ярмарку в

Мензелинске было продано 149 штук чайных широв по цене от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. [4, с. 59, 61] Торговля чайными ширами свидетельствует, что сюда поступала нераспакованная караванная тара. Доставленный из Кяхты груз чайные торговцы сразу переправляли на местные ярмарки.

Но одновременно в Мензелинск поступал чай из Западной Европы через Петербург, он именовался кантонским (по городу Кантону, совр. Гуанчжоу). Ценился он не так высоко, как кяхтинский чай, потому что при перевозке морем частично терял в качестве. Обратим внимание, что в 1884 г. кантонского чая привезли ящиков ненамного меньше, чем кяхтинского и кирпичного (досчатого), – 4000 против 6300 ящиков. Сказывалась серьезная конкуренция в транспортировке чая.

Уже в 1862 г. заработала Московско-Нижегородская железная дорога, соединившая крупнейший порт на Волге с Москвой и Петербургом, а через него с западноевропейскими рынками. Себестоимость доставки чая из южного Китая морем в Санкт-Петербург, оттуда по стальной магистрали в Нижний, затем пароходами в Казань и другие города становилась ниже, а скорость – выше, чем многомесячный караванный путь сквозь всю Сибирь и Урал.

Скорее всего, по старинному караванному маршруту доставлялся и кирпичный (досчатый) чай, который почти не употребляют в Западной Европе. Это низший сорт обыкновенного китайского чая (делали в северных провинциях Китая), с помощью клея спрессованный в плитки, формой похожие на кирпичи. Он употреблялся народами Сибири, особенно калмыками и бурятами. По сведениям этнографов, у башкир кирпичный чай хотя тоже был распространен (как обычный напиток, без примесей), но употребляли его в основном более бедные слои населения. Зажиточный башкиры и татары пили байховый чай.

В Уфе, крупнейшем городе и административной столице Южного Урала, тоже изначально доминировала ярмарочная торговля чаем. В Уфе зимой проводилась своя, более скромная, чем в Мензелинске, ярмарка. На центральной Верхне-Торговой площади первая (лучшая) линия отводилась под бумажный, чайный и пр. товары. На уфимской ярмарке в 1871 г. из 20 номеров (лавок) было занято 15, восемь купцов продавали бумажные товары (ткани), чай и сахар. Причем весь чай и сахар в Уфе был привозный, собственных запасов для торговли уфимские предприниматели не имели.

Так, в 1871 г. чай и сахар доставили из Казани (на 44 720 руб.), Елабуги (28 050 руб.), Бирска (6600 руб.), Мензелинска (10 300 руб.) и Лаишева (7958 руб.). Общий привоз составил 97 628 руб., а продали на сумму 53 060 руб. Все поставки чая в Уфу происходили с запада, не случайно он учитывался вместе с сахаром, чем сибирские чаеторговцы не занимались.

Уфимская ярмарка в 1880 г. подтвердила тенденцию. Чай с сахаром по-прежнему продавались в первой линии (8 торговых мест занято из 20-ти), везли их с Мензелинской ярмарки, Нижнего Новгорода, Москвы, Казани, продавали и уфимские купцы чай. Общий привоз составил 79 450 руб., продали на 30 700 руб.

Анализ оборотов уфимской ярмарки позволяет увидеть сокращение торговли. На ярмарке с 15 января по 5 февраля 1884 г. в Уфе чай и сахар можно было приобрести всего у пяти купцов. При этом уфимские торговцы предложили покупателям собственные запасы чая и сахара на 4 тыс. руб., да еще из окрестностей в Уфимском уезде доставили на 5,5 тыс. руб. Тогда как с Бирской ярмарки привезли чая и сахара на 4500 руб., а с Мензелинской – всего лишь на 1800 руб. Общий привоз – 15 800 руб., удалось сбыть 6700 руб. Чай и сахар являлись одними из самых рентабельных товаров на ярмарке, было продано 42,5 % привезенного груза [4, с. 22, 24, 26, 28–30, 33–34, 64–65].

В этом и скрывалась причина падения оборотов ярмарочной чайной торговли в Уфе. Наличие устойчивого круглогодичного спроса со стороны зажиточных слоев горожан на чай и сопутствующие товары способствовало накоплению запасов в городе (чай легко транспортируется в любое время года даже по плохим гужевым путям, пароходы теперь постоянно ходили до Уфы) и постепенному переходу к регулируемой магазинной торговле.

К концу XIX в. ярмарочная торговля резко сокращается, после проведения железной дороги в 1888 г. открылось круглогодичное сообщение с центром страны и, скорее всего, стал преобладать чай «с запада», а не из Сибири. В Уфе складывается сеть постоянно функционирующих гастрономических и бакалейных магазинов, где чай постоянно стоял на прилавках в самой различной фасовке и по любым ценам.

А к началу XX в. заработал Транссиб и старый кяхтинский чай получил удобный путь к покупателям Урала. Возросла скорость доставки, снизились расходы, китайский чай стал конкурентоспособным. Уфимцы и жители Башкирии в основном потребляли китайский чай.

Так, в 1900 г. со станций Сибирской железной дороги в Уфу было отправлено чая из Мишкино – 9 пуд., Кургана – 803 пуд., Петропавловска – 22 пуд., Омска – 126 пуд., Красноярска – 1507 пуд., Иркутска – 39 699 пуд. и со станции Иркутск-город – 56 173 пуд. малой скоростью и 50 пуд. большой скоростью [15, с. 62, 64, 65, 67, 245]. Именно Иркутск, куда караванами подвозили чай из Кяхты, являлся основным поставщиком чая в Уфу.

Анализ уфимской рекламы конца XIX – начала XX вв. показывает слабое присутствие рекламы чая. Он стал обыденным продуктом, который подавали в многочисленных ресторанах, чайных и трактирах, в гостиницах и номерах, в лавке любого мелкого предпринимателя стояли жестяные красивые коробочки с разнообразным чаем. Чай как бы разделил судьбу хлебобулочных изделий, которые тоже стали обыкновенным, каждодневным товаром, рекламировать его было излишне [11].

Рынок чайной торговли в масштабах Уфимской губернии можно приблизительно установить по работе В.П. Семенова-Тян-Шанского и Н.М. Штруппа [14, с. 5, 57–70]. Сведения, собранные в 1909–1911 гг. по карточкам, поступившим из региона, позволяют увидеть масштабы и особенности чайной торговли в Уфимской губернии накануне Первой мировой войны.

Авторы разбили Уфимскую губернию на несколько районов вокруг главных торгово-промышленных городов и селений. Выделяется четыре центра, куда поступали основные массы чая и откуда он перераспределялся внутри региона.

Первый – расположенные рядом на Самаро-Златоустовской железной дороге станция Абдуллино (относилась к Самарской, но стояла на самой границе с Уфимской губернией) и уездный город Белебей. В Абдуллино прибывало 7 тыс. пуд. чая: из Самары (4 тыс. пуд.), Уфы (1) и Сибири (1). В Белебей подвозилось по железной дороге 32 тыс. пуд. чая, а поставщиками выступали Иркутск (17), Уфа (12) и Самара (2 тыс. пуд.). Из Белебея 1 тыс. пуд. чая отправлялась в окрестные местности, деревенские мелкие торговцы здесь закупали мелкооптовые партии.

Вторым центром приемки чайных грузов являлись два района на берегу Камы – Касевский (центр: большая пристань Николо-Березовка) и Челнинский (Набережные Челны). Чай сюда прибывал речным транспортом, в Касевский район – 3 тыс. пуд., из Перми (2) и соседнего Осинского района (1), центр которого городок Оса стоит на Каме. В Челны чай (1 тыс. пуд.) подвозили из Уфы и Перми. Сюда примыкал уездный город Бирск, принимавший 6 тыс. пуд. чая тоже речными судами.

Третий район – это горные заводы (совр. Челябинская область), центрами чайной торговли здесь были уездный город Златоуст, принимавший 14 тыс. пуд. чая из Челябинского (4), Уфимского (2) и др. районов, а также из Сибири (6), а затем Симско-Катавский район. В последний подвозили 12 тыс. пуд. чая из Уфы (6), Сибири (2), Челябинска (2), Москвы (1) и Екатеринбурга (1 тыс. пуд.). На расположенные на железной дороге заводы поступал чай и с запада, и с востока.

Наконец, главным являлся последний центр – Уфа, центр всей чайной торговли Южного Урала. В Уфу привозили 166 тыс. пуд. чая, больше чем во все остальные торговые центры Уфимской губернии вместе взятые. Лишь небольшая доля чая поступала водным путем (16 тыс. пуд.) из Казани, основные поставки чая шли главным образом по железной дороге (150 тыс. пуд.): из Сибири (116), Москвы (20), Челябинска (7), Одессы (2), Екатеринбурга (1), Самары (1), Перми (1) и пр.

Отметим упавшую роль Мензелинской ярмарки, с которой даже не удалось получить сведений. Торговля здесь производилась преимущественно «путем неподдающихся учету гужевых перевозок, причем наибольшее тяготение обнаруживается к Елабуге и Пьяноборскому району».

Если исключить внутригубернские перевозки из Уфы, то всего в Уфимскую губернию в начале 1910-х гг. поступал чай из Москвы (21 тыс. пуд.), Казани (22, включим сюда привоз в Бирск), Перми и Осы (4,5), Самары (4), Одессы (2). Но абсолютно доминировал на уфимском чайном рынке китайский чай, который привозили из Сибири (142 тыс. пуд.), да и привоз из Челябинска (9) и Екатеринбурга (2 тыс. пуд.), наверняка, являлся перепродажей того же китайского чая.

Одновременно Уфа стала крупным распределительным центром оптовой торговли чаем. К 1911 г. в Уфе действовали четыре крупные чайные фирмы, занимавшиеся оптовой и мелкооптовой торговлей, имевшие в Уфе крупные помещения и производившие фасовку поступавшего чайного листа. В самом центре города находились конторы известных чайных фирм Товарищество Высоцкого, Грибушиной, «Караван» и Кузнецова [16, с. 258].

Из Уфы партии чая сбывались водным путем (34 тыс. пуд.), преимущественно в Нижний Новгород и Казань, по железной дороге чай вывозился (36 тыс. пуд.) в Белебеевский (12), Симско-Катавский (5) районы, Сибирь (3), Самарский (2), Златоустовский (2), Миасский (2), Челябинский (2) и др. районы, всего Уфа отгружала поставщикам 70 тыс. пуд. чая.

В самой Уфимской губернии сложилась разветвленная система розничной и мелкооптовой чайной торговли, но специализированные магазины продажи чая были редкостью, как, впрочем, и сейчас. Чай являлся «попутным» товаром, что показывают данные Семенова-Тян-Шанского (см. табл. на с. 30).

В данной таблице отсутствует Благовещенско-Уфимский пригородный район, по которому нет сведений о чайной торговле, наверняка из-за близости к городу Уфе. Чай оставался одним из основных товаров и на уфимской ярмарке, она проводилась с 27 января по 7 февраля, скорее всего, ярмарка стала местом мелкооптовых закупок.

Из таблицы трудно выделить долю непосредственно чая в торговле. Чай продавался вместе с сахаром и многими иными товарами; лавки и магазины, как в современных супермаркетах, предлагали покупателю широкий выбор продуктов и промышленных товаров. Одно несомненно: обороты чайного рынка в Уфимской губернии исчислялись миллионами.

Чаем торговали сотни, тысячи предпринимателей по всей Уфимской губернии. В воспоминаниях об уфимском купце М.М. Гирбасове потомки указывали, что «он сам три раза ездил в Пекин [...] и привозил оттуда всевозможные диковины, редкие шелка, безделушки, раковины» [6, с. 76].

Из оптовиков, занимавшихся продажей чая в начале XX в., в Уфе были представлены две самые крупные фирмы Российской империи: московские Товарищество «В. Высоцкий и К^о» и «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о». Их склады и магазины находились на Верхне-Торговой площади в самом престижном центре Уфы, обслуживая и рядового покупателя, и мелкооптового торговца.

Не случайно ведущие чайные фирмы России сосредоточили свою торговлю в Уфе, важнейшем распределительном центре, снабжавшем чаем весь Южный Урал, регион с населением свыше 3 млн чел. А еще одна крупная московская чаеоторговая фирма даже перешла от чистой торговли к созданию промышленного производства по переработке поступавшего в Уфу чая.

Одним из основных направлений бизнеса клана московских немцев Вогау с 1862 г. становится торговля чаем [10]. Торговый дом «Вогау и К^о», имевший крупную собственность на Южном Урале (ему принадлежали Белорецкие металлургические заводы), в 1893 г. учреждает дочернее АО «Караван», специально для торговли чаем. Фирма активно осваивает рынки Урала и Среднего Поволжья, открывает склады в Казани, Самаре, Оренбурге, Уральске, Перми, Екатеринбурге. Более того, фирма создает чаерассыпочные фабрики, где чай развешивался, делился по сортам и упаковывался. Их было всего три: главная в Москве, вторая – в крупнейшем порте на Черном море – Одессе, а третья – в Уфе.

Система розничной и мелкооптовой чайной торговли

Район	Оборот торговли чаем (тыс. руб.)
Абдуллинский	3
Белебеевский	мануфактурой с продажей чая и сахара (159)
Бакалинско-Матовский	мануфактурой с продажей чая и сахара (38)
Бирский	чаем и сахаром (26), мануфактурой с продажей чая и сахара (11)
Дюртюллинский	скупка хлеба часто ведется при торговле чаем и сахаром (410), чаем и сахаром (99), мануфактурой с продажей чая и сахара (26)
Чугановский	чаем и сахаром (400), мануфактурой, чаем и сахаром (113)
Касевский	чаем и сахаром (162), мануфактурой с продажей чая и сахара (8)
Мензелинский	хлебом, чаем и сахаром (81), чаем и сахаром (120), чаем, сахаром и хлебом (50), мануфактурой совместно с чаем и сахаром (100)
Челнинский	хлебом, чаем, сахаром и др. товаром (81), чаем и сахаром (76), мануфактурой, чаем и сахаром (50)
Заинский	чаем и сахаром (45)
Верхне-Таныпский	чаем и сахаром, отчасти совместно с мукой и красками (245), мануфактурой наполовину с бакалеей, чаем и сахаром (295)
Байкинский	чаем и сахаром (17), мануфактурой с продажей чая и сахара (12)
Дуванский	чаем и сахаром, совместно с мануфактурным товаром (117)
Златоустовский	мануфактурой совместно с продажей чая и сахара (115)
Симско-Катавский	чаем и сахаром (13)
Уфимский с городом	чаем и сахаром (2316), москательным и стеклянным товаром вместе с чаем и сахаром (98), мануфактурой, чаем и сахаром (809)
Стерлитамакский	чаем и сахаром (318)
Табынско-Торский	мануфактурной с продажей чая и сахара (131)

На Верхне-Торговой площади в центре Уфы был арендован участок земли и выстроен двухэтажный каменный корпус, к 1907 г. к нему добавился пристрой и третий этаж. Затем для фирмы «Караван» построили большое трехэтажное здание чаерассыпной фабрики на улице Уфимской (Чернышевского, 74). Стоимость фабрики с оборудованием составляла свыше 80 тыс. руб., общая же оценка недвижимого имущества торгового дома «Воган и К^о» в Уфе превышала 100 тыс. руб. [2, с. 143–145]. Наследием дореволюционного производства стала в советское время крупнейшая Уфимская чаеразвесочная фабрика, затем чайная фабрика «Теастан», созданная на базе эвакуированной из Москвы фабрики «Центрочай», бывшей кузнецовской.

С тремя крупнейшими московскими чайными фирмами (Высоцкого, Кузнецова и «Караван») на уфимском чайном рынке успешно конкурировал торговый дом купцов

Грибушиных. Им в центре Уфы принадлежало два магазина чайной торговли, розничной и оптовой.

Грибушины принадлежали к крупнейшим предпринимателям Перми [8], но уже во второй половине XIX в. семья обосновалась в Уфимской губернии. Недалеко от Уфы в большом селе и крупнейшей пристани на реке Белой Топорнино они приобрели дворянскую усадьбу, выстроили особняк и ряд предприятий. Здесь часто проводил летние месяцы основатель династии Михаил Иванович Грибушин, после смерти которого в 1889 г. был учрежден торговый дом «М.И. Грибушина наследники», куда вошли вдова Антонина Ивановна, руководившая бизнесом до своей смерти в 1911 г., а также сыновья Иннокентий, Сергей, Михаил и Николай.

Торговый дом Грибушиных имел склады и магазины в Уфе, Кунгуре, Екатеринбурге, Вятке, Топорнино, на ярмарках Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской, Бирской, Кундравинской, Осинской, Красноуфимской. В Перми и Уфе их работники развешивали чай, выписанный из Китая и Цейлона. Грибушиным принадлежали дома в Уфе и двухэтажный корпус на Верхне-Торговой площади [18, с. 183]. Семья отличалась благотворительностью [5]. В последние годы делами фирмы руководила Зоя Степановна Грибушина, вдова умершего в 1905 г. Иннокентия Михайловича Грибушина.

С принятием закона о товарных знаках в 1896 г. большое внимание стало уделяться фирменной упаковке и маркировке. Красочный прейскурант Товарищества «Караван» столетней давности представляет удивительное разнообразие ее видов. Чай продавался расфасованным в бумажные пачки, стеклянные и даже хрустальные чайницы, деревянные и жестяные коробки. Например, Грибушины одними из первых начали расфасовывать чайный товар и продавать его в мелкой упаковке (байховый, кирпичный, зеленый).

В Национальном музее Республики Башкортостан сохранились экспонаты от чайного рынка Уфы начала XX в.: мягкая упаковка фирмы «Караван», крышка от фанерного ящика, в котором транспортировались чайные грузы торгового дома Грибушиных, др. В 1996 г. прошла выставка, посвященная традициям чайной культуры и истории его распространения в крае.

К началу XX в. среди многонационального населения Южного Урала сформировалась устойчивая и массовая культура потребления чая. Силу этой традиции даже пытались использовать в борьбе с пьянством, открывая народные чайные по всей Уфимской губернии [17, с. 23–24]. Сначала на уфимском чайном рынке прочно господствовал кяхтинский чай, доставлявшийся из Китая через Сибирь и Урал, главным же центром оптовой торговли чаем в XIX в. являлся Мензелинск с его знаменитой ярмаркой.

Примерно в 1860–1880-е гг. кяхтинский чай потеснил кантонский, доставлявшийся морем в Санкт-Петербург, а оттуда по железным дорогам и речными пароходами в Уфу, но с открытием в начале XX в. Транссибирской магистрали прямые поставки чая из Китая через Сибирь снова стали доминирующими. В 1900-е гг. абсолютным центром чайной торговли на Южном Урале становится Уфа, здесь открывают свои филиалы четыре крупнейшие чайные фирмы Российской империи. Именно в Уфе фирмой «Караван» строится одна из трех на всю страну чаеразвесочных фабрик. Традиции Уфы как крупнейшего центра чайной торговли были продолжены в советское время.

Библиографический список

1. Бабст И.К. Кяхтинская торговля // Атены: журнал критики, современной истории и литературы 1858. Ч. 2. Март и апрель.
2. Гудкова З.И. Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003.
3. Гурвич Н. Мензелинская ярмарка 1872 года. Отд. отт.
4. Гурвич Н.А. Ярмарки. К истории ярмарок вообще и к статистике ярмарок в Уфимской губернии. Уфа, 1884.
5. Дашкевич Л.А. Купеческая благотворительность как явление общественной жизни уральского города // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни

населения России: история и современность (региональный аспект) / под общ. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2016.

6. Макарова В.Н. Воспоминания петербургского кадета, или жизнь в провинции в годы революции и Гражданской войны // Судеб связующая нить. Краеведческий альманах. Вып. 4 / гл. ред. и сост. Г.А. Иксанова. Уфа, 2004.

7. Московские ведомости. 1862. 10 октября.

8. Мушкалов С.М. Грибушины. Пермской губернии династия. Пермь, 2007.

9. Оренбургские губернские ведомости. Официальная и неофициальная части.

10. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002.

11. Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012.

12. Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкпе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.

13. Семенов В.М. Приглашение к чаю. М., 2002.

14. Семенов-Тянь-Шанский В.П., Штрупп Н.М. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. V. Уральская полоса. СПб., б. г.

15. Сибирская железная дорога. Сборник статистических сведений о перевозке пассажиров, багажа и всякого рода грузов за 1900 год. Вып. I. Томск, 1901.

16. Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911.

17. Уфимское попечительство о народной трезвости. Уфа, 1900.

18. Энциклопедия предпринимательства Башкортостана (история и личности). Книга первая / гл. ред. А.Н. Дегтярев. Уфа, 2006.

References

1. Babst I.K. *Kiakhtinskaia trgovlia [Kyakhtinskaya trade] in Atenei, zhurnal kritiki, sovremennoi istorii i literatury [Athenaeum, criticism magazine, modern history and literature]*. (M.), 1858, Part 2. March and April [in Russian].

2. Gudkova Z.I. *Predprinimateli Iuzhnogo Urala [Entrepreneurs of the Southern Urals]*. Ufa, 2003 [in Russian].

3. Gurvich N. *Menzelinskaia iarmarka 1872 goda [Menzelinsky Fair of 1872]*. Offprint [in Russian].

4. Gurvich N.A. *Iarmarki. K istorii iarmarok voobshche i k statistike iarmarok v Ufimskoi gubernii [Trade fairs. On the history of fairs in general and to the statistics of trade fairs in the Ufa province]*. Ufa, 1884 [in Russian].

5. Dashkevich L.A. *Kupecheskaia blagotvoritel'nost' kak iavlenie obshchestvennoi zhizni ural'skogo goroda [Merchant charity as a social phenomenon of the Ural city] in Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost' (regional'nyi aspekt). Pod obshch. red. V.A. Veremenko [Material factor and entrepreneurship in the everyday life of the Russian population: Past and Present (regional aspect)]*. Veremenko V.A. (Ed.). SPb., 2016 [in Russian].

6. Makarov V.N. *Vospominaniia peterburgskogo kadeta, ili zhizn' v provintsii v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny [Memories of St. Petersburg cadet, or life in the province during the Revolution and the Civil War] in Sudeb sviazuiushchaia nit'. Kraevedcheskii al'manakh. Vyp. 4. Gl. red. i sost. G.A. Iksanova [Destiny connecting thread. Regional natural history almanac. Issue 4]*. Iksanova G.A. (Ed.). Ufa, 2004 [in Russian].

7. *Moskovskie vedomosti [Moscow Gazette]*, 1862, October, 10 [in Russian].

8. Mushkalov S.M. *Gribushiny. Permskoi gubernii dinastiia [The Gribushins. Perm province dynasty]*. Perm, 2007 [in Russian].

9. *Orenburgskie gubernskie vedomosti. Ofitsial'naia i neofitsial'naia chasti [Orenburg Provincial Gazette. Official and unofficial part]* [in Russian].

10. Petrov Yu.A. *Moskovskaia burzhuaziia v nachale XX veka: Predprinimatel'stvo i politika [Moscow bourgeoisie at the beginning of the XX century: Entrepreneurship and politics]*. Moscow, 2002 [in Russian].

11. Rodnov M.I. *Prostranstvo khlebnogo rynka (Ufimskaia guberniia v kontse XIX – nachale XX vv.) [Space of the grain market (Ufa province in the late XIX – early XX centuries)]*. Ufa, 2012 [in Russian].

12. Rodnov M.I. *U istokov ufimskoi pressy, vkupe s progulkami po starinnoi Ufe i prostoram Bashkirii [At the root of the Ufa press, along with walks on the old Ufa and wide open spaces of Bashkiria]*. Ufa, 2009 [in Russian].

13. Semenov V.M. Priglasenie k chaju [Invitation to tea]. M., 2002 [in Russian].
14. Semyonov-Tyan-Shansky V.P., Strupp N.M. Torgovlia i promyshlennost' Evropeiskoi Rossii po raionam. Vyp. V. Ural'skaia polosa [Trade and industry of European Russia by regions. Issue V. Urals band]. SPb., n.d. [in Russian].
15. Sibirskaia zheleznaia doroga. Sbornik statisticheskikh svedenii o perezovke passazhirov, bagazha i vsiakogo roda gruzov za 1900 god. Vyp. I. [Siberian railway. The collection of statistical data on the carriage of passages, luggage and all kinds of goods in 1900. Vol. I]. Tomsk, 1901 [in Russian].
16. Spravochnaia kniga g. Ufy [Handbook of Ufa]. Ufa, 1911 [in Russian].
17. Ufimskoe popochitel'stvo o narodnoi trezvosti [Ufa welfare of the people's sobriety]. Ufa, 1900 [in Russian].
18. Entsiklopediia predprinimatel'stva Bashkortostana (istoriia i lichnosti). Kniga pervaiia. Gl. red. A.N. Degtiarev [Encyclopedia of Bashkortostan business (history and personalities). Book One]. Degtyarev A.N. (Ed.). Ufa, 2006 [in Russian].

*M.I. Rodnov, V.N. Makarova**

TEA TRADE IN THE UFA PROVINCE (SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

The main drink of the multinational population of the Southern Urals in the XIX century was the tea brought from China through Siberia. The main centers of the tea trade were first Menzelinsk, then Ufa, where large fairs were held. Tea was also sold on all smaller fairs of the Orenburg province. At the end of the XIX century increased the supply of tea from the seaports, but at the beginning of the XX century again dominated Chinese tea from Siberia. The turnover of the tea market in the Ufa province accounted for millions of rubles. By the beginning of the XX century, there was a system of regional tea trade, in rural areas it is mainly combined the sale of tea with sugar. Ufa became one of the most important in the Russian center of wholesale tea trade. Here operated the largest tea trade firms of Vysotsky, Gribushina, "Caravan" and Kuznetsov, tea-packing factory was opened.

It is shown that by the beginning of the XX century among the multinational population of Southern Urals strong and mass culture of tea consumption was formed. The strength of this tradition even tried to use at struggle with excessive drinking by opening public tea houses all over the Ufa province.

Key words: tea, trade, Southern Ural, Ufa.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Rodnov Mikhail Igorevich* (rodnov@ufacom.ru), Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 71, prospect Octyabrya, Ufa, 450054, Russian Federation.

Makarova Vera Nikolaevna (vnmac@mail.ru), National Museum of the Republic of Bashkortostan, 14, Sovetskaya Street, Ufa, 450008, Russian Federation.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье представлен анализ региональной историографии, в которой содержатся оценки деятельности руководителей городских дум Симбирска, Саратова и Самары во второй половине XIX – начале XX в. Выявлены этапы в изучении этой проблемы, установлено, что в советский период история городского самоуправления практически не изучалась. Между тем городские думы и их руководители внесли большой вклад в развитие экономического потенциала городов Российской империи. Анализ законодательства русской императрицы Екатерины II, Городового положения 1870 г., Городового положения 1892 г. позволил выявить изменения в правовом статусе руководителей городских дум, их функции и компетенции. В статье отмечено изменение полномочий городского головы в связи с принятием городских положений 1870, 1892 гг. Эффективная работа органов городского самоуправления во многом зависела от профессионализма, личных качеств и авторитета городского головы. В этой связи обращено внимание на необходимость создания социокультурного портрета городского головы губернских городов Поволжья.

Ключевые слова: городской голова, Поволжье, Самара, Саратов, Симбирск, самоуправление, Городская дума.

Конец XIX – начало XX в. характеризуется бурным развитием городов, что привело к изменению социальной структуры населения и возрастанию значения административных центров в экономической, общественно-политической и культурной жизни. Так, крупными городами Поволжья являлись Самара, Саратов и Симбирск, через которые проходили торгово-промышленные пути региона. В итоге здесь сложился экономически сильный слой купечества, образуя бизнес-сообщество, в состав которого входили купцы, претендовавшие на избрание в органы городского самоуправления и на должности городских голов.

Эффективная работа городских дум во многом зависела от социально-политической активности гласных и в особенности такой значимой фигуры, как городской голова. Роль и статус городского головы в системе городского самоуправления менялись с момента введения этой должности в российское законодательство. Изначально в его компетенцию входила лишь организация выборов городских депутатов, но после введения Городового положения 1892 г. его функции были расширены. Городской голова контролировал законность и правильность выборов в думу на городских избирательных собраниях, являлся председателем Думы и городской Управы. Целью данной статьи является анализ социального и правового статуса городских голов губернских городов Поволжья в конце XIX – начале XX вв.

История развития городского самоуправления в дореволюционный период нашла отражение в большом количестве разнообразных по видам документальных актов.

* © Арапова Ю.В., 2016

Арапова Юлия Викторовна (arapovay84@gmail.com), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Наиболее важными из них являются законодательные акты (Жалованная грамота, городовые положения 1870 и 1892 гг.), а также делопроизводственные документы городских дум и управ (формулярные списки, протоколы дум, журналы заседаний дум и управ, листки личного состава, списки избирателей, отчеты и др.).

Должность городского головы впервые упоминается в Манифесте 25 декабря (14 декабря — по ст. стилю) 1766 года о созыве Уложенной комиссии и указах о порядке выборов в депутаты для сочинения проекта нового уложения. Городской голова должен был организовывать выборы городских депутатов. Требования к кандидатам в городские головы и депутаты были равнозначными: «Каков должен быть депутат городской, которого выбирать будут, таковому же надлежит и голове городскому быть в каждом городе, а именно, чтоб оба были, 1-е. действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысл в том городе имеющие, 2-е. не банкротные, в штрафах, подозрениях и явных пороках не бывалые, 3-е. доброй совести и незазорного поведения» [18]. Законодатель регламентировал условия при которых избирался городской голова на два года: «...и у кого больше голосов: избираю, тому объявят, что он от своего города выбран быть головою на два года» [18]. Таким образом, городской голова избирался на два года всеми домовладельцами города и выступал представителем всего городского общества.

После издания 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» должность городского головы приобрела новый статус. На него возлагались обязанности руководителя всех органов городского самоуправления. Этот законодательный акт предусматривал избрание головы как руководителя городской общей думы, шестигласной думы и депутатского собрания для составления обывательской книги. Городской голова все так же занимался организацией и проведением выборов, на него возлагалось общение с правительственными учреждениями, он был инициатором и исполнителем решений дум. Являясь главой, он нес ответственность за выполнение общественных поручений, доверенных Думе.

Городовое положение 1870 г. внесло изменения в функции и компетенции городского общественного управления. Этот правовой акт не только регламентировал работу распорядительной и исполнительной ветвей власти, но и законодательно закрепил права и обязанности городского головы. Он являлся председателем в избирательных собраниях, действовавших по трехрядной системе; проводил удостоверенные личности избирателей; устанавливал порядок проведения жребия между лицами, набравшими равное число голосов; под его контролем составлялись списки избирателей; результаты выборов отмечались в особом выборном листе, который он подписывал; голова принимал жалобы на нарушение установленного выборного порядка, которые представлял губернатору [4, ст. 30, 32, 38, 39, 45].

Городской голова являлся председателем Городской думы. Он назначал заседания Думы, он отдавал распоряжение о созыве Думы, с указанием тем совещаний, а также извещал губернатора о времени заседаний. Гласный Думы, желающий сделать предложение на ее очередном заседании, был обязан известить об этом городского голову в трехдневный срок. Голова мог пригласить на заседание посторонних лиц, если считал это необходимым для решения тех или иных вопросов. Городской голова предоставлял губернатору копии всех постановлений Городской думы.

Городской голова являлся председателем городской Управы, кроме того в небольших уездных и безуездных городах он единолично исполнял ее обязанности. Общественное городское управление с губернской администрацией происходило через городского голову. В связи с этим правительство придавало большое значение персональному подбору претендентов на эту должность. Согласно ст. 92 Городового положения 1870 г., «лица, избранные в должность Городского Головы, а также назначенные для временного замещения сей должности (ст. 83), утверждаются в сих званиях: в губернских городах — Министром Внутренних Дел, а прочих городах — Губернатором» [4, ст. 92]. Как правило, случаи неутверждения выбранной кандидатуры на должность встречались крайне редко.

Городской голова давал разрешение должностным лицам на временные отлучки и сам имел право без разрешения губернатора уезжать из города на срок до двух месяцев [4, ст. 100, 101]. Заявления, рапорты, служебные записки свидетельствуют о том, что многие служащие, в том числе и гласные Думы, неоднократно брали увольнительные. Объясняется это тем, что большая часть из них были купцами и мешанами, которые занимались торговлей. В Городовом положении 1892 г. присутствие гласных на заседаниях Думы стало обязательным. Уважительными причинами признавались лишь болезнь, смерть кого-либо из близких родственников или командировка по городским делам, о чем гласные должны были письменно извещать городского голову (ст. 60). Объяснительные прикладывались к отчетам заседаний Думы, и таких заявлений было немало, о чем свидетельствуют архивные данные [17, Л. 348–350, Л. 361–365, 402, 404–407, 451–457, 494–498, 517–518, 532–537, 551–553, 588–590, 605–611, 622, 623, 629–631, 646–649]. К тому же глава местной администрации имел представительские полномочия. Все деловые отношения органов самоуправления производились им: взаимодействие с губернатором и правительством, встреча почетных гостей, иностранцев, открытие ярмарок, выставок, заведений и т. д.

На смену закону 1870 г. пришло Городовое положение 1892 г., которое внесло существенные изменения в систему формирования и функционирования органов самоуправления, изменился и правовой статус их руководителя, в котором губернская администрация получила контроль над муниципальными властями, а органы местного самоуправления заняли место в системе государственного устройства. Городской голова сохранил свои полномочия и являлся председателем в избирательном собрании и в избирательных участках, председателем Думы и Управы. Городской голова считался состоящим на государственной службе, уволиться он мог по собственному ходатайству, в отпуск его отправлял губернатор. Срок службы составлял четыре года, и на это время голове полагалось содержание. Ограничений по количеству сроков в должности не было. Таким образом, законодательно полномочия руководителя местной администрации были достаточно обширны. Следовательно, от профессионализма, личных качеств, авторитета городского головы зависела эффективная деятельность органов городского самоуправления, а также складывался и характер взаимоотношений с учреждениями центральной и губернской власти.

Несмотря на множество исследований, история городских дум Поволжья второй половины XIX – начала XX в. изучена не до конца, некоторые аспекты до сих пор остаются малоизученными. Крайне сложно найти специальные исследования в которых содержатся сведения о составе городских дум Поволжья на рубеже XIX–XX вв., не говоря уже о городских головах, их характере, жизни и деятельности. В Самарской губернии к таким исследованиям можно отнести труд Г.В. Алексушина «Во главе Самары» [1]. Городским головам в книге посвящено две главы, одна из которых содержит очерки о головах, занимавших эту должность по Городовому положению 1870 г., а вторая по Городовому положению 1892 г. Социальные портреты глав города Самары описаны в монографии «История Самары (1586–1917 гг.)» [10, с. 382–394]. Задача данного исследования не ограничивается простым перечислением фактов в жизни описываемого лица, а создать целостный образ городского головы. В коллективной монографии показаны портреты неординарных личностей, которые занимали должности городских голов и сыграли значительную роль в деятельности Самарской городской думы и городской управы. Их личностные особенности оказывали определяющее и разностороннее влияние на развитие Самары. Городским головам Самары посвящен ряд статей Кабытова П.С., Колядиной А.М., Черкасовой М.В., Фроловой К.В., Моисеенко П.Л., Шеремеева Е.Е. [9; 12; 14; 18; 20]. Сведения о личностях первых лиц города можно найти в энциклопедиях Самарского края, их авторами являлись Завальный А.З., Едидович Л.В. [6; 7]. Внимание самарских историков привлекает выдающаяся личность М.Д. Чельшова как члена III Государственной думы и главного борца за трезвость [16]. Тем не менее эти работы не являются исчерпывающими для данной темы.

Специальных исследований по Саратовской городской думе, касающихся не всего городского самоуправления в целом, а только ее состава, в лице гласных и голов, также сложно найти. М.В. Зайцев [8] и А.В. Воронежцев [3], которые вводят в научный оборот данные о сословной принадлежности, уровне образования, имущественном положении, а также национальном и религиозном составе Саратовской городской думы. Е.Е. Камаева проводила исследование кадрового состава органов самоуправления в уездных городах Саратовской губернии [11]. Однако такая важная фигура, как городской голова, отдельно никем не рассматривалась, хотя за период существования Думы этот пост занимали влиятельные граждане города. Е.Н. Ардабацкий опубликовал несколько статей, в которых анализировалась деятельность саратовского городского самоуправления. Есть сведения о городских головах Саратова 1895 — 1917 гг., таких как Н.П. Фролов, В.А. Коробков, А.О. Немировский [2]. Основным источником по городским головам Саратова можно считать воспоминания И.Я. Славина (внес огромный вклад в развитие Саратова последней четверти XIX — начала XX в.), которые были опубликованы в журнале Волга [15]. В этом документе отражены многие события жизни Саратова. Иван Яковлевич Славин был гласным Саратовской городской думы с 1878 г. и в дальнейшем постоянно переизбирался на этот пост вплоть до революции 1917 года, поэтому воспоминания автора о руководителях Думы особенно значимы, так как он являлся современником того времени. Конечно, этим воспоминаниям присуща субъективность. Явно присутствует предвзятость при оценке некоторых характеристик личности того или иного городского головы. Но тот фактический материал и те данные, которые приводит мемуарист, вполне коррелируется с архивными документами, что повышает ценность этих воспоминаний.

Благодаря И.Я. Славину мы можем достоверно описать портреты руководителей Саратовского городского общественного управления. В своих воспоминаниях он пишет, например, о городском голове Аннании Ивановиче Недошивине «А.И. Недошивин — худой, ниже среднего роста, совершенно лысый, с бородой клином, юркий, нервный, купеческой складки, но почти никогда не расстающийся с папиросой, был в то время уже почтенным, свыше чем пятидесятилетним, говорил на “о” шамкающим старческим голосом. Не получивши законченного образования, он все же был достаточно и прилично грамотный, обладал от природы здравым умом, практической сметкой, инициативой, которая иногда принимала фантастический характер. Красноречием не обладал, но говорил деловито, содержательно, хотя не особенно складно» [15, с. 78]. Однако характеристика Епифанова в воспоминаниях Славина звучит менее лицепрятно «...Епифанов был полной противоположностью Недошивину, который во время кратких пребываний в Саратове своеобразно относился к городским делам и вопросам. Безучастие к ним Недошивина проявлялось в одном, часто повторяющемся жесте: он гладил свою лысину, трепал в сторону бороду, махал рукой и выпускал при этом изо рта густые струи табачного дыма. Все это надо было понимать так: «Да отстаньте вы от меня, решайте, как хотите и как знаете!..». Епифанов же, быстрый, юркий, скользкий, корректный, с интеллигентной речью, с бегающим во все стороны взглядом, проникал во все дела и всюду хотел внести свое “я”. Такая мелочность не всегда, однако, была полезна для дела: кроме суеты, она вносила в работу нечто задерживающее дальнейший ход, тормозящее, распыляя часто силы и энергию сотрудников» [15, с. 56].

Крайне мала историография городского самоуправления города Симбирска. Трудно найти специальные исследования о составе Думы и о такой значимой для Симбирска фигуре, как городской голова. Исключением является книга Т.А. Громовой «Городской голова Леонид Иванович Афанасьев» [5], которая вышла в свет в 2014 г. Автор повествует о работе Симбирской городской думы и ее Управы с 1909 по 1917 годы на примере жизни и деятельности симбирского городского главы Л.И. Афанасьева. В книге дан анализ интересных событий и людей Симбирской губернии, показана картина общественной жизни Симбирска начала XX века. Некоторые сведения о городских головах Симбирской городской думы содержатся в сборнике исторических

сведений о городе Симбирске П.Л. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования» [13]. П.Л. Мартынов – русский общественный деятель, юрист, историк-краевед, известный своими исследованиями в области архивов и местной старины Симбирского края, – собрал в своей фундаментальной работе огромный материал по краеведению. Он не обошел стороной и органы городского самоуправления. Им рассмотрены доходные и расходные статьи, составлен список городских голов, занимающих этот пост до 1897 года.

Помимо личных качеств претендентов на этот пост и официального одобрения губернатором, победа того или иного кандидата на выборах зависела от соотношения сил между различными коалициями гласных, избранных в Думу.

Роль конкретной личности в истории велика. В этой связи создание портретных характеристик городских голов поможет лучше понять и оценить их вклад в развитие городского самоуправления.

Анализ исследуемой литературы позволил выявить пробелы в изучении правового и социального статуса руководителей органов городского самоуправления. В ходе изучения функций и компетенций глав городских дум выявлено, что круг их должностных обязанностей с течением времени существенно изменился, и окончательно они оформились в городских положениях 1870, 1892 гг. Эти законодательные акты показывают вектор формирования правового поля как руководителей городских дум, так и в целом органов городского самоуправления.

Библиографический список

1. Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара: Самарский дом печати, 1999. 368 с.
2. Ардабацкий Е.Н. Саратовский городской голова Николай Петрович Фролов // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы: материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 109–116.
3. Воронежцев А.В. Саратовская городская Дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 34–44.
4. Городовое Положение 16 июня 1870 г. СПб.: [б.и.], 1871. 101 с.
5. Громова Т.А. Городской голова Леонид Иванович Афанасьев. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. 228 с.
6. Едидович Л.В. Неклютин // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии М–Р. Самара, 1995. С. 181.
7. Завальный А.З. Неклютин. // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Т. 3. Самара, 1995. С. 120.
8. Зайцев М.В. Состав Саратовской городской думы в 1893–1917 гг. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. 2008. Вып. 6. № 2 (42). С. 83–88.
9. Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев: НПКи «Фактор». 1990. 58 с.
10. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. История Самары (1586–1917 гг.): коллективная монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 480 с.
11. Камаева Е.Е. Кадровый состав органов самоуправления в уездных городах России рубежа XIX–XX вв. (на материалах Саратовской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск: Изд-во Ин-та региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2010. Вып. 2. С. 87–94.
12. Колядина А.М. Самарский городской голова Сергей Ефремович Пермяков // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 173–188.
13. Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: системат. сб. истор. сведений о г. Симбирске. Симбирск: СГУАК. 1898. 400 с.
14. Моисеенко П.Л. Нестор Васильевич Постников – пионер кумысолечения. Самара: Изд.-полигр. центр ОАО «САМЕКО». 1996. 123 с.
15. Славин И.Я. Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 2–8.
16. Филиппов А.В. Общественная деятельность М.Д. Челышева по отзывам русской печати. Самара, 1912.
17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 43. Д. 77.
18. Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы Самары В.Е. Бурева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Самара, 2012. Ч. 1. С. 275–283.

19. «Черновые концепты» и проекты Манифеста и указа Сенату об учреждении Комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Написаны и исправлены императрицей Екатериной II. [Дело]. 1766. 190 с. // РГИА. Ф. 1329. Оп. 6. Д. 7.

20. Шеремеев Е.Е. Земский и общественный деятель Самары А.Н. Хардин (1842–1910 гг.) // Знобишинские чтения: Теоретический и научно-методический журнал. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 169–183.

References

1. Aleksushin G.V. Vo glave Samary [At the head of Samara]. Samara: Samarskii dom pečati, 1999, 368 p. [in Russian].
2. Ardabatsky E.N. Saratovskii gorodskoi golova Nikolai Petrovich Frolov [Saratov Mayor Nikolai Petrovich Frolov] in *Saratovskoe Povolzh'e v panorame vekov: istoriia, traditsii, problemy: Materialy 1Kh mezhhregional'nykh nauchnykh kraevedcheskikh chtenii* [Saratov Volga Region in the panorama of centuries: history, traditions, problems: Materials of the 1st interregional research local history readings]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2000, pp. 109–116 [in Russian].
3. Voronezhstsev A.V. Saratovskaia gorodskaiia Duma: sostav, struktura, funktsii (konets XIX – nachalo XX veka) [Saratov City Duma: composition, structure, functions (end of the XIX – beginning of the XX century)] in *Saratovskii kraevedcheskii sbornik* [Saratov regional national history collection]. Saratov, 2002, pp. 34–44 [in Russian].
4. City Regulations June 16, 1870. St. Petersburg, 1871, 101 p. [in Russian].
5. Gromova T.A. Gorodskoi golova Leonid Ivanovich Afanas'ev [Mayor Leonid Ivanovich Afanas'ev]. Ulyanovsk: Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia, 2014, 228 p. [in Russian].
6. Edidovich L.V. *Nekliutin* [Neklyutin] in *Istoriko-kul'turnaia entsiklopediia Samarskogo kraia. Personalii M-R* [Historic and Cultural Encyclopedia of the Samara Region. Personnel M-R]. Samara, 1995, p. 181 [in Russian].
7. Zavalny A.Z. *Nekliutin* [Neklyutin] in *Istoriko-kul'turnaia entsiklopediia Samarskogo kraia* [Historic and Cultural Encyclopedia of the Samara Region], Volume 3, 1995, p. 120 [in Russian].
8. Zaitsev M.V. Sostav Saratovskoi gorodskoi dumy v 1893–1917 gg. [Composition of the Saratov City Duma in 1893–1917]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Istoriiia. Politologiiia. Ekonomika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political science. Economics. Information technologies], 2008, no. 2(42), Issue 6, pp. 83–88 [in Russian].
9. Kabytov P.S. Legendarnyi samarets Petr Vladimirovich Alabin [Legendary native of Samara Petr Vladimirovich Alabin]. Kuibyshev: NPK «Faktor», 1990, 58 p. [in Russian].
10. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. *Istoriiia Samary (1586–1917 gg.): kollektivnaia monografiia* [Samara history (1586–1917): multi-authored monograph]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2015, 480 p. [in Russian].
11. Kamaeva E.E. Kadrovyi sostav organov samoupravleniia v uездnykh gorodakh Rossii rubezha XIX–XX vv. (na materialakh Saratovskoi gubernii) [Staff of the government in the district cities of russia on the boundary of the XIX–XX centuries (on the materials of the Saratov province)] in *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniia* [Scientific problems of humanities research]. Pyatigorsk: Izd-vo In-ta regional'nykh problem rossiiskoi gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze, 2010, Issue 2, pp. 87–94 [in Russian].
12. Kolyadina A.M. Samarskii gorodskoi golova Sergei Efremovich Permiakov [Samara Mayor Sergei Efremovich Permyakov] in *Samarskii kraeved* [Samara regional ethnographer]. Samara, 1994, pp. 173–188 [in Russian].
13. Martynov A.P. Gorod Simbirsk za 250 let ego sushchestvovaniia: sistemat. sb. istor. svedeniia o g. Simbirsk [Simbirsk City over 250 years of its existence: digest of historical information about Simbirsk]. Simbirsk: SGUAK, 1898, 400 p. [in Russian].
14. Moiseenko P.L. Nestor Vasil'evich Postnikov – pioner kumysolecheniia [Nestor Vasilievich Postnikov – forerunner of kumiss therapy]. Samara: Izd. – poligr. tsentr OAO «SAMEKO», 1996, 123 p. [in Russian].
15. Slavin I.Ya. Minuvshiee – perezhitoe [The past – bygone] in *Volga* [Volga], 1998, no. 2–8 [in Russian].
16. Filippov A.V. Obshchestvennaia deiatel'nost' M.D. Chelysheva po otzyvam russkoi pečati [Public activity of M.D. Chelyshev according to the reviews of the Russian press]. Samara, 1912 [in Russian].
17. CSASA. F. 153. Op. 43. D.77 [in Russian].
18. Cherkasova M.V., Frolov K.V. Deiatel'nost' gorodskogo golovy Samary V.E. Bureeva (po dokumentam TsGASO) [The activities of the mayor of Samara V.E. Bureev (according to the documents of CSASA)] in *Gorodskaiia kul'tura i gorod v kul'ture: mat-ly Vseross. nauch.-prakt.*

konf.: v 3-kh ch [Urban culture and city in culture: Materials of All-Russian research and practical conference: in 3 parts]. Samara, 2012, Part 1, pp. 275–283 [in Russian].

19. «Chernovye kontsepty» i proekty Manifesta i ukaza Senatu ob uchrezhdenii Komissii dlia sochineniia proekta novogo Ulozheniia. Napisany i ispravleny imperatritsei Ekaterinoi II. [Delo] [“Rough concepts” and draft of the Manifesto and the Senate’s decree on the establishment of the Commission to compose a new Code. Written and corrected by the Empress Catherine II. [Case]]. Binding, red velvet. 1766, 190 p. in *RGIA* [RSHA]. F.1329 Op.6 D.7 [in Russian].

20. Sheremeev E.E. Zemskii i obshchestvennyi deiatel’ Samary A.N. Khardin (1842 -1910 gg.) [Zemsky and social activist of Samara A.N. Khardin (1842–1910) in *Znobishinskie chteniia: Teoreticheskii i nauchno-metodicheskii zhurnal* [Znobishinskie Readings: Theoretical and research and methodology journal]. Samara: Izd-vo SamGPU, pp. 169–183 [in Russian].

*Yu.V. Arapova**

LEGAL STATUS OF A MAYOR IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article presents an analysis of regional historiography, which contains evaluation of activity of leaders of Simbirsk, Saratov and Samara City Dumas in the second half of XIX – early XX centuries. Stages in the study of this problem were revealed, it was found that during the Soviet period the history of municipal government was not practically been studied. Meanwhile, City Dumas and their leaders made a great contribution to the development of economic potential of cities of the Russian Empire. Analysis of legislation of the Russian Empress Catherine II, City Regulations of 1870, City Regulations of 1892 allowed to reveal changes in the legal status of the heads of city councils – their functions and competencies. The article noted the shift of powers of the mayor in connection with the adoption of City Regulations of 1870, 1892. Efficient use of urban self-government depended on the professionalism, personal qualities and the authority of the mayor. In this regard, attention is drawn to the need to create a socio-cultural portrait of the mayor of the provincial cities of the Volga Region.

Key words: mayor, Volga Region, Samara, Saratov, Simbirsk, self-government, city council.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Arapova Yulia Viktorovna* (arapovay84@gmail.com), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПРОЦЕСС БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Статья посвящена «Процессу Боевой Организации партии эсеров», проходившему с 18 по 25 февраля 1904 г. и ставшему заметным явлением общественной жизни России начала XX в. За его ходом с напряженным вниманием следили власти, включая членов императорской фамилии и самого Николая II, консерваторы, либералы и революционеры.

Анализируется поведение лидеров и рядовых членов Боевой Организации партии социалистов-революционеров на следствии, во время суда и после вынесения приговора. Показано, что от дачи показаний на допросах отказалось меньшинство привлеченных к процессу террористов, большинство, в их числе Г.А. Гершуни, и во время следствия, и на суде отрицали свою причастность к Боевой Организации; все подсудимые отказались от заключительного слова. Почти все осужденные по процессу подавали прошение о помиловании как сразу после оглашения приговора, так и во время отбывания наказания. Все это во многом не соответствовало прокламируемому кодексу поведения революционера на суде.

Ключевые слова: террор, покушение, Боевая Организация, судебный приговор, общество, защита, апелляция, раскаяние, героизация.

Процессы эсеров-террористов были заметным явлением общественной жизни России начала XX в. За ними с напряженным вниманием следили власти, включая членов императорской фамилии и самого Николая II, консерваторы, либералы и революционеры. О них, не жалея места, писали периодические и непериодические, отечественные и зарубежные, легальные и нелегальные издания. Освобожденцы и близкие к ним либералы, революционеры всех оттенков представляли процессы, как ристалища, на которых благородные рыцари без страха и упрека, жертвовавшие во имя народа свои молодые жизни, декларировали свои прекрасные побуждения и низвергали низменных, ничтожных слуг самодержавия. Повествования о террористах многих отечественных историков более всего похожи на жития и святцы [1, с. 365–389].

«Дело по обвинению Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, А.И. Вейценфельда, Л.А. Ремянниковой, Е.К. Григорьева в принадлежности к Боевой Организации партии социалистов-революционеров, подготовке и совершении террористических покушений», именуемое в литературе, как «Процесс Боевой Организации партии эсеров», слушалось с 18 по 25 февраля 1904 г. в закрытом заседании Петербургского военно-окружного суда. Обвиняемым вменялось в вину создание тайной террористической организации, подготовка и совершение покушений на министра внутренних дел Д.С. Сипягина, губернаторов И.М. Оболенского и Н.М. Богдановича, подготовка покушений на начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве С.В. Зубатова и обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева. К процес-

* © Леонов М.И., 2016

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

су привлекли лидера Боевой Организации, его помощника, руководителя Екатеринославского комитета, и видную деятельницу Петербургского комитета [2. Л. 66–96]. Суд шел под председательством генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена в присутствии военного судьи генерал-майора Калишевского и четырех временных членов. Защищали подсудимых семь известных адвокатов, пятеро по назначению суда (А.В. Бобришев-Пушкин, Б.Г. Барт, А.Н. Турчанинов, М.В. Бернштам, А.Е. Феодосьев) и двое (Н.П. Карабчевский и М.Л. Мандельштам) «по соглашению», т. е. по формальной просьбе подзащитных. Процесс вызвал огромный общественный резонанс как в России, так и за рубежом. Зал заседаний был заполнен. Среди присутствующих было много высокопоставленных персон. Все дни процесса в зале находился великий князь Андрей Владимирович, который в это время слушал курс в Военно-юридической академии и интересовался уголовными процессами. Из организаторов и руководителей Боевой Организации к процессу не привлекли только П.П. Крафта — против него не было выявлено достаточных неагентурных улик [3. Л. 12–54]. Дела Т.С. Бартошкина, Д.В., Р.В., Х.В. Рабинович, К. Мунвезе были выделены в особое производство.

Материалы дознания и следствия составили семь томов. К делу были приобщены результаты баллистических экспертиз, орудия покушений и пуль, головки которых были крестообразно распилены, начинены стрихнином, покрытым тонким слоем воска, подпилком, которым распиливались головки пуль и делались надписи на пистолетах, рукописи прокламаций, письма и другие рукописные и печатные документы, показания многочисленных свидетелей, в первую очередь Е.К. Григорьева, Ю.Ф. Юрковской-Григорьевой, Ф.К. Качуры, Т.С. Бартошкина.

Огромное впечатление произвели чистосердечные свидетельства Ф.К. Качуры. Он говорил о вреде, который наносят своими действиями революционеры, не пытался выгородить себя и свалить вину на других. Это был спокойный рассказ человека, окончательно порвавшего с революционным и террористическим прошлым. По признанию Г.А. Гершуни и редакторов «Революционной России», в свое время создававших образ «героя-рабочего»: «Показания Качура были не менее сильным ударом для наших приговоренных товарищей, чем показания Рысакова — для народовольцев!» Они объявили Ф.К. Качуру «человеком теперь ненормальным», который «производит страшно несчастное впечатление», а его показания — фантазиями, бредом психически больного; вчерашнего «народного героя» обвиняли в неискренности и в оговорах [4, с. 7-10]. Н.П. Карабчевский, Б.Г. Барт, М.Л. Мандельштам, М.В. Бернштам, защищавшие Г.А. Гершуни и А.И. Вейценфельда, требовали даже подвергнуть Ф.К. Качуру психиатрической врачебной экспертизе. Суд отверг претензии защиты как безосновательные. Позднее Г.А. Гершуни утверждал, что Ф.К. Качура «избегал запутывать и оговаривать лиц, которых он считал на свободе», а «валил все» на арестованных Г.А. Гершуни и А.И. Вейценфельда [5, с. 75–76]

Во время следствия М.М. Мельников, один из трех организаторов Боевой Организации, решительно отрекся от причастности к ней, террору и партии эсеров «вообще», заверяя, что не был знаком ни с Г.А. Гершуни, ни с С.В. Балмашевым, ни с Т.С. Бартошкиным, ни с А.К. Григорьевым, ни с Л.А. Ремянниковой и не принимал никакого участия в обсуждении планов покушений. Отрицала свою причастность к Боевой Организации и Л.А. Ремянникова, чьею рукой, как установила графологическая экспертиза, были написаны отправленные 5 апреля 1902 г. с Петербургского почтамта за границу рукописи «Казнь министра Сипягина» и «Биография С.В. Балмашева». Давать показания и подписывать протокол допроса она отказалась. Отрицал причастность к Боевой Организации и организации покушений и отказался дать показания и подписать протокол допроса А.И. Вейценфельд [3. Л. 22–23, 38, 75–79]. К. Григорьев и Ю.Ф. Юрковская раскаялись и чистосердечно рассказали о своем участии в революционных и террористических предприятиях, о киевском террористическом кружке Гершуни — сестер Рабинович, об участниках и замыслах Боевой Организации.

Лидер партии и «диктатор» Боевой Организации Г.А. Гершуни на предварительном дознании говорить о «своей личности, а равно и по существу дела» отказался, однако через месяц с небольшим собственноручно записал данные о себе, добавив, что объясне-

ния по поводу предъявленных ему обвинений «изложит на особом листе». Позднее он писал, что долго колебался, признать ли себя членом Боевой Организации? Осенью 1904 г. решил: «нет!», и на четырех листах большого формата подал «Заявление Г.А. Гершуни Прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты», подписанное: «Петропавловская крепость, 30 ноября 1903 г.». Начиналось «Заявление» так: «Не желая принимать какое бы то ни было участие в юридической комедии, устраиваемой жандармами под видом предварительного дознания, я отказался как от дачи показаний, так и от подписи протоколов». Далее Г.А. Гершуни писал, что условия российской действительности «заставили» его «от мирной общественной деятельности перейти во имя блага народа на путь открытой революционной борьбы», и сформулировал тот тезис, который отстаивал и во время процесса, и в публикациях в «Революционной России», и в воспоминаниях: «В качестве члена партии социалистов-революционеров» я выполнял общепартийную работу, направленную главным образом на массовую деятельность. Жандармская власть, по-видимому, выделяет мое дело из общего дознания о социалистах-революционерах, устраивая, таким образом, искусственную группировку обвиняемых и сводя процесс к вопросу о степени наказания» [2, с. 41–43, 56–57; 5, с. 38–41]. От Боевой Организации, устройства покушений он отмежевывался, и чем дальше, тем энергичнее. Прокламируемое Г.А. Гершуни объяснение не удовлетворило даже его адвокатов. Поначалу Г.А. Гершуни, его словами, «высокомерно» отказался от чтения следственных материалов, но после вручения обвинительного акта затребовал их и тщательно изучил.

Следует сказать, что условия содержания главы Боевой Организации, как и других проходивших по этому делу, нельзя признать бесчеловечными. Своему брату В.А. Гершуни, содержащийся под стражей, писал 10 июля 1903 г.: «Здоровье мое вполне удовлетворительное, чувствую себя спокойно». Регулярные письма его родным многословны: с 3 июля 1903 г. по 12 февраля 1904 г. только брату В.А. Гершуни он отправил 86 машинописных страниц посланий [6. Л. 75–100]. О. Шабда-Гавронская в начале 1904 г. сообщала: «Г.А. Гершуни получает в Петропавловской крепости часто свидания с родными. Его отец видел его три раза. Он убедился, что его сын счастлив, бодр и здоров» [7. Л. 138].

А.К. Григорьев производил жалкое впечатление. «Даже здесь на суде, — говорил его защитник А.В. Бобришев-Пушкин, — Григорьев боится их [бывших соратников-террористов. — *М.Л.*]. Когда Гершуни, наводя на него свой взгляд, начинал медленно чеканить свои вопросы... навстречу вставала растерянная, трепещущая, жалкая фигура Григорьева, сбивчиво лепетавшего что-то» [8, с. 52–59]. А.К. Григорьев откровенно рассказал о замыслах террористов в Киеве в 1901 г., истории покушения на Д.С. Сипягина, попытке покушения на К.П. Победоносцева, подготовке покушения на В.К. Плеве; подробно отвечал на все вопросы.

Как жена подсудимого, Ю.Ф. Юрковская давала показания без присяги. Ее подробные сообщения о замыслах и действиях террористов и тех, кто с ними был связан, о Боевой Организации вызвали негодование Г.А. Гершуни, и он в корреспонденциях и воспоминаниях обливал молодую женщину грязью с ног до головы. Вот часть написанного им: Ю.Ф. Юрковская «держалась беззастенчиво, в ее лжи, злобе и увертках было много хитрости и выдержки», «изумительно наглое самообладание и хладнокровие», «производила самое отвратительное впечатление своей злобой и ложью», «предательство и клеветнические инсинуации... омерзительны... вызвали гадкое чувство», «злостная и отвратительная» [5, с. 49, 65–71].

Т.С. Бартошкин в деталях изложил предысторию Боевой Организации, в частности рассказал, как он в Киеве весной 1901 г. познакомил Г.А. Гершуни с А.К. Гигорьевым, и как он вместе с Г.А. Гершуни, Д.В., Р.В., Х.В. Рабинович, А.К. Григорьевым планировал покушение на С.В. Зубатова, как получал от Гершуни деньги и выполнял его поручения. Гершуни с порога отверг показания Бартошкина, с которым он якобы познакомился случайно, сразу понял, что это за птица, и никогда не имел с ним никаких дел. В корреспонденциях в «Революционной России» он под орех разделял «некоего Бартошкина», «личность грязную, не имевшего ничего общего с революцией, но всегда увивавшегося вокруг революционеров» [9, с. 20].

Эта точка зрения утвердилась в литературе последних десятилетий. Поэтому о Т.С. Бартошкине, его роли в революционных и, в частности, в террористических предприятиях следует сказать подробнее. Т.С. Бартошкин, «нахлебник революции», любитель выпить, особенно на чужой счет, в стельку, с 90-х гг. участвовал в студенческих выступлениях, транспортировал нелегальную литературу, дружил с П.В. Карповичем, вместе с которым в 1899 г. входил в гомельский комитет РСДРП. В том же году они вместе выехали за границу; в 1899–1900 гг. снимали в Шарлоттенбурге комнату, плату за которую вносил обыкновенно П.В. Карпович. В сентябре 1900 г. Т.С. Бартошкин возвратился в Россию, сблизился с террористически настроенными революционерами; и в 1901–1902 гг. был доверенным представителем Г.А. Гершуни в Киеве, которого тогда же познакомил с Е.К. Григорьевым, Ф.Ф. и Ю.Ф. Юрковскими как кандидатами на роль террористов-«исполнителей». Организаторы Боевой Организации в 1902 г. числили Т.С. Бартошкина одним из трех наличных «исполнителей» [10. Л. 27].

А.И. Вейценфельд и Л.А. Ремянникова без лишних слов отводили все показания о причастности к покушениям, не вступали в полемику со свидетелями. По воспоминаниям Г.А. Гершуни, они договорились не возражать Ф.К. Качуре, А.К. Григорьеву, Ю.Ф. Юрковской и другим и «решили молчать». Их заключительные слова были предельно лапидарны.

М.М. Мельников, как и во время предварительного следствия, отметал все свидетельства против него, отрицал свое участие и в организации покушений, и в Боевой Организации, и даже в партии эсеров, прямо или косвенно сваливая вину на других. Перспектива смерти страшила его. «Я не принадлежу к числу натур, всецело проникнутых жертвенным настроением», — не скрывал он [10. Л. 16]. В начале процесса Г.А. Гершуни сочувствовал своему недавнему «помощнику». «Болью сжимается сердце при мысли об участии Мельникова», — писал он. Затем от сочувствия не осталось и следа. «Мельников, — заявлял “диктатор” Боевой Организации, — производил впечатление больного, замученного, надорванного, явно ненормального человека». Месяц спустя после процесса Г.А. Гершуни уже бесповоротно отмежевывался от своего бывшего помощника, утверждая, что тот «ни в каком из террористических актов не участвовал и к террористической организации никакого касательства не имел» [9, с. 22].

Внимание присутствующих, а также пишущих и читающих о процессе приковывал Г.А. Гершуни. «Художник террора», «умный, хитрый, с железной волей»; «его гипнотизирующий взгляд и убедительная речь» покорила собеседников, «превращали их в его горячих поклонников»; он «производил сильное впечатление на всех, с кем сходилась»; «обаяние личности Гершуни — факт несомненный» — в таких сильных выражениях характеризовали руководителя Боевой Организации С.В. Зубатов, Л.А. Ратаев, А.И. Спиридович [11, с. 281; 12, с. 153–154; 13, с. 152–153]. В той же тональности выдержаны суждения видного русского адвоката, члена ЦК «Союза 17 октября», известного публициста — «Громобоя», А.В. Бобрищева-Пушкина. Г.А. Гершуни, говорил он, «человек очень осторожный, умный, холодный, умеющий скрываться в тени», «фабрикант героев» [8, с. 49, 52, 56]. Стоит также сказать, что приведенные выше характеристики имплицитно или эксплицитно разделяли как эсеры, так и их партийные оппоненты.

Гершуни как личность на голову возвышался над остальными участниками процесса Боевой Организации. Он держал себя с достоинством, холодно всматриваясь в присутствующих, говорил неспешно, продуманно, взвешивая каждое слово, чеканил вопросы. На суде Гершуни категорически и последовательно отрицал свою принадлежность к Боевой Организации.

Организатор и глава партии эсеров и Боевой Организации, устроитель покушений, составивших славу партии в революционно-либеральных кругах, ко времени процесса был сакральной фигурой. В создании мифов были вовлечены все партии. Миф — это сказание о мире и месте человека в нем, баснословие, по четкой формулировке В.И. Даля. В мифе форма тождественна содержанию, и потому символический образ представляет то, что он моделирует. Важнейшая функция мифа — создание модели, примера, образца. Система мифических представлений составляет мифологию, систему определенных представлений о мире, универсальной категории

которой является герой. Лидеры партии эсеров, сколько было их сил, творили миф о Гершуни. Развенчание его мифического образа грозило непоправимыми последствиями для партии. Согласно революционному мифу, на судебном процессе революционер предстал рыцарем без страха и упрека, а апогеем являлась заключительная речь, в которой революционер обличал существующий строй, излагал обстоятельства, подвигнувшие его к искупительной жертве «во имя счастья народа».

Подготовленная заранее «Речь Гершуни» (без малого четыре полосы мелкого и плотного шрифта «Революционной России») была выстроена по известным образцам. Начинаясь она с обвинения властей, системы предварительного следствия и судопроизводства. Далее следовала традиционная эскапада: «Здесь нет ни подсудимых, ни судей». Подробно излагался путь автора в революцию, подвергались резкой критике власти, «ошеломляющие условия русской действительности», особо сказывающиеся «на еврейском народе, к которому я принадлежу»; подробно излагалась программа и тактика партии эсеров. «Террор не составляет органического элемента деятельности нашей партии», — провозглашал организатор и руководитель Боевой Организации и продолжал: «Партия до последнего момента оттягивала момент выступления на путь террористической борьбы». При этом он подчеркивал: «Вступив на путь революционной борьбы, я занимался главным образом общепартийной деятельностью» [9, № 44, с. 3–6].

«Речь Гершуни» заслужила высочайшую оценку «Освобождения» и многих отечественных авторов [15, 1904, № 23 (47). С. 412]. Должно сказать, что эта «Речь» должна проходить более всего по разряду литературных сочинений. Ее публикацию редакторы «Революционной России» сопроводили напечатанным петитом примечанием: «Речь эта предназначалась Г.А. Гершуни для произнесения на суде, но, по слухам, не могла быть произнесена целиком». Сам Г.А. Гершуни потратил немало усилий и извел много бумаги для разъяснения своего поведения на процессе. В «Письме к товарищам» он в свойственном ему выпяченном сентиментальном стиле обосновывал свое поведение так: «В Петербург я ехал, точно на праздник. Я мечтал, что буду участвовать вместе с другими в большом процессе, который взволновал бы и разбудил бы всех спящих. Но меня изолировали от товарищей, с которыми работал все время, и поставили вместе с предателями, хуже — клеветниками... И мне пришлось не столько стоять на принципиальной почве, сколько разрушать клевету и инсинуации» [9, № 46, с. 24]. Многогранную аргументацию Г.А. Гершуни представил в сентиментальных мемуарах «Из недавнего прошлого». «Предательский ход Плеве», подчеркивал он, заключался в том, чтобы «выделить несколько человек, сгруппировать их вокруг террористических актов и создать Боевую Организацию, но всю — без остатка». И в мемуарах, и в корреспонденциях Г.А. Гершуни многократно повторял: власти сфабриковали искусственный процесс Боевой Организации, «создали Боевую Организацию». В вину властям было поставлено нежелание «создать большой процесс Партии Социалистов-Революционеров».

Создавать Боевую Организацию властям смысла не было, она существовала. Можно было говорить только о том, что к суду были привлечены случайные люди, но в это едва ли кто мог поверить. Не верили этому и защитники обвиняемых. Мысль автора воспоминаний делала неожиданный поворот: общественное значение процесса Боевой Организации «должно было быть ничтожное», поэтому он отказался признать себя ее членом [5, с. 34–40]. «Я был связан по рукам и ногам», продолжал Г.А. Гершуни, «нельзя было» признать себя членом Боевой Организации, «нельзя было» опровергать показания Ф.К. Качуры, Григорьевых (о М.М. Мельникове и Т.С. Бартошкине он в мемуарах ни разу не упомянул), именно поэтому он, а вместе с ним Л.А. Ремянникова и А.И. Вейценфельд «предпочли молчать», «не делать возражений». Образно изложено эмоциональное состояние автора. В начале процесса: «Настроение поднимается все выше и выше... (знаки в тексте. — М.Л.). На скамью поднимаешься, как на трибуну», но в зале «ни одного осмысленного, ни одного вдумчивого лица», «как тут говорить, перед кем тут говорить?!», «процесс испорчен», и он «решил молчать» [5, с. 59, 74–76, 80].

Выпяченный сентиментализм, свойственный сочинениям лидера Боевой Организации, в известной мере был связан с определенными проявлениями его душевной организации. Безразличие Г.А. Гершуни к судьбам молодых людей, которых он

склонял к убийству и тем самым посылал на виселицу, сходным образом отмечали, как и А.В. Бобрищев, так и его оппонент на процессе Н.П. Карабчевский. Е.С. Сазонов, подчеркивал Н.П. Карабчевский, «способен был убить самолично того, кого (как Плеве) считал врагом России, но даже и на такое убийство не мог бы послать другого» [16, с. 205]. Оценки А.В. Бобрищева-Пушкина лишь несколько более ригористичны. «Личности, подобные Гершуни, — констатировал он, — на личное геройство не способны; они... охотно “делают героев” из других, более чем они податливых молодых людей, с легким сердцем посылая их на виселицы» [8, с. 57].

Исследователи эсеровского терроризма Р.А. Городницкий и А. Гейфман вслед за М.М. Мельниковым утверждали, что Г.А. Гершуни во время процесса всеми силами стремился избежать смертного приговора и сохранить свою жизнь. Материалы процесса не дают оснований для такого вывода. Вероятно, ближе к истине суждение Н.П. Карабчевского: «Суровое, беспощадно-безразличное отношение к чужой жизни шло у него [Г.А. Гершуни], несомненно, параллельно с таким же отношением и к своей собственной».

Та позиция, на которой стояли Г.А. Гершуни, М.М. Мельников, А.И. Вейценфельд, Л.А. Ремянникова, не давала им возможности декларировать партийную программу и тактику в духе канонических выступлений А.И. Желябова и других революционеров и не позволила отличиться их адвокатам. Только А.В. Бобрищев-Пушкин, последовательно осуждавший идеологию революционеров, их методы и террор, опубликовал «Защитительную речь по делу Григорьева». Корифеи либеральной адвокатуры о своих речах на процессе, на который они так рвались, не упоминали даже в мемуарах. Н.П. Карабчевский, неоднократно издававший свои судебные выступления, в том числе и на процессе Е.С. Сазонова, состоявшемся в том же 1904 г., речь в защиту Г.А. Гершуни не напечатал. Так же поступили и защитники М.М. Мельникова, А.И. Вейценфельда, Л.А. Ремянниковой.

Петербургский военно-окружной суд приговорил Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, Е.К. Григорьева к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение, А.И. Вейценфельда — к четырем годам каторжных работ, Л.А. Ремянникову к трем месяцам тюремного заключения и трем годам гласного надзор. В окончательной форме приговор был объявлен 28 февраля 1904 г. В отношении Е.К. Григорьева, Л.А. Ремянниковой приговор вступал в законную силу 2 марта, в отношении остальных — 12 марта 1904 г. Решением Главного Военного Суда 12 марта 1904 г. кассационные жалобы защитников Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, А.И. Вейценфельда были оставлены без последствий.

Император, учитывая просьбы о помиловании, 28 февраля 1904 г. повелел заменить М.М. Мельникову смертную казнь бессрочными каторжными работами. Такое же наказание было определено 4 марта 1904 г. Г.А. Гершуни. А.К. Григорьеву смертную казнь заменили четырьмя годами каторжных работ. Тот обратился со вторым прошением, в котором выражал свои верноподданнические чувства и раскаяние и просил предоставить ему возможность «пролить кровь за царя в войне с Японией и тем искупить свое прошлое преступное безумие». В апреле 1904 г. пожизненные каторжные работы А.К. Григорьеву заменили ссылкой на четыре года в Закавказье, а с 30 ноября 1905 г. ему разрешили свободно избирать место жительства за исключением столиц и столичных губерний. Прощение о помиловании подавали также М.М. Мельников и его жена Е.Н. Константинова (они венчались 30 января 1904 г. в церкви Комендантского Дома). Наказание М.М. Мельников вначале отбывал в Шлиссельбургской крепости. «За хорошее поведение» его перевели в «Новую тюрьму», а после второго прошения бессрочную каторгу заменили 15-летней.

Г.А. Гершуни подавать прошение о помиловании отказался. «У нас это не принято», — сказал он Н.П. Карабчевскому. Тогда адвокат предложил подать просьбу о помиловании от своего имени. «В ней, — говорил он, — не будет сказано, что просите о помиловании Вы; просить, т. е., по-вашему, “унижаться” буду я». “Спасибо ... (знаки в тексте. — М.Л.) до свиданья”, — ответил мне Гершуни и тепло задержал мою руку в своей» [16]. Следует сказать, что адвокат по соглашению мог

действовать только по воле и согласию подзащитного. Получив карт-бланш, адвокат совместно с родным братом Г.А. Гершуни подготовил и подал на высочайшее имя ходатайство о помиловании, «что, — подчеркивал Н.П. Карабчевский, — до сих пор не практиковалось» [16, с. 199]. Гершуни был признателен своему защитнику и незадолго до побега с каторги написал ему благодарственное письмо. Ходатайствовали о помиловании лидера террористов его отец, брат и невестка. Сам Г.А. Гершуни позднее утверждал, что мера наказания была смягчена по причине его безупречного поведения во время следствия и отсутствия у суда убедительных улик.

В январе 1906 г. Г.А. Гершуни и М.М. Мельникова этапировали на Акатуйскую каторгу, где, как описывал Е.С. Сазонов, была «привольная жизнь. Не чувствовалось тюрьмы», ежедневно половина каторжан уходила в горы без всякой охраны, под честное слово, с утра до вечера в тюрьме «торчали жены семейных, могли даже ночевать», «сообщение с волей, пронос всяких вещей были, конечно, вполне свободными... (знаки в тексте. — М.Л.). И конечно, вышли безобразия, один за другим каторжане, нарушая честное слово, бросились бежать, как холостые, так и женатые» [17, с.104–105]. Бежал и М.М. Мельников. Его побег возмутил эсеров-каторжан. 11 «шлиссельбургцев», в их числе Г.А. Гершуни, Е.С. Сазонов, П.В. Карпович, М.А. Спиридонова, 5 августа 1906 г. послали письмо на имя М.Р. Гоца, в котором объявляли «о прекращении сношений» с М.М. Мельниковым, главным образом потому, что он в нарушение договоренности бежал раньше Г.А. Гершуни [18. Л. 1–2]. Прибывшего за границу М.М. Мельникова эсеры-эмигранты встретили враждебно, даже отказались снабдить поддельным паспортом. До конца своих дней один из создателей партии эсеров и ее Боевой Организации безуспешно добивался реабилитации.

Г.А. Гершуни отбывал наказание вначале в Шлиссельбургской крепости, а с осени 1905 г. в Новой тюрьме. В октябре 1905 г. пожизненное заключение ему заменили 20-летней каторгой, перевели в Бутырскую тюрьму, а затем этапировали на Акатуйскую каторгу, откуда 13 октября 1906 г. вывезли бочке из-под квашеной капусты. Далее его путь лежал через Китай в Америку. Страсть к «актерству» проявилась во время его многочисленных выступлений в США, на которые он являлся в тюремном одеянии и кандалах. С чрезвычайными предосторожностями его доставили в Финляндию, где он 20 февраля 1907 г. явился перед делегатами II съезда партии.

Процесс Боевой организации не принес ей славы. Поведение подсудимых обескуражило многих видных эсеров; они открыто говорили, что Гершуни вел себя на суде «крайне недостойно, малодушно, отрицая свое участие в политических убийствах и даже свою прикосновенность к БО» в то время, как они рассчитывали, что он воспользуется судом, чтобы открыто признать заслуги партии в борьбе с самодержавием и изложить перед судьями дальнейшие задачи и цели «Боевой Организации» [19, донесение Л.А. Ратаева № 46 от 2/15 марта 1904 г.].

Библиографический список

1. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 66–96.
3. ГАРФ. Ф.1 02. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 1577.
4. Революционная Россия. Женева, 1904. № 43.
5. Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. М., 1908.
6. ГАРФ. Ф. 5821. Оп. 1. Д. 273.
7. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1904 г. Д. 1. Ч. 1.
8. Бобрищев-Пушкин А.В. Судебные речи. Т. 2. СПб., 1912.
9. Революционная Россия. Женева, 1904. № 47.
10. ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85.
11. Красный архив. 1922. № 2.
12. Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1990.
13. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991.
14. Бобрищев-Пушкин А.В. Судебные речи. Т. 2. СПб., 1912.
15. Освобождение. Штутгарт. 1904. № 23 (47).

16. Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., 1908.
17. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925.
18. ГАРФ. Ф. 854. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАРФ. Ф. Р. – 10003. Д. 345.

References

1. Troitsky N.A. Advokatura v Rossii i politicheskie protsessy 1866-1904 gg. [Advocacy in Russia and political processes of 1866–1904]. Tula, 2000 [in Russian].
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 124. Op. 1903g. D. 993. L. 66–96 [in Russian].
3. GARF. F. 102. DP OO. Op. 1898g. D. 1577 [in Russian]
4. Revoliutsionnaia Rossiia [Revolutionary Russia]. Geneva, 1904, no. 43 [in Russian].
5. Gershuni G.A. Iz nedavnego proshlogo [From recent past]. M., 1908 [in Russian].
6. GARF. F. 5821. Op. 1. D. 273 [in Russian].
7. GARF. F. 102. DP OO. Op. 316. 1904g. D.1. Ch. 1 [in Russian].
8. Bobrishchev-Pushkin A.V. Sudebnye rechi [Courtroom speeches]. Vol. 2. SPB., 1912 [in Russian].
9. Revoliutsionnaia Rossiia [Revolutionary Russia]. Geneva, 1904, no. 47 [in Russian].
10. GARF. F. 1699. Op. 1. D. 85 [in Russian]
11. Krasnyi arkhiv [Red Archive], 1922, no. 2 [in Russian].
12. Provokator. Vospominaniia i dokumenty o razoblachenii Azefa [Provocateur. Memories and documents about the exposure of Azef]. L., 1990 [in Russian].
13. Spiridovich A.I. Zapiski zhandarma [Notes of a gendarme]. M., 1991 [in Russian].
14. Bobrishchev-Pushkin A.V. Sudebnye rechi [Courtroom speeches]. Vol. 2. SPB., 1912 [in Russian].
15. Osvozhdenie [Liberation]. Stuttgart, 1904, no. 23(47) [in Russian].
16. Karabchevsky N.P. Okolo pravosudiia [About justice]. SPB., 1908 [in Russian].
17. Pis'ma Egora Sozonova k rodnym. 1895-1910 gg [Letters of Egor Sozonov to his relatives. 1895–1910]. M., 1925 [in Russian].
18. GARF. F.154, Op.1.D5 [in Russian].
19. GARF. F.R. – 10003. D.345 [in Russian].

*M.I. Leonov**

PROCESS OF SR COMBAT ORGANIZATION

The article is devoted to the «Process of SR Combat Organization» which was held since 18 up to 25 February, 1904 and which become a prominent event in the public life of Russia of the beginning of the XX century. For its progress the authorities including imperiality and Nikolai II himself, conservatives, liberals and revolutionaries followed with strained attention.

The article analyzes the behavior of the leaders and members of SR Combat Organization under investigation, during the trial and after the verdict. It is shown that to testify during interrogation refused the minority of the involved in the process of the terrorists, the majority, including G.A. Gershuni, and during the investigation and in court denied his involvement in the military organization; all the defendants refused the final word. Almost all prisoners on the process petitioned for a pardon as soon as the verdict was announced, as well as serving their sentences. All this is largely not in line proclaimed by the Code of Conduct of the revolutionary at court.

Key words: terror, assassination, Combat Organization, judicial verdict, society, protection, appeal, remorse, glorification.

Статья поступила в редакцию 22/II/2016.
The article received 22/II/2016.

* *Leonov Mikhail Ivanovich* (mleonov40@gmail.com), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1920-Х ГОДОВ НА СТРАНИЦАХ
ДВОРЯНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ**

На основе анализа воспоминаний представителей дворянского сословия, как эмигрантов, так и оставшихся в Советской России, в статье представлены оценки повседневной жизни 1920-х годов. Дан анализ новейших исследований историков, в которых освещаются изменения в сознании и поведении представителей дворянства в 1920–1930-х гг. Показаны особенности восприятия повседневности, отмечается их зависимость от степени адаптации «бывших» к новой социальной реальности. Сравнительный анализ воспоминаний показал общность культурных стереотипов, мешающих социальной адаптации. Подчеркивается, что первоначально политика правящей власти была нацелена на социальное, культурное и психологическое отторжение представителей дореволюционной элиты, а в начале 1930-х гг. на физическое уничтожение потенциальной оппозиции; на исключение возможности передачи культурных стереотипов от «дореволюционных» поколений к поколению детей и молодежи.

Ключевые слова: повседневная жизнь, воспоминания, культурные стереотипы, адаптация, социальные риски, дворянство, «бывшие».

Результатом Великой российской революции стали масштабные изменения во всех сферах жизни населения страны. Правящая большевистская партия внедряла новые социалистические принципы в сознание и повседневную жизнь людей. Политическая пропаганда была нацелена на создание новых духовно-нравственных ориентиров. В этих условиях дворянство подверглось колоссальному прессингу со стороны власти большевиков. В исторической литературе политика советской власти в начальный период ее функционирования представлена с позиций реализации партийных и государственных директив. Лишь сравнительно недавно на фоне всплеска интереса к истории повседневности и микроистории появились работы, посвященные повседневной жизни представителей бывших дореволюционных элит в советском государстве [1; 4; 7; 13]. Выделились в отдельное направление научного поиска исследования повседневной жизни «бывших» (дворян, бюрократии, духовенства, предпринимателей). Параллельно с историками судьбы представителей дореволюционных привилегированных слоев изучали специалисты по исторической социологии – С.А. Чуйкина, Е. Фотева, Д. Берто, К. Герасимова. Они на основе методики, предложенной В.Б. Голофаст и Т.З. Протасенко, активно использовали такой специфический социологический инструментарий, как устные опросы живших на тот момент в Санкт-Петербурге потомков российских дворянских фамилий. Исследователи данного на-

* © Барина Е.П., 2016

Барина Екатерина Петровна (fnz25@yandex.ru), кафедра социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Самарский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 443036, Российская Федерация, г. Самара, ул. Неверова/Линейная, 87/35.

правления пытались интерпретировать социальные практики и особенности поведения дворянства после революции 1917 года [1; 4]. На основе анализа воспоминаний живших на момент написания работы потомков петербургских дворянских фамилий, а также ряда рукописных мемуаров из частных архивов, С. А. Чуйкина проанализировала особенности образа жизни, быта, самосознания представителей дворянства, пути их приспособления к реалиям послереволюционной эпохи. Однако специфика используемого инструментария ограничила эмпирическую базу работы воспоминаниями дворян 1910-х и более поздних годов рождения [13].

Увидели свет работы, авторы которых пытались экстраполировать жизненные судьбы представителей конкретного рода после 1917 г. на русское дворянство в целом. Основываясь на изучении жизненного пути, мировоззрения типичных представителей социальной группы, менталитета социальных групп и сословий, они пытались выявить общие культурные стереотипы, характерные для большей части сословия, модели поведения и сложные процессы адаптации российского дворянства к изменившимся социальным условиям после 1917 года, проанализировать причины репрессий, направленных на представителей этого сословия в 1930-х гг. [8; 9; 12].

Наиболее ценным источником являются воспоминания, написанные членами дворянских семей, оставшимися в Советской России и выжившими в сталинских лагерях; в этих воспоминаниях представлены повседневные события 1917–1930-х гг. [3; 5; 10]. При работе над ними у большинства мемуаристов-эмигрантов возникла проблема их репрезентативности, так как они не имели возможности проверить свою память, сверить описываемые события с документами. Большинство воспоминаний представителей эмиграции посвящены дореволюционному периоду, лишь в некоторых описаны события 1917–1921 гг., при оценке которых преобладают негативные высказывания, повседневная жизнь этого периода рисуется в мрачных тонах.

Первая мировая война, революционные катаклизмы 1917 года, гражданская война поставила как перед отдельной личностью, так и всем дворянским сословием проблему выбора «пути». Результатом революции стали колоссальные социальные сдвиги. Резкое изменение экономических и социальных условий после 1917 года, травмирующие социальные практики (аресты, обыски, конфискации имущества) не могли не сказаться на психологическом состоянии представителей дореволюционной элиты. Отметим, что представители дворянства не любили вспоминать о событиях 1917–1918 гг. Чаще всего это было связано с ощущением потери родины. Князь С.М. Волконский вспоминал в эмиграции: «Лето 1917 года было неприятно. Много пришлось впоследствии испытать всяких лишений, оскорблений, издевательств, но при всей их откровенной наглости эти последующие прикосновения революции были менее противны, чем то ехидное, ползучее проникание в вашу частную жизнь» [2, с. 250].

Из мемуарной литературы хорошо известно, что после революции дворянские семьи, как правило, оставляли свои родовые имения и переселялись в города, так как жизнь там казалась менее опасной, чем по соседству с крестьянами. «Атмосфера накалялась, ходили слухи о поджогах помещичьих усадеб и грабежах» [10, с. 166]. А.В. Давыдов вспоминал, что решение остаться в имении ему далось тяжело, так как он не был уверен: «...будут ли, в связи с происшедшей революцией, крестьяне немедленно убивать помещиков, громить усадьбы и грабить экономии или выжидать событий, сознавая, что их давнишние вожделения не могут теперь не осуществиться новым законным путем?» [6, с. 29].

Отношения дворянства и крестьянства в послереволюционные годы во многом зависели от личных связей и степени вовлеченности дворян-помещиков в хозяйственную деятельность и крестьянскую жизнь в предыдущий период. В 1918–1919 гг. имели место случаи как дворянско-крестьянской трудовой кооперации, так и безвозмездной помощи крестьян своим бывшим владельцам. Тем из них, кому до революции удавалось поддерживать хорошие отношения с крестьянством, последние оказывали весьма ощутимую материальную помощь или сообщали о предполагаемых арестах. В годы гражданской войны увеличились случаи разграбления и уничтожения дворянских имений, физической расправы над бывшими помещиками. При

этом, не понимая художественной ценности дворянских библиотек или коллекций, крестьяне зачастую просто ломали вещи или сжигали книги. Отметим, что в лучшем случае в бывших дворянских усадьбах устраивались школы, коммуны, клубы, правления сельскохозяйственных коммун, детские коммуны, интернаты и лагеря для беспризорных детей, очень редко создавались музеи.

В конце 1917 года в губернские города переехали практически все помещики с семьями, оставившие свои имения. Многие из них привлекались для работы в новых советских учреждениях. Отметим, что в зависимости от возраста авторов воспоминаний события 1917–1918 гг. воспринимались по-разному. Более старшее поколение описывает их как «распространение хаоса и анархии», «мрачные, ужасные времена». И.Д. Голицына вспоминала впоследствии: «... трудности населения были ужасны. Не только пища, но и все исчезло. Магазины стояли пустые. На улицах не было улыбающихся лиц, не слышался смех, единственной мыслью было добыть хлеб или найти ему какую-то замену. Люди пекли хлеб из коры деревьев. Сушили кору, мололи и подмешивали в настоящую муку и из этой смеси пекли маленькие хлебцы... Мы, как и многие другие, не могли приспособиться к перемене обстоятельств» [5, с. 7].

Многие дворяне надеялись, что революция недолговечна, что все еще может измениться к лучшему, вернуться на «круги своя». Дети и дворянская молодежь в силу возраста не понимала произошедших перемен. Так, С.П. Раевский, которому в 1917 г. исполнилось 10 лет, вспоминал, что «конец семнадцатого и весь восемнадцатый год мы прожили безбедно и даже по времени роскошно» [10, с. 8]. Затруднения родителей они объясняли временными трудностями, общей «озабоченностью и неопределенностью». Перед старшим поколением вставали проблемы, связанные с поиском работы, места жительства и образования для детей. Зачастую они обвинялись в связях с контрреволюционными организациями, жили под угрозой ареста. Конечно, детей в силу их возраста родители старались оградить от трудностей жизни. Тем не менее они вынуждены были осваивать те навыки и умения, которые ранее им были несвойственны: выполнять домашнюю работу, готовить. Чтобы выжить, приходилось продавать вещи и драгоценности, искать работу, к чему дворянская молодежь оказалась абсолютно не приспособлена.

После окончания гражданской войны проблема цивилизационного выбора между эмиграцией и адаптацией к советским реалиям стала еще более острой и в психологическом плане оставалась нерешенной. В сознании российского дворянства было заложено сложившееся представление о естественности связи с народом и властью и своей избранности. Убеждение в особенностях, исключительности своего положения определяло образ мышления и поведение. Идея службы отечеству порождала чувство ответственности за судьбу страны, за общенациональные проблемы. Многовековые культурные стереотипы пришли в столкновение с действительностью, переход из мира господ в мир обычного человека, да еще лишенного прав, был чересчур резким и породил множество как культурных, так и психологических проблем. Разрушение старой культуры подразумевало и уничтожение ее носителей, психологическое или физическое. «Кто же теперь не знает — холод, голод, салазки, дрова, печурку, хождение по комиссариатским канцеляриям, разыскивание людей в папахах, говорящих о том, что вопрос надо рассматривать в такой-то “плоскости”, заполнение “анкет” о вашем отношении к советской власти...» [2, с. 302].

Постоянные новости о выселениях, ограблениях, расстрелах, арестах, издевательства со стороны представителей органов власти порождали страх и унижение, стремление убежать, раствориться, исчезнуть и чувство безысходности своего положения. Мучительно созревало решение покинуть Родину. Поэтому те представители дворянского сословия, которые имели возможность уехать, пытались вырваться из «большевистского ада».

Однако эмиграция была недоступна для большинства дворянства как в силу экономических, так и социально-психологических факторов. Тягостное прощание с прошлой жизнью особенно тяжелым было для дворян, выбравших путь эмиграции, они понимали, что навсегда прощаются с Родиной, друзьями, близкими. Зачастую не все члены семьи могли одновременно покинуть Родину в силу различных причин (болезни, отсутствия разрешения на выезд), семьи разбивались. Да и жизнь в эмиграции не давала им уверенности в завтрашнем дне, к тому же была тяжелой как в

экономическом, так и социокультурном плане. Обстановка эмиграции, в которой «все серо, бедно, безденежно и печально», тяжело сказывалась на всех представителях дворянства и не располагала к творчеству. Так, например, известный генеалог Леонид Михайлович Савелов в порыве отчаяния даже написал завещание, в котором требовал все, им написанное, сжечь. Только благодаря вмешательству его друга, оккультиста Г.В. Бостунича, он изменил свое решение [11, с. 8–9].

Наименее исследованной проблемой является положение дворян в советском социуме и условия их быта в качестве маргинальной социальной группы «бывшие люди». Мотивация дворян, оставшихся в России, была различной. В качестве причин были и нежелание отрыва от Родины, невозможность эмигрировать по различным причинам; желание работать на благо своей страны вне зависимости от правящего режима; вера в недолговечность большевистского режима; активное неприятие самодержавия и либеральные взгляды. Чтобы вписаться в новое общество, представителям дворянства необходимо было найти свое место в нем, выработать модель поведения.

В 1920-е – начале 1930-х гг., несмотря на отдельные случаи люмпенизации, бывшим дворянам удалось найти свое место на рынке труда. Карьера бывших дворян во многом определялась как их профессиональными качествами, так и случайностью. Владение иностранными языками и широкий кругозор в области искусства и гуманитарных наук определили в качестве основной сферы деятельности различные культурно-просветительные и образовательные учреждения, а также репетиторство. В воспоминаниях часто упоминается о попытках создания в начале 1920-х годов драматических кружков и домашних театров, постановке любительских спектаклей. Многие бывшие дворяне работали в школах и университетах. Например, С.М. Волконский работал преподавателем в Тамбовском народном университете, где читал лекции по искусству, актерской декламации и литературе. Затем работал преподавателем в Институте музыкальной драмы в Пролеткульте, принимал активное участие в создании Ритмического института, читал лекции в Красноармейском клубе имени Свердлова в Кремле, вел занятия на инструкторских курсах рабоче-крестьянского театра. Подполковник, член ученой архивной комиссии, краевед М.К. Паренаго (1876–1931) с 1918 по 1925 годы заведовал в Воронеже историко-культурным музеем и проявил на этом посту неординарные организаторские способности. Он много ездил по городам и селам Воронежской губернии, создавал краеведческие кружки, участвовал в оформлении Всероссийской сельскохозяйственной выставки, спасал памятники старины и произведения искусства, читал курс лекций по истории русского искусства. Декана историко-филологического факультета Воронежского государственного университета профессора М.Н. Крашенникова впоследствии ОГПУ обвинит в том, что он способствовал приему на работу бывшего царского офицера.

Бывшие дворяне работали во всех отраслях и сферах народного хозяйства, состояли на военной службе, были в государственном аппарате и занимались (в период НЭПа) частным предпринимательством. При устройстве на работу или поступлении на учебу необходимо было заполнить анкету, обязательным пунктом которой являлись вопросы о социальном происхождении и имущественном положении человека и его родственников до 1917 года. Отсутствие пролетарского происхождения затрудняло устройство на работу или поступление в вуз. Власть на практике не доверяла «буржуазным» специалистам, поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. значительная часть бывших дворян не могла найти работу, соответствующую уровню своей квалификации, и трудоустроиться. Особенно это касалось тех из бывших дворян, которые уже побывали под арестом. Княгиня И.Д. Голицына вспоминала о том, как безуспешно пытался найти работу ее муж, и приводила слова советских чиновников, опубликованные в газете: «Представьте себе, князь, настоящий князь, появился в нашем учреждении и просил, вернее, требовал работу. Это ничтожество, не утруждавшее себя в прошлом никаким трудом и только украшавшее себя звездами спереди и сзади, теперь решило делать что-нибудь полезное. Мы, разумеется, не удовлетворили его просьбу. Он не работал раньше — у него не будет работы и теперь» [5, с. 44].

Изменился и образ жизни бывших дворян. Ущемление в правах касалось не только работы, но и жилплощади. «Господа», «притеснители» из имений и город-

ских домов вынуждены были переселиться в коммуналки. Бывшие дворяне стремились держаться вместе и по возможности «уплотнились» за счет родственников и знакомых — людей своего социального и культурного круга. Очень часто «бывшие» дворяне попадали в тюрьму по доносу соседей, которые стремились улучшить свое жилищное положение или как «вредители». «Чтобы завладеть квартирой, достаточно было раскулачить владельца...» — вспоминал С.П. Раевский. Он подробно описал свою квартирную тяжбу, отметив, что слова соседа о том, что «Раевский — племянник министра Хвостова и генерал-губернатора Евреинова», по сути, решили вопрос о его выселении в районном народном суде [10, с. 434–456].

Интересны воспоминания дворянской молодежи о повседневной жизни Советской России в 1920–1930-х годах. С.П. Раевский подробно описал свою учебу в деревенской школе, создание в 1921 году комсомольской ячейки. Говоря о своих взаимоотношениях с другими учащимися, он отмечал, что активисты-комсомольцы относились к дворянам отрицательно, считали их «белоручками», не способными к трудовой жизни, и полагали вполне справедливым изъятие у помещиков их бывших усадеб и передачу их для нужд крестьянского населения.

Положительно оценивается в дворянских воспоминаниях введение новой экономической политики как годы относительной политической и экономической свободы. Бывшие дворяне отмечали, что НЭП оказал влияние на подъем экономической жизни страны, в магазинах появились продукты. При этом открытие различных артелей, промыслов и торговых предприятий бывшие дворяне связывали с предпринимательскими качествами нэпманов, «это были труженики на благо народа, но не забывавшие, конечно, и себя» [10, с. 216]. В воспоминаниях С.П. Раевского описана его работа во Всесоюзном электротехническом институте, театральная жизнь Москвы, упоминаются такие события, как строительство метро, Дворца Советов, эпопея «челюскинцев». Рассказывая о повседневной жизни, он упоминает об ухудшении жизненного уровня населения по сравнению с годами НЭПа. Так, применительно к 1930 году он писал: «Жизнь становилась все труднее, цены росли, деньги обесценивались. В 1931 году в городе исчезли все продукты, в магазинах — пустые прилавки, из продуктов кое-что давали по карточкам...» [10, с. 390].

Деятельности ОГПУ в воспоминаниях «бывших дворян» посвящены отдельные сюжеты. Так как обыски и аресты в 1918–1922 гг. коснулись практически всех дворянских семей, представители старшего поколения стремились «не высовываться», довольствовались непритязательными должностями, публично не показывали свою «особость» и свои политические убеждения, не говорили о прошлом и не обсуждали с посторонними и даже знакомыми людьми общественно-политические события. Однако для части дворянства, особенно молодежи, была характерна своеобразная жизненная наивность. Они не понимали опасности общения с миром новой элиты, не думали, что на определенном этапе новый режим сможет обойтись без профессиональных знаний и компетенций, которыми владели представители дворянского сословия. Княгиня И.Д. Голицына вспоминала, что при ее первом аресте следователи удивились ее молодости: «Они решили, что это ошибка, и спросили, нет ли в доме кого-нибудь другого с таким именем, а потом, игнорируя яростные протесты моей матери, спросили, сколько же мне лет. Когда узнали, что 23, то приказали одеться и собраться. Я была взволнована, мне казалось, что арест превращает меня в героиню» [5, с. 16].

О.В. Волков вспоминал: «Я много читал, что-то сочинял, ходил в театры и концерты, любил “круг друзей” и вечера, где можно было, приодевшись, шегольнуть не вполне утраченной светскостью. В мои двадцать с лишним лет все это выглядело настоящей жизнью, в чем-то перекликавшейся с тем, как некогда жили отцы и деды. Правда, время от времени действительность напоминала о себе: быстро облетала знакомые дома весть о чьем-нибудь аресте. Круг наш сужался. И я, хоть гадал при каждом таком случае — когда наступит мой черед? — все же не испытывал постоянного гнетущего ожидания» [3, с. 2].

Аресты друзей, знакомых и членов семьи в 1924–1927 гг. часто считались случайностью, а не закономерностью, тем более что нередки были случаи освобождения арестованных через два-три месяца. «Не представляли тогда люди, — вспоминал

С.П. Раевский, — что можно выдумывать искусственные процессы» [10, с. 342]. Начиная с 1928 г. ненависть, непонимание, травля, а затем репрессии стали уделом многих представителей дворянского сословия, которые полагали, что смогут приспособиться к новой реальности. «Для тридцатых годов было характерно: переживешь одну неприятность... как вдруг возникает новая», — отмечал С.П. Раевский, описывая рост цен и обесценивание денег, обыски и перевод в категорию «лишенцев», аресты «вредителей», политические процессы и митинги. Однако он отмечает, что «призывы партии и правительства, исторические речи товарища Сталина» вдохновляли молодежь идти на любые жертвы ради светлого будущего [10, с. 444]. Даже несмотря на масштабность репрессий в 1935–1937 гг., многие дворяне не понимали своей обреченности. С.П. Раевский вспоминал: «...мне встречались освобожденные из лагерей люди, считавшие, что их теперь не тронут, и они снова шли по канату» [10, с. 444].

Аннулирование юридического статуса дворянина, отчуждение собственности в пользу государства, фактическое лимитирование любых возможностей участия в общественно-политической жизни существенным образом повлияло на дворянское самосознание и идентичность. В условиях иной социальной реальности традиционные модели поведения не работали, и бывшим дворянам волей-неволей приходилось приспосабливаться к новому миру, который их не принимал. Новая властная элита полагала, что дворянство является фактором социального риска, который необходимо устранить. Активные члены партии и комсомола «разоблачали примазавшихся», которые скрывали свое социальное происхождение. Начались компании по выселению из Москвы и Петрограда «неблагонадежных» из числа родственников арестованных, продолжались аресты и расстрелы. Репрессионная политика 1930-х годов по отношению к сословию была нацелена на ликвидацию потенциальной оппозиции путем уничтожения возможности передачи культурных стереотипов от «дореволюционных» поколений к поколению детей и молодежи.

Библиографический список

1. Берто Д. Трансмиссия социального статуса в экстремальных ситуациях // Судьбы людей: Россия. XX век. М., 1996.
2. Волконский С.М. Воспоминания. М., 2004. Т. 2. Родина. Быт и бытие.
3. Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989.
4. Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е годы. СПб., 2000.
5. Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005.
6. Давыдов А.В. Воспоминания: 1881–1955. Нью-Йорк, 1955.
7. Ефремов С. И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.): социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
8. Ефремов С.И. Трудовая деятельность бывших дворян в СССР (1920–1930-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2011. № 2. С. 141–146.
9. Иванов В.А. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х годов: на материалах Северо-Запада РСФСР СПб., 1997.
10. Раевский С.П. Пять веков Раевских. М., 2005.
11. Савелов Л.М. Из воспоминаний. 1892–1903. Воронеж, 1996.
12. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.
13. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006.

References

1. Berto D. Transmissiia sotsial'nogo statusa v ekstremal'nykh situatsiiakh [Transmission of social status in extreme situations] in *Sud'by liudei: Rossiia. XX vek* [Destinies of people: Russia. XX century]. M., 1996 [in Russian].
2. Volkonsky S.M. *Vospominaniia* [Memoirs]. M., 2004. T. 2. Rodina. Byt i bytie [Vol. 2. Homeland. Everyday life and being] [in Russian].
3. Volkov O.V. *Pogruzhenie vo t'mu* [Immersion under cover of darkness]. M., 1989 [in Russian].

4. Gerasimova K., Chuikina S. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k sotsialisticheskomu Leningradu: izmenenie sotsial'no-prostranstvennoi struktury goroda v 30-e gody [From capitalist St. Petersburg to socialist Leningrad: change of social and spatial structure of the city in the 30-ies] in *Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni. Stanovlenie sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii. 1920–1930-e gody* [Norms and values of everyday life. Formation of a socialist way of life in Russia. 1920–1930-ies]. SPb., 2000 [in Russian].
5. Golitsyna I.D. Vospominaniia o Rossii (1900–1932) [Memories of Russia (1900–1932)]. M., 2005 [in Russian].
6. Davydov A.V. Vospominaniia: 1881–1955 [Memories: 1881–1955]. New York, 1955 [in Russian].
7. Efremov S.I. *Dvorianskaia sem'ia v Sovetskoii Rossii i SSSR (1917 – konets 1930-kh gg.): sotsiokul'turnyi aspekt. Avtoref. diss. ... k.i.n.* [Noble family in the Soviet Russia and the USSR (1917 – end of 1930-ies): sociocultural aspect. Extended Abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. M., 2011 [in Russian].
8. Efremov S.I. Trudovaia deiatel'nost' byvshikh dvorian v SSSR (1920–1930-e gg.) [Labour activity of former noblemen in the USSR (1920–1930-ies)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriia i politicheskie nauki»* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and political science»], 2011, no. 2, pp. 141–146 [in Russian].
9. Ivanov V.A. Missiia ordena: Mekhanizm massovykh repressii v Sovetskoii Rossii v kontse 20-kh – 40-kh godov: na materialakh Severo-Zapada RSFSR [Mission of an order: the mechanism of mass repressions in the Soviet Russia in the late 20-ies – 40-ies: on the materials of the Northwest of RSFSR]. SPb., 1997 [in Russian].
10. Raevskij S.P. Piat' vekov Raevskikh [Five centuries of Raevskij]. M., 2005 [in Russian].
11. Savelov L.M. Iz vospominanii. 1892–1903 [From memoirs. 1892–1903]. Voronezh, 1996 [in Russian].
12. Smirnova T.M. «Byvshie liudi» Sovetskoii Rossii. Strategii vyzhivaniia i puti integratsii. 1917–1936 gody [“The former people” of Soviet Russia. Strategy of survival and ways of integration. 1917–1936]. M., 2003 [in Russian].
13. Chuykina S.A. Dvorianskaia pamiat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody) [Noble memory: “former” in the Soviet city (Leningrad, 1920–30-ies)]. SPb., 2006 [in Russian].

*E.P. Barinova**

SOVIET RUSSIA OF 1920-IES ON THE PAGES OF NOBLE MEMOIRS

On the basis of analysis of memoirs of representatives of nobility, both emigrants, and remained in the Soviet Russia, estimates of everyday life of 1920-ies years are presented in the article. The analysis of the latest researches of historians in which changes in consciousness and behavior of representatives of nobility in the 1920–1930-ies are lit is given. Features of perception of daily occurrence are shown, their dependence on the extent of adaptation of «former» to the new social reality is noted. The comparative analysis of memoirs has shown a community of cultural stereotypes preventing social adaptation. It is emphasized that originally the policy of the ruling power has been aimed at social, cultural and psychological exclusion of representatives of pre-revolutionary elite, and in the early thirties on physical destruction of potential opposition, on exclusion of potential possibility of transition of cultural stereotypes from «prerevolutionary» generations to the generation of children and youth.

Key words: everyday life, memoirs, cultural stereotypes, adaptation, social risks, nobility, «former».

Статья поступила в редакцию 11/II/2016.

The article received 11/II/2016.

* *Barinova Ekaterina Petrovna* (rfnz25@yandex.ru), Department of Social-Humanitarian and Natural-sciences Disciplines, Samara institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, 87/35, Neverova/Lineinaia street, Samara, 443036, Russian Federation.

РАДИОУНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ УСТНОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1930-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТАССР)

Деятельность радиоуниверситета как устной формы антирелигиозной пропаганды была довольно обширно представлена в советской историографии, однако в связи с идеологической обусловленностью последней объективность трактовки материала вызвала сомнения в кругах современных исследователей, вследствие чего эта тема приобрела дискуссионный характер. Поворот к микроистории породил особый интерес к локальному аспекту проблемы, который до рубежа веков почти не затрагивался. Этнорелигиозная специфика ТАССР, отличавшая ее от остальных регионов советского государства, обособляет республиканский радиоуниверситет на фоне общесоюзной системы антирелигиозной пропаганды в 1930-е гг. В данной статье рассматривается разнообразие применявшихся форм устной антирелигиозной пропаганды в ТАССР, а также ставится вопрос о роли радиоуниверситета в вышеназванной системе. Особое внимание уделено анализу эффективности его воздействия на малограмотное население республики. В итоге автор приходит к выводу об устойчивости религиозного сознания верующих, проявивших сопротивление идеологическому давлению власти.

Ключевые слова: история советской России, радиоуниверситет, устная антирелигиозная пропаганда в 1930-е гг.

Тема антирелигиозной пропаганды и ее историографии затронута в диссертациях Р.А. Набиева, А.В. Татьянчикова и во многих работах советских историков, но весьма односторонне, так как в период написания этих исследований существовали достаточно строгие идеологические ограничения. В связи с этим все работы писались по определенной схеме, в которой предполагалось, что широкие народные массы активно поддерживали политику по секуляризации церковной собственности и ограничению роли религии в жизни общества. Вторая идеологема опиралась на тезис о том, что действия советской власти были закономерной реакцией на контрреволюционную деятельность РПЦ. Первый тезис дает повод усомниться, так как большинство населения составляли достаточно религиозные, по сути, крестьяне, второй тезис нуждается в проверке, но в современных условиях, так же как и раньше при изучении этой темы, на первое место выходит не стремление к истине, а опять-таки — идеология. Стремление понять, почему люди верующие вдруг начали бороться с религией, а точнее, с церковью, пока не доминирует ни в научном сообществе, ни в быденном сознании [2; 10; 15; 11; 13]

Разнообразие средств, применявшихся советской властью в антирелигиозной пропаганде, еще не стало предметом специального рассмотрения. В 1930-е годы в СССР и в Татарской автономной республике появилась новая форма идеологического воздействия на население — рабоче-крестьянский радиоуниверситет. Устная форма про-

* © Мухин В.Н., 2016

Мухин Владимир Николаевич (natallin1710@hotmail.com), Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

паганды, особенно в условиях низкой общей грамотности населения, была наиболее действенной. Популярным и общераспространенным техническим средством с максимальным охватом аудитории сделалось радио. Конечно же, в рассматриваемый период еще не в каждой квартире наличествовала радиоточка, но повешенные на уличные столбы громкоговорители уже становились обыденностью.

Идеологи внутренней государственной политики, разумеется, не могли не использовать этот источник информации. Примечательно, что открыл рабоче-крестьянский радиоуниверситет Е.М. Ярославский, советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, председатель «Союза воинствующих безбожников» [14, с. 104]. Главными лозунгами Союза были «Через безбожие – к коммунизму» и «Борьба с религией – это борьба за социализм». Лидер Союза Е.М. Ярославский полагал необходимым организовать систематическую антирелигиозную пропаганду, пытаясь предостеречь от необдуманных поступков своих не в меру ретивых единомышленников. Но в условиях усиления борьбы с религией любые призывы оставались только призывами. Цель была определена: религия как социальный институт должна быть упразднена.

В 1930-е годы в республике была подготовлена целая армия организаторов и пропагандистов атеизма. В атеистической работе в Татарии применялись самые различные формы и методы работы, которые были присущи всем районам страны. Наиболее традиционной, общедоступной формой работы в рассматриваемый период и являлась устная атеистическая пропаганда в рабочих и крестьянских аудиториях, лекции и беседы на естественнонаучные темы. В отчетах Союза воинствующих безбожников за различные периоды приводятся данные о количестве прочитанных лекций, докладов по республике: в 1927 г. – 214 (на русском языке 123, на татарском – 91); 1930 г. – 649; 1933 г. – 518; 1934 г. – 198; 1935 г. – 795 [8; 18]. Имелось лекторское бюро при ЦС Союза безбожников Татарской республики. Лекторы специализировались по определенным темам и циклам лекций. Так, при бюро были созданы естественнонаучный, исторический и социально-политический, методический отделы.

Среди различных форм атеистической работы были такие, как экскурсии в музеи и радиопередачи. В центральном антирелигиозном музее Казани с октября 1926 г. по октябрь 1927 г. было организовано 28 экскурсий с количеством участников 654 человека. Обычных посетителей за этот период было 11 640. С конца 20-х годов в Татарии организуется антирелигиозный радиоуниверситет.

Так происходило постоянно: то, что создавалось в Москве, дублировалось в Казани. Радиоуниверситет сначала был создан на московском радио. Е.М. Ярославский на открытии радиоуниверситета отмечал, что важнейшим направлением работы радиоуниверситета будет антирелигиозная деятельность, так как большинство слушателей – рабочие и крестьяне, а в этой среде, особенно у детей, до сих пор господствует религиозное представление о создании мира. Он отметил, что, несмотря на успех, достигнутый культурно-просветительной работой за двенадцать лет революции, значительная часть населения имеет мирозерцание, которое резко расходится с наукой. В связи с этим важно искоренить это мировоззрение и научить правильному представлению о мире, объяснить «сверхъестественные» явления. Особо он указал на то, что антирелигиозная пропаганда – есть частица классового борьбы и часть «великой культурной революции» [7, с. 13] .

Антирелигиозный радиоуниверситет в Татарии имел довольно разнообразную тематику передач. В календарном плане радиовещания на русском языке с октября 1929 г. по март 1930 г. значились следующие темы: «Вера и знания», «XII годовщина Октября и религия», «Марксизм и религия», «Советский закон и религия», «Ислам, его возникновение и развитие» и др. Передачи проводились в вечернее время по воскресениям 1 раз в 2 недели.

Советская официальная пропаганда утверждала, что начавшийся после Октябрьской революции отход верующих от религии и церкви стал массовым особенно в 1930-е годы. Провозглашалась победа научно-атеистического материалистического мировоззрения в сознании миллионов советских людей, что должно было стать

одним из важнейших завоеваний социализма в области культурной революции [12, с. 12]. В действительности изучение процесса отхода верующих от религии представляет определенную трудность. Как известно, не существует официальной и проверенной информации о принадлежности или непринадлежности личности к религии. Следовательно, полными и всеобъемлющими статистическими данными о динамике роста атеизма в республике мы располагать не можем. Считать проявлением массового отхода верующих от религии процесс закрытия церквей, мечетей и молитвенных домов вряд ли возможно, поскольку это было результатом административных решений, а не свободным волеизъявлением масс.

В спектре устной формы воздействия на массы находились не только радиоуниверситет, но и публичные лекции, беседы и читки, проведение разного рода кампаний. Как правило, лекционная работа особенно оживлялась перед наступлением религиозных праздников. В докладах, лекциях речь шла о вреде религиозных праздников и обрядов. Обычно перед началом религиозного праздника Пасхи рекомендовалось во всех кружках и ячейках СВБ изучить следующие темы: «Происхождение постов и религиозных праздников», «Жил ли Христос?», «Социально-экономические корни первоначального христианства». В основном упор в лекционной работе делался на разоблачении религиозной морали и несоответствии поведения самих священнослужителей религиозным нормам. Чаще всего читались лекции на темы: «Религия и новый быт», «Религия и нравственность», «Религия и культурная революция» [3; 9].

Традиционной формой организации массовой атеистической работы, широко использованной еще в первой половине 1920-х годов, было проведение антирелигиозных кампаний, в первую очередь антирождественских и антипасхальных кампаний. В отличие от 1920-х, в 1930-е годы антирелигиозные кампании стали более насыщенными по разнообразию приемов и содержательными по своим идеологическим нагрузкам. В ходе этих кампаний применялись практически все средства идеологического воздействия: лекции и беседы, тематические вечера, радио и печать, экскурсии в антирелигиозные музеи и кабинеты, художественные формы пропаганды (кино, театр, художественная самодеятельность, изобразительное искусство) [11, с. 158].

По мнению С.Л. Фирсова [16, с. 474], перепись населения, прошедшая в 1937 г., стала своего рода барометром религиозных настроений, имевших место в советском обществе. Внесенные в опросные листы по личному указанию Сталина вопросы о религиозных убеждениях дали потрясающую информацию: из 30 миллионов неграмотных граждан СССР старше 16 лет 84 % (или 25 миллионов) признали себя верующими, а из 68,5 миллиона грамотных – 45 % (или более 30 миллионов). Даже скорректированные властями, эти цифры заставляли признать явные неудачи тотальной борьбы с религией и Церковью. Декларированные цели достигнуты не были, хотя НКВД весьма много сделал для «искоренения» религиозных деятелей всех конфессий [17].

Библиографический список

1. Атеизм. URL: <http://www.ateismy.net/content/spravochnik/kritika/pjatiletka>.
2. Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1973. 215 с.
3. Вахитов М.Х. Культурная революция в Татарии (1917–1937 гг.). Казань, 1986.
4. Вопросы научного атеизма / ред. кол.: А.Ф. Окулов (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1966.
- Выпуск 4: Победы научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет. 463 с.
5. Воронцов Г.В. Массовый атеизм: становление и развитие. Л.: Лениздат, 1983. 182 с.
6. Государственно-конфессиональные отношения в России: учебное пособие / Р.А. Набиев, А. А. Гафаров, Р. Р. Ибрагимов. Казань: Казанский университет, 2013. 203 с.
7. Мутовкин Л.А. Из истории отечественного радио. Омск, 2008. 52 с.
8. НА РТ Ф. Р – 5263. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.
9. Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения. История, проблемы, уроки. Казань, 1991. 255 с.
10. Набиев Р.А. Политика Советского государства по отношению к религии и церкви в

1920–1930-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1992. 218 с.

11. Набиев Р.А. У истоков массового атеизма (Из опыта атеистической работы партийной организации Татарии в период строительства социализма (1917–1937 гг.)). Казань, 1984. 210 с.

12. Об антирелигиозной пропаганде. М., 1934.

13. Персиц М.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание условий для распространения атеизма в массах // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М.: Мысль, 1967. С. 15–37.

14. Савельев С.Н. Емельян Ярославский – пропагандист марксистского атеизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 104 с.

15. Татьянчиков А.В. Советская историография деятельности коммунистической партии по атеистическому воспитанию трудящихся в переходный период (1917 – конец 30-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Казань: Казанск. гос. университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 1988. 224 с.

16. Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. М.: ПСТГУ, 2014. 474 с.

17. Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка // НГ религии. 2002. 30 октября.

18. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 1712. Л. 32.

References

1. Ateismy. Retrieved from: <http://www.ateismy.net/content/spravochnik/kritika/pjatiletka> [in Russian].

2. Baltanov R.G. Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniia [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education]. Kazan: izd-vo Kazansk. un-ta, 1973, 215 p. [in Russian].

3. Vakhitov M.Kh. Kul'turnaia revoliutsiia v Tatarii (1917–1937 gg.) [Cultural revolution in Tatarstan (1917 – 1937)]. Kazan, 1986 [in Russian].

4. Voprosy nauchnogo ateizma [Issues of scientific atheism]. A.F. Okulov et al (Eds.). M.: Mysl', 1966. Vypusk 4: Pobedy nauchno-ateisticheskogo mirovozzreniia v SSSR za 50 let. Red. A.F. Okulov [i dr.] [Issue 4. Victories of scientific an atheistic mentality in the USSR in 50 years]. A.F. Okulov et al. (Eds.), 1967, 463 p. [in Russian].

5. Vorontsov G.V. Massovyi ateizm: stanovlenie i razvitie [Mass atheism: formation and development]. L.: Lenizdat, 1983, 182 p. [in Russian].

6. Nabiev R.A., Gafarov A.A., Ibragimov R.R. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniia v Rossii: uchebnoe posobie [State-confessional relations in Russia. Learning guide]. Kazan: Kazanskii universitet, 2013, 203 p. [in Russian].

7. Mutovkin L.A. Iz istorii otechestvennogo radio [From the history of national radio]. Omsk, 2008, 52 p.

8. NA RT F. P-5263. Op. 1.D. 9. L. 31 [in Russian].

9. Nabiev R.A. Na putiakh nauchnogo mirovozzreniia. Istoriia, problemy, uroki [On the ways of scientific mentality. History, problems, lessons]. Kazan, 1991, 255 p. [in Russian].

10. Nabiev R.A. *Politika Sovetskogo gosudarstva po otnosheniiu k religii i tserkvi v 1920–1930-e gg. Dis. dokt. ist. nauk* [Soviet policy towards religion and church between 1920 and 1930-ies. Doctor's of Historical sciences thesis]. Kazan, 1992, 218 p. [in Russian].

11. Nabiev R.A. U istokov massovogo ateizma (Iz opyta ateisticheskoi raboty partiinoi organizatsii Tatarii v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)) [At the origins of mass atheism. (From the experience of atheistic activities by communist party organization in the Republic of Tatarstan in the years of socialist development) (1917–1937)]. Kazan, 1984, 210 p. [in Russian].

12. Об антирелигиозной пропаганде [About anti religious propaganda]. М., 1934 [in Russian].

13. Persits M.M. Velikaia Oktiabr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia i sozdanie uslovii dlia rasprostraneniia ateizma v massakh [Great October Socialist Revolution and creation of environment to propagate atheism among the nation]. *Voprosy nauchnogo ateizma, vyp. 4* [Questions of scientific atheism. Issue 4]. М.: Mysl', 1967, pp. 15–37 [in Russian].

14. Saveliev S.N. Emel'ian Iaroslavskii – propagandist marksistskogo ateizma [Emelian Yaroslavsky – promoter of Marxist atheism]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976, 104 p. [in Russian].

15. Tatiianchikov A.V. *Sovetskaia istoriografiia deiatel'nosti kommunisticheskoi partii po ateisticheskomu vospitaniiu trudiashchikhsia v perekhodnyi period (1917 – konets 30-kh gg.): Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kand. ist. nauk. 07.00.01. Nauchn. ruk. A.A. Shishkin* [Soviet historiography of communist party activities in the sphere of atheistic education of

working class in the transition era (1917 – late 30-ies): Candidate's of Historical Sciences thesis 07.00.01. Scientific supervisor A.A. Shishkin]. Kazan: Kazansk. gos. universitet im. V.I. Ul'ianova-Lenina, 1988, 224 p. [in Russian].

16. Firsov S.L. «Vlast' i ogon'»: Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nach. 1940-kh gg.: ocherki istorii [“Power and fire”: Church and soviet state: 1918 – 1940-ies: history notes]. M.: PSTGU, 2014, 474 p. [in Russian].

17. Firsov S.L. Byla li bezbozhnaia piatiletka [Was there an atheistic five-year plan]. *NG religii*, 2002, October, 30

18. TsGA IPD RT [Central State Archive Historical Party Documents of the RT] F.15. Op. 3. D. 1712. L.32.

*V.N. Mukhin**

RADIOUNIVERSITY IN THE SYSTEM OF ORAL ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN 1930-IES (ON THE EXAMPLE OF TASSR)

The activity of radiouniversity as an oral tool of antireligious propaganda was represented rather widely in soviet historiography, however due to ideological constraints of the latter, the objectivity of their interpretation has been questioned by contemporary scholars in consequence of which this theme get polemical character. Turn to micro-history caused special interest to the local aspect of the problem which had been predominantly ignored in the previous years. Ethno-religious peculiarities of TASSR, which differ it from the other regions of the Soviet state, singles out the regional radiouniversity against the general system of soviet antireligious propaganda in the 1930-ies. This article looks at the diversity of forms of antireligious propaganda implemented in the TASSR as well as the question about the role of radiouniversity in the above mentioned system is placed. Special attention is paid to the analysis of its efficiency among semi-literate local population. The author concludes that the religious consciousness of the believers was rather high as well as their ability to resist ideological pressure of the authorities.

Key words: History of Soviet Russia, radiouniversity, oral anti religious propaganda in the 1930-ies.

Статья поступила в редакцию 17/III/2016.

The article received 17/III/2016.

* *Mukhin Vladimir Nikolaevich* (natallin1710@hotmail.com), Institute of International Relations, History and Middle Eastern Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, 18, Kremlevskaya street, Kazan, 420008, Russian Federation.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ И ГРУПП ПРОДЛЕННОГО ДНЯ
В РАМКАХ РЕФОРМЫ ШКОЛЫ 1958 ГОДА
(НА ПРИМЕРЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассматривается вопрос о причинах и начале возникновения таких форм организации образовательного процесса, как школы-интернаты и группы продленного дня. Отмечена связь системы образования с изменениями в социально-экономической сфере, которые, в свою очередь, приводят к изменениям в мотивациях поведения людей, в частности родителей. На основе анализа материалов областного архива исследован процесс становления школ-интернатов и групп продленного дня в Куйбышевской области в 50–60-е гг. XX века. Сделан вывод, что группы продленного дня были в свое время важным социально значимым начинанием. В рассматриваемый период производственная база страны расширялась, нужны были рабочие руки, начался массовый выход на производство женщин. В этой ситуации группы продленного дня оказались востребованными советскими семьями и настолько прижились в школе, что существуют по сей день, правда, уже не на общественных началах.

Ключевые слова: формы организации жизнедеятельности детей, группы продленного дня, школы-интернаты.

Настоящее время социологи характеризуют этапом атомизации социума, когда возрастает степень индивидуализации и свободы его членов. В значительной мере они связывают этот процесс с информатизацией и серверизацией общества [1, с. 192–197].

Одним из последствий этого процесса является тенденция «лидерства женщин». В России женщины давно уже получили реальные возможности на равных соперничать в сфере науки и образования. Для семьи это имело далеко идущие последствия.

Сегодня большинство родителей стремятся к профессиональной самореализации и значительную часть времени заняты делами. С другой стороны, будучи образованными людьми, они желают того же для своих детей – интеллектуального роста и духовного развития. Отсюда – выбор ими для своих детей занятий в группе продленного дня как прогрессивной формы организации жизнедеятельности детей. Статистика показывает, что практически все частные школы работают в режиме продленного дня, а в муниципальных учреждениях образования всех видов за последние годы резко возросло количество открываемых групп продленного дня, в особенности для учащихся 1–4-х классов.

Распространение получает и тенденция определения детей родителями в частные и государственные школы-интернаты, пансионаты.

Начало этому процессу было положено в период осуществления реформы образования 1958 года. 19 мая 1959 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли

* © Романова Г.А., 2016

Романова Галина Алексеевна (g_romanova@mail.ru), директор представительства Самарского университета в г. Сызрани, 446001, Российская Федерация, г. Сызрань, ул. Советская, 112.

специальное Постановление «О мерах по развитию школ-интернатов в 1959–1965 гг.» [2, с. 415–417]. В нем предусматривалось увеличение этого нового типа учебно-воспитательных учреждений с целью довести к 1965 году число учащихся в них до 2,5 млн человек. Предполагалось, что со временем количество родителей, желающих воспитывать своих детей в этих школах, будет возрастать. В журнале «Народное образование» тех лет можно увидеть плакаты, изображавшие женщину, занятую на производстве, ее детей, увлеченно играющих в группе продленного дня, и подпись: «Учеба и отдых, игры и труд – все для детей предусмотрено тут. И мамы довольны, заботу ценя: спасибо за школу продленного дня!».

Еще в 1958 году на Всесоюзном совещании хлопкоробов Н.С. Хрущев заявлял: «Надо посоветовать кроме жилых домов, больниц еще строить школы-интернаты. (...) Стройте школы-интернаты, приглашайте к себе учителей и воспитателей, с помощью них воспитывайте подрастающее поколение. Это важно не только для правильного коммунистического воспитания детей, но и для того, чтобы дать возможность их родителям в полную меру сил работать на производстве» [3, с. 16].

15 февраля 1960 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации школ с продленным днем» [2, с. 422–424]. Там указывалось, что наряду со школами-интернатами нужно создавать для детей и подростков школы с продленным днем, в которых дети должны были находиться под присмотром.

О масштабах преобразований можно судить по таблице 1.

Таблица 1

Планируемые показатели по школам-интернатам и группам продленного дня*

Число учащихся в школах-интернатах и группах продленного дня, в млн чел.	Учебный год			
	1960/1961	1961/1962	1962/1963	1963/1964
	1,19	1,5	2,0	2,4

* Таблица составлена по данным: КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. док. М., 1963. С. 422 – 424.

По вопросу о школах-интернатах сложились две основные точки зрения: первая представлена М.Н. Скаткиным: «...в этих школах-интернатах – черты школ будущего» [4, с. 180]. Официальное мнение по этому вопросу, на наш взгляд, наиболее полно представлено в следующем высказывании: «Школе принадлежит решающая роль в формировании мировоззрения человека и его нравственных принципов. Однако на сознание ребенка воздействуют многие факторы, которые не всегда поддаются учету, а при определенных обстоятельствах оказываются и противодействующими воздействию школы. К такого рода факторам относятся, прежде всего, пережитки старого быта, “родимые пятна” буржуазного общества, собственные традиции, национальные и религиозные предрассудки, которые не всегда различимы на поверхности нашей общественной жизни, но еще гнездятся в узком мирке отсталых семей. Семья, как известно, является самым стойким хранителем всякого рода пережитков» [5, с. 8].

Второе мнение изложил В.А. Сухомлинский: «Полноценное общественное воспитание личности – это воспитание, осуществляемое семьей и школой. Жизнь опровергла надуманную идею о том, что якобы школой будущего является школа-интернат. Никакое воспитательное учреждение, каким бы идеальным оно ни было, не может хранить моральные ценности и богатства народа так бережно, воплощать их в глубоких человеческих отношениях так глубоко, как семья» [6, с. 11]. Некоторые авторы отмечают, что в те годы такие понятия в профессиональном лексиконе, как «чуткость», «доброта», «сочувствие», «сопереживание», звучали резким диссонансом казенной отупляющей пошлятины, низводящей ребят даже не до «винти-

ков», а до пластмассовых зубцов одной бесконечной «педагогической гребенки» [7, с. 393]. А Сухомлинский звал учителей к другому: «Мастерство воспитания начинается с глубокого, пристального внимания воспитателя к индивидуальности каждого воспитанника, к его интересам, запросам...», «недопустимо воспитание оптом». Примечательно, что позиция известного павлышского педагога вызвала эмоциональную полемику в учительской прессе. В «Учительской газете» от 18 мая 1967 года была опубликована статья Б.Т. Лихачева, профессора Вологодского пединститута, «Нужна борьба, а не проповедь», направленная против абстрактного гуманизма и его проповедника В.А. Сухомлинского. Статья была написана вполне в духе полемической стилистики того времени: «На зло и правду надо воспитывать не личный, а классовый взгляд», «вместо конкретной и четкой программы, изложенной в Моральном Кодексе строителей коммунизма, вводится туманное понятие, именуемое «человечностью» и так далее.

Однако в Куйбышевской области было больше сторонников официальной точки зрения, которая, впрочем, базировалась на вполне прагматических основаниях. Главной задачей всей системы образования тогда было выполнение всеобуча, планы которого постоянно срывались. В.В. Гаранин называл виновных в его срыве в 1957 году: исполкомы и их отделы народного образования, а также родители, которые использовали детей на домашних работах и не пускали в школу. Чиновники от образования видели выход в создании школьных интернатов, которые, как мыслилось, избавят нерасторопные исполкомы от проблемы доставки сельских детей в школы (свыше 17 тысяч учащихся проживали на расстоянии 3 и более километров от школы), а самих детей — от несознательных родителей.

Интернаты, по признанию В.В. Гаранина, влачили жалкое существование: не хватало мебели, кроватей (дети спали по двое), мягкого инвентаря, не организовано коллективное питание детей [8, с. 63]. В 1957 году в Куйбышевской области было 4 школы-интерната. За период 1959–1965 гг. намечалось вновь открыть 84 интерната на 37,5 тыс. воспитанников. На 1959 год планировалось строительство 4 школ-интернатов. Однако к концу 1959 года из 42,8 млн рублей, выделенных на строительство школ-интернатов и общежитий к ним, освоено было только 22,4 млн рублей (50 %). Строительные работы тормозились из-за недостатка рабочей силы, отсутствия механизмов и строительных материалов. В целом положение оценивалось как тяжелое [9, с. 24]. Надо отдать должное постоянной комиссии по народному образованию при облисполкоме, которая будировала общественность своими обращениями, ходатайствами, запросами. Однако результаты бурной деятельности в этом направлении оказались скромными: к 1960 году в области было 11 интернатов, в которых обучалось 1549 учащихся [10, с. 139]. К 1963 году их стало 28 с числом учащихся 14 442. Но и эти показатели оказались впечатляющими для Министерства просвещения РСФСР, которое в лице министра Е. Афанасенко отметило Куйбышевскую область в числе передовых, выполнивших и даже перевыполнивших план открытия школ-интернатов [11, с. 9]. Динамика изменения сети интернатов в Поволжском регионе в исследуемый период представлена в таблице 2.

Сравнительный анализ положения со школами-интернатами в Куйбышевской области и у ее соседей по региону — Пензенской и Ульяновской областей — обнаруживает, что Куйбышевская область действительно оказывается к 1963 году в числе передовых по введению в строй школ-интернатов. Это конкретно подтверждает новые явления в образовательной политике области в исследуемый период.

15 февраля 1960 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации школ с продленным днем» [2, с. 422–424]. Там указывалось, что наряду со школами-интернатами нужно создавать для детей и подростков школы с продленным днем, в которых дети должны были находиться под присмотром.

В 1961 году ивановские учителя выступили с инициативой организовать группы продленного дня на общественных началах. В Куйбышевской области инициативу поддержали Усольская средняя и Мазинская 8-летняя школы. Члены постоянной комиссии по народному образованию при облисполкоме с умилением отмечали:

Таблица 2

Динамика изменения сети интернатов в Поволжском регионе в исследуемый период*

Регион	Школы – интернаты		
	Число школ в 1963 году	Кол-во уч-ся в 1958/59 гг.	Кол-во уч-ся в 1963/64 гг.
Куйбышевская обл.	28	902	14442
Пензенская обл.	10	183	3287
Саратовская обл.	19	1672	7070
Ульяновская обл.	18	1548	5188

* Таблица составлена по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1963 году: стат. сб. М., 1965. С. 515.

«Оказывается, учителя достаточно сознательный и коммунистически воспитанный народ и без особых уговоров согласились на работу по 3–4 часа в неделю в группах продленного дня на общественных началах. У них есть моральный стимул – они видят плоды своих трудов» [12, с. 5].

Однако чиновники понимали, что одними моральными стимулами не обойтись, поэтому для учителей, занятых в ГПД, предусматривались дополнительный недельный отпуск, бесплатные путевки за счет профсоюза и других средств, поощрение в виде звания «Отличник народного просвещения» – по тем временам стимулы весомые.

В 1960 году в Куйбышеве вновь созданы 3 школы продленного дня (№ 104, 106, 31) и в них 20 групп продленного дня с охватом 598 учащихся.

Всего в областном центре при 40 школах города работали 47 групп продленного дня, в которых пребывал 1391 учащийся. Общим недостатком в деятельности этих групп были теснота помещений и плохое оборудование [12, с. 21]. Постоянная комиссия при облисполкоме депутатов трудящихся неоднократно ставила на контроль работу групп продленного дня. Была разработана памятка для проверяющих, в которую вошли следующие вопросы: кем открыта группа, сколько детей ее посещает, кто работает и на каких условиях, в каком помещении занимаются, какая работа проводится, связь группы с домами пионеров, клубами, организация питания, развитие интересов, склонностей учащихся, имеется ли родительский комитет, успеваемость детей [13, с. 23].

Группы продленного дня (ГПД) рассматривались в качестве альтернативы школам-интернатам, которые, как выяснилось, не могли брать всех детей. В ГПД шли дети двух категорий: из семей, где ребят держат под контролем, и из семей, где родители сильно заняты (руководящие работники, старые, больные). Эти последние дети считались потенциально опасными разного рода чрезвычайными происшествиями, поэтому пребывание их в ГПД было полезным [14, с. 33].

Специалисты не уставали повторять, что пребывание детей в ГПД не должно стать продолжением уроков по 45 минут каждый с 10-минутными переменами. Чтобы предупредить переутомление детей, предлагалось вводить подвижные игры, прогулки на свежем воздухе, шахматы и пр. Большое внимание уделялось введению самоуправления в ГПД. Ребятам предлагалось избрать старосту, физорга, учком из 2–3 сильных учеников. И конечно же, необходимо было наладить питание.

Сегодня, когда со времени реформы прошло более 45 лет, можно говорить о том, что группы продленного дня были важным социально значимым начинанием. Страна жила в условиях душевного подъема, вызванного «оттепелью», успехами советской космонавтики, верой в светлое завтра. Производственная база расширялась, нужны были рабочие руки, начался массовый выход на производство женщин. Понятно, что традиционная патриархальная семья, когда мать занималась хозяйством и воспитанием детей, изживала себя. В этой ситуации группы продленного дня оказались востребованными советскими семьями и настолько прижились в школе, что существуют по сей день, правда, уже не на общественных началах.

Библиографический список

1. Новиков А.С. Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» // Теория и история. 2009. № 2.
2. КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. док. М., 1963.
3. Народное образование. 1958. № 6.
4. Скаткин М.Н. Избыток содержания ума или гармоническая личность? // Москва. 1966. № 1.
5. Народное образование. 1962. № 7.
6. Сухомлинский В.А. Воспитание личности в советской школе. Киев, 1965.
7. Народное образование в России // Исторический альманах. 2000. № 10.
8. ГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 284.
9. ГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 552.
10. Культурное строительство в Куйбышевской области (1938–1977 гг.). Куйбышев, 1982.
11. Народное образование. 1959. № 1.
12. ГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 845.
13. ГАСО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 941.
14. ГАСО. Ф. 2558. Оп. 10. Д. 645.

References

1. Novikov A.S. Atomizatsiia obshchestva i ee rol' v stanovlenii «obshchestva mass» [Atomization of society and its role in the formation of the society of masses]. *Teoriia i istoriia* [Theory and history], 2009, no. 2 [in Russian].
2. KPSS o kul'ture, prosveshchenii i nauke. Sb. dok [Communist Party of the Soviet Union on culture, education and science. Collection of documents]. M., 1963 [in Russian].
3. *Narodnoe obrazovanie* [Popular education], 1958, no. 6 [in Russian].
4. Skatkin M.N. Izbytok sodержaniia uma ili garmonicheskaia lichnost'? [Excess of the content of mind or harmonic personality?]. Moscow, 1966, no. 1 [in Russian].
5. *Narodnoe obrazovanie* [Popular education], 1962, no. 7 [in Russian].
6. Sukhomlynsky V.A. Vospitanie lichnosti v sovetskoi shkole [Character education in the Soviet school]. Kiev, 1965 [in Russian].
7. Narodnoe obrazovanie v Rossii [Popular education in Russia] in *Istoricheskii al'manakh* [Historical Almanac], 2000, no. 10 [in Russian].
8. GASO. F. 2558. Op. 10. D. 284 [in Russian].
9. GASO. F. 2558. Op. 10. D. 552 [in Russian].
10. Kul'turnoe stroitel'stvo v Kuibyshevskoi oblasti. (1938–1977 g.g.) [Cultural construction in the Kuibyshev Region (1938–1977)]. Kuibyshev, 1982 [in Russian].
11. *Narodnoe obrazovanie* [Popular education], 1959, no. 1 [in Russian].
12. GASO. F. 2558. Op. 10. D. 845 [in Russian].
13. GASO. F. 400. Op. 3. D. 941 [in Russian].
14. GASO. F. 2558. Op. 10. D. 645 [in Russian].

**ORGANIZATION OF BOARDING SCHOOLS AND EXTENDED DAY CARE
GROUPS IN THE FRAMEWORK OF THE SCHOOL REFORM OF 1958
(ON THE EXAMPLE OF THE KUIBYSHEV REGION)**

The article discusses the issue of causes and beginning of boarding schools and extended day care groups as forms of organization of educational process. The connection between the education system and changes in social and economic sphere, which, in turn, lead to the changes in motivation of people's behavior, parents in particular, is noted. Based on the analysis of materials of regional archive the process of establishment of boarding schools and extended day care groups in the Kuibyshev Region in 50–60-ies of the XX century is studied. The conclusion is made that extended day care groups were in due course significant socially important undertaking. During the period under consideration the production facility of the country extended, hands were needed, and mass yield on production of women began. In this situation extended day care groups turned out to be popular among Soviet families and so much caught on at school, that exist up to now, however, not on a voluntary basis.

Key words: forms of organization of children's life, extended day care groups, boarding schools.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* Romanova Galina Aleekseevna (g_romanova@mail.ru), Head of the Syzran branch of Samara University, 112, Sovetskaya street, Syzran, 446001, Russian Federation.

ПЕТР СЕРАФИМОВИЧ КАБЫТОВ: К ЮБИЛЕЮ ИСТОРИКА

В статье рассмотрены основные вехи научного пути известного российского историка П.С. Кабытова, освещены ключевые направления его исследовательской и научно-организаторской работы. Охарактеризован его вклад в разработку вопросов аграрной истории России второй половины XIX – начала XX в. Предметом анализа историка были не только социально-экономические отношения в российской деревне, но и психологический облик крестьянства, его менталитет, восприятие крестьянами тех перемен, которые совершались в пореформенной России. П.С. Кабытов стал одним из основателей и неформальных лидеров сообщества историков-аграрников Среднего Поволжья. Особое внимание уделено вкладу исследователя в создание обобщающей картины развития и конкретно-исторического исследования обширного региона на Юго-Востоке Европейской России, составной частью которого являлось и Самарское Поволжье. Показано, что под руководством П.С. Кабытова в Самаре сложилась историческая школа, интенсивно разрабатывающая проблемы общероссийской и региональной истории, историографии и методологии исторической науки.

Ключевые слова: П.С. Кабытов, аграрная история, историография, региональная история, Юго-Восток Европейской России, Среднее Поволжье, Самарский университет.

20 июня 2016 года исполняется 75 лет
доктору исторических наук, профессору,
заслуженному деятелю науки РФ
Петру Серафимовичу Кабытову.

«Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты» – так говорят иногда, переиначивая известную поговорку. Петр Серафимович Кабытов в своих воспоминаниях цитирует любимых писателей, у которых он учился отношению к жизни. В их числе – кумир советских подростков Джек Лондон и культовый писатель современности Харуки Мураками. Это неожиданное и яркое соседство, на наш взгляд, свидетельствует о человеческих качествах П.С. Кабытова: верности себе и в то же время – открытости новому. Сочетание этих качеств стало основой его научной работы и профессиональных достижений.

П.С. Кабытов принадлежит к поколению «детей войны»: его отец ушел на фронт в сорок первом, через несколько дней после рождения сына, и так и не вернулся с войны. Мальчик, оставшийся единственным мужчиной в семье, пережил голодное послевоенное детство; отдушиной и спасением для него становилось чтение. Пройдя трудный путь – завод, будни рабочей глубинки, армейскую службу, – он поступил в Казанский университет, на историко-филологический факультет.

* © Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б., 2016

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), *Леонтьева Ольга Борисовна* (oleontieva@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Студенчество Петра Серафимовича пришлось на шестидесятые годы – время «оттепели» с ее атмосферой открытости переменам, новизны, веры в лучшее будущее. Выбор проблематики научной работы молодого ученого стал судьбоносным для него во многих отношениях. Прежде всего, признается сам Петр Серафимович, аграрная история России волновала его как крестьянина по происхождению (историю крестьянского рода Кабатовых-Кабытовых ему впоследствии удалось проследить в глубь времен, до рубежа XVIII–XIX вв.). Знаковым оказался и выбор научного руководителя: учителем и наставником П.С. Кабытова стал Иван Михайлович Ионенко – приверженец формировавшегося тогда «нового направления» в исторической науке, активный участник научных дебатов о судьбах российского сельского хозяйства накануне революции 1917 г., всегда стремившийся «держать руку на пульсе дискуссий» [14, с. 131]. Вероятно, именно тогда сформировалась одна из ключевых особенностей характера и стиля научной работы Петра Серафимовича: огромная научная интуиция, чувство нового. Опыт учебы и профессионального становления в Казанском университете с его уникальным полуторавековым прошлым и давними научными традициями пригодился Петру Серафимовичу, когда он в конце 1960-х приехал на работу в только что созданный Куйбышевский государственный университет, где все традиции приходилось закладывать заново, создавать «с чистого листа».

Аграрная проблематика всегда была стержневой в научной работе П.С. Кабытова. Его кандидатская диссертация (защищена в 1972 году в Казанском государственном университете) была посвящена поволжской деревне накануне Февральской буржуазно-демократической революции, докторская (защищена в 1983 году в Московском педагогическом государственном университете) – аграрным отношениям в Поволжье периода империализма [7]. Центральной проблемой этих работ была постепенная трансформация традиционного патриархального уклада русской деревни в условиях пореформенного общества, формирование аграрного капитализма. Уже в первых крупных исследованиях П.С. Кабытова проявилась его яркая новаторская манера, стремление выйти за рамки господствовавшей в то время методологии изучения аграрной истории. Как пишет М.И. Роднов, «автор в книге 1982 г. воссоздал противоречивый и яростный мир поволжской деревни, где было все: нищая патриархальная община и успешный кулак-фермер, мощная агрофирма купца-хлеботорговца и упадочная дворянская усадьба» [32, с. 21]. В ходе творческой эволюции ученого эта проблематика обогащалась новыми гранями. Так, в 1988 г. П.С. Кабытов стал одним из соавторов книги «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения», где предметом анализа были не только социально-экономические отношения в российской деревне, но и психологический облик крестьянства, его менталитет, восприятие крестьянами тех перемен, которые совершались в пореформенной России [20]. Позднее эти проблемы были развиты им в монографии «Русское крестьянство в начале XX века» (Самара, 1999), где П.С. Кабытов поставил целью проследить «изменения в социальной психологии крестьян на переломных этапах отечественной истории, их поведение и настроения накануне выступлений и в ходе социальных конфликтов», понять, как и почему крестьянство перестало быть «сплошной социальной опорой самодержавия» и пришло к «осознанию необходимости коренного изменения общества» [12, с. 4–6].

П.С. Кабытов стал одним из основателей и неформальных лидеров сообщества историков-аграрников Среднего Поволжья. Именно по его инициативе традиционно проводившиеся межрегиональные конференции историков-аграрников получили статус всероссийских [27; 33].

Тема аграрных преобразований начала XX века, в свою очередь, вывела П.С. Кабытова на проблему «роли личности в истории»: центральным героем ряда его работ стал Петр Аркадьевич Столыпин, «последний реформатор Российской империи» [11]. Поставив задачу создать объективный исторический портрет Столыпина, изобразить его без «рогов» или «нимба», то есть без идеологической предвзятости, П.С. Кабытов обратился к таким аспектам биографии своего героя, как повседневная жизнь Столыпина-семьянина, хозяйственная деятельность Столыпина-помещика, будни Столыпина-чиновника. Это позволило ему предложить свои ответы на дискуссионные вопросы – о том, когда именно сформировались убеждения Столыпина и его программа

преобразований, о причинах стремительного карьерного взлета Столыпина в годы первой русской революции и финального поражения его реформаторского курса.

Таким образом, в научной биографии П.С. Кабытова отразился антропологический поворот, характерный для исторической науки XX века: углубленное изучение социально-экономических процессов привело его к осознанию необходимости понять «человека в истории», реконструировать менталитет больших социальных групп и неповторимый жизненный круг отдельной личности.

Петру Серафимовичу свойственно заниматься широким кругом проблем. Наряду с фундаментальными проблемами российской истории — историей крестьянства, сельского хозяйства, социального реформаторства — он разрабатывает проблемы региональной истории Среднего Поволжья. Объяснения этому можно найти в поворотах его судьбы. В начале 1970-х гг. для приехавшего из Казани молодого ученого самарская действительность, реалии совсем недавно основанного университета оказались во многом неожиданными. Нужно было с головой погрузиться в этот новый мир, стать в нем своим, принять для себя и своих близких «новую родину». И одним из способов адаптации стало историческое краеведение — изучение истории Самары и Самарского Поволжья. Кабытов вспоминает, как при первой встрече с ним тогдашний заведующий кафедрой, профессор Ефрем Игнатьевич Медведев, объяснял молодому преподавателю, что местная история полностью изучена предшествующими поколениями историков и краеведов. И действительно, перед специалистами истфака университета была прежде всего поставлена задача обобщения всего того, что было раньше написано К.Я. Наякшиным и другими историками, подготовка обобщающих учебных пособий.

Однако утверждению такого подхода помешал ряд обстоятельств, одно из которых, на наш взгляд, являлось знаковым. Коллектив преподавателей нового исторического факультета формировался из выпускников Московского, Ленинградского (Санкт-Петербургского), Казанского, Саратовского и других ведущих университетов страны. Перспективы работы над обобщающими, небольшими по объему краеведческими пособиями были им явно не по нраву. Наиболее явно это проявилось в начале 1990-х гг., когда на факультете шла работа над так называемой «Самарской летописью». Одним из организаторов и вдохновителей этого проекта стал сменивший Е.И. Медведева в должности заведующего кафедрой дореволюционной отечественной истории (в настоящее время — кафедрой российской истории) Петр Серафимович Кабытов. Было решено подготовить трехтомное, основанное на широкой источниковой базе конкретно-историческое исследование. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. можно было отказаться писать «по-старому». Новое издание должно было основываться на современной методологии и исследовательской методике для изучения, казалось, не слишком научной (в глазах исторического сообщества того времени) краеведческой проблематики. Для его подготовки были проведены серьезные изыскания в архивах Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Ульяновска, Самары и других городов.

Петр Серафимович с головой погружается в решение этой нелегкой задачи. Костяк творческого коллектива, работавшего над этим проектом, составили в основном сотрудники руководимой им кафедры (Г.И. Матвеева, М.И. Леонов, Н.Н. Кабытова), а также недавно защитившиеся молодые специалисты (П.И. Савельев, Л.М. Артамонова, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов). Впоследствии для многих из них самарская история становится одним из основных направлений научной деятельности. Развитие отечественной науки подтвердило оправданность подхода П.С. Кабытова и возглавляемого им научного коллектива: региональная история в наши дни является одним из самых быстро развивающихся и методологически актуальных направлений исторической науки.

Вряд ли имеет смысл перечислять все статьи и книги, написанные Кабытовым — индивидуально или в соавторстве — по истории Самарского края. После издания «Самарской летописи» еще несколько крупных проектов, выполненных в этом направлении, стали знаковыми для ученого. В работе над ними постепенно складывалась общая историческая концепция развития Самарского края в составе российской государственности, расширялись и усложнялись методы его изучения; накапливалась новая репрезентативная источниковая база. По-настоящему значимой для историков университета стала подготовка «Истории Самарского Поволжья с древнейших

времен до наших дней». Этот многотомный труд стал поистине уникальным для такого регионального центра Российской Федерации, как Самара. «История Самарского Поволжья...» была подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Интеграция» и вышла в 2000 г. в издательстве «Наука» [15–17].

Продолжением этих «самарских штудий» стала монография П.С. Кабытова и его коллег «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы», выдержавшая два издания – в 2011 и 2015 гг. [5; 6].

Вопросы самарской проблематики неоднократно поднимались П.С. Кабытовым на региональных и всероссийских краеведческих конференциях, обсуждались с С.О. Шмидтом и другими российскими историками. Работа по поручению Сигурда Оттовича над публикацией «самарской» части мемуаров выдающегося отечественного историка М.Н. Тихомирова подтолкнула профессора Кабытова к реализации еще одной идеи – подготовке и изданию многотомной «Классики Самарского краеведения». Пять выпусков «Классики...», в которой были собраны новые материалы и источники, незаслуженно забытые работы отечественных историков и краеведов, были изданы в 2002–2008 гг. [22–26].

Выполнение этих и ряда других проектов позволило создать своеобразную «самариаду», для подготовки которой понадобилось существенно модернизировать сложившиеся представления об истории Самарского края, провести дополнительные длительные исследования в центральных и местных архивах, сформировать дееспособный творческий коллектив из ученых различных вузов и научных центров Самары.

Ведение ряда крупных научно-исследовательских проектов под руководством Петра Серафимовича способствовало становлению своеобразной «исторической школы» Кабытова, основу которой составили прежде всего сотрудники кафедры российской истории и других подразделений исторического факультета Самарского государственного университета. Эта историческая школа складывалась в процессе совместной многолетней работы коллектива единомышленников по самым различным проблемам российской и региональной истории; над общими темами, крупными многотомными исследованиями, грантами, госбюджетными темами и договорами.

Разрабатываемые совместные проекты были посвящены как общероссийской, так и региональной тематике, анализу методологических, историографических и источниковедческих проблем. В их рамках отчетливо наблюдалась тенденция к развертыванию обобщающей картины развития и конкретно-исторического исследования обширного региона на Юго-Востоке Европейской России, составной частью которого являлось и Самарское Поволжье. С первых совместных статей и монографий 1990-х – начала 2000-х гг. у П.С. Кабытова и его коллег начинают складываться пока еще самые предварительные контуры общей концепции развития пограничных, окраинных территорий в составе Московского государства и Российской империи.

Результаты многолетней работы по данному научному направлению были изложены в двух томах коллективного исследования, а также в учебном пособии, вышедших в 2013–2014 гг. в рамках выполнения Федеральной целевой программы. Основная проблема, решаемая в данном проекте, состояла в выявлении и изучении составляющих сложного и неоднозначного процесса развития региона Средней Волги и Заволжья в составе России. Коллективом историков были проведены научно-исследовательские работы, направленные на изучение особенностей становления цивилизационного пространства современной России на примере ее окраинной территории. Новые подходы к историческому процессу, современные методы исследования позволили выявить и исследовать на этой российской «окраине» неустанную деятельность множества различных акторов по созиданию единого социального, экономического, культурного пространства страны с учетом исторических изменений социокультурного облика и внутримперского статуса изучаемого региона на протяжении периода «большой длительности» – с середины XVI до начала XX вв.

Впервые в отечественной историографии самарские историки сформулировали положение об историческом развитии Юго-Востока Европейской России как особого пространства «обретения родины» для самых различных народов: автохтонного населения Среднего Поволжья, русских, украинских и других переселенцев. В результате

на ранее слабозаселенных землях «дикого поля» сложилась новая историко-культурная область, население которой создало свою региональную идентичность [28; 29; 34].

Научным итогом исследования стала оригинальная концепция истории обширного региона, выделение важнейших этапов его развития. Здесь был предпринят анализ характерных черт, объединяющих Среднее Поволжье с другими центральными и окраинными регионами страны, и вместе с тем показана специфика, выделяющая его из общероссийского пространства. Следует особо подчеркнуть концептуальное положение авторов этого проекта: «В осваиваемых, колонизируемых регионах Российского государства складывался новый тип общества: модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения “окраин”» [19, с. 122].

Вывод о том, что к началу XX века «внутренняя окраина» превратилась в особое историко-культурное пространство со своим узнаваемым обликом, в «общую родину» для его многоликого населения, благожелательно приняла широкая научная общественность. В ведущих научных журналах России был опубликован ряд положительных рецензий.

Организаторский талант, научная интуиция, впечатляющие коммуникативные способности Петра Серафимовича Кабытова в полной мере проявились и в работе над вышеназванными проектами, и во многих других сферах науки.

1990-е годы, переломные и для страны в целом, и для судеб отечественной науки в частности, были трудными, но в то же время открыли перед учеными новые возможности, в том числе возможность установления широких научных контактов и сотрудничества с зарубежными коллегами. Петр Серафимович на этом этапе выступил в качестве инициатора целого ряда перспективных международных научных проектов. Важной вехой в его научной биографии и в судьбе кафедры российской истории стало сотрудничество с историками университета штата Мэриленд (США): византинистом Дж. Маджеска и специалистом по советской истории М. Дэвид-Фоксом (сейчас он возглавляет известный исторический журнал *Kritika*). Результатом совместного проекта двух университетов стала публикация трехтомной антологии «Американская русистика: Вехи историографии последних лет» (2000–2001), где были опубликованы переводы работ американских историков, занимающихся изучением истории России, от времен Киевской Руси до советской эпохи. Как объясняет П.С. Кабытов замысел этого труда, ему представлялось важным, чтобы преподаватели и студенты «сумели мобилизовать ту научную литературу, которой в Самаре просто нет, познакомиться с иной исследовательской традицией» [13, с. 125–126]. Результат превзошел ожидания: впервые отечественному читателю стала доступна столь обширная и качественная подборка исследований по российской истории, выполненных ведущими американскими учеными: в числе авторов Т. Барретт, П. Бушкович, К. Кларк, С. Коткин, М. Раев, А. Рибер, Ю. Слезкин, П. Холквист, Ш. Фицпатрик, Г. Фриз, Л. Энгелстейн и другие классики современной зарубежной историографии. На страницах антологии были представлены новые актуальные методологические подходы к изучению истории: «новая социальная история», история империй, колонизации и фронта, история идентичности и менталитета, история повседневности, историческая семиотика, история понятий... «Конечно, взгляд со стороны на наше историческое прошлое может шокировать российского читателя непривычностью ракурса, но он будоражит ум историка, заставляя обратить внимание на ту проблематику, которая ранее оставалась в тени нашего исторического сознания» [21, с. 4], — отмечал П.С. Кабытов во вводной статье ко второму тому антологии. «Американская русистика» встретила заинтересованные отклики не только российской, но и мировой научной общественности [35].

Опыт сотрудничества с зарубежными коллегами получил развитие в середине 2000-х гг., когда вышла в свет антология «Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет». Составителями ее наряду с П.С. Кабытовым стали профессор университета Лас-Вегаса П. Верт, специалист по истории национальной и конфессиональной политики Российской империи, и А.И. Миллер, один из ведущих отечественных специалистов по истории империй и национализма. В эту антологию были включены переводы уже не только с английского, но также с немецкого, французского, литовского языков. Темой этого издания стало «имперское измерение российской истории»: национальная и конфессиональная политика Российской империи, становле-

ние российской этнографии и практики научного изучения разнообразных народов империи, проблемы взаимопонимания различных народов, формирование национального самосознания и столкновение этнических стереотипов. Таким образом, эта работа оказалась «на острие» не только научных, но и современных геополитических проблем.

Результатом научно-издательских проектов, осуществленных совместно с зарубежными коллегами, стало обогащение исследовательского арсенала историков Самарского университета. Многие из методологических подходов, представленных на страницах антологий, легли в основу исследований, выполненных впоследствии научным коллективом кафедры. Так, концепция фронта, разработанная американским ученым Ф. Тернером, нашла отражение в работах самарских историков по колонизации Юго-Востока Европейской России. П.С. Кабытов и Э.Л. Дубман предложили рассматривать этот огромный регион как пространство особого типа – фронт, превратившийся с ходом колонизации во «внутреннюю окраину» России [4; 8, с. 86; 30; 31]. В предложенном ими подходе к изучению исторической судьбы этого региона соединились традиции великих русских историков С.М. Соловьева и В.О. Ключевского с их представлением об истории России как «страны, которая колонизируется» и актуальные тенденции современной мировой научной мысли.

Формирование «исторической школы» П.С. Кабытова стало возможным благодаря не только коллективным научным проектам, но и подготовке новых научных кадров историков. Эта задача всегда находилась в центре внимания Петра Серафимовича: к настоящему времени под его научным руководством защищено 41 кандидатская и 19 докторских диссертаций. Он выступил научным консультантом по докторским диссертациям П.И. Савельева, Ю.Н. Смирнова, Э.Л. Дубмана, Н.Ф. Тагировой, Л.М. Артамоновой, Е.П. Бариновой, О.Б. Леонтьевой, В.Ю. Кузьмина, А.В. Сыпченко, И.Е. Козновой, М.Н. Матвеева, С.В. Белоусова, О.А. Суховой, О.В. Ягова, В.Н. Курятникова, Е.Ю. Прокофьевой, В.Н. Шульгина, А.А. Славко, З.М. Кобозевой. Доктора наук В.В. Кондрашин, М.И. Роднов, Е.К. Минеева считают П.С. Кабытова своим наставником. Многие его ученики заняли видное общественное положение; среди них – заведующие кафедрами, деканы, ректоры, депутат Губернской думы.

Авторы данной статьи, готовившие под руководством Петра Серафимовича кандидатские и докторские диссертации, навсегда запомнили особую деликатную, мягкую и в то же время настойчивую и последовательную позицию своего научного руководителя. Для него было очень важно понять, насколько осознанно выбирает его подопечный тему диссертации, не будет ли потом метаний и разочарований. Проблематика наших диссертационных работ была достаточно далека от научных интересов Петра Серафимовича. Но он каким-то шестым чувством мог понять перспективность тем будущих диссертаций как для самого процесса удачной защиты, так и для будущей исследовательской работы. Его научное руководство проявлялось в самых разных формах, и зачастую он видел гораздо дальше и глубже нас возможности развития тех или иных проблем, первоочередность их разрешения в период работы над диссертацией.

В последние годы в научной деятельности П.С. Кабытова отчетливо обозначилось еще одно направление: исследования по отечественной историографии, прежде всего аграрной. Замысел этих работ вырос из благородного стремления воздать должное учителям и коллегам, тем, у кого учился и с кем вместе работал Петр Серафимович. Целый ряд его историографических очерков представлен, в частности, на страницах коллективной монографии «Аграрная история XX века: историография и источники», подготовленной П.С. Кабытовым вместе с Н.Н. Кабытовой, В.В. Кондрашиным, В.А. Юрченковым, О.А. Суховой, Г.А. Куршевой, Е.П. Бариновой [2]. В числе разделов, написанных П.С. Кабытовым для этого издания, есть статьи и о поколении его учителей в науке (это поколение представлено именами С.М. Дубровского и А.М. Анфимова, казанского учителя И.М. Ионенко, куйбышевского историка Е.И. Медведева), и о представителе одного с П.С. Кабытовым научного поколения (В.Г. Тюкавкине, Г.Л. Герасименко, Н.Л. Клейн), и даже о его учениках, унаследовавших интерес к аграрной проблематике (о П.И. Савельеве, Н.Ф. Тагировой). Кроме того, П.С. Кабытов является автором монографий о своих коллегах и современниках, где научный анализ их наследия сплавлен воедино с личными воспоминаниями [3; 9].

П.С. Кабытов выделяет несколько стержневых тем, интерес к которым объединяет этих историков и создает общее исследовательское пространство: судьба российского крестьянства пореформенного периода, сельская поземельная община, история помещичьих хозяйств, Столыпинская аграрная реформа, участие крестьянства в революции 1917 года, а также история земского самоуправления в России. Таким образом, в цикле историографических работ П.С. Кабытова предпринята попытка обобщить опыт нескольких генераций отечественных историков-аграрников, выявить наиболее дискуссионные и актуальные вопросы аграрной истории России, раскрыть историю большого и разветвленного научного направления, которое продолжает успешно развиваться в наши дни. Он прослеживает развитие отечественной традиции аграрных исследований от классических трудов А.В. Чайнова и Н.Д. Кондратьева через марксистско-ленинскую методологию в ее ортодоксальном варианте и через научные поиски представителей «нового направления» к новейшим исследованиям по аграрной проблематике, выполненным на основе междисциплинарных подходов, в широком методологическом диапазоне — от статистического анализа до исторической антропологии. Аграрный вопрос справедливо трактуется в его трудах как ключевой для понимания истории России XIX—XX вв.

Следует отметить такое важное качество историографических работ П.С. Кабытова, как взвешенный подход к исторической науке советского периода, свободный как от апологетики, так и от нигилистического отрицания. Отмечая, что в работах советских ученых многие ключевые исторические события «представали только в двухцветном — черно-белом изображении», П.С. Кабытов констатирует: «Иные были времена, иные пелись песни. Но пройти мимо опыта историков первого советского призыва нельзя, тем более сейчас, когда ученые пытаются переосмыслить многие проблемы отечественной истории. Надо взять из этого опыта все лучшее» [2, с. 69].

Опыт освоения новой научной проблематики стала для П.С. Кабытова подготовка коллективного исследования, посвященного советской эпохе. «Советский период нашей отечественной истории в застойные годы мог показаться непрозорливому наблюдателю слишком “скучным” объектом для исторического исследования. Но с середины 1980-х годов ситуация резко изменилась: советская история превратилась в неизведанную и загадочную эпоху», — писал П.С. Кабытов в 2001 году [21, с. 3]. Попыткой найти свой собственный ключ к этой «загадочной эпохе» стала работа об элитах Самарской (Куйбышевской) области 1960–1990-х гг. В коллективной монографии, написанной с применением современных теорий элит, освещаются проблемы формирования и конфигурации различных элит того периода: политико-административной, научно-образовательной и культурной, военной, бизнес-элиты (в 1990-е); показано, что их взаимодействие сыграло важную роль в становлении современной Самарской области как региона-донора со своей особой региональной идентичностью.

Петр Серафимович Кабытов — человек со своей гражданской позицией, социально активный, настойчивый в отстаивании своих идеалов. Широко известна его роль, наряду с ведущим библиографом областной универсальной научной библиотеки А.Н. Завальным, в возвращении городу Куйбышеву его исторического названия — Самара. По его инициативе был издан сборник материалов о «самарских днях» А.И. Солженицына, посетившего наш город в 1994 г.: с выдающимся русским писателем Петра Серафимовича связывала и переписка, и личная встреча на Самарской земле, и общий интерес к традициям земского самоуправления, и стремление к историософскому осмыслению судеб России [1].

П.С. Кабытов стал одним из инициаторов возрождения в Самаре памяти о ссыльном академике С.Ф. Платонове и установки памятного знака-кенотафа на главной аллее парка имени Н.А. Щорса — на месте бывшего городского кладбища, где был похоронен С.Ф. Платонов. Вместе с Э.Л. Дубманом он опубликовал монографию о последних годах жизни академика Платонова в самарской ссылке, где представлены уникальные документальные материалы — в частности, переписка С.Ф. Платонова и его дочерей из семейного архива [18].

Памяти С.Ф. Платонова посвящены получившие широкую известность Всероссийские Платоновские чтения, проходящие ежегодно на историческом факультете Самарского государственного университета. Они начиная с 1996 г. собирают молодых ученых из высших учебных заведений и научных центров различных городов России. Уже много лет руководителем оргкомитета Чтений является П.С. Кабытов.

Именно Петр Серафимович Кабытов предложил и смог отстоять идею называть улицы Самары именами выдающихся российских историков – С.Ф. Платонова, М.И. Тихомирова, куйбышевского историка Е.И. Медведева. Именно благодаря его настойчивости в городе была возрождена память о легендарном самарце Петре Владимировиче Алабине [10].

В заключение хотелось бы отметить следующую, как нам представляется, важную личностную особенность Петра Серафимовича. О человеке многое можно понять по тому, как он рассказывает историю своей собственной жизни. Воспоминания П.С. Кабытова, опубликованные в двух книгах в начале 2010-х гг. [14], полны живых, выразительных деталей, свидетельствуют об авторской наблюдательности, содержат яркие портреты современников и меткие зарисовки социальных реалий. Но, пожалуй, самое главное – мемуары проникнуты оптимизмом и чувством юмора, даже когда речь идет о тяжелых временах и непростых жизненных ситуациях. Полагаем, что и в этом тоже секрет профессионального мастерства историка Петра Серафимовича Кабытова.

Библиографический список

1. А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова. Самара, 2008.
2. Аграрная история XX века: историография и источники: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014.
3. Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медведев. Человек, ученый, педагог. Самара, 2006.
4. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004.
5. История Самары (1586–1917): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2015.
6. История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011.
7. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
8. Кабытов П.С. Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионология. Саранск. 1993. № 2.
9. Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов, 2016.
10. Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990.
11. Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М., 2007.
12. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара, 1999.
13. Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые»: Воспоминания. Самара, 2012.
14. Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. М., 2011.
15. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 6 т. / П.С. Кабытов, И.Б. Васильев, Э.Л. Дубман [и др.]. М.; Самара, 2000.
16. Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сборник документов и материалов / Кабытов П.С., Васильев И.Б., Дубман Э.Л. [и др.]. Самара, 2000.
17. Самарское Поволжье в XX веке. Сборник документов и материалов / Кабытов П.С., Васильев И.Б., Дубман Э.Л. [и др.]. Самара, 2000.
18. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: историк и память. Самара, 2015.
19. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности: современная концепция // Quaestio Rossica. 2015. № 2.
20. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988.
21. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. Введение. Зенит «прекрасной эпохи»: сталинизм глазами американских историков // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001.
22. Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 4. Щибраев В.Л. Большая Царевщина: Семейная хроника / под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Изд. 3-е, доп. и испр. Самара, 2008.
23. Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / сост. Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. Самара, 2007.

24. Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002.
25. Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006.
26. Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008.
27. Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований / IX межрегиональная (I Всероссийская) научно-практическая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья. 12–13 мая 2006 года. Самара, 2007.
28. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1: Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.
29. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014.
30. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010.
31. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007.
32. Роднов М.И. История российского крестьянства: взгляд Кабытова // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей / науч. ред. И.А. Носков. Самара, 2011.
33. «Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник статей VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Ульяновск, 2016.
34. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учебное пособие / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.
35. Эткинд А. Американская русистика: история второго мира из первых рук // Новая русская книга. 2001. № 3–4.

References

1. A.I. Solzhenitsyn i Samara. Pod nauch. red. P.S. Kabytova [A.I. Solzhenitsyn and Samara]. Kabytov P.S. (Ed.). Samara, 2008 [in Russian].
2. Agrarnaia istoriia XX veka: istoriografiia i istochniki: monografiia. Pod red. N.N. Kabytovo, P.S. Kabytova, V.V. Kondrashina [Agrarian history of the XX century: historiography and sources: monograph]. Kabytova N.N., Kabytov P.S., Kondrashin V.V. (Eds.). Samara, 2014 [in Russian].
3. Balashov G.V., Dubman E.L., Kabytov P.S. Efrem Ignat'evich Medvedev – chelovek, uchenyi, pedagog [Efrem Ignatievich Medvedev – person, scientist, pedagog]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006, 176 p. [in Russian].
4. Dubman E.L., Kabytov P.S., Tagirova N.F. Oчерки istorii iugo-vostoka Evropeiskoi Rossii. [Essays on history of the southeast of European Russia]. Samara, 2004. [in Russian].
5. Istoriia Samary (1586–1917): monografiia. Pod red. P.S.Kabytova, E.L.Dubmana, O.B.Leont'evoi [History of Samara (1586–1917): monograph. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. (Eds.)]. Samara, 2015. [in Russian].
6. Istoriia Samary: ot vovodskogo upravleniia do Gubernskoi Dumy. Kniga pervaiia [History of Samara: from voivode management to the Regional Duma. Book 1]. Samara, 2011. [in Russian].
7. Kabytov P.S. Agrarnye otnosheniia v Povolzh'e v period imperializma [Agrarian relations in the Volga Region in the period of imperialism]. Saratov, 1982 [in Russian].
8. Kabytov P.S., Dubman E.L. Srednee Povolzh'e i problema natsional'nykh otnoshenii [Middle Volga Region and the problem of national relations]. *Regionologiya* [Regionology], 1993, no. 2 [in Russian].
9. Kabytov P.S. Zhizn' i tvorchestvo professora Grigoriia Alekseevicha Gerasimenko [Life and creative work of the professor Grigory Alexeevich Gerasimenko]. Saratov, 2016 [in Russian].
10. Kabytov P.S. Legendarnyi samarets Petr Vladimirovich Alabin [Legendary native of Samara Petr Vladimirovich Alabin]. Kuibyshev, 1990. [in Russian].
11. Kabytov P.S. P.A. Stolypin: poslednii reformator Rossiiskoi imperii [P.A. Stolypin: the last reformer of the Russian Empire]. M., 2007 [in Russian].
12. Kabytov P.S. Russkoe krest'ianstvo v nachale XX v. [Russian peasantry in the beginning of the XX century]. Samara, 1999 [in Russian].

13. Kabytov P.S. Skvoz' «likhie» i «nulevye». Vospominaniia [Through «tumultuous» and «noughties». Reminiscences]. Samara, 2012 [in Russian].
14. Kabytov P.S. Sud'ba-Epokha: avtobiografiia istorika [Destiny—Epoch: autobiography of a historian]. M., 2011 [in Russian].
15. Kabytov P.S., Vasiliev I.B., Dubman E.L. et al. Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 6 t. [History of the Samara Volga Region from the ancient times to the present days. In 6 Vols.]. M.—Samara, 2000 [in Russian].
16. Kabytov P.S., Vasiliev I.B., Dubman E.L. et al. Samarskoe Povolzh'e s drevnosti do kontsa XIX v. Sbornik dokumentov i materialov [Samara Volga Region from ancient times to the end of the XIX century. Collection of documents and materials]. Samara, 2000 [in Russian].
17. Kabytov P.S., Vasiliev I.B., Dubman E.L. et al. Samarskoe Povolzh'e v XX veke. Sbornik dokumentov i materialov [Samara Volga Region in the XX century. Collection of documents and materials]. Samara, 2000 [in Russian].
18. Kabytov P.S., Dubman E.L. S.F. Platonov i Samara: istorik i pamiat' [S.F. Platonov and Samara: historian and memory]. Samara, 2015 [in Russian].
19. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. Sredniaia Volga i Zavolzh'e v protsesse formirovaniia rossiiskoi gosudarstvennosti: sovremennaia kontseptsiiia [Middle Volga and trans-Volga Region in the process of formation of Russian statehood: modern concept]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2 [in Russian].
20. Kabytov P.S., Kozlov V.A., Litvak B.G. Russkoe krest'ianstvo: Etapy dukhovnogo osvobozhdeniia [Russian peasantry: Stages of spiritual liberation]. M., 1988 [in Russian].
21. Kabytov P.S., Leontieva O.B. Vvedenie. Zenit «prekrasnoi epokhi»: stalinizm glazami amerikanskikh istorikov [Introduction. Summit of the «Belle Epoque»: Stalinism as viewed by American historians] in *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiiia. Sost. M. Devid-Foks* [American Russian Studies: Landmarks of historiography of the last years. Soviet period: Anthology]. Compiler M. David-Foks. Samara, 2001 [in Russian].
22. Klassika Samarskogo kraevedeniia. Antologiiia. Vyp. 4. Shchibraev V.L. Bol'shaia Tsarevshchina: Semeinaia khronika. Pod nauch. red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana. Izd. 3-e, dop. i ispravl. [Classics of Samara local studies: anthology. Issue 4. Shchibraev V.L. Bol'shaia Tsarevshchina. Family chronicle]. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Edition 3, revised and enlarged. Samara, 2008 [in Russian];
23. Klassika Samarskogo kraevedeniia. Vyp. 3. Golovkin K.P. Samara v kontse XVIII — nachale XX v. Sost. G.V. Galygina, E.L. Dubman, P.S. Kabytov [Classics of Samara local studies: anthology. Issue 3. Golovkin K.P. Samara in the end of the XVII—beginning of the XX centuries]. G.V. Galygina, P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Samara, 2007 [in Russian]
24. Klassika Samarskogo kraevedeniia: antologiiia. Pod. red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana [Classics of Samara local studies: anthology]. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Samara, 2002 [in Russian]
25. Klassika Samarskogo kraevedeniia: antologiiia. Vyp. 2. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana [Classics of Samara local studies: anthology. Issue 2]. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Samara, 2006. [in Russian];
26. Klassika Samarskogo kraevedeniia: antologiiia. Vyp. 5. «Zolotoe desiatiletie» samarskogo kraevedeniia. Sost. E.L. Dubman, V.N. Zudina; pod nauch. red. E.L. Dubmana, P.S. Kabytova [Classics of Samara local studies: anthology. Issue 5. «Golden decade» of Samara local studies]. Compilers E.L. Dubman, V.N. Zudina; E.L. Dubman, P.S. Kabytov (Eds.). Samara, 2008. [in Russian].
27. *Mir krest'ianstva Srednego Povolzh'ia: itogi i strategiia issledovanii. IX mezhregional'naiia (I Vserossiiskaia) nauchno-prakticheskaia konferentsiia istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ia. 12-13 maia 2006 goda* [The world of peasantry of the Middle Volga Region: Results and strategy of study. IX Interregional (I All-Russian) research and practice conference of historians-agriculturalists of the Middle Volga Region. May 12-13, 2006]. Samara, 2007 [in Russian].
28. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. et al. «Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI — nachalo XX v.). Chast' 1. Ocherki istorii: monografiia [«Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI—beginning of the XX century). Part 1. Essays on history: monograph]. Samara, 2013 [in Russian].
29. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. et al. «Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI — nachalo XX v.). Chast' 2: Zaselenie regiona i etnograficheskaia situatsiia [«Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI—beginning of the XX century). Part 2. Colonization of the Region and ethno demographic situation]. Samara, 2014 [in Russian].
30. Ocherki istorii Povolzh'ia i Priural'ia v imperskii period. Pod red. V.N. Danilova i P.S. Kabytova [Essays on the history of the Volga region and Transurals region in the imperial period]. V.N. Danilova, P.S. Kabytov (Eds.). Saratov, 2010 [in Russian].
31. Povolzh'e — «vnutrennaia okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI — nachalo XX vv.). Pod red. E.L. Dubmana, P.S. Kabytova [Volga Region —

«inner outskirts» of Russia: state and society in acquisition of new territories (end of the XVI – beginning of the XX century)]. E.L. Dubman, P.S. Kabytov (Eds.). Samara, 2007 [in Russian].

32. Rodnov M.I. Istoriiia rossiiskogo krest'ianstva: vzgliad Kabytova [History of Russian peasantry: view of Kabytov] in *Problemy rossiiskoi i sotsial'noi istorii: sbornik nauchnykh statei. Nauch. red. I.A. Noskov* [Problems of Russian and social history: collection of research articles]. I.A. Noskov (Ed.). Samara, 2011.

33. «Rossiiskaia derevnia: sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia i sovremennost'». *Sbornik statei VI Vserossiiskoi (XIV Mezhhregional'noi konferentsii istorikov-agnarnikov Srednego Povolzh'ia* [«Russian village: social and economic history and modern times». Collection of articles of the VI All-Russian (XIV Interregional conference of historians-agriculturists of the Middle Volga region)]. Ulyanovsk, 2016 [in Russian].

34. *Sredniaia Volga i Zavolzh'e v protsesse razvitiia rossiiskoi tsivilizatsii i gosudarstvennosti (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.): Uchebnoe posobie. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leont'voi* [Middle Volga region and trans-Volga region in the process of development of Russian civilization and statehood (second half of the XVI – beginning of the XX century): textbook]. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. (Eds.). Samara, 2013 [in Russian].

35. Etkind A. *Amerikanskaia rusistika: istoriia vtorogo mira iz pervykh ruk* [American Russian Studies: history of the Second World at first hand]. *Novaia russkaia kniga* [New Russian Book], 2001, no. 3–4 [in Russian].

*E.L. Dubman, O.B. Leontieva**

PETR SERAFIMOVICH KABYTOV: ON THE ANNIVERSARY OF THE HISTORIAN

The article is devoted to the main stages of scholarly career of the prominent Russian historian P.S. Kabytov, and to the key trends of his historical studies. The authors characterize the impact of Petr Kabytov's works on studying the agrarian history of Russia since the midst of the 19th to the early 20th century. Petr Kabytov has been interested not only in social and economic relations in Russian country, but also in psychology and mentality of Russian peasants, and their attitude to the social changes after the abolition of serfdom. P.S. Kabytov is well-known as one of the founders and leaders of the community of Russian agrarian historians. The authors pay special attention to Petr Kabytov's role in studying the history of the South-Eastern region of the European part of Russia, the Samara Region, and Russian historiography. They underline the role of Petr Kabytov as the leader of Samara historical school which explores successfully the problems of Russian and regional history, historiography, and methodology of historical studies.

Key words: P.S. Kabytov, agrarian history, historiography, regional history, South-Eastern region of the European part of Russia, Middle Volga Region, Samara university.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.

The article received 15/II/2016.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), *Leontieva Olga Borisovna* (oleontieva@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 378

Т.И. Руднева*

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КАК КОНТЕКСТ ОСМЫСЛЕНИЯ
КАЧЕСТВА РЕЗУЛЬТАТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматривается методология организации научной деятельности, результат которой выражается содержательным и ценностным аспектами. Принципы общенаучной методологии переносятся в область профессиональной педагогики: представляется алгоритм поэтапного решения педагогической задачи по определению результативной характеристики выпускника вуза на основе механизма идентификации структур в виде совокупности методологических принципов.

Ключевые слова: научный результат, теоретический результат, практический результат, методология, принципы аналогии, тождества, детерминизма, адекватности.

Результат исследования служит показателем его качества, свидетельствуя о степени продвижения в решении актуальной научной проблемы. Научным результатом в педагогике является продукт научной или научно-методической деятельности, содержащий новое знание в сфере обучения, образования, воспитания. Структура научного результата интегрирует объектный, преобразующий, конкретизирующий компоненты [2]. Объектный компонент выражается конкретизацией области педагогики, в которой получен результат, в виде концепции, методики, алгоритма и др. Преобразующий компонент отмечает изменения в объекте – это новые условия, принципы, модели. Конкретизирующий компонент характеризуется уточнением границ исследования и подходов к решению исследовательских задач. Таким образом, содержательная сторона результата научного исследования определяется перечислением полученных новых теоретических данных (теоретический результат) и доказательством реальных сдвигов после их внедрения в практику (ценностная сторона результата – практический результат). В итоге успех научно-исследовательской деятельности определяется методологией, системой теоретических знаний, которые исполняют роль руководящих принципов и средств реализации требований научного анализа [4].

Четкость и корректность методологии как теоретической базы исследования обуславливает достоверность его результатов. Наиболее уязвимой на сегодняшний день

* © Руднева Т.И. 2016

Руднева Татьяна Ивановна (rudneva@samsu.ru), кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

является результативная характеристика личности, формируемая в образовательном учреждении. В область профессиональной педагогики внедряется компетентностный подход, предполагающий оценку качества образования по совокупности компетенций, приобретаемых обучающимся. Вместе с тем объективные подтверждения их количества и научное обоснование их содержания отсутствуют, что может вызывать сомнение относительно валидности измерителей качества научного продукта.

В зависимости от идеологии решения конкретной научной задачи результат исследования в области профессиональной педагогики представляется личностным свойством выпускника вуза, его профессионализмом, конкурентоспособностью, мобильностью, компетентностью [3]. Исследователи дают свою трактовку их содержания, ориентируясь скорее на нормативные документы и семантическую составляющую понятия. Эффективность функционирования проектируемых исследователем систем доказывается ростом значений в структуре результативной характеристики. Возникает противоречие между содержательной и ценностной стороной результата исследования, выполненного по профессиональной педагогике, которое должно разрешаться уточнением алгоритмов разработки структуры ключевых понятий, что входит в контекст методологии исследования. Подтверждением тому является научная трактовка понятия «методология» в двух срезах: теоретическом – модель идеального знания; практическом – алгоритм достижения цели.

В структуре методологии выделяются методологические основания (философские, логические, психологические, этические, эстетические, социальные); характеристики научной деятельности (основы, принципы, условия); логическая структура исследования (объект, предмет, средства, результат); технология выполнения поставленных задач (методы, приемы). Если методология является наукой о структуре, логической организации, методах и средствах научной деятельности (учение об организации научной деятельности), то методология исследования представляется системой принципов и способов организации и построения теоретической деятельности (логика исследования, логика познавательного процесса).

Методология как учение о способах исследования предмета, представляя общую теоретическую базу, позволяет сопоставлять результаты исследований. Общность задается философскими принципами. Так, принцип историзма ориентирует на изучение явлений с учетом их исторического развития. Принцип системности предупреждает, что явление нельзя изучать в отрыве от связанных с ним фактов. Принцип плюрализма требует применения множественности методов при изучении каждого конкретного явления. Принципы объективности и конкретности утверждают, что все явления должны опираться на факты реальной действительности. Принцип единства предмета и метода исследования не позволяет входить в противоречие с общечеловеческими ценностями, поэтому требуется изучение каждого явления собственными методами (принцип научной корректности).

Кроме принципов общенаучной методологии, которые применяются при изучении явлений разными науками, в профессиональную педагогику входят принципы, представляющие гносеологическую основу процесса моделирования, так как целью исследования является моделирование систем профессиональной подготовки обучаемых. Для нахождения сходства и подобия в целом различных систем используется *принцип аналогии*, переноса информации об одних объектах на другие, а выводы о существовании аналогии строятся на внешних и внутренних свойствах сопоставляемых объектов, при этом учитываются не только сходства, но и различия. Так, созданная исследователем педагогическая система с ориентацией на конечный научный результат представляется элементами, аналогичными другим подобным системам: методологическим, содержательным, процессуальным, результативным. Если принцип аналогии свидетельствует о соответствии одного объекта другому, то точность и строгость этого соответствия выражает *принцип тождества*, который выступает признаком близости объектов. Причинную обусловленность данной близости выражает *принцип детерминизма*: причинно-следственные связи свойственны реальности, каждое явление которой имеет свое объективное основание и материальную причину

(внешние причины действуют через посредство внутренних и внешних условий). Принцип детерминизма устанавливает необходимость разработки и апробации образовательных систем с ориентацией на результат и на способы его оценки.

Установление тождества на основе признака близости или отождествления становится стратегией распознавания характерных свойств аналогичных структур с целью измерения ценностного научного результата с учетом его обусловленности внешними и внутренними причинами. Приравнивание причинных связей одного объекта другому осуществляется с опорой на *принцип адекватности*, утверждающий соответствие внутренних причин выделенным показателям научного результата (см. рис.).

Рис. Механизм идентификации структур

Итак, структура результативной характеристики, ее компонентный состав определяется в соответствии со спецификой деятельности личности, значимая характеристика которой представляется результатом — готовностью к профессиональному самоопределению [1]. В этом случае структуры соотносятся на основе принципа аналогии (соответствия) и принципа тождества (близости). Для определения сути готовности к социальному консультированию соотносятся структура личности социального работника и структура социальной деятельности (А.Ш. Галимова); для выявления содержания готовности к переводческой деятельности сопоставляются на соответствие структура переводческой деятельности и структура профессиональной компетентности (И.Г. Аникеева); методическая культура учителей школ Севера определяется соответствием структуры педагогической культуры структуре методической компетентности (О.В. Липунова).

Наиболее сложной задачей для исследователя является уточнение показателей в структуре результативной характеристики, что обусловлено, во-первых, государственными стандартами; во-вторых, особенностями профессиональной деятельности. Показатели отражают причинно-следственные связи и отбираются с учетом принципа детерминизма (обусловленности) и принципа адекватности (совпадения). Так, показатели в структуре экономической компетентности студентов — будущих экономистов отражают взаимосвязь этапов творческой деятельности и структуры профессио-

нальной компетентности (И.Г. Баканова); показатели в структуре готовности к риску курсантов – будущих оперативных работников отражают взаимосвязь структуры риска и стадий конфликтной ситуации (А.В. Огородников); в структуре гендерной культуры педагогов дошкольного образования утверждается связь принципов гендерного подхода и принципов профессиональной культуры (Л.В. Климина); в структуре межкультурной компетентности студентов – будущих культурологов показатели служат свидетельством взаимосвязи функций языка и функций ведущего вида деятельности культуролога (Д.Л. Дудович); в структуре социально-технологической мобильности конструкторов-модельеров показатели являются свидетельством взаимосвязи этапов создания швейного изделия и этапов проектной деятельности (А.М. Санько).

Если специфика выражает отличие, то особенное выступает характеристиками этой специфики. Принцип аналогии и принцип тождества позволяют установить групповую принадлежность объекта (процесса) и являются идентифицируемыми единицами первой стадии идентификации. Принцип детерминизма и принцип адекватности как идентифицирующие единицы (вторая стадия идентификации) подтверждают наличие индивидуального конкретного тождества.

В ходе комплексного исследования кафедры теории и методики профессионального образования, посвященного определению средств формирования специалистов различных профилей, при определении сути и структуры результативных характеристик был разработан алгоритм поэтапного решения данной задачи: первый этап – выявление специфики профессиональной деятельности выпускника факультета на основе деятельностного или функционального подходов; второй этап – определение компонентов в структуре результативной характеристики; третий этап – выделение показателей компонентов с учетом специфики деятельности на основе компетентностного подхода. Данный алгоритм, являясь механизмом идентификации (установления подобия) структур, способствует достоверности педагогического исследования.

Библиографический список

1. Методологические подходы к исследованию проблем в области профессиональной педагогики: монография / Т.И. Руднева, В.В. Левченко, Н.В. Соловова, Н.Б. Стрекалова. Самара: Издательство Самарский университет, 2013. 164 с.
2. Полонский В.М. Методологические требования к описанию результатов научно-педагогических исследований // Наука – образованию. 2012. № 1 (1). С. 101–109.
3. Профессиональная педагогика: проблемы и поиск решений / под ред. Т.И. Рудневой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 204 с.
4. Руднева Т.И. Исследовательская деятельность: методология научного поиска // Вестник СамГТУ. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2(16). С. 132–136.

References

1. Rudneva T.I., Levchenko V.V., Solovova N.V., Strekalova N.B. *Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu problem v oblasti professional'noi pedagogiki: monografiia* [Methodological approaches to the research of problems of professional pedagogics: monograph]. Samara: Izdatel'stvo Samarskii universitet, 2013, 164 p. [in Russian].
2. Polonsky V.M. *Metodologicheskie trebovaniia k opisaniu rezul'tatov nauchno-pedagogicheskikh issledovaniy* [Methodological requirements to the description of results of academic researches]. *Nauka - obrazovaniu* [Science – to education], 2012, no. 1(1), pp. 101–109 [in Russian].
3. *Professional'naia pedagogika: problemy i poisk reshenii. Pod red. T.I. Rudnevoi* [Professional pedagogics: problems and search of solutions]. T.I. Rudneva (Ed.). Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2012, 204 p. [in Russian].
4. Rudneva T.I. *Issledovatel'skaia deiatel'nost': metodologiiia nauchnogo poiska* [Research activity: methodology of scientific inquiry]. *Vestnik SamGTU. Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences], 2011, no. 2(16), pp. 132–136 [in Russian].

METHODICAL APPROACHES AS THE CONTEXT OF PEDAGOGICAL RESEARCH OUTCOME QUALITY UNDERSTANDING

In the article the methodology in the form of academic career organization principles the result of which is expressed by content-related and value aspects is considered. The principles of general scientific methodology are transferred to the field of professional pedagogics: the algorithm of pedagogical issue step solution of the university graduate resultative characteristic on the basis of structure identification mechanism in the form of methodological principles set is represented.

Key words: academic result, theoretical result, practical result, methodology, principles (analogy, identity, determinism, adequacy).

Статья поступила в редакцию 22/II/2016.
The article received 22/II/2016.

* *Rudneva Tatyana Ivanovna* (rudneva@samsu.ru), Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И РАЗВИТИЕ АДАПТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Статья посвящена проблеме выявления взаимосвязи снижения удовлетворенности жизнью и развития скрытых возможностей, определяющих успех процесса адаптации взрослых людей к условиям социально-экономического кризиса.

Ключевые слова: личность, субъективное благополучие, адаптация, адаптационные способности, удовлетворенность.

В условиях социально-экономического кризиса личность не только выживает и приспосабливается, но и развивается в изменяющихся условиях. Трудности, которые сопровождают достижение жизненных целей, выполняют важные функции: с одной стороны, они помогают личности понять собственные ограничения, а с другой — стимулируют потенциальные возможности, чтобы справиться с ними. Люди по-разному относятся к одним и тем же событиям, по-разному их переживают, приспосабливаются к ним или активно преодолевают. Соответственно, и ощущение субъективного благополучия у них будет различным.

Современное представление об адаптации основывается на работах И.П. Павлова, И.М. Сеченова, П.К. Анохина, Г. Селье и др. и выражается процессом активного приспособления, зависящего от целого ряда объективных и субъективных условий. С процессом и результатом адаптации тесно связано ощущение субъективного благополучия личности.

Феномен благополучия (Н. Брэдбурн) представляется термином «субъективное благополучие личности», под которым исследователи понимают «психическое здоровье», «качество жизни», «позитивный стиль жизни», «удовлетворенность жизнью», «счастье» [1]. Уровень субъективного благополучия во многом, на наш взгляд, зависит от личностного адаптационного потенциала. Проведенное нами исследование ставило целью выявление влияния качества жизни на удовлетворенность ею, определение и развитие скрытых возможностей, обуславливающих успех процесса адаптации и противостоящих нарушению душевного равновесия.

В ходе исследования применялись следующие методики [2]: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; методика оценки качества жизни (ВНИЦ профилактической медицины); методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей; методика определения смысложизненных ориентаций личности К. Муздыбаева.

Для обработки данных методик были использованы методы математической статистики: корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона). В исследовании приняло участие 60 человек — жители г. Тольятти (средняя выборка, $30 < n < 100$) — 34 женщины и 26 мужчин в возрасте от 25 до 65 лет, средний возраст выборки — 40 лет. Выборка является гетерогенной по виду профессии и уровню образования (40 человек с высшим образованием и 20 человек со средним специальным). В исследовании приняли участие представители различных профессий: педагоги,

* © Виноградова Г.А., 2016

Виноградова Галина Александровна (vinograd.psy@yandex.ru), кафедра теоретической и прикладной психологии, Тольяттинский государственный университет, 445667, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

машинисты, психологи, юристы, повара, инженеры, водители, социальные работники, продавцы, инспекторы, бухгалтеры, программисты, фармацевты, врачи, грузчики, экономисты. Возраст исследуемой выборки выбран не случайно. Согласно Э. Эрикссону, время от 25 до 65 лет – это период зрелости, или средний возраст, самый длительный и самый значимый период жизни для большинства людей.

В ходе исследования определялся личностный адаптационный потенциал этой выборки. В результате установлено, что у представителей данной выборки отсутствуют группа хороших адаптационных способностей и группа удовлетворительной адаптации. Все испытуемые принадлежат к третьей группе, для представителей которой процесс адаптации протекает нелегко: обнаруживается низкий уровень поведенческой регуляции, неадекватная самооценка, не всегда адекватное восприятие действительности, низкий уровень стрессоустойчивости. Все это вызывает затруднения в выстраивании контактов с окружающими, появляется возможность повышенной конфликтности, проявления агрессивности, слабо выражена тенденция соблюдения общепринятых норм поведения. Обнаружено, что дискомфорт и неудовлетворенность вызывают следующие области жизнедеятельности: материальный достаток, жилищные условия, экология и быт в районе проживания, отсутствие полноценного отдыха, невозможность удовлетворить духовные потребности, здоровье близких людей.

Результаты применения методики диагностики степени удовлетворенности основных потребностей показали, что пять основных видов потребностей (физиологические, потребности в безопасности, социальные, потребности в признании и самовыражении) респондентов удовлетворены, хотя потребности в безопасности и физиологические потребности занимают промежуточное положение и имеют вероятность быть неудовлетворенными. Стимулом к удовлетворению физиологических потребностей являются перспективы экономической самостоятельности, к удовлетворению потребности в безопасности – социальные гарантии (соц. пакет, соц. страхование, обеспечение работой и т. д.).

В результате математико-статистической обработки полученных данных определено, что характер распределения сравниваемых переменных «личностный адаптационный потенциал (ЛАП)» и «качество жизни (КЖ)» является нормальным (крайние значения признака в нем встречаются достаточно редко, а значения, близкие к средней величине, – достаточно часто). Коэффициент корреляции Пирсона позволил выявить силу связи между переменными: качество жизни и уровень адаптационных способностей взаимосвязаны между собой (уровень статистической значимости равняется 0,01; коэффициент корреляции отрицательный, что означает наличие противоположной связи – чем выше качество жизни исследуемой выборки, тем ниже уровень ее адаптационных способностей).

Таблица 1

Корреляционные связи между личностным адаптационным потенциалом (ЛАП) и качеством жизни (КЖ)

		ЛАП	КЖ
ЛАП	Pearson Correlation	1	-,484(**)
	Sig. (2-tailed)	.	,000
	N	60	60
КЖ	Pearson Correlation	-,484(**)	1
	Sig. (2-tailed)	,000	.
	N	60	60

** Correlation is significant at the 0,01 level (2-tailed) – Корреляция является значимой на уровне 0,01 (2-сторонняя).

Анализ данных, полученных с помощью методики «Смысложизненные ориентации личности», показал, что большинство имеет цели и полагает: прожитая часть их жизни продуктивна и осмысленна; жизнь эмоционально насыщенная, трудная, но интересная; они готовы принимать важные решения, контролировать свою жизнь и строить ее в соответствии с жизненными целями. Таким образом, подтверждается гипотеза: неудовлетворенность повседневной жизнью, нарушение психологического благополучия в условиях социально-психологического кризиса способствует развитию адаптационных способностей человека, преодолению трудностей, личностному развитию.

Вместе с тем следует отметить, что в условиях экономического кризиса не все люди используют в полной мере личностные ресурсы (ресурсы когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер). В результате непонимания или неверного понимания причин трудностей, отсутствия их анализа наблюдается неопределенность перспектив, затрудняется поиск возможных средств изменения сложившейся ситуации. Наряду с неопределенностью перспектив создаются возможности для разобщенности людей. Эмоциональное напряжение, связанное со страхом потери работы, вызывает отрицательные эмоции и переживания. В итоге наблюдается деактивация в поведенческой сфере, сопровождаемая переживанием беспомощности и невозможностью что-либо изменить. Личностные переживания в условиях кризиса приводят к общему чувству неудовлетворенности жизнью, размыванию ее смысла, субъективному неблагополучию. В этих случаях необходимо активизировать все социально-психологические ресурсы в комплексе: поддержку общества через общественные, социальные институты; поддержку близких людей (родственников, семьи, друзей); психологическую помощь.

Как показывают результаты нашего исследования, люди с развитыми адаптационными способностями, черпая из общения дополнительную информацию, находят способы выхода из трудных жизненных ситуаций, не «зацикливаясь» на отрицательных эмоциях и переживаниях. Их активная жизненная позиция проявляется поиском вариантов разрешения возникающих проблем. Приходим к выводу, что субъективное благополучие во многом зависит от скрытых возможностей личности, обуславливающих успех процесса адаптации и противодействующих нарушению душевной гармонии.

Библиографический список

1. Виноградова Г.А. Климат в педагогическом коллективе и субъективное благополучие личности педагога. Тольятти: ТГУ, 2010. 100 с.
2. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. С. 549–558.

References

1. Vinogradova G.A. *Klimat v pedagogicheskom kollektive i sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti pedagoga* [Climate in the teaching staff and subjective well-being of a teacher's individuality]. Togliatti: TGU, 2010, 100 p. [in Russian].
2. *Mnogourovnevyyi lichnostnyi oprosnik «Adaptivnost'» (MLO-AM) A.G. Maklakova i S.V. Chermianina* [Multilevel personality questionnaire «Adaptivity» (MPQ AM) by A.G. Maklakova and S.V. Chermuanin]. *Prakticheskaiia psikhodiagnostika. Metodiki i testy: uchebnoe posobie. Red. i sost. D.Ia. Raigorodskii* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests: textbook]. D.Ya. Raygorodsky (Ed. and complier). Samara: Izdatel'skii Dom «BAKhRAKh-M», 2001, pp. 549–558 [in Russian].

**SUBJECTIVE WELL-BEING AND DEVELOPMENT OF ADAPTIVE ABILITIES
OF ADULTS IN TERMS OF SOCIOECONOMIC CRISIS**

The article is devoted to the problem of identifying interrelation of reducing life satisfaction and development of hidden features that determine the success of the adaptation process of adults in terms of socioeconomic crisis.

Key words: personality, subjective well-being, adaptation, adaptive abilities, satisfaction.

Статья поступила в редакцию 15/III/2016.
The article received 15/III/2016.

* *Vinogradova Galina Alexandrovna* (vinograd.psy@yandex.ru), Department of Theoretical and Applied Psychology, Togliatti State University, 14, Belorusskaya street, Togliatti, 445667, Russian Federation.

ПЛАНИРОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ОТКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается задача планирования самостоятельной работы студентов, реализуемой в условиях открытой информационно-образовательной среды с учетом увеличения объема обрабатываемой информации, разной скорости ее обработки во время сбора материала, его интеллектуального осмысления и оформления результатов, а также существующих санитарных норм выполнения работ подобного вида.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, планирование, открытая информационно-образовательная среда.

Увеличение объема самостоятельной работы студентов (СРС) в учебном процессе, признание ее эффективным средством реализации современной образовательной парадигмы повышает ответственность преподавателей за образовательные результаты студентов. Самостоятельная работа предполагает ее планирование и организацию, руководство и контроль. Планирование включает определение целей, объемов, сроков и содержания, разработку недельного плана заданий с указанием бюджета времени на выполнение каждого из них.

Современная СРС, осуществляемая в открытых информационно-образовательных средах и Интернете, предполагает обработку больших массивов информации в условиях отсутствия технологических, организационных и методических ограничений на этот процесс. При этом растут умственные нагрузки студентов, возникает риск информационных перегрузок, психических и стресс-обусловленных заболеваний, снижающих качество выполнения самостоятельной работы [2; 6]. В результате усиливается значимость ее корректного планированию и расчета достаточного для выполнения времени.

Самостоятельная работа студентов как информационно-исследовательская деятельность представляется этапами, за каждый из которых отвечает либо студент, либо преподаватель (табл. 1). Так, поиск проблемы и выбор темы является зоной ответственности преподавателя, конкретизирующего задание и ставящего цели. Трудности формулирования гипотезы, свойственные студентам в начале обучения, устраняются преподавателем через предлагаемую технологию и инструменты решения задачи. Но по мере накопления опыта выполнения самостоятельной работы должна повышаться ответственность студентов за построение гипотезы и выбор средств решения задач.

Этапы выработки плана СРС, сбора и систематизации информации, анализа и обобщения материалов, генерации идей, выводов, нового знания, оформления результатов проводится самостоятельно студентом с погружением в открытую информационно-образовательную среду. Этап защиты результатов работы может проходить удаленно (контроль преподавателя) или публично, в аудитории. Рефлексия результатов СРС выполняется студентом по факту проверки и может завершаться оформлением документа определенного вида (например, эссе). Таким образом, часть этапов самостоятельной работы студентов выполняется студентом без участия пре-

* © Стрекалова Н.Б., 2016

Стрекалова Наталья Борисовна (snb_05@mail.ru), кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

подавателя. Следовательно, расчет объема академических часов на выполнение самостоятельной работы определяется с учетом этапов под номерами 3–7. Распределение этапов по приоритету выполняемых информационных операций позволяет сгруппировать их в более крупные:

1) сбор материала (поиск, предварительный отбор в соответствии с целями работы, систематизация и хранение) требует обращения к электронным образовательным источникам, активного применения сетевых технологий, компьютерных устройств и хранилищ;

2) интеллектуальная обработка отобранного материала (анализ, обобщение, окончательный отбор, построение причинно-следственных связей, генерация идей, формирование образа нового знания) представляется активной мыслительной деятельностью студента, а компьютерные устройства и технологии обработки информации имеют сугубо вспомогательную роль (копирование, короткие заметки, переносы и т. п.);

3) построение итогового документа (ввод нового материала, построение схем, формулировка выводов, оформление документа по требованиям) предполагает активное применение технических средств и специализированных технологий (текстовых и графических редакторов, электронных таблиц, сред моделирования и т. п.).

В результате время выполнения самостоятельной работы студентами можно представить суммой времени сбора материала, времени его интеллектуальной обработки и времени построения итогового документа (см. рис.), что в большой степени соответствует таким видам работ, как реферат, доклад, презентация, глоссарий, аннотирование, конспектирование, эссе и т. п.

Таблица 1

Поэтапная реализация самостоятельной работы студентов

№	Этапы самостоятельной работы студентов	Зона ответственности	
		Преподаватель	Студент
1	Поиск проблемы, выбор темы работы	✓	
2	Формулировка гипотезы, выбор инструментов	✓	✓
3	Выработка плана самостоятельной работы		✓
4	Сбор, систематизация информации		✓
5	Анализ и обобщение материалов		✓
6	Генерация идей, выводов, нового знания		✓
7	Оформление результатов работы		✓
8	Сдача/защита работы	✓	✓
9	Рефлексия результатов		✓

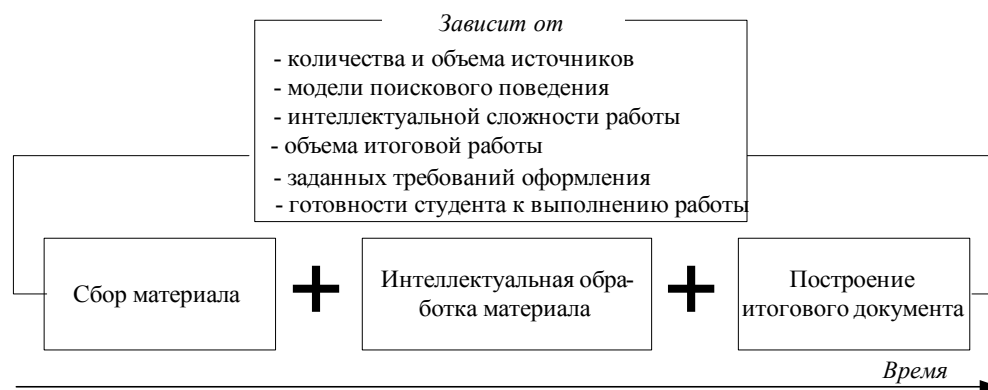

Рис. Слагаемые времени выполнения самостоятельной работы

Время выполнения каждого из трех этапов обусловлено рядом следующих факторов. Во-первых, видом умственной деятельности: легкая умственная работа предполагает выполнение несложных действий (чтение художественной литературы или диалог с интересным собеседником); оперативная работа – деятельность по известному алгоритму, связанная с напряжением психофизиологических механизмов мозга; высокоинтенсивная работа – усвоение новой информации, создание новых представлений на основе старых, активно задействующих механизмы мышления и запоминания [5]. В ходе выполнения СРС этапы сбора материала и построения итогового документа соответствуют умственной оперативной работе, так как студент, просматривая материал, принимает оперативные решения о его соответствии поставленным целям и местоположению в общей структуре материала. Построение итогового документа студент выполняет «по образцу», определяя структуру документа и оформляя его в соответствии с требованиями. Интеллектуальная обработка информации представляется интенсивной умственной деятельностью, так как ориентирована на построение нового знания и принятие множества сложных решений. Для снижения умственных нагрузок необходимы перерывы: для оперативной умственной работы – не менее 10 минут через каждые 1,5 часа, а для интенсивной – через каждые 40–45 минут.

Во-вторых, время выполнения СРС зависит от количества и объемов источников информации, которые на каждом этапе будут разными. Так, на этапе сбора материала студент просматривает большое количество источников, отбирая из них наиболее подходящие на первый взгляд материалы. Объемы источников колеблются – от небольших фрагментов в несколько страниц до больших книг. На этапе интеллектуальной обработки информации студент работает только с отобранным материалом, komponуя наиболее значимые фрагменты. При построении документа студент обычно ориентируется на заданный преподавателем итоговый объем работы.

Примерный объем используемых источников информации был установлен нами в ходе опроса студентов первого курса Тольяттинской академии управления (85 человек) и преподавателей Самарского госуниверситета (44 слушателя курсов повышения квалификации). Студенты используют для изучения новой темы: один источник, предложенный преподавателем, – 21 % опрошенных; 2–4 источника, найденных самостоятельно, – 28 %; пять источников и более – 48 %. Преподаватели считают, что студентам необходимо ориентироваться на рекомендованную литературу: один источник – 22 % опрошенных; 2–3 источника – 48 %. Отобрав 36 рефератов студентов, процент уникальности которых составил более 70 %, проанализировав списки литературы, уточнили, что в среднем студенты используют 4–5 электронных источников информации, средний объем которых составляет 17,6 тыс. знаков (с учетом размещения на странице 2 тысяч знаков и ограничением больших источников 10 страницами).

Во время поиска информации студентам необходимо просматривать большее количество источников, отклоняя часть из них, что связано как с сутью самой операции поиска, так и с особенностями работы поисковых систем и поисковым поведением современных пользователей, ориентированных на сбор больших, чем надо, объемов информации из разных источников [3], что можно учесть при планировании самостоятельной работы через коэффициент поискового поведения, увеличивающего объем источников информации на этапе ее сбора.

Время выполнения СРС зависит от скорости переработки информации: скорость сознательного восприятия информации колеблется от 6 до 65 бит/с (незнакомый материал «читается» медленно – 6 бит/с; знакомый, но непривычный быстрее – от 18 до 20 бит/с; хорошо знакомый и привычный – до 65 бит/с); усвоение материала требует большего времени – для учащихся школ скорость усвоения от 0,06 бит/с до 2 бит/с, а для студентов – 4 бит/с [1; 8]. Сопоставив значения скорости переработки информации с информационными операциями, пришли к выводу, что во время поиска информации студенты бегло просматривают ее, что соответствует скорости сознательного восприятия знакомой, но непривычной информации и позволяет обозначить ее как скорость чтения, равную 20 бит/с. Интеллектуальную обработку ин-

формации связываем с освоением материала, приняв за скорость обработки значения 4 бит/с. Для установления скорости ввода информации проанализировали гигиенические нормы напряженности труда пользователей ПЭВМ по СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03, в которых нагрузка средней тяжести для ввода информации составляет до 30 тысяч знаков за рабочую смену (8 часов) при суммарном времени перерывов в 70 минут. Пересчет знаков в биты (1 знак = 2 бита) позволил рассчитать скорость ввода информации для средней нагрузки: $V_{\text{ввода}} = 30 \text{ тысяч знаков} / (480-70) \text{ минут} / 60 \text{ секунд} * 2 \text{ бит} = 2,44 \text{ бит/с} \approx 2,5 \text{ бит/с}$.

Итак, расчет времени (в академических часах), необходимого для выполнения СРС в открытой информационно-образовательной среде, представляем следующей формулой:

$$T_{\text{ввод}} = \frac{\left(\frac{K_{\text{гот}} V_{\text{ист}} K_{\text{поиск}}}{V_{\text{чтения}}} + \frac{N_{\text{ист}} V_{\text{ист}}}{V_{\text{обработки}}} + \frac{V_{\text{итог}}}{V_{\text{ввода}}} \right) O}{2700}, \quad (1)$$

где $K_{\text{гот}}$ – коэффициент готовности студентов к выполнению самостоятельной работы; $N_{\text{ист}}$ – количество отобранных источников информации; $V_{\text{ист}}$ – средний объем источников информации (в знаках, умноженных на 2); $K_{\text{поиск}}$ – коэффициент поискового поведения, $V_{\text{чтения}}$ – скорость чтения информации (бит/с); $V_{\text{обработки}}$ – скорость усвоения и производства новой информации (бит/с); $V_{\text{ввода}}$ – скорость ввода информации в документ (бит/с); $V_{\text{итог}}$ – заданный объем документа (в знаках, умноженных на 2); O – коэффициент, добавляющий время отдыха при интенсивной умственной работе или работе с компьютером.

По санитарным нормам, в случаях, когда характер работы требует постоянного взаимодействия с компьютером, рекомендуется делать перерывы на 10–15 минут каждые 45–60 минут, что соответствует времени отдыха при интенсивных умственных нагрузках и составляет 0,22 академических часа, а коэффициент отдыха $O = 1,22$. Степень готовности студента к выполнению самостоятельной работы увеличивается по мере накопления опыта работы в открытой информационно-образовательной среде, развития когнитивных способностей студента и освоения конкретной области знаний. Представленная формула позволяет рассчитать время выполнения самостоятельной работы «Реферат» при разных коэффициентах поискового поведения и коэффициентах готовности (табл. 2) с ориентацией на следующие параметры: количество источников $N_{\text{ист}} = 4,5$; средний объем каждого источника $V_{\text{ист}} = 17 \text{ 600 знаков} * 2$; рекомендуемый объем итоговой работы $V_{\text{итог}} = 30000 \text{ знаков} * 2$ (15 страниц).

Таблица 2

Время выполнения самостоятельной работы «Реферат»

Коэффициенты	$K_{\text{гот}}=1,25$ (ниже среднего)	$K_{\text{гот}}=1,0$ (средний)	$K_{\text{гот}}=0,75$ (выше среднего)
$K_{\text{поиск}}=1$	40,75	32,6	24,45
$K_{\text{поиск}}=2$	45,25	36,2	27,5

Таким образом, 36 академических часов необходимо выделять для написания реферата объемом в 15 страниц в примерном соотношении 1 (сбор материала) : 2 (аналитическая обработка) : 1,5 (создание документа). Очевидно, что разные виды работ будут отличаться разным объемом составляющих. Так, можно сократить время на создание документа в тех СРС, где нет жестких требований на их оформление (эссе, доклад). Можно сократить время на сбор материалов, если предоставлять перечень проверенных и качественных источников информации.

Рекомендовано нормативными документами соотношение аудиторной и самостоятельной работы 1 : 1, что при 54 часовой учебной недельной нагрузке студента составляет 27 : 27 аудиторных часов, причем на старших курсах данное соотношение может принимать вид 1 : 2. Рекомендованное равномерное распределение объемов самостоя-

тельной работы по неделям семестра выдержать трудно, так как в конце семестра отмечаются ее пиковые значения при подготовке студента к сдаче зачетов и экзаменов, поэтому в середине семестра СРС занимает примерно 17–18 часов в неделю, разделяемых между всеми дисциплинами [7]. При 8–10 одновременно изучаемых дисциплинах время, отводимое на самостоятельную работу в неделю, не может превышать 2–2,5 ч. на каждую дисциплину. Тогда выполнение реферата потребует не менее двух недель, а с учетом других видов самостоятельных работ (подготовки к занятиям, повторение лекционного материала) – не менее 3–4 недель. При выделении меньших объемов времени студент вынужден выбирать между качеством работы и реальной возможностью ее выполнения, отказываясь от этапа интеллектуальной обработки материала. Когнитивная ценность такой работы заведомо низкая. Кроме того, объемы многих учебных дисциплин составляют 2–3 зачетные единицы, что обуславливает планирование менее трудоемких работ (эссе, сообщение). Итак, для повышения качества самостоятельной работы и снижения риска перегрузки студентов при ее планировании необходимо учитывать время на ее выполнение в условиях открытой информационно-образовательной среды, объем дисциплины и нагрузку студента.

Библиографический список

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
2. Денисов Э.И., Еремин А.Л., Степанян И.В., Бодякин В.И. Вопросы измерения и оценки информационных нагрузок при умственном труде // *Нейрокомпьютеры: разработка и применение*. 2013. № 10. С. 54–62.
3. Раицкая Л.К. Дидактические и психологические основы применения технологий Веб 2.0. в высшем профессиональном образовании: монография. М.: МГОУ, 2011. 173 с.
4. Руднева Т.И., Овсянникова М.Н., Огородников А.В. Профессиональная деятельность в ситуациях риска: коллективная монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 324 с.
5. Соловьев С.С. Гигиена и профилактика умственного труда в представлении современных студентов (на примере конкретного социологического исследования) // *Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: сб. материалов III Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: Интерактив Плюс, 2015. С. 219–221.
6. Стрекалова Н.Б. Управление рисками самостоятельной работы студентов в открытой информационно-образовательной среде // *Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия*. 2015. № 11 (133). С. 220–225.
7. Сазонов Б.А. Проблемы использования зачетных единиц при реализации государственных образовательных стандартов нового поколения // *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2009. № 3. С. 5–21.
8. Сурыгин А.И. Педагогическое проектирование системы предвузовской подготовки иностранных студентов. СПб.: Златоуст, 2008. 128 с.

References

1. Bepalko V.P. *Slagaemye pedagogicheskoi tekhnologii* [Terms of educational technology]. M.: Pedagogika, 1989, 192 p. [in Russian].
2. Denisov E.I., Eremin A.L., Stepanyan I.V., Bodyakin V.I. *Voprosy izmereniia i otsenki informatsionnykh nagruzok pri umstvennom trude* [Issues of measurement and evaluation of information load at the mental work]. *Neirokomp'iutery: razrabotka i primeneniie* [Neurocomputers: development and application], 2013, no. 10, pp. 54–62. [in Russian]
3. Raitskaya L.K. *Didakticheskie i psikhologicheskie osnovy primeneniia tekhnologii Veb 2.0. v vysshem professional'nom obrazovanii: monografiia* [Didactic and psychological basis for the use of Web 2.0 technologies in higher professional education: monograph]. M.: MGOU, 2011, 173 p. [in Russian].
4. Rudneva T.I., Ovsyannikova M.N., Ogorodnikov V.A. *Professional'naiia deiatel'nost' v situatsiakh riska: kollektivnaia monografiia* [Professional activities in situations of risk: multi-authored monograph]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014, 324 p. [in Russian].
5. Solovyov S.S. *Gigiiena i profilaktika umstvennogo truda v predstavlenii sovremennykh studentov (na primere konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniia)* [Hygiene and prevention of mental work in the representation of contemporary students (on the example of a particular

sociological research). *Aktual'nye napravleniia nauchnykh issledovani: ot teorii k praktike: sb. materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current trends of research: from theory to practice: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary: Interaktiv Plus, 2015, pp. 219–221 [in Russian].

6. Strekalova N.B. *Upravlenie riskami samostoiatel'noi raboty studentov v otkrytoi informatsionno-obrazovatel'noi srede* [Risk management of independent work of students in an open information and educational environment]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaia seriia* [Vestnik of Samara State University. Humanitarian series], 2015, no. 11(133), pp. 220–225 [in Russian].

7. Sazonov B.A. *Problemy ispol'zovaniia zachetnykh edinits pri realizatsii gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov novogo pokoleniia* [Problems of the use of credits in the implementation of a new generation of state educational standards]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten'* [Mining Informational and Analytical Bulletin (scientific and technical journal)], 2009, no. 3. pp. 5–21 [in Russian].

8. Suryigin A.I. *Pedagogicheskoe proektirovanie sistemy predvuzovskoi podgotovki inostrannykh studentov* [Pedagogical designing of pre-university training of foreign students system]. SPb.: Zlatoust, 2008, 128 p. [in Russian]

*N.B. Strekalova**

PLANNING OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN AN OPEN INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article considers the problem of scheduling of independent work of students, implemented in an open information and educational environment, with the increasing volume of processed information, of different speed of processing during the collection of material, its intellectual reflection and output, as well as the existing sanitary norms for execution of works of a similar kind.

Key words: independent work of students, planning, open information and educational environment.

Статья поступила в редакцию 22/II/2016.
The article received 22/II/2016.

* *Strekalova Natalia Borisovna* (snb_05@mail.ru), Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

КРИЗИС ТРЕХ ЛЕТ У ДЕТЕЙ: РАБОТА С РОДИТЕЛЯМИ

В статье обосновывается необходимость психолого-педагогической работы с родителями в период проявлений кризиса возрастного развития детей трехлетнего возраста. В контексте этой работы представлены данные о результативности программы по формированию психологической готовности родителей к возрастному кризису детей трех лет. Исходя из возрастных особенностей детей, автор обосновывает и предлагает направление подготовки родителей в процессе тренинговой работы с ними. В статье акцентируется внимание на содержании деятельности психологов по подготовке родителей к кризису трех лет у детей.

Ключевые слова: психолого-педагогическая работа с родителями, возрастной кризис, психологические и поведенческие особенности детей трех лет, возрастной кризис трех лет.

В настоящее время социально-экономические и промышленно-технологические изменения, происходящие в нашей стране в связи с переходом к рыночной экономике, оказали на семью неоднозначное воздействие и привели к глубоким изменениям. Социально-экономические трудности усугубились тем, что многие родители безвозвратно потеряли поддержку системы общественного воспитания, которая долгое время снимала ответственность семьи за воспитание ребенка.

Результативность педагогического воздействия родителей (в нашем понимании, это педагогическое взаимодействие родителя с ребенком) во многом определяется характером их отношения к проблеме воспитания в целом и активным участием обоих родителей в этом процессе. Очевидно, что результат воспитательного взаимодействия зависит от единства взглядов родителей и других членов семьи на содержание, цели и задачи, средства воспитания [8]; от уровня педагогических знаний в первую очередь родителей, степени практического овладения педагогическими навыками и умениями [10], от общей культуры и активной жизненной позиции всех воспитывающих членов семьи. Следует учесть, что реальные отношения в семье усугубляются и обостряются не только в трудные жизненные ситуации [2], но и в кризисные состояния членов семьи. В это время нарушается привычная ролевая целостность семейной системы и возникает необходимость в построении качественно новых семейных отношений, что зачастую требует вмешательства специалистов.

В связи с вышесказанным подготовка родителей к кризисному развитию ребенка приобретает особо актуальное значение. Психолого-педагогическая подготовка родителей по вопросам кризисного развития детей младшего дошкольного возраста предполагает целенаправленное и специально организованное просвещение родителей, основанное на знаниях психического и социального развития детей данного возраста, в процессе которого происходит социальное развитие ребенка. Очевидно, что при разработке и реализации программы, направленной на повышение психологической и педагогической грамотности родителей в кризисные периоды развития детей трехлетнего возраста, в ее содержание следовало бы включать знакомство родителей с личностными и поведенческими возрас-

* © Егорова У.Г., 2016

Егорова Ульяна Геннадьевна (shirley@samsu.ru), кафедра педагогики, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

тными особенностями детей трех лет. При этом мы учитываем и тот факт, что помимо воздействия родителей и их поведения на детей, происходит воздействие поведения и личностных особенностей детей на родительские формы поведения и родительское отношение в целом. А по мере взросления ребенка, когда увеличивается степень ответственности последнего за свои поступки и приобретаются навыки самоконтроля, изменяются характер и степень контроля со стороны родителей за действиями детей.

Отношения, наполненные теплотой к ребенку и эмоциональной поддержкой родителей, не просто важны для взаимоотношений с ребенком, они облегчают взаимодействие между родителями и детьми, включая те случаи, когда родителям требуется проявить однозначность воспитательной позиции, особенно в периоды кризисов возрастного развития у детей. Безусловно, мы проводим подготовку родителей к кризису трех лет у детей, включая в программу знакомство родителей с ниже представленными особенностями возрастного развития детей. Если родители контролируют каждый шаг ребенка в младшем дошкольном возрасте, то в более позднем возрасте они будут стараться избегать такого гиперконтроля, и первым способом для этого становится избегание домашней обстановки. И наоборот, если в семье главными становятся дети, особенно с агрессивным поведением, а родители излишне либеральны, то, возможно, родители будут стараться избегать семьи, задерживаясь на работе. Эти крайние формы поведения будут осложнять родительско-детские отношения в подростковом возрасте при переходе от родительской опеки к независимости, а также ослаблять процесс социализации в этом возрасте, препятствуя установлению дружеских отношений с одноклассниками [7].

Еще одним аспектом подготовки является эмоциональная сторона внутрисемейного взаимодействия. Как показали психологические исследования, если родители умеют справляться со своими негативными эмоциями и обучают своим примером тому же самому своих детей, то и учебные успехи детей будут выше независимо от того, в какой форме происходит обучение (в игровой деятельности [4] или традиционными методами), а также независимо от того, каким коэффициентом интеллекта они обладают. Было замечено, что такие дети в начальной школе имеют более высокие оценки по математике и чтению, могут дольше удерживать внимание, более покладисты, у них наблюдается меньше проблем поведенческого характера.

В популярной литературе для родителей ставится акцент на рекомендации и конкретные советы о том, как добиться железной дисциплины и послушания от детей. И не так часто в ней можно увидеть обучение способам взаимодействия с ребенком на основе эмоциональной связи с ним, особенно в периоды кризисного развития последнего, и методику, нацеленную на то, как родителям справиться с собственными негативными эмоциями. В этом отношении особую ценность приобретают работы Ю.Б. Гиппенрейтер [3]. И мы вслед за ней в программе работы с родителями в период возрастного кризиса трех лет у детей, организованной по всем правилам тренинговой группы [9], ставим акцент на безусловном принятии ребенка, активном слушании. Кроме того, принимая участие в нашей программе, родители приобретают умение управлять собственными эмоциональными состояниями, что в конечном итоге помогает детям научиться делать то же самое. А дети в дошкольном возрасте приобретают умения управлять множеством своих эмоций и чувств, причем не только теми, которые доставляют удовольствие (радость, любовь, гордость), но и теми, которые оказывают отрицательное действие (гнев, страх [1], тревога, ревность, разочарование и другие). Дети до трех лет понимают положительные эмоции и плохо дифференцируют отрицательные, что приводит к трудностям интерпретации поведения других людей и их эмоций в процессе взаимодействия [6]. Кроме того, детям нужно научиться действовать, осознавая свою зависимость от других, в частности от воспитывающих взрослых, и устанавливать отношения с ними. Вместе с тем им необходимо научиться поступать, следуя чувству независимости, то есть автономии — стремлению действовать самостоятельно, занимать главенствующее положение в отношениях со сверстниками, быть самостоятельным и компетентным, а также добиваться успеха в любой деятельности, которой они занимаются. То, как дети справляются с этими задачами, было изучено Э. Эриксоном. По его мнению, дети, которым не удается разрешить эти ранние психосоциальные противоречия, могут испытывать затруднения при попытках справиться с аналогичными пробле-

мами в дальнейшем [7]. В четыре года появляется представление, что собственное психическое отличается от психического других людей. В этом возрасте начинает формироваться предсказание поведения других людей на основе представлений о закономерностях и последствиях собственного поведения [6].

Между двумя и шестью годами происходит формирование личной и культурной идентичности, сопровождаемое разнообразными сильными чувствами и эмоциями, с которыми ребенку следует справиться. А подготовленный родитель может способствовать этому процессу.

В определенные периоды детям следует адаптироваться к своим меняющимся потребностям, принять их. В это время и возникают кризисы возрастного развития, то есть специфические конфликты развития. В дошкольный период дети растут в противоречии между потребностью в автономии и зависимостью от воспитывающих взрослых, в первую очередь от родителей. Такое состояние усугубляется трудностями в овладении новыми знаниями и умениями [7]. Таким образом, дошкольники находятся в состоянии так называемой борьбы мотивов (между собой и другими). Из отношений привязанности двухлеток к ухаживающим за ними взрослым рождается новое чувство автономии и компетентности, то есть уверенности в собственных силах и способности действовать самостоятельно, без помощи взрослых.

Обычно зависимость и независимость в поведении рассматривают как две противоположные формы. Но в случае онтогенетического развития одно не всегда исключает другое, собственно в этом и проявляется амбивалентность. Несмотря на то что с возрастом дети становятся менее зависимыми и уже не «цепляются» постоянно за мать, развитие их независимости (или самостоятельности) следует по более сложной траектории. Младенцы обычно довольно покладисты: например, они охотно поднимают ручки, когда родители их одевают. Эта идеалистическая картина послушания меняется к трем годам, когда многие дети становятся более раздражительными, чрезвычайно своевольными. А родители называют эту стадию развития «ужасные трехлетки». Ребенок может разозлиться только из-за того, что не справился с пуговицами или не смог сразу попасть в рукав. Когда трехлетних детей просят о чем-то, они стараются проявить самостоятельность, а на попытки взрослого помочь им демонстрируют твердый отказ в помощи, часто произнося «Я сам», но, становясь старше, дети опять делаются более уступчивыми. Старшие дошкольники уже с большей охотой выполняют просьбы взрослых, а также не стремятся нарушать запреты в их отсутствие. Таким образом, начало дошкольного периода проходит в ситуации амбивалентности возрастного развития, которая связана с действием противоположных сил: стремлением к самостоятельности и потребностью в привязанности.

В период между тремя и шестью годами, по мнению Э. Эриксона, содержанием основного конфликта развития является формула «инициатива против чувства вины». Другими словами, инициатива относится к целеустремленности маленьких детей, с которой они неумолимо исследуют окружающий мир. Они охотно осваивают новые навыки, взаимодействуют со сверстниками и ищут руководства родителей в налаживании своих социальных связей. Чувство вины, вероятно, особенно сильно, когда дети идут против воли своих родителей, что неизбежно при стремлении детей исследовать мир и подчинить его своей власти. Кстати, чувство вины является мощным фактором появления и развития различных психосоматических заболеваний детей. Однако этот тезис заслуживает отдельной беседы.

Чувство вины, связанное со слишком строгим супер-эго, согласно Э. Эриксону, способно охладить инициативу ребенка. Родители тоже могут внести свою лепту в подавление естественного любопытства детей, если они излишне критичны и однозначны в своих суждениях и оценках по отношению к ребенку во взаимодействии с ними. Когда это происходит, дети, теряя стремление достичь успеха и уверенность в себе, испытывают робость и боязнь неуспеха, которые могут сопровождать детей на протяжении всей жизни. Поэтому на этом этапе для родителей трехлеток мы включаем в программу работы с ними беседу на тему «Ситуация успеха в развитии ребенка».

Анализ литературы и опыт нашей практической деятельности показывают, что проявления возрастных кризисов у ребенка независимо от его возраста часто приводят к

возникновению конфликтных ситуаций в семье (часто скрытые конфликты переходят в стадию открытого противоречия). Поэтому в период возрастного кризиса у детей трех лет была изучена семейная атмосфера на предмет частоты возникновения конфликтных ситуаций, причиной которых являются дети, их поведение или индивидуальные особенности. На основе исследования были получены следующие результаты. Родителями было отмечено, что в 10 % семей таких конфликтных ситуаций никогда не возникает, в 15 % – они редки, в 20 % семей – иногда возникают, и 55% родителей отметили частое возникновение такого рода конфликтов в семье. При этом родителями указывались дети как источник конфликта. В частности, родителями были выделены три причины конфликтного поведения трехлеток: непослушание, протест в поведении, плохое самочувствие. С точки зрения родителей, в основе 60 % конфликтов лежит непослушание детей, 40 % – протест, 30 % – плохое самочувствие ребенка. Среди переживаний родителей до участия в программе в 65 % случаях конфликтов они испытывают чувство вины перед своим ребенком, и 50 % из них объясняют это недостаточностью знаний о возрастных особенностях ребенка, что окончательно убедило нас в необходимости когнитивной подготовки родителей к возрастным изменениям ребенка, включающей знания возрастных особенностей детей.

В программе мы ставим акцент на осознании разницы между миром ребенка и взрослого, что выражается в особенностях восприятия, эмоциональных переживаниях, мотивации поведения и т. д. Открытием для родителей становится приобретение навыков анализа причин поведения ребенка, исходя из позиции самого ребенка. Кроме того, мы знакомим родителей с приемами активного слушания (уточнение, пересказ, проговаривание, резюмирование, отражение чувств) и отрабатываем навыки хорошего слушателя, а также формулирования мысли на языке принятия и непринятия (оценка поступка и оценка личности ребенка) в практической части занятий. Безусловно интересны родителям занятия, посвященные овладению основными понятиями транзактного анализа [5].

После участия в программе многие родители отметили тот факт, что ранее «ускользало» от их взглядов: дети, говоря «нет», «не хочу» в ответ на просьбу родителей, шли и выполняли соответствующую просьбу. При этом частота конфликтных ситуаций уменьшилась (до 30 %) в тех семьях, где данный показатель был высок. А непослушание выделяется как причина конфликтов в 35 % случаев, протест – в 20 %, а плохое самочувствие – в 25 % случаев, отмеченных родителями. Таким образом, в конфликтных ситуациях родители меньше рефлексиируют возникновение чувства вины перед ребенком. Можно предположить, что проявления кризисного периода становятся понятными родителям, которые после участия в программе обладают знаниями и навыками, необходимыми для совладания с проявлениями возрастного кризиса трехлетнего ребенка.

Библиографический список

1. Акопян Л.С. Невербальная картина детских страхов // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 2. С. 15–21.
2. Александрова А.Л. Педагогические средства оказания помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 52 с.
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? М.: ЧеРо, 2003. 240 с.
4. Долгополова А.В. Подготовка старших дошкольников к обучению в школе в игровой деятельности: монография. Самара, 2007.
5. Егорова У.Г. Личностно развивающие взаимодействия с детьми как основа позитивного родительства // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.1 (109). С. 268–273.
6. Жданова Л.Г. Проблема развития сознания в онтогенезе // Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты: материалы международной научной конференции, 15–17 октября 2015 г., Самара / под ред. Г.В. Аكوпова (отв. ред.), Е.Л. Чернышовой, С.Г. Ихсановой. Самара: ПГСГА, 2015. С. 31–34.
7. Иванушкина Н.В. Возрастная психология и педагогика: учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 148 с.
8. Моисеева Л.Г. Методика и технология работы социального педагога. Самара: Самарский университет, 2008.
9. Никулина И.В. Тренинг: сущность, технология проектирования. Самара, 2010. 20 с.
10. Черкасова О.В. Психолого-педагогические подходы к работе с родителями // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 227–231.

References

1. Akopyn L.S. *Neverbal'naia kartina detskikh strakhov* [Non-verbal picture of children fears]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 2010, Vol. 7, no. 2, pp. 15–21 [in Russian].
2. Aleksandrova A.L. *Pedagogicheskie sredstva okazaniia pomoshchi detiam, nakhodiashchimsia v trudnoi zhiznnoi situatsii* [Pedagogical means of rendering help to children from a deprived background]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2007, 52 p. [in Russian].
3. Gippenreyter Yu.B. *Obshchat'sia s rebenkom. Kak?* [Communicate with a child. How?]. M.: «CheRo», 2003, 240 p. [in Russian].
4. Dolgopolova A.V. *Podgotovka starshikh doskol'nikov k obucheniiu v shkole v igrovoi deiatel'nosti: monografiia* [Training of over-fives to the education at school in play activity: monograph]. Samara, 2007 [in Russian].
5. Egorova U.G. *Lichnostno razvivaiushchie vzaimodeistviia s det'mi kak osnova pozitivnogo roditel'stva* [Personal developmental interactions with children as basis of positive parental care]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 8.1 (109), pp. 268–273 [in Russian].
6. Zhdanova L.G. *Problema razvitiia soznaniia v ontogeneze* [Problem of consciousness in ontogenesis]. *Psikhologiya soznaniia: etnonatsional'nye, religioznye, pravovye i reguliativnye aspekty: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 15-17 oktiabria 2015g., Samara. Pod red. G.V. Akopova (otv. red.), E.L. Chernyshovoi, S.G. Ikhsanovoi* [Psychology of consciousness: ethno-national, religious, legal and regulative aspects: Materials of the international scientific conference. October 15–17, 2015, Samara. G.V. Akopov, E.L. Chernysheva, S.G. Ikhsanova (Eds.)]. Samara: PGSGA, 2015, 356 p., pp. 31–34 [in Russian].
7. Ivanushkina N.V. *Vozrastnaia psikhologiya i pedagogika: uchebnoe posobie* [Developmental psychology and developmental pedagogics: textbook]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006, 148 p. [in Russian].
8. Moiseeva L.G. *Metodika i tekhnologiya raboty sotsial'nogo pedagoga* [Methodology and technology of social teacher]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2008 [in Russian].
9. Nikulina I.V. *Trening: sushchnost', tekhnologiya proektirovaniia* [Training: essence, design technology]. Samara, 2010, 20 p. [in Russian].
10. Cherkasova O.V. *Psikhologo-pedagogicheskie podkhody k rabote s roditeliami* [Psychological and pedagogical approaches to the work with parents]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 9(120), pp. 227–231 [in Russian].

*U.G. Egorova**

THREE YEARS' CHILDREN CRISIS: PREPARING PARENTS TO IT

The article comprises necessity of psychological and pedagogical preparing parents to the new behavior features of three years' children in the age's development crisis. The article presents the effectiveness of realizing special program for three years' children parents. The author shows and account for the way of psychological training to parents, which includes knowledge of three years' children behavioral and psychological features

Key words: psychological and pedagogical work with parents, age crisis, psychological and behavioral peculiarities of three years' children, three years' age crisis.

Статья поступила в редакцию 11/IV/2016.
The article received 11/IV/2016.

* *Egorova Ulyana Gennadiievna* (shirley@samsu.ru), Department of Pedagogics, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА К ПРИМЕНЕНИЮ СРЕДСТВ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье представлена система формирования готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения в рамках тенденции модернизации образования; описаны элементы системы формирования готовности, методологические подходы, принципы и основные педагогические технологии, применяемые в курсе повышения квалификации преподавателей. Рассмотрена структура готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения. Обоснована эффективность работы системы: приведены результаты динамики значений компонентов готовности преподавателей вуза к применению средств электронного обучения в профессиональной деятельности. Сделан вывод о росте показателей направленности преподавателей на применение средств электронного обучения для решения педагогических задач по организации учебного процесса.

Ключевые слова: система повышения квалификации, средства обучения, педагогические технологии, средства электронного обучения, готовность к применению средств электронного обучения.

Модернизация высшего образования в настоящее время является приоритетным направлением развития общества. Изменения касаются различных аспектов: разработки и внедрения новых федеральных государственных образовательных стандартов, нормативно-правовой базы всех уровней образования; интеграции инновационных технологий и процессов в образование; внедрения критериальной базы оценки эффективности образовательной деятельности образовательных организаций. Актуальной проблемой становится взаимодействие преподавателей и обучающихся с помощью средств электронного обучения [1]. Методическая деятельность преподавателя вуза, связанная с применением средств электронного обучения в учебном процессе, вызывает у него значительные затруднения (на это указывают 72 % опрошенных преподавателей): 45 % преподавателей имеют морально-ценностный барьер перед освоением информационных технологий; 61 % отмечают, что испытывают затруднения при освоении методологических основ электронного обучения; 80 % затрудняются в проектировании и применении электронных учебных курсов; не способны анализировать эффективность электронных средств обучения 88 % преподавателей; 56 % преподавателей вуза осознают необходимость внедрения средств электронного обучения в учебный процесс в рамках создания и проектирования информационно-образовательной среды. Результаты проведенного нами опроса свидетельствуют о необходимости формирования готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения, которая является интегративной характеристикой личности, отражающей уровень знаний методических и методологических основ электронного обучения, развитость

* © Дмитриев Д.С., 2016

Дмитриев Денис Сергеевич (denisdmित्रиеv000@gmail.com), кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

умений применять инновационные методы, технологии и средства электронного обучения, оценивать результаты обучения в формате электронных контентов, проводить анализ электронных образовательных ресурсов [2; 3]. При разработке структуры готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения базировались на принципе идентификации, позволившем соотнести виды методической деятельности с основными квалификационными характеристиками, сформированность которых дает возможность внедрять средства электронного обучения в информационно-образовательную среду вуза [4]. Применение данного принципа предполагает выделение в структуре готовности следующих компонентов: ценностно-мотивационного, когнитивного, методико-операционального, оценочно-рефлексивного.

Пилотажное исследование, проведенное на базе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, выявило недостаточный уровень сформированности компонентов готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения, что может препятствовать реализации стратегии конкурентноспособных образовательных программ, реализации инновационных форм обучения, повышению эффективности и качества образования.

Экспериментальная работа заключалась в разработке системы формирования готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения в виде взаимосвязанных элементов: целевого, содержательного, процессуального, результативного. Система апробировалась в Самарском университете в качестве дополнительной программы курсов повышения квалификации.

В качестве методологического основания процесса повышения квалификации применялись следующие подходы (табл. 1): андрагогический – для организации обучения преподавателей с учетом принципов безоценочности и комфортности; матричный и средовой – для отбора содержания повышения квалификации с опорой на принципы индивидуальности, оптимальности, модульности, дифференциации; продуктивный и деятельностный – для управления процессом формирования готовности преподавателей вуза к применению средств электронного обучения в профессиональной деятельности; компетентностный – для доказательства адекватности результативной характеристики средствам организации учебного процесса во внутривузовской системе повышения квалификации с опорой на принципы адаптивности, идентификации, рефлексивности.

Содержательный элемент системы формирования готовности преподавателей вуза к применению средств электронного обучения представлялся модулями (учебные дисциплины), адекватно компонентам структуры готовности (табл. 2). Формированию ценностно-мотивационного компонента готовности преподавателей вуза к применению средств электронного обучения способствовали учебные дисциплины «Нормативно-правовое обеспечение высшего образования», «Современные системы и средства электронного обучения», которые осваивались с помощью активных методов (дискуссия, круглый стол, интервью, открытая конференция), предоставляющих возможность обмениваться мнениями и на основе конструктивного диалога находить оптимальные способы решения проблемы.

На развитие показателей когнитивного компонента готовности направлялись учебные дисциплины «Методические основы применения электронного обучения», «Практика применения электронного обучения», содержание которых изучалось различными формами представления информации (лекция-беседа, лекция-презентация, глоссарий, кейс-метод).

На формирование методико-операционального компонента готовности были ориентированы учебные дисциплины «Проектирование электронных учебных курсов», «Функциональное моделирование электронных учебных курсов». Развитию показателей методико-операционального компонента способствовали тренинги, виды самостоятельной работы студентов.

Учебные курсы «Инновационные средства оценки и контроля качества образования», «Диагностика и самодиагностика профессиональной деятельности преподавателя вуза» направлялись на формирование оценочно-рефлексивного компонента

готовности преподавателей вуза к применению средств электронного обучения в профессиональной деятельности. Лекция-конференция, тестирование, работа с документацией обеспечивали формирование показателей данного компонента.

Таблица 1

Методологические основания процесса повышения квалификации преподавателей вуза

Методологические походы	Цель применения	Доминирующие принципы	Задачи
Андрагогический (целевой элемент системы ПК)	Учет особенностей обучения взрослых	Безоценочность Комфортность	Определение и выбор целевой аудитории обучения
Матричный (содержательный элемент системы ПК)	Выстраивание индивидуальных траекторий обучения	Индивидуальность Модульность Дифференциация	Определение содержания подготовки
Средовой (содержательный элемент системы ПК)	Учет возможностей и статуса образовательного учреждения	Оптимальность	Определение содержания подготовки
Продуктивный (процессуальный элемент системы ПК)	Формирование практических умений	Практико-ориентированность	Разработка электронного учебного курса
Деятельностный (процессуальный элемент системы ПК)	Учет специфики методической деятельности	Мобильность Дифференцированность	Управление подготовкой, выбор средств и методов обучения
Компетентностный (результативный элемент системы ПК)	Учет квалификационных характеристик	Адаптивность Идентификация Рефлексивность	Разработка структуры готовности к применению средств электронного обучения

Таблица 2

Результаты формирования готовности преподавателей вуза к применению средств электронного обучения (среднее значение)

Компоненты	Эксперимент	
	Констатирующий	Формирующий
Ценностно-мотивационный	0,4	0,86
Когнитивный	0,45	0,72
Методико-операционный	0,4	0,69
Оценочно-рефлексивный	0,35	0,65

Эффективность системы была доказана результатами самооценки и оценки компетентных судей показателей в структуре готовности. Отмечался рост средних значений компонентов в структуре готовности к применению средств электронного обучения преподавателей вуза для решения педагогических задач по организации учебного процесса.

Библиографический список

1. Дмитриев Д.С. Системы E-learning. Самара: Самарский университет, 2014. 32 с.
2. Дюкарев И., Караваева Е., Ковтун Е. Тьюнинг Россия. Ключевые ориентиры для разработки и реализации образовательных программ в предметной области «Информационно-коммуникационные технологии». Бильбао: Университет Деусто, 2013.
3. Стрекалова Н.Б., Руднева Т.И., Соловова Н.В. Средства электронного обучения: учебное пособие. Самара: Самарский университет, 2013. 32 с.
4. Соловова Н.В. Формирование и оценка компетенций: учебное пособие. Самара: Самарский университет, 2015. 79 с.

References

1. Dmitriev D.S. *Sistemy E-learning* [E-learning systems]. Samara: Samarskii universitet, 2014, 32 p. [in Russian].
2. Dyukarev I., Karavayeva E., Kovtun E. *Tiuning Rossiia. Kliuchevye orientiry dlia razrabotki i realizatsii obrazovatel'nykh programm v predmetnoi oblasti «Informatsionno kommunikatsionnye tekhnologii»* [Tuning Russia. Milestones for the development and implementation of educational programs in the subject area "Information and communication technologies"]. Bilbao: Universitet Deusto, 2013 [in Russian].
3. Strelakova N.B., Rudneva T.I., Solovova N.V. *Sredstva elektronnoho obucheniia: uchebnoe posobie* [E-learning means: teaching guide]. Samara: Samarskii universitet, 2014, 58 p. [in Russian].
4. Solovova N.V. *Formirovanie i otsenka kompetentsii: uchebnoe posobie* [Formation and assessment of competences: tutorial]. Samara: Samarskii universitet, 2015, 79 p. [in Russian].

*D.S. Dmitriev**

UNIVERSITY TEACHERS' READINESS FORMATION SYSTEM TO THE USE OF E-LEARNING TOOLS

The article presents high school teachers' readiness formation system to the use of e-learning in the educational modernization trends; it describes the elements of readiness formation system, methodological approaches, principles and basic educational technologies which are used in teacher training course. It also describes the structure of university teachers' e-learning tools ready-to-use. The efficiency of the system is substantiated: the results of the high school teachers' readiness to use of e-learning tools component values dynamics in their professional activities are presented. The conclusion about the growth of teachers' orientation indicators on the use of e-learning tools for the solution of pedagogical tasks in the educational process is made.

Key words: career development system, training aids, educational technologies, e-learning tools, readiness to the use of e-learning tools.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Dmitriev Denis Sergeevich* (denisdmitriev000@gmail.com), Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ГИДА-ПЕРЕВОДЧИКА В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В статье рассматривается понятие операциональной компетентности гида-переводчика, представляющейся определенным набором стратегий, т. е. упорядоченной последовательностью действий и операций по осуществлению профессиональной деятельности: стратегией восприятия текста; стратегией «перекодировки» сообщения; стратегией построения нового текста на языке перевода; стратегией предварительного создания сообщения; стратегией трансляции готового сообщения; стратегией контроля индивидуального и группового взаимодействия. Приведены тактики их реализации.

Ключевые слова: переводчик, гид, гид-переводчик, операциональная компетентность, стратегия, тактика.

Происходящие изменения в социальном, экономическом и политическом устройстве общества усложняют задачи профессиональной действительности, выдвигая новые требования к современному специалисту: четкое понимание профессиональной роли; готовность к рациональному и эффективному выполнению своих профессиональных обязанностей; способность взаимодействовать с окружающей профессиональной средой с целью взаимного обогащения накопленного опыта. Международное сотрудничество обуславливает необходимость подготовки специалистов, готовых устанавливать взаимопонимание между народами, обеспечивая доступ к многообразию мировой культуры. В подобных условиях дополнительное профессиональное образование, ориентированное на формирование профессиональной компетентности личности, приобретает особое значение. Профессиональная компетентность, свидетельствующая о готовности к построению профессиональных отношений, представляется определенной структурой [1]. Объектом нашего исследования является формирование операциональной компетентности гидов-переводчиков как одной из составляющих структуры профессиональной компетентности.

Ученые (В.Н. Введенский, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова), исследуя проблему профессиональной компетентности, выделяют пять базовых составляющих: коммуникативная компетентность; информационная компетентность; регулятивная компетентность; интеллектуальная компетентность; операциональная компетентность. Под операциональной компетентностью понимается владение определенным набором навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности [2]. Основываясь на результатах исследований профессиональной компетентности, операциональную компетентность соотносим с деятельностным компонентом профессиональной компетентности, интегрирующим эффективные профессиональные навыки, умения, действия или операции, апробированные в действии [3]. Освоенные специалистом как наиболее эффективные для осуществления профессиональной деятельности навыки, умения и операции реализуются упорядоченной последовательностью дей-

* © Агуреева А.В., 2016

Агуреева Алина Викторовна (sank-albina@rambler.ru), студент I курса заочной формы обучения в магистратуре по направлению 44.04.02 Психолого-педагогическое образование, образовательная программа «Психология и педагогика профессионального образования», Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ствий – стратегиями. Изначально, понятие «стратегии» применялось в военном деле: «Стратегия – 1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны. Теория военной стратегии. 2. Общий план ведения войны, боевых операций» [8, с. 170]. В настоящий момент термин широко используется в педагогике, переводоведении и других профессиональных областях. Так, Е.Н. Хабутдинова рассматривает термин «стратегия» в виде характеристики профессионально-педагогической направленности педагога [4]. Обращаясь к словарям, находим следующие варианты толкований: «общая руководящая линия, направленная на достижение конечных целей» [9]; «наиболее общий план действия в отличие от тактики» [10, с. 718]; «недетализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени» [11, с. 832]. Таким образом, стратегия – это некоторый план, выработанный и применяемый специалистом при осуществлении профессиональной деятельности.

Под «стратегией осуществления деятельности гидом-переводчиком» мы будем понимать разработанный и реализуемый план, представляющий собой упорядоченную последовательность действий и операций по выполнению профессиональных задач. Реализация такого плана предусматривает применение тактик в виде совокупности приемов и методов.

Операциональная компетентность является составляющей профессиональной компетентности и видится определенным набором стратегий, необходимых для успешного осуществления профессиональных задач. Операциональную компетентность гида-переводчика соотносим с профессиограммой в виде комплекса действий, выполняемых специалистом при осуществлении его должностных обязанностей. Согласно профессиограмме специальности «гид-переводчик», к доминирующим видам деятельности относятся: проведение экскурсий; прием и обслуживание гостей; ведение диалога на иностранном языке; обеспечение устного перевода; составление программ и планов экскурсии [5]. Итак, профессиональная деятельность гида-переводчика обусловлена реализацией целесообразных стратегий, что требует определения структуры профессиональной деятельности.

Специфика деятельности переводчика заключается в сочетании нескольких ее видов: предпереводческого анализа; перевода или перекодировки с одного языка на другой; анализа и оценки результата перевода. Однако при этом необходимо учитывать существующие различия в деятельности переводчиков, осуществляющих устный или письменный перевод. Устный перевод сопровождается однократным слуховым восприятием текста сообщения, необходимостью запоминания и воссоздания образа этого текста, а также строгими временными рамками (по сравнению с письменным переводом), перекодировкой с одного языка на другой и однократным воспроизведением перевода в устной форме [6]. Перекодирование информации с одного языка на другой предполагает выполнение нескольких стратегий (рис. 1): стратегии восприятия текста – 1, стратегии «перекодировки» сообщения (формирование образа текста – 2 и адаптации этого образа на язык перевода – 3; стратегии построения нового текста на языке перевода – 4. Данные стратегии реализуются при передаче информации от носителя одного языка к носителю другого, посредником же является переводчик.

Профессиональная деятельность гида предусматривает стратегии предварительного создания сообщения и его итоговой трансляции туристам, эффективное выполнение которых требует реализации следующих операций (рис. 2): предварительного сбора и анализа данных; их последующей подготовки, обработки и переработки, создания собственного текста экскурсии; выбора стратегии реализации созданного текста. Важным отличием деятельности гида от деятельности переводчика является то, что она реализуется на родном языке специалиста. При этом основным направлением передачи информации будет «гид (Г) – аудитория (А)». Стоит заметить, что деятельность гида, как и деятельность переводчика, имеет целью установление диалога между представителями различных культур, способствуя эффективной межкультурной коммуникации [7].

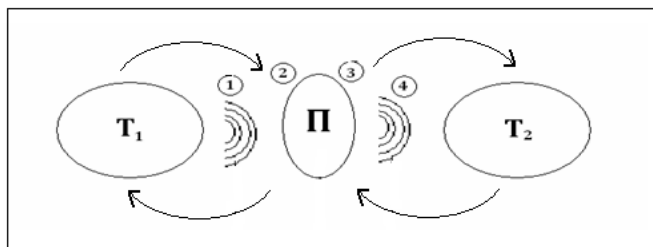

Рис. 1. Стратегии выполнения переводческой деятельности

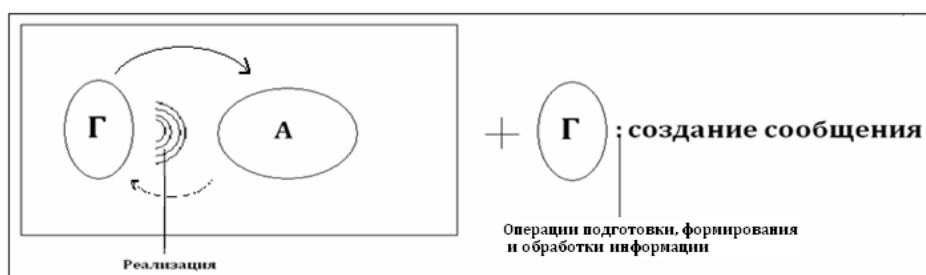

Рис. 2. Стратегии выполнения деятельности гида

Стратегии деятельности гида-переводчика обусловлены спецификой деятельности гида и деятельности переводчика. Важным отличием выступает языковой код передаваемого или реализуемого сообщения. С учетом данной специфики выделяем стратегии деятельности гида-переводчика: стратегию восприятия текста; стратегию перекодировки сообщения; стратегию построения нового текста на языке перевода; стратегию предварительного создания текста экскурсии; стратегию трансляции готового текста экскурсии; стратегию контроля индивидуального и группового взаимодействия в ходе экскурсии. Стратегия восприятия текста представляется последовательностью действий (сбор фоновой информации, предварительный анализ категорий текста, оценка перекодируемого текста), выполненных с использованием тактики создания образной структуры текста и тактики предпереводческого анализа.

Стратегия перекодировки сообщения (подбор переводческих соответствий, оценка и отбор вариантов, переводческие трансформации, создание и заполнение возможных пропусков) реализуется тактиками: точной передачи информации; передачи точной и полной информации; передачи имплицитной информации. Стратегия построения нового текста на языке перевода выражается последовательностью действий (установление точного результата перевода, установление характеристики адресата перевода, определение необходимой степени приближенности полного перевода), что требует применения следующих тактик: стилистической и прагматической адаптации текста; передачи стилистических особенностей перекодируемого текста; установления правильной интонации; передачи индивидуального стиля автора.

Стратегия предварительного создания текста экскурсии представляется следующей последовательностью действий: предварительной подготовкой; непосредственной разработкой текста экскурсии; пробным проведением экскурсии. Предварительная подготовка включает: определение темы, цели и задач экскурсии; подбор и изучение материалов для будущей экскурсии, накопление информации; отбор объектов экскурсии. Непосредственная разработка содержит ряд операций: составление экскурсионного маршрута; обработку фактического материала; определение содержания основной части экскурсии; написание контрольного текста; уточнение методики проведения экскурсии; подготовку индивидуальных текстов. Пробное проведение экскурсии направляется на апробацию текста. Предварительная подготовка предполагает тактики: разработки текста сообщения с учетом методических приемов рассказа и показа; дифференцированного подхода, отражающего определенную категорию экскурсантов, их интересы и цели.

Стратегия трансляции готового текста экскурсии заключается в следующих действиях: знакомство и анализ аудитории, на основе которого происходит корректировка разработанной программы; вступление (произвольное или подготовленное); оценка хода экскурсии; внесение изменений в разработанный текст при необходимости. Данной стратегии соответствуют следующие тактики: самопрезентации; диалоговая тактика (приемы построения и ведения диалога); риторическая и прагматическая тактики (реализация текста сообщений с помощью приемов ораторского искусства и риторической техники воздействия на экскурсантов).

Стратегия контроля индивидуального и группового взаимодействия в ходе экскурсии предполагает последовательность действий: контроль количества участников экскурсии; контроль и регулирование длительности экскурсии; контроль психологического климата внутри группы; согласование деятельности группы с внутренними правилами, действующими на территории проведения экскурсии. Данная стратегия соотносится с тактиками (организационной; тактикой осуществления контроля), предусматривающими приемы, способствующие рекреации экскурсантов, поддержанию эмоционального состояния группы; координации взаимодействий внутри группы.

Таким образом, операциональная компетентность гида-переводчика выражается стратегиями успешной реализации профессиональных задач и устранения возможных ошибок при перекодировании информации.

Библиографический список

1. Руднева Т.И., Храмцов А.Б., Храмцова Е.Б. Формирование профессиональной компетентности студентов – будущих юристов. Самара: Самарский университет, 2011. 147 с.
2. Введенский В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога / Педагогика. № 10. 2003. С. 51–55.
3. Лобанова Н.Н., Косарев В.В., Крючатов А.П. Профессиональная компетентность педагога. Самара, СПб.: СамВен, 1997. 107 с.
4. Хабутдинова Е.Н. Традиционные и инновационные педагогические стратегии совершенствования профессиональной деятельности учителя в средней школе США: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1999. 166 с.
5. Горбунова, М.В., Кирилюк Е.В. 333 современные профессии и специальности: 111 информационных. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 441 с.
6. Корнеева Н.А. Социокультурный подход к профессиональной подготовке студентов – будущих переводчиков: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2011. 206 с.
7. Дополнительное профессиональное образование руководителей гостиниц и иных средств размещения / О.В. Зуева [и др.] // Россия – Казахстан: приграничное сотрудничество, музейно-туристический потенциал, проекты и маршруты к событиям мирового уровня: мат-лы междунар. науч.- практ. конф. Вып. 1. Самара, 2016.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
9. Лопатин В.В. Русский толковый словарь. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.
10. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. 1312 с.
11. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; СПб., 2000.

References

1. Rudneva T.I., Khramtsova A.B., Khramtsov E.B. *Formirovanie professional'noi kompetentnosti studentov – budushchikh iuristov* [Formation of professional competence of students – future lawyers]. Samara: Samarskii universitet, 2011, 147 p. [in Russian].
2. Vvedensky V.N. *Modelirovanie professional'noi kompetentnosti pedagoga* [Modeling of professional competence of a teacher]. Pedagogika [Pedagogy], 2003, no. 10, pp. 51–55 [in Russian].
3. Lobanova N.N., Kosarev V.V., Kryuchatov A.P. *Professional'naiia kompetentnost' pedagoga* [Teacher's professional competence]. Samara, SPb.: SamVen, 1997, 107 p. [in Russian].
4. Habutdinova E.N. *Traditsionnye i innovatsionnye pedagogicheskie strategii sovershenstvovaniia professional'noi deiatel'nosti uchitelia v srednei shkole SShA: dis. ... kand. ped. nauk* [Traditional and innovative teacher's strategies of teachers' professional activities

perfecting in secondary schools in the USA: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Kazan, 1999, 166 p. [in Russian].

5. Gorbunova M.V., Kyrylyuk E.V. *333 sovremennye professii i spetsial'nosti: 111 informatsionnykh* [333 modern professions and trades: 111 Information ones]. Rostov n/D: Feniks, 2009, 441 p. [in Russian].

6. Korneeva N.A. *Sotsiokul'turnyi podkhod k professional'noi podgotovke studentov - budushchikh perevodchikov: dis. ... kand. ped. nauk* [Sociocultural approach to the professional training of future translators (interpreters). Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Samara, 2011, 206 p. [in Russian].

7. Zueva O.V. (et al.). *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie rukovoditelei gostinits i inykh sredstv razmeshcheniia* [Additional vocational training of employees of hotels and other accommodation facilities]. In: *Rossii – Kazakhstan: prigranichnoe sotrudnichestvo, muzei i no-turisticheskii potentsial, proekty i marshruty k sobytiyam mirovogo urovnia. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Russia – Kazakhstan: cross-border cooperation, museum and travelling potential, projects and ways to the international events. International scientifically-practical conference. Issue 1]. Samara, 2016 [in Russian].

9. Lopatin V.V. *Russkii tolkovyi slovar'* [Russian explanatory dictionary]. Retrieved from: <http://www.gramota.ru/slovari> [in Russian].

10. *Sotsiologiya: Entsiklopediia*. Sost. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin [i dr.] [Sociology. Encyclopedia. Compilers A.A. Gritsanov, V.G. Abushenko, G.M. Evel'kin [et al.]]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyi Dom, 2003. 1312 p. [in Russian]

11. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'*. Gl. red. A.M. Prokhorov. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Unabridged encyclopedic dictionary. A.M. Prokhorov (Ed.). 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Spb., 2000 [in Russian].

*A.V. Agureeva**

OPERATIONAL COMPETENCE AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF GUIDE-INTERPRETER

The article considers the term «operational competence of a guide-interpreter», which is represented by a certain set of strategies, that is seen as a general program of some professional activities with the corresponding tactics.

Key words: interpreter, guide, guide-interpreter, operational competence, strategy, tactic.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.

The article received 15/II/2016.

* *Agureeva Alina Viktorovna* (sank-albina@rambler.ru), student of the 1st year of study, extramural attendance of Master's Degree program on the specialization 44.04.02 Psychological and pedagogical education, educational program «Psychology and pedagogics of professional education», Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается актуальная для высшего образования задача формирования речевой культуры студента, необходимой для грамотного предъявления профессиональному сообществу своих достижений в форме устной или письменной коммуникации. Описывается опыт формирования речевой грамотности студентов Тольяттинской академии управления традиционными средствами (специальные дисциплины) и с помощью современных образовательных технологий.

Ключевые слова: инновационные технологии, речевая культура, культура делового общения, коммуникационная компетентность.

Модернизация системы образования в настоящее время обусловлена переходом от простого функционирования образовательного учреждения к развитию системы непрерывного российского образования. Согласно закону «Об образовании в Российской Федерации», образовательные учреждения включаются в инновационную деятельность, ориентированную на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования. Инструментом модернизации высшего образования становятся информационные технологии, имеющие полифункциональный характер и выступающие в качестве инновационных образовательных технологий, а стратегией – сочетание различных форм образования и методов обучения в соответствии с образовательными стандартами для достижения планируемых результатов [3; 6].

Компетентный подход становится основной методологией модернизации современной системы образования. Понятие «компетенция» возникает как следствие кардинального изменения условий жизни современного общества и требований к результату образования. Компетентный специалист может преуспеть в своей деятельности лишь тогда, когда научится определять цель деятельности, предвидеть варианты ее достижения, выбирать оптимальный путь продвижения, анализировать результаты деятельности, извлекать уроки из временных неудач и т. д. [1, с. 209]. Он способен адаптироваться к часто меняющимся условиям, проявлять автономность при решении профессиональных проблем и поддерживать сотрудничество в профессиональной области.

Однако в практике профессиональной подготовки студент не умеет грамотно выражать и аргументировать свою точку зрения, плохо работает с различными источниками информации, в то время как в требованиях работодателя к современному выпускнику вуза в качестве доминантного отмечается владение устной и письменной речью. Данная ситуация актуализирует проблему формирования у студента коммуникативной компетенции как профессионально значимого свойства.

Грамотная речь выражается не только знанием правил словоупотребления, грамматической сочетаемости и основ синтаксических моделей предложения, но и разграничением сфер использования русского языка. Профессиональная культура специа-

*© Сариева З.И., 2016

Сариева Зулфия Ириковна (zulerik@yandex.ru), кафедра гуманитарных дисциплин, Тольяттинская академия управления, 445057, Российская Федерация, г. Тольятти, Приморский б-р, 25.

листа выражается умениями и навыками профессионального взаимодействия, культурой поведения, эмоциональной культурой, культурой речи и профессионального общения, позволяющего специалистам эффективно взаимодействовать с деловыми партнерами. Разнообразные речевые стратегии и тактики, ориентированные на достижение компромисса и сотрудничества, снижают риск неблагоприятных последствий решений, принятых при ведении переговоров и собраний. Характер деловых контактов оказывает решающее влияние на эффективность совместной деятельности, успешность проведения бесед, деловых совещаний, переговоров, дискуссий, презентаций.

Формирование коммуникативной компетенции (речевой культуры) студентов Тольяттинской академии управления строится на принципах практической направленности и реализуется средствами учебных дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Коммуникационная подготовка». Процесс формирования речевой культуры студента представляется системой, реализующей в учебном процессе курсы, вооружающие студента техниками грамотной устной и письменной речи: орфографической и пунктуационной грамотностью за счет систематизации знания орфографии и пунктуации в оформлении русского текста и совершенствования орфографических и пунктуационных навыков; техниками анализа первичных и создания и нормативного оформления вторичных текстов в разных стилях (научном, официально-деловом, публицистическом); техниками составления и редактирования деловой корреспонденции и выработки навыка написания текстов деловых писем; техники реферирования и написания научных текстов (статья, доклад, реферат, выпускная квалификационная работа); техниками работы с источниками информации при написании выпускных квалификационных работ (научная логика предъявления содержания, стилистическое редактирование текста); техниками создания, редактирования и презентации проектов.

Речеведческие курсы, преподаваемые в Тольяттинской академии управления, отражают нормативный, коммуникативный и этический аспекты культуры речи. Развитие речевой культуры студентов происходит за счет формирования умений и навыков конструктивного делового общения, для чего решаются следующие задачи [7, с. 323]: раскрывается значение культуры речи в современном мире; формулируются умения свободного и грамотного использования языковых средств русского языка в различных сферах общения; изучаются основные нормы письменной и устной речи (орфоэпические, лексические, грамматические и др.); вырабатываются навыки связной литературной речи – грамотного применения правил эффективной коммуникации в практической деятельности, учебной работе, научных исследованиях. В качестве методологической основы применяется креативный подход к инвариантному использованию знаний, умений и навыков для достижения поставленных целей в общении; формируется имидж будущего специалиста, соответствующий современным требованиям рынка труда; развиваются его коммуникативные способности. Дисциплины «Русский язык и культура речи» и «Коммуникационная подготовка» вырабатывают представления о речевой норме и ее вариативности, структуре текста, правилах его развертывания. Представление о норме позволяет строить свое поведение в соответствии с условиями ситуации, имитируемой в учебном процессе, что дает возможность выразить личностный смысл различными средствами с целью быть понятыми [5].

В настоящее время главной задачей преподавателя высшего учебного заведения становится приобщение студентов к самостоятельной работе для достижения заданного качества подготовки кадров к продуктивной профессиональной деятельности, развитие у студентов готовности к самообразованию, самоорганизации и самоконтролю. Проблема организации личностно-ориентированной самостоятельной работы при минимальном прямом воздействии на студентов со стороны преподавателей относится сегодня к числу наиболее актуальных задач. В учебном процессе возникает необходимость реализации принципа самообучения и самоорганизации студента через включение в обучение элементов исследования. Если традиционные

методы ориентированы в основном на передачу готовых знаний студентам, то при использовании новых образовательных технологий обучения студент добывает их самостоятельно, ставя перед собой цель и определяя задачи ее достижения, что требует проявления культуры профессионального общения на занятиях с использованием видеоматериалов; при просмотре записей телепередач с выступлениями деловых людей и анализе-обсуждении увиденного; в ходе самостоятельной подготовки и проведения самими студентами круглых столов и деловых игр.

Одной из инновационных технологий, используемых в процессе обучения, являются имитации управления бизнесом, которые все чаще называют бизнес-симуляциями (калька английского термина *business simulations*). В настоящее время под этой формой понимается множество различных методик – это ролевые, настольные, деловые игры, а также собственно компьютерные имитации или симуляторы. Задачу формирования у студентов коммуникативных умений преподаватель решает в ходе бесед и рефлексивной самооценки учебных достижений. Для формирования вербальных и невербальных умений (мимика, жесты, интонация) профессионального общения в учебном процессе моделируются различные ситуации, требующие разрешения. Студенты обучаются в условиях, близких к реальным, приобретая навыки анализа и принятия решений, разработки и реализации стратегии компании в условиях неопределенности, дефицита времени и информации. В итоге развиваются навыки командной работы, лидерства и межличностной коммуникации, навыки выступления перед аудиторией. Правильному построению и произношению текстов публичных выступлений способствуют консультации студентов с преподавателем, но оптимальный результат достигается при условии строгой самоорганизации студентов.

Использование новых образовательных технологий в учебном процессе меняет и функции преподавателя, который из носителя и транслятора знаний становится организатором учебного процесса, лишь отчасти влияя на образовательные результаты. Оперативная обратная связь между участниками образовательного процесса обеспечивается за счет использования разнообразных тестовых программ, инструментов онлайн-мониторинга и онлайн-статистики [2, с. 8]. Автоматизированные системы учебного процесса предоставляют студенту реальные возможности повысить свой образовательный уровень в ходе целенаправленной, контролируемой преподавателем самостоятельной работы, выполняемой в удобное для студента время, на любом рабочем месте. В процессе самостоятельной деятельности студент учится принимать решения, делать выбор способов решения задачи из имеющихся альтернатив, самостоятельно определять критерии выбора и задавать режим работы с материалом. Комплект специальных средств обучения в виде компьютерных тренингов, электронных учебников, консультаций по электронной почте позволяет индивидуализировать процесс обучения: каждый студент имеет свою траекторию обучения. Статистика результатов работы студентов с материалами дистантных электронных курсов демонстрирует реальную возможность совершенствования орфографической и пунктуационной грамотности и повышения образовательного уровня студента.

Письменная профессиональная речь студента формируется во время участия в проектных работах, при написании отчетов о своей производственной практике и стажировках, подготовке выпускной квалификационной работы, когда возникает необходимость профессионального описания продукта собственной деятельности.

Освоение техник коммуникации – долгая практическая работа, совмещающая изучение норм, регулирующих функционирование языковой системы, с применением мотивированной, целесообразной коммуникации. Использование информационных технологий освобождает студенту время для практического освоения навыков грамотной речи в аудитории с преподавателем и для самостоятельного усвоения теоретических материалов в рамках дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Коммуникационная подготовка».

Библиографический список

1. Климова Е.Д. Критическое мышление как фактор профессиональной компетентности (на примере менеджеров) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 2 (20). С. 209–212.
2. Руднева Т.И., Стрекалова Н.Б. Социологическое сопровождение процесса организации самостоятельной работы студентов в условиях информатизации вузов // Социология образования. 2014. № 8. С. 4–13.
3. Санько А.М. Технологизация высшего образования // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 210–213.
4. Руднева Т.И., Астахова С.В., Лапшова Е.С. Профессиональная подготовка специалистов гуманитарного профиля: монография; Федеральное агентство по образованию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 249 с.
5. Сариева З.И., Хасаншина А.З. Инновационные технологии образования как инструмент управления индивидуализацией обучения // Инновации в науке: сб. ст. по материалам LIII междунар. науч.-практ. конф. № 1 (50). Часть 1. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. С. 93–100.
6. Стрекалова Н.Б. Информационно-коммуникационные технологии как инструмент развития высшего профессионального образования // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. Педагогика и психология. 2013. № 2. С. 98–102.
7. Хасаншина А.З. Вопросы формирования профессиональной речи студентов // Проблемы русского и общего языкознания: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2010. С. 321–328.

References

1. Klimova E.D. *Kriticheskoe myshlenie kak faktor professional'noi kompetentnosti (na primere menedzherov)* [Critical thinking as a factor of professional managerial competence]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [«Vector of sciences. Togliatti State University»], 2012, no. 2(20), pp. 209–212 [in Russian].
2. Rudneva T.I., Strekalova N.B. *Sotsiologicheskoe soprovozhdenie protsesssa organizatsii samostoiatel'noi raboty studentov v usloviakh informatizatsii vuzov* [Sociological support of students' self-studying process in terms of universities' informatization]. *Sotsiologiya obrazovaniia* [Sociology of education], 2014, no. 8, pp. 4–13 [in Russian].
3. Sanko A.M. *Tekhnologizatsiia vysshego obrazovaniia* [Technologization of higher education]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 5(116), pp. 210–213 [in Russian].
4. Rudneva T.I., Astakhova S.V., Lapshova E.S. *Professional'naia podgotovka spetsialistov gumanitarnogo profilia: monografiia* [Professional training of humanities profile specialists: monograph]. Federal Agency on Education. Samara: izd-vo «Samsarskii universitet», 2007, 249 p. [in Russian].
5. Sarieva Z.I., Khasanshina A.Z. *Innovatsionnye tekhnologii obrazovaniia kak instrument upravleniia individualizatsiei obucheniiia* [Innovative technologies as the management instrument for individualization of education]. *Innovatsii v nauke: Sb. st. po materialam LIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. № 1 (50). Chast' 1* [Innovations in science: collection of articles on the materials of LIII International research and practice conference. No. 1(50). Part 1]. Novosibirsk: Izd. ANS «SibAK», 2016, pp. 93–100 [in Russian].
6. Strekalova N.B. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii kak instrument razvitiia vysshego professional'nogo obrazovaniia* [Information and communication technology as a development tool of higher professional education]. *Izvestiya Samarskoj gosudarstvennoj sel'skokozyajstvennoj akademii. Pedagogika i psihologiya* [Bulletin Samara State Agricultural Academy. Pedagogics and psychology], 2013, no. 2, pp. 98 – 102 [in Russian].
7. Khasanshina A.Z. *Voprosy formirovaniia professional'noi rechi studentov* [Issues of formation of students' professional speech]. *Problemy russkogo i obshchego iazykoznaniiia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 8* [Issues of Russian and general linguistics: Interacademic collection of scientific articles. Issue 8]. Yelets: Eletskskii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina, 2010, pp. 321–328 [in Russian].

*Z.I. Sarieva**

**NEW FORMS OF EDUCATION IN THE PROCESS OF FORMING STUDENTS'
SPEECH CULTURE**

The article represents an urgent for higher education the issue of forming student's speech culture required for a competent presentation of their achievements in the form of oral or written communication to the professional community. The author describes the experience of speech literacy formation at Togliatti Academy of Management by means of traditional tools usage (special subjects) and modern educational technologies.

Key words: innovative technologies, speech culture, culture of business communication, communication competence, automation of educational process.

Статья поступила в редакцию 21/III/2016.
The article received 21/III/2016.

* *Sarieva Zulfia Irikovna* (zulerik@yandex.ru), Department of Humanitarian Disciplines, Togliatti Academy of Management, 25, Primorsky Boulevard, Togliatti, 445057, Russian Federation.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ

В данной статье представлены результаты исследования особенностей связи креативности и стрессоустойчивости у профессиональных дизайнеров и студентов-дизайнеров. Анализ полученных данных позволяет определить условия, при которых учебно-профессиональная деятельность студентов-дизайнеров является продуктивной.

Ключевые слова: студенты-дизайнеры, креативность, стрессоустойчивость, формирование стрессоустойчивости.

Сложная социально-экономическая ситуация в нашей стране влечет за собой с одной стороны, большие возможности, а с другой – обуславливает повышенный уровень психоэмоционального напряжения. В связи с этим предъявляются высокие требования и к эмоциональным ресурсам студентов и молодых специалистов. Доказано, что творческие личности чаще оказываются незащищенными перед лицом жизненных трудностей. Стрессоустойчивость личности является предпосылкой благоприятного выхода из этих ситуаций. Цель нашего исследования заключается в выявлении связи уровня креативности дизайнеров с уровнем их стрессоустойчивости, что требует определения условий формирования стрессоустойчивости у студентов-дизайнеров.

Число определений понятия «креативность» в настоящее время достигло сотни, но до сих пор психологи не придут к единому мнению относительно сути понятия: креативность понимается как процесс дивергентного мышления (Дж. Гилфорд); как способность создавать «продуктивные метафоры» (Р. Стернберг); как самовыражение, самоактуализация (А. Адлер, К. Роджерс). Итак, креативность рассматривается в четырех основных аспектах: креативный процесс, креативный продукт, креативная личность и креативная среда (эти аспекты иногда представляются вместе).

Отмечая плодотворность проведенных учеными исследований, заметим, что, на наш взгляд, параметры креативности личности не могут быть сведены лишь к креативности мышления. Безусловно, необходимо рассматривать личностные аспекты, осознавая роль креативности по отношению к структуре личности и «Я».

В исследовании мы ставили задачу проследить связь креативности со стрессоустойчивостью как качеством личности [1]. Предполагали, что наличие высокого уровня креативности дизайнеров обуславливает низкий уровень их стрессоустойчивости. В ходе пилотажного исследования изучалась группа дизайнеров – молодых специалистов (выборку составили 22 дизайнера из Тольятти, Санкт-Петербурга и Калининграда). Возраст испытуемых варьируется от 24 до 30 лет. Все они достаточно успешные в профессии, несмотря на свой возраст. Применялся тест Торренса (фигурная часть и вербальная часть) и тест С.И. Иванова (тест на стрессоустойчивость). Корреляционная взаимосвязь определялась с помощью параметрического коэффициента корреляции Пирсона (табл. 1).

Анализ результатов позволил выделить три группы дизайнеров с разным уровнем креативности: первая группа (18 %) – дизайнеры с высоким уровнем креативности;

* © Виноградов А.Н., 2016

Виноградов Андрей Николаевич (chief.vinograd@yandex.ru), кафедра теоретической и прикладной психологии, Тольяттинский государственный университет, 445667, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Таблица 1

**Результаты исследования креативности дизайнеров
(фигурный тест Торренса)**

№ испыт.	Очень высокий УОК	Выше нормы УОК	Несколько выше нормы УОК	Норма УОК	Несколько ниже нормы УОК	Ниже нормы УОК	Очень низко УОК
1		+					
2		+					
3				+			
4			+				
5		+					
6		+					
7				+			
8			+				
9			+				
10				+			
11			+				
12				+			
13			+				
14			+				
15				+			
16			+				
17				+			
18				+			
19				+			
20				+			
21				+			
22				+			
Сумма	0	4	7	11	0	0	0

вторая группа (31 %) – уровень креативности превышает норму; третья группа – дизайнеры с нормальным уровнем креативности (51 %). Итак, половина выборки представлена дизайнерами, имеющими высокий уровень образной креативности, что объясняется профессиональной принадлежностью испытуемых. Дизайнер должен обладать образным мышлением, развитыми художественными способностями, так как решение специальных задач требует нестандартного подхода.

Результаты вербальной части теста Торренса позволили выделить четыре группы: в первую группу вошли дизайнеры с высокой вербальной креативностью (9 %); во вторую (14 %) – с вербальной креативностью, превышающей норму; в третью (41 %) – дизайнеры с вербальной креативностью в пределах нормы; в четвертую группу (36 %) – дизайнеры с низким уровнем вербальной креативности. Итак, большая часть дизайнеров обнаружила уровень вербальной креативности, не превышающий норму (значительная часть дизайнеров имеет низкие показатели, что объясняется невысокой значимостью данной способности для решения профессиональных задач).

Результаты изучения уровня стрессоустойчивости (методика С.И. Иванова) сопоставлялись с данными результатов фигурного теста Торренса как наиболее значимых для дизайнеров: в первой группе все испытуемые имеют низкую стрессоустойчивость; во второй группе 14 % получили ее низкий уровень и 86 % – нормальный уровень; в третьей группе 9 % имеют низкий уровень, 55 % – нормальный уровень и 36 % – высокий уровень стрессоустойчивости. Таким образом, приходим к выводу: чем выше уровень креативности, тем ниже уровень стрессоустойчивости. Для подтверждения полученных данных была произведена статистическая оценка коэффициентов корреляции между уровнем креативности и уровнем стрессоустойчивости с помощью параметрического коэффициента корреляции Пирсона. Выполнив необходимые вычисления, получаем: $r_{xy} = 0,328$. По специальной таблице для данного числа степеней свободы находим критические значения коэффициента корреляции Пирсона.

- 0,27 для $p \leq 0,05$;
- 0,33 для $p \leq 0,01$.

Коэффициент корреляции равен 0,328 и попадает в зону значимости.

Таким образом, взаимосвязь между уровнем образной креативности и стрессоустойчивостью подтверждается.

На следующем этапе выборку исследования представили студенты-дизайнеры ТГУ и ПВГУС, 80 человек (табл. 2). Результаты изучения креативности (по фигурному тесту Торренса) показали, что из семи уровней, представленных в тесте, студенты-дизайнеры распределились по тем же трем, что и дизайнеры – молодые специалисты (норма, несколько выше нормы, выше нормы). В первую группу (13 %) вошли студенты с высоким уровнем креативности; во вторую группу (21 %) – студенты с уровнем креативности, превышающим норму; в третью группу – студенты с нормальным уровнем креативности (61 %). Итак, одна треть студентов имеет высокий уровень образной креативности.

Таблица 2

Результаты вербального теста Торренса в группе дизайнеров

№ испыт.	Очень высокий УВК	Выше нормы УВК	Несколько выше нормы УВК	Норма УВК	Несколько ниже нормы УВК	Ниже нормы УВК	Очень низко УВК
1		+					
2			+				
3		+					
4			+				
5				+			
6					+		
7					+		
8				+			
9				+			
10				+			
11			+				
12					+		
13					+		
14					+		
15				+			
16				+			
17				+			
18					+		
19				+			
20					+		
21					+		
22				+			
Сумма	0	2	3	9	8	0	0

Результаты изучения уровня стрессоустойчивости (тест С.И. Иванова) также оказались аналогичными результатам, полученным на выборке дизайнеров – молодых специалистов: в первой группе все студенты имеют низкий уровень стрессоустойчивости; во второй группе 24 % имеют низкий уровень и 76 % – нормальный уровень стрессоустойчивости; в третьей группе 10 % имеют низкий уровень, 55 % студентов – нормальный уровень и 36 % – высокий уровень стрессоустойчивости. Корреляционная взаимосвязь между уровнем образной креативности и стрессоустойчивостью также подтвердилась (коэффициент корреляции попадает в зону значимости). Таким образом, самые яркие, креативные будущие дизайнеры, обнаруживая низкий уровень стрессоустойчивости, успешны в профессиональной деятельности, но не защищены в обыденной жизни, не умеют противостоять трудностям. Полученные результаты позволили определить условия формирования стрессоустойчивости у студентов-дизайнеров:

1. Педагогические условия, обеспечивающие возможности максимальной саморегуляции студентов-дизайнеров. Преподавателям необходимо ставить перед студентами амбициозные цели, достигая которые будущий дизайнер реализует свои способности в полной мере: для этого есть предпосылки (креативная личность испытывает постоянную потребность в саморазвитии).

2. Информационно-познавательные условия, обеспечиваемые преподавателем в курсе психологии, в ходе индивидуальных и групповых консультаций для студентов.

3. Психодиагностические условия, позволяющие выявлять особенности и динамику психоэмоциональных состояний, уровень стрессоустойчивости.

4. Психопрофилактические условия, включающие в себя тренинг регуляции психоэмоциональных состояний, а также самостоятельное использование студентами методов и приемов саморегуляции собственного состояния [2; 3].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет целенаправленно осуществлять индивидуальный и дифференцированный подходы в обучении студентов-дизайнеров.

Библиографический список

1. Бережная Н.И. Стрессоустойчивость оперативных сотрудников таможенных органов // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 453–457.
2. Виноградова Г.А., Мысина Т.Ю. Комплексная рекреационно-обучающая программа тренинга регуляции психоэмоциональных состояний студентов «Вкус воздуха». Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. 139 с.
3. Никулина И.В. Тренинг: сущность, технология проектирования: методические рекомендации. Самара: Самарский государственный университет, 2010. 20 с.

References

1. Berezhnaya N.I. *Stressoustoichivost' operativnykh sotrudnikov tamozhennykh organov* [Stress resistance of the operations staff of the customs authority]. *Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo soobshchestva: materialy 3-go Vserossiiskogo s'ezda psikhologov* [Annals of the Russian psychological society: Materials of the 3rd All-Russian congress of psychologists]. SPB.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003, pp. 453–457 [in Russian].
2. Vinogradova G.A., Mysina T.Yu. *Kompleksnaia rekreatsionno-obuchaiushchaia programma treninga reguliatsii psikhoemotsional'nykh sostoianii studentov «Vkus vozdukha»* [Complex recreational and training program of the training of regulation of psycho-emotional states of the students of «Taste of air»]. Samara: Izd-vo SNTs RAN, 2011, 139 p. [in Russian].
3. Nikulina I.V. *Trening: sushchnost', tekhnologiya proektirovaniia: metodicheskie rekomendatsii* [Training: essence, design technology, methodological recommendations]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, 2010, 20 p. [in Russian].

A.N. Vinogradov*

CORRELATION OF CREATIVITY AND STRESS RESISTANCE OF REPRESENTATIVES OF CREATIVE PROFESSIONS (ON THE EXAMPLE OF DESIGNERS)

This article presents the results of studies of the relation of creativity and resistance to stress in such creative professionals like designers and students-future designers. Analysis of the data allowed the author to define a number of conditions under which educational and professional activities of student-future designers will be most productive.

Key words: student-future designers, creativity, stress resistance, formation of stress resistance.

Статья поступила в редакцию 11/II/2016.
The article received 11/II/2016.

* Vinogradov Andrey Nicolaevich (chief.vinograd@yandex.ru), Department of Theoretical and Applied Psychology, Togliatti State University, 14, Belorusskaya street, Togliatti, 445667, Russian Federation.

СТРУКТУРА ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы подготовки квалифицированных кадров как стратегическое направление экономического развития страны; выделяются компоненты готовности к управленческой деятельности в соответствии с функциональными обязанностями руководителя учреждения среднего профессионального образования. Обосновывается роль и значение каждого компонента готовности к управленческой деятельности в формировании конкурентоспособных специалистов.

Ключевые слова: качество подготовки специалистов, специалисты среднего звена, готовность к управленческой деятельности, компоненты готовности.

Подготовка квалифицированных специалистов, способных решать сложные задачи, стоящие перед нашим обществом в условиях жесткой конкуренции и борьбы за обладание ресурсами, становится одним из важнейших направлений стратегического развития страны. Человеческий потенциал признается основным фактором экономического роста, поэтому подготовка кадров, качественно выполняющих свои профессиональные обязанности, приобретает приоритетное значение для системы профессионального образования, которая выступает основой для формирования новой экономики – экономики знаний и высоких технологий [1].

Формирование творческой, социально-ответственной личности, имеющей ценностные ориентиры в сфере труда и предпринимательской деятельности, ставит перед организациями профессионального образования новые задачи, требующие корректировки содержания учебного процесса и организации педагогического взаимодействия педагогов и обучаемых.

Вызовы современности обозначили проблему качества подготовки специалистов, вытекающую из противоречий между изменившимися условиями ведения хозяйства и способностями молодых специалистов адаптироваться к новым условиям; между потребностями общества и бизнеса в самостоятельных, ответственных, мотивированных и способных обучаться новому работников и отсутствием у большинства выпускников техникумов и вузов требуемых качеств; между представлениями и ожиданиями молодых специалистов о будущей работе и своем месте в ней и реальными возможностями при трудоустройстве.

Проблема качества подготовки квалифицированных кадров волнует не только представителей бизнеса, непосредственно работающих со специалистами, но и министерства и ведомства образования, разрабатывающих образовательные программы для вузов и техникумов, а также разработателей образовательных организаций, занимающихся подготовкой к профессиональной деятельности будущих специалистов. Все вышеназванные категории заинтересованных лиц и организаций имеют свое обоснованное мнение о том, какие компетенции и профессионально-важные качества необходимо формировать у будущих профессионалов.

* © Рожнова Е.Н., 2016

Рожнова Елена Николаевна (ren-00@mail.ru), кафедра педагогического и психолого-педагогического образования, Сочинский государственный университет, 354000, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Советская, 26а.

Совокупные мнения работодателей отражены в профессиональных стандартах, регламентирующих требования к образованию и обучению, опыту практической работы; трудовым функциям, которые должны выполнять специалисты по данному виду работы и уровню квалификации. Трудовые функции представлены описанием трудовых действий, необходимых для этого умений и знаний со стороны работника. В частности, описание управленческих функций руководителей разных уровней содержится в профессиональном стандарте «Руководитель коммерческой (некоммерческой) организации» [2].

Обобщенные мнения представителей системы профессионального образования о необходимых знаниях, умениях и практическом опыте специалистов среднего звена сформулированы в требованиях федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС СПО), направленных на формирование общих (характерных для данного уровня образования) и профессиональных (характерных для определенного рода деятельности) компетенций. Одним из специфических видов профессиональной деятельности специалистов среднего звена является управление коллективом исполнителей, управленческая деятельность. Следовательно, формирование у будущих специалистов среднего звена готовности к управленческой деятельности как элемента профессиональной готовности является одним из приоритетных направлений работы педагогических коллективов профессиональных образовательных организаций. Для реализации данной задачи необходимо теоретически обосновать структурные компоненты готовности к управленческой деятельности, а в дальнейшем и разработать методические приемы и способы ее формирования.

В качестве содержания компонентов готовности специалистов среднего звена к управленческой деятельности, отражающих личностные предпосылки эффективного осуществления такой деятельности, выделяем следующее:

- *Мотивация и направленность на осуществление управленческих функций* (направленность на дело, стремление к повышению собственной квалификации и др.). Мотивирование персонала является одной из важнейших управленческих компетенций, от которой зависит интенсивность усилий работников по реализации целей организации. Работники, имеющие высокую внутреннюю мотивацию к выполнению своих трудовых обязанностей, лучше справляются с заданиями при меньших затратах организации. Установка на высокие достижения как непрременную норму жизни компании способствует использованию новых навыков в дальнейшей работе. Уверенность способствует успеху, а пришедший успех закрепляет и усиливает профессиональную уверенность. Расширение сферы контроля и влияния заместителей и помощников, самостоятельное принятие решений, усиление в глазах подчиненных значимости и ответственности поручаемых заданий способствуют формированию внутренней мотивации [3].

- *Организационно-управленческие и информационно-аналитические знания и управленческое мышление* (знание способов стимулирования подчиненных, подбора и расстановки кадров, своих прав, полномочий и ответственности и др.). Информационно-аналитические знания предполагают знание способов планирования работы подразделения, сотрудников и собственной деятельности, экономические знания, знания по организации и нормированию труда.

Управленческое мышление — специфическое мышление, позволяющее видеть проблему, формулировать ее и выбирать наиболее приемлемый вариант решения из множества других. Мышление руководителя — это прежде всего практическое мышление; данный вид мышления наиболее специфичен содержанию и условиям управленческой деятельности [4]. Эффективность мышления руководителя зависит от организации умственной деятельности, умения работать с информацией — заниматься ее сбором, анализом, систематизацией, структурированием, трансформированием в приемлемый вид, осуществлением оценки, контроля, анализа и прогнозирования. В то же время это творчество, формулировка новых идей, касающихся не только конкретного вида деятельности, но и взаимоотношений в процессе деятельности между

сотрудниками, руководством, мотивирования каждого из них, а также формулировка аргументов при принятии решений, предполагающая качественные преобразования имеющихся знаний в определенные действия и поступки как самого руководителя, так и его подчиненных. В результате действий происходят изменения внешней и внутренней среды, продукта, а самое главное, изменения в сознании и поведении людей: они становятся профессионалами, которым присущ определенный стиль поведения, мышления, речи. Профессиональное отношение к любому делу выражается в определенной организации умственного и физического труда, использовании специфических приемов деятельности, способности по косвенным признакам определять причины возникновения тех или иных отклонений в деятельности и быстро находить способы устранения нежелательных отклонений. В каждом учреждении реализация стратегических решений осуществляется руководителями среднего и низшего звена, и от того, насколько правильно они понимают свою роль, стоящую перед ними задачу, как относятся к своей работе, вышестоящему руководителю и коллективу, зависит в конечном итоге планируемый результат. Другими словами, даже блестящие решения топ-менеджеров не дадут нужного эффекта, если нижестоящие исполнители реализуют эти решения не так, как это было задумано высшим руководством. Следовательно, задачей подготовки специалистов среднего звена к управленческой деятельности становится обучение не только определенным знаниям в области управления, но и формирование специфического мышления – именно управленческого, практического.

- *Организационно-управленческие и информационно-аналитические умения и способности.* Руководитель среднего звена в соответствии со своим уровнем квалификации должен осуществлять управление текущей деятельностью подразделения предприятия, осуществлять управление производственно-техническим обеспечением, процессами, снабжения, хранения и перемещения запасов в подразделении [5, с. 10]. Для выполнения данных трудовых функций специалисту требуются такие организационно-управленческие умения и способности, как: умения стимулировать подчиненных; организовывать повышение квалификации и служебный рост подчиненных; обеспечивать соблюдение дисциплины и порядка на рабочем месте; налаживать деловые отношения; осуществлять подбор и расстановку кадров; использовать свои права и полномочия; способность отстаивать свою точку зрения.

Планирование ресурсов для выполнения задач подразделения и проектов организации, формирование требований по подбору и адаптации персонала, организации рабочих мест, совершенствование собственной технологии управления подразделением требуют от персонала наличия информационно-аналитических умений и способностей (планирования работы, переработки информации, самоконтроля хода дел и др.).

- *Качества, характеризующие отношение к работе:* целеустремленность, уверенность в конечном успехе дела, работоспособность, самостоятельность в решениях и действиях, ответственность за свои действия, за принятые решения и их выполнение, лидерские качества и др. Для разных видов деятельности существует свой набор необходимых профессионально-важных качеств, однако наиболее ценимыми при наборе на руководящие позиции в большинстве случаев, согласно данным исследования [6], являются именно вышеуказанные. В тех сферах, где постоянно или время от времени происходят изменения, нужен молодой, быстро и адекватно воспринимающий данные изменения сотрудник.

- *Опыт управленческой деятельности:* осуществление управленческого цикла, подбор и расстановка кадров, управление профессиональным самообразованием, результативный поиск ошибок и др. Опыт управленческой деятельности приобретается благодаря последовательной реализации циклов управленческой деятельности: анализа и планирования; организации и контроля; управления командой; развития себя (саморазвития); развития организации.

Готовность к управленческой деятельности специалистов среднего звена является неотъемлемым элементом эффективного руководителя, так как именно на этом уровне

руководства осуществляется реальное воплощение в жизнь планов и проектов топ-менеджеров благодаря постоянному взаимодействию как с конкретными исполнителями, так и с вышестоящими специалистами, обладанию полной и достоверной информацией о ресурсах и возможностях для достижения поставленных целей, что делает труд этой категории работников особенно важным для конечного результата деятельности предприятия.

Сделаем следующие выводы:

1. Приоритетным направлением подготовки квалифицированных кадров для страны является формирование творческой, социально-ответственной личности.

2. В профессиональных образовательных организациях в настоящее время при обучении специальностям уделяется мало внимания развитию тех умений, опыта, знаний и профессионально-важных качеств, которые потребуются будущим специалистам на конкретных рабочих местах и которые сформулированы в требованиях профессиональных стандартов.

3. Одними из профессионально-важных качеств и умений, необходимых специалисту со средним профессиональным образованием, являются управленческие навыки, так как данный уровень образования предполагает работу с коллективом исполнителей, руководство функциональным подразделением. Частью профессиональной готовности специалистов становится готовность к управленческой деятельности.

4. Для реализации перспективных целей профессионального образования необходимо теоретически обосновать структуру готовности к управленческой деятельности специалистов среднего звена и методически разработать способы ее формирования в профессиональных образовательных организациях.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы заключаются в необходимости решения задач подготовки конкурентоспособных, квалифицированных специалистов, способных выполнять в сложных условиях современности трудовые функции, отвечать на вызовы как со стороны мирового сообщества, так и внутренних условий и обстоятельств.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 14.02.2015).

2. Профессиональный стандарт «Руководитель коммерческой (некоммерческой) организации» [Электронный ресурс] // АНО «Национальный центр сертификации управляющих». URL: <http://www.ncsu.ru/images/stories/psr-2014.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).

3. Кириллов Л. Управление развитием персонала — мотивация, мотивация, мотивация! [Электронный ресурс] // Тренинг-центр «Синтон». URL: http://www.syntone-spb.ru/library/article_other/content/2028.html (дата обращения: 23.03.2016).

4. Карпов, А.В. Мышление и деятельность руководителя [Электронный ресурс] // Элитариум. URL: <http://www.elitarium.ru> (дата обращения: 09.03.2015).

5. Пояснительная записка к проекту профессионального стандарта «Руководитель коммерческой (некоммерческой) организации» [Электронный ресурс] // АНО Национальный центр сертификации управляющих. URL: <http://www.ncsu.ru/images/stories/ps%20k%20psr.pdf> (дата обращения: 01.12.2014).

6. Пластинина Н.В. Иерархия ценностей для работодателя [Электронный ресурс] // Кадры предприятия. 2012. № 4. URL: <http://www.kapr.ru/articles/2012/4/5835.html> (дата обращения: 23.03.2016).

References

1. *Kontsepsiia dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda. (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17 noiabria 2008 g. N 1662-r)* [Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the

period until 2020 (approved by the decree of the RF Government dated 17 November 2008 № 1662-п)]. *System GARANT*. Retrieved from: <http://base.garant.ru> (accessed 14.02.15) [in Russian].

2. *Professional'nyi standart «Rukovoditel' kommercheskoi (nekommercheskoi) organizatsii»* [Professional standard “Head of commercial (non-profit) organization”]. ANO «Natsional'nyi tsentr sertifikatsii upravliaiushchikh» [ANO “National centre for certification of managers”]. Retrieved from: <http://www.ncsu.ru/images/stories/psr-2014.pdf> (accessed 20.12.2014) [in Russian].

3. Kirillov L. *Upravlenie razvitiem personala — motivatsiia, motivatsiia, motivatsiia!* [Managing staff development — motivation, motivation, motivation!]. *Trening-tsentri Sintona* [Training center Synton]. Retrieved from: http://www.syntone-spb.ru/library/article_other/content/2028.html (accessed 23.03.2016) [in Russian].

4. Karpov A.V. *Myshlenie i deiatel'nost' rukovoditel'ia* [Thinking and activity of the head]. *Elitarium*. Retrieved from: <http://www.elitarium.ru> (accessed 09.03.2015) [in Russian].

5. *Poiashnitel'naia zapiska k proektu professional'nogo standarta «Rukovoditel' kommercheskoi (nekommercheskoi) organizatsii»* [Explanatory note to the draft of the professional standard “Head of commercial (non-profit) organization”] ANO «Natsional'nyi tsentr sertifikatsii upravliaiushchikh» [ANO “National centre for certification of managers”]. Retrieved from: <http://www.ncsu.ru/images/stories/ps%20k%20psr.pdf> (accessed 01.12.2014) [in Russian].

6. Platinina N.V. *Ierarkhiia tsennostei dlia rabotodatelia* [Hierarchy of values for the employer]. *Kadry predpriatiia* [Personnel of an enterprise], 2012, no. 4. Retrieved from: <http://www.kapr.ru/articles/2012/4/5835.html> (accessed 23.03.2016) [in Russian].

*E.N. Rozhnova**

STRUCTURE OF READINESS OF MID-RANKING PROFESSIONALS TO MANAGEMENT ACTIVITIES

The problems of training qualified personnel as strategic directions for the economic development of the country are viewed; structural elements of preparedness to management activities as part of professional readiness of students of middle level to the functional responsibilities of the Manager. The object of study includes the components of readiness management activities of specialists with secondary vocational education. The role and importance of each component of management activity in the formation of competitive specialists is substantiated.

Key words: quality of training of specialists, mid-ranking professionals, readiness for managerial activity, components of readiness.

Статья поступила в редакцию 25/III/2016.
The article received 25/III/2016.

* *Rozhnova Elena Nikolaevna* (ren-00@mail.ru), Department of Pedagogical and Psychological and Pedagogical Education, Sochi State University, 26a, Sovetskaya street, Sochi, 354000, Russian Federation.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ОБ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования успешности обучения учащихся, изучаются особенности восприятия субъектами образовательного процесса проблемы успешности обучения. Определяется специфика рассмотрения данной проблемы со стороны родителей, учащихся и учителей. Восприятие успешности является схожим во всех трех группах, опрошенные согласились с тем, что в основе успешности лежат результаты учащегося, но также респондентами подчеркивался социальный фактор успешности. Опрошенные отмечали, что современная образовательная система не способствует формированию успешности учащихся, что подчеркивает актуальность исследуемой темы.

Ключевые слова: успешность обучения, факторы успешности обучения, субъекты образовательного процесса.

Одной из главных задач, стоящих перед современной российской образовательной системой, является обеспечение успешности обучения учащихся. В государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. успешность каждого ребенка независимо от состояния здоровья, социального положения семьи объявляется приоритетом в сфере общего образования [3]. Возникают вопросы: насколько положения, заявляемые в нормативно-правовых актах, соответствуют реальному состоянию проблемы; насколько современная образовательная система способствует успешности учащихся?

Для ответа на данные вопросы был проведен опрос учителей, в котором приняли участие 65 педагогов, представляющих Самарскую, Московскую, Тверскую области, Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Санкт-Петербург, Москву и другие регионы. Свыше 90 % респондентов являются работниками общеобразовательных школ. Из них около 23 % работают в гимназиях и лицеях, остальная часть – работники непрофильных школ. 7 % работники средних профессиональных образовательных учреждений, по 1,5 % ответов пришлось на учителей вечерних и сельских школ соответственно. 40 % опрошенных имеют стаж работы менее пяти лет, 28 % работают в школе 5–10 лет, 16 % опрошенных – в школе от 10 до 15 лет, оставшиеся 16 % имеют стаж более 15 лет. 25 % респондентов работают в начальном звене, 68 % – в среднем и старшем звене, 7 % – в учреждениях среднего профессионального образования. Практически все опрошенные учителя – это женщины, большинство из которых имеют высшее образование (90 %), 10 % – среднее специальное.

Учителям было предложено ответить на вопросы: «Ориентировано ли обучение в школе на успех обучающегося?» и «Как вы считаете, способствует ли современная образовательная система успешности учащихся?». В результате были получены следующие данные: свыше 40 процентов респондентов считают, что обучение в школе не ориентирует учащихся на успех, и, соответственно, почти половина опрошенных полагает, что современная образовательная система не способствует успешности учащихся (табл. 1).

* © Ширяев Е.А., 2016

Ширяев Евгений Андреевич (e.a.shiryayev@yandex.ru), кафедра педагогики, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Таблица 1

Результаты опроса учителей

Вопросы	Да, абсолютно	Да, достаточно	Скорее да	Скорее нет	Недостаточно	Нет
Ориентировано ли обучение в школе на успех обучающегося?	2,9 %	22,1 %	33,8 %	25%	16,2%	0
Как вы считаете, способствует ли современная образовательная система успешности учащихся?	2,9 %	8,8 %	41,2 %	23,5 %	23,5 %	1,5 %

В качестве критериев успешности обучения учителя выделили следующие: свыше 80 % отметили позитивное отношение к учебе, около 50 % – высокую успеваемость, 45 % к критериям относят достижения вне школы, 40 % обозначили поддержку со стороны семьи, 25 % выбрали высокий социальный статус в коллективе

Важно отметить, что учителя гимназий и лицеев в большей мере, чем представители других групп, склонны считать, что современная образовательная система способствует успешности обучения.

Учителя начальной школы в меньшей степени, чем учителя старшего звена, считают, что современная образовательная система способствует успешности учащихся, менее 30 % респондентов на данный вопрос ответили положительно.

В исследовании «Пигмалион» Р. Розенталь и Л. Якобсон, в рамках которого к отобранному методом случайной выборки группам учеников прикрепляли преподавателей, сообщив им при этом, что все ученики прошли предварительный строгий отбор и продемонстрировали незаурядные способности и большой потенциал в освоении школьных предметов. В результате учащиеся из этих групп значительно опережали по показателям успеваемости учащихся, где учителям не сообщали, что от этих детей следует ожидать много. Объяснялась эта ситуация в основном наличием (или отсутствием) высоких ожиданий [9]. Отсюда возникает вопрос, если свыше 40 % учителей считают, что современное образование не ориентирует учащихся на успех, другими словами, не ожидают конечного успеха своей деятельности, как возможно сформировать успешность обучающихся? В связи с этим особую важность в обеспечении успешности обучения учащихся приобретает личность учителя.

Для проверки выявленных результатов были проведены соответствующие опросы среди учащихся и их родителей. В опросе приняли участие 123 родителя, дети которых обучаются в 5–8-х классах. Уровень образования, социальный статус, материальное обеспечение родителей более дифференцировано. Так, около 55 % опрошенных имеют высшее образование, по структуре занятости 42 % относятся к категории служащих, 16 % – к категории рабочих профессий, 15 % – домохозяйки, 10 % занимают руководящие должности, 5 % ведут частный бизнес. Большинство опрошенных родителей – это женщины, которые состоят в браке, в возрасте от 35 до 45 лет.

Родителям учащихся был задан вопрос: «Считаете ли вы своего ребенка успешным учеником?». Полученные данные коррелируют с уровнем успеваемости учащихся. Родители учеников, которые обучаются на оценки «хорошо» и «отлично», склонны относить детей к успешным ученикам. Безусловно неуспешными учениками называют родители тех, которые не успевают по одному или нескольким предметам. Интересным фактом является то, что определение успешности детей не зависит от их возраста: так, примерно одинаковые данные были получены в результате анкетирования родителей 5-х и 6-х классов и 7-х и 8-х.

Современную образовательную систему с точки зрения ориентации на успех учащиеся родители склонны оценивать более положительно, чем учителя (табл. 2).

Таблица 2

Результаты опроса родителей учащихся

Вопросы	Да, абсолютно	Да, достаточно	Скорее да	Скорее нет	Недостаточно	Нет
Ориентировано ли обучение в школе на успех обучающегося?	0 %	24,6 %	52,4 %	3,3 %	16,4 %	3,3 %
Как вы считаете, способствует ли современная образовательная система успешности учащихся?	1,6 %	18,9 %	49,2 %	3,3 %	27 %	0 %

Сущность успешности обучения, по мнению родителей учащихся, следует определять как успеваемость учащихся, но также опрошенными были отмечены такие характеристики успешности, как чувство успеха, получение результатов в том или ином виде деятельности, уверенность, самоуважение, положительные эмоции, достижение поставленных целей, признание окружающих, осознание собственной значимости, уверенность в своих силах, удовлетворение, прогресс в глазах одноклассников. Таким образом, родители склонны определять успешность обучения с точки зрения личностного подхода, а не результативного.

Данное исследование было бы неполным без изучения мнения самих учащихся. Подобная работа, в которой изучались представления об успешности обучения, проводилась за границей. Австралийский ученый Д. Макинерни в 1996 г. изучал восприятие учащимися собственной успешности и зависимость этого восприятия от расы учащихся. Были проведены опросы трех групп учащихся: австралийских аборигенов, англо-саксонских австралийцев и австралийцев-иммигрантов. Исследование не показало значительных различий в восприятии успешности у представителей данных групп. Опрошенные согласились с тем, что особые успехи в обучении и активность на уроках являются важными показателями успешности. Разница наблюдалась в отношении к конкуренции как показателю успеха: для аборигенов конкуренция не так ценна, как для представителей других групп. Все три группы опрошенных не были уверены во взаимосвязи между достижением цели и ощущением успеха в школе, но все респонденты согласились, что признание учителя важно для ощущения собственной успешности [7, р. 16–17].

Также были проведены устные и письменные опросы учеников среднего звена школ № 114 и № 87. Анализ данных опросов позволил выявить ряд общих закономерностей в представлениях учащихся об успешности обучения.

Сами ученики успешным называют того, кто хорошо учится, но также немаловажную роль играют достижения, полученные учеником, просто хорошие оценки не всегда определяют успешность, важно иметь какой-то результат – победы в олимпиадах, похвальные грамоты, листы и т. д. Также к критериям успешности относится так называемое наличие друзей, другими словами, ученики не считают успешным того, кто просто хорошо учится, но при этом не имеет друзей в классе.

На вопрос «Считаешь ли ты себя успешным учеником?» учащиеся 5–6-х классов ответили следующим образом: 17 % выбрали ответ «вполне успешен», 20 % – «успешен», 31 % – «скорее успешен», 5 % – «скорее не успешен», по 1 % ответили «не успешен» и «совершенно не успешен», 25 % затруднились с ответом. В результате

опроса учащихся 7–8-х классов были получены следующие данные: 22 % «вполне успешны», 18 % «успешны», 30 % «скорее успешны», 7 % «скорее не успешны», 5 % «не успешны», 18 % затруднились ответить, остальные варианты не были выбраны участниками опроса (табл. 3).

Таблица 3

Результаты опроса учащихся «Считаешь ли ты себя успешным учеником?»

Классы	Доля положительных ответов	Доля отрицательных ответов	Затруднились ответить
5–6-е	68 %	7 %	25 %
7–8-е	70 %	12 %	18 %

Ученики также давали ответ на вопрос «Что такое быть успешным?» в открытой форме. Были получены следующие ответы: «быть отличником», «когда ты достиг цели, к которой долго шел», «все знать», «многого добиваться», «быть развитым и способным», «добиться своей цели», «учиться на пятерки», «когда ты достиг, чего хотел», «хорошо учиться», «быть умным», «не сдаваться», «все знать», «все успевать», «хорошо себя вести», «быть уверенным». Из данных опроса также видно, что ключевой характеристикой успешности, по мнению учеников, является хорошая успеваемость, но дополнительный фактор, свидетельствующий об успехе, – наличие результата и поставленной цели.

На основании результатов данного исследования можно сделать следующие выводы:

- субъекты образовательного процесса не считают, что современная образовательная система ориентирована на успех обучающегося;
- для большинства учителей, обучающихся и их родителей характерно понимание успешности обучения как высокой успеваемости, но родители и учителя также отмечают такие характеристики успешности, как достижение цели, позитивное отношение к учению;
- учащиеся в основной массе не склонны относить себя к категории абсолютно успешных учеников, большинство из них соотносят успешность с уровнем успеваемости.

Анализ эмпирических данных позволил заключить, что субъекты образовательного процесса не считают, что современное обучение ориентировано на успех. Таким образом, важность приобретает создание таких условий обучения, при которых и учащиеся, и их родители, и учителя будут ориентированы на успешность. Условия успешности будут тесно связаны с субъектами образовательного процесса, а именно, с личностью учителя, с семьей учащегося и классным коллективом.

Педагоги в своей деятельности должны стремиться к обеспечению успешности каждого учащегося. В ряде исследований ученые выделяют принцип успешности как самостоятельный дидактический принцип. Так, Т.В. Смолеусова упоминает данный принцип в своей работе, но не конкретизирует его [5]. По мнению С.О. Кожакиной, принцип успешности – это «создание условий, направленных на раскрытие и развитие способностей школьника, его позитивную самореализацию: создание классным руководителем ситуаций успеха, эмоционально-комфортного климата» [4, с. 84]. На наш взгляд, принцип успешности является базовым для организации процесса обучения в школе. Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, внутренняя мотивация появляется в том случае, когда реализуются три типа врожденных внутренних потребностей человека: потребность в самодетерминации (автономии), в компетентности (достижении результатов) и во взаимосвязи с другими людьми [6, р. 182]. Ученик испытывает стресс из-за своих неудач в школе, это вредит его ощущению автономии; когда ребенок начинает отставать, страдает компетентность. Поэтому педагог должен создать такую среду, в которой учащиеся будут иметь возможность достичь конкретных результатов в обучении, а возможные неудачи не должны провоцировать состояние стресса у обучающихся.

Следующим условием успешности обучения будет являться работа с семьей обучающегося. Семья создает наиболее комфортные условия для жизни и воспитания ребенка, а чувство принадлежности к семье необходимо для развития ребенка – психического, интеллектуального, нравственного, эмоционального и т. п. [2; с. 77]. Более того, современные исследования акцентируют наше внимание на том, что семья напрямую влияет на успешность обучения учащихся [1, с. 5]. Возможным способом обеспечения успешности обучения является «вовлечение» родителей в образовательный процесс [8, р. 480].

Третьим немаловажным условием следует считать формирование положительного отношения к учебе. В практике образовательной деятельности учителя сталкиваются с различными классами, в некоторых учиться хорошо престижно, в других же, где позитивное отношение к учебе не сформировано, даже способные учащиеся могут быть не успешны.

Полученные данные свидетельствуют о том, что субъекты образовательного процесса склонны схожим образом интерпретировать успешность обучения. Исследование подтвердило актуальность выбранной темы, так, по мнению значительной доли респондентов (около 40 % опрошенных), современная образовательная система не способствует успеху обучающихся. На наш взгляд, данную проблему можно решить с помощью целенаправленной деятельности по формированию успешности учащихся, которая будет включать в себя работу с семьей учащегося, классным коллективом и создание такой среды, в которой каждый учащийся сможет добиться конкретного результата в процессе обучения.

Библиографический список

1. Андреева О.В. Изучение влияния семьи на успешность обучения младших школьников // *Наукovedenie*. 2014. № 5 (24). С. 1–9.
2. Горячев М.Д. Социальная опека над ребенком. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 152 с.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. URL: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf (дата обращения: 25.01.2016).
4. Кожакина С.О. Формирование социальной успешности подростков: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2014. 257 с.
5. Смолеусова Т.В. Здоровье младших школьников и реализация принципа успешности в образовании // *Сибирский педагогический журнал*. 2007. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-mladshih-shkolnikov-i-realizatsiya-printsipa-uspeshnosti-v-obrazovanii> (дата обращения: 27.01.2016).
6. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // *Canadian Psychology*. 2008. Т. 49. P. 182–185.
7. McInerney D. M. et al. Aboriginal, Anglo, and immigrant Australian students' motivational beliefs about personal academic success: Are there cultural differences? // *Journal of Educational Psychology*. 1998. V. 90. №. 4. P. 1–21.
8. Oyserman D., Brickman D., Rhodes M. School Success, Possible Selves, and Parent School Involvement // *Family Relations*. 2007. V. 56. №. 5. P. 479–489.
9. Rosenthal R., Jacobson L. Teachers' expectancies: determinants of pupils' IQ gains // *Psychological reports*. 1966. V. 19. №. 1. P. 115–118.

References

1. Andreeva O.V. *Izuchenie vliianiia sem'i na uspeshnost' obucheniiia mladshikh shkol'nikov* [Study of the influence of family on success of study of junior pupils]. *Naukovedenie*, 2014, no. 5(24), p. 1–9 [in Russian].
2. Goryachev M.D. *Sotsial'naia opeka nad rebenkom* [Social custody over a child]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1998, 152 p. [in Russian].
3. *Gosudarstvennaia programma Rossiiskoi Federatsii «Razvitie obrazovaniia» na 2013–2020 gody»* [State program of the Russian Federation «Development of education for the period

2013–2020»]. Retrieved from: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf (accessed 25.01.2016) [in Russian].

4. Kozhakina S.O. *Formirovanie sotsial'noi uspešnosti podrostkov: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of social success of the youngsters: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Saratov, 2014, 257 p. [in Russian].

5. Smoleusova T.V. *Zdorov'e mladshikh shkol'nikov i realizatsiia printsipa uspešnosti v obrazovanii* [Health of junior pupils and realization of the principle of success in education]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [The Siberian Pedagogical Journal], 2007, no. 10. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-mladshih-shkolnikov-i-realizatsiya-printsipa-uspešnosti-v-obrazovanii> (accessed 27.01.2016) [in Russian].

6. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 2008, Vol. 49, pp. 182–185 [in English].

7. McInerney D.M. et al. Aboriginal, Anglo, and immigrant Australian students' motivational beliefs about personal academic success: Are there cultural differences? *Journal of Educational Psychology*, 1998, Vol. 90, no. 4, pp. 1–21 [in English].

8. Oyserman D., Brickman D., Rhodes M. School Success, Possible Selves, and Parent School Involvement. *Family Relations*, 2007, Vol. 56, no. 5, pp. 479–489 [in English].

9. Rosenthal R., Jacobson L. Teachers' expectancies: determinants of pupils IQ gains. *Psychological reports*, 1966, Vol. 19, no. 1, pp. 115–118 [in English].

*E.A. Shiryaev**

EMPIRICAL RESEARCH OF IDEAS OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL PROCESS ABOUT THE PUPILS' LEARNING SUCCESS

The article presents the results of empirical research of the pupils' learning success. The author defines specifics of consideration of this issue on the part of parents, students and teachers. The author identifies the major factors that affect the pupils' learning success. The perception of success is similar in all three groups. Majority of surveyed agreed that the basis for success are the results of the student, but also respondents emphasized the social factor of success. Interviewees noted that the current education system is not conducive to the formation of success of students, that emphasized the relevance of the topic.

Key words: success of learning, factors of learning success, subjects of the educational process.

Статья поступила в редакцию 15/IV/2016.

The article received 15/IV/2016.

* *Shiryaev Evgeniy Andreevich* (e.a.shiryaev@yandex.ru), Department of Pedagogy, Samara University, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 82.09

*Н.Т. Рымарь****ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТА ИЗОЛЯЦИИ В ИСКУССТВЕ**

Изоляция рассматривается как творческий акт, в котором происходит переход границы значений, заданных знаковыми системами культуры и создающих новое видение объекта. Это видение включает в себе динамику формирования новых значений, вступающих в противоречие и конфликт с заданностями системы культуры. Эта динамика структурно близка процессам, порождающим эффекты т. н. эпифании, а также возвышенного, смешного и пародийного.

Ключевые слова: культурное значение, изоляция, творческий акт, эпифания, возвышенное, комическое, Бахтин, Рильке, Гете, Лиотар.

Творческая задача культуры – создавать границы, то есть придавать смысл нашей жизни, поэтому культурные формы имеют знаково-символический характер, это хранилище смыслов, связанных в конечном итоге с творческими задачами культуры, основная функция которой решение проблемы человека и личности, создание форм жизни, способных придать смысл бытию человека. Культура как целое есть вполне определенный способ существования человека, и поэтому культура есть граница, порождающая не только формы бытия, но прежде всего определенные смыслы, которые опредмечиваются во всех аспектах жизни человека.

Границы, создаваемые культурой, порождают ценностно ориентированные смыслы, выходящие за пределы непосредственно практически-насушных нужд человека. В первую очередь это границы изолирующие: объект, жест, слово, явление выделяется из общего ряда, отделяется от всех прочих, изолируется из системы функциональных отношений, так что, оставаясь частью бытового континуума, он (оно) начинает существовать отдельно, уже тем самым претендуя на самостоятельную значимость, свой особый смысл. Эта специфика границы как явления культуры лучше всего видна в эстетической теории Рихарда Гамана, где понятие изоляции используется в кантовском смысле как «изоляция от непосредственно жизненных целей», от задач, «связанных с заботами дня» [1, с. 7–12], что означает выведение объекта за пределы его непосредственных функций. Рассмотрение объекта безотносительно к конкретным его функциям есть отношение к нему как явлению эстетического порядка. Так, в теории

* © Рымарь Н.Т., 2016

Рымарь Николай Тимофеевич (Nikolaj.Rymar@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью. Самарский университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

искусства М.М. Бахтина изоляция рассматривается как «выведение предмета, ценности и события из необходимого познавательного и этического ряда», «уничтожающее все вещные моменты содержания» и тем самым претворяющее его в нечто «субъективно ценное» и «человечески значительное» [2, с. 314–315]. Человек как носитель сознания наделяет явление определенным смыслом, то есть создает определенную границу в общем космосе смыслов культуры. Он *производит* значения и смыслы.

Это и происходит в акте изоляции, которая в искусстве осуществляется разными способами — путем выделения слова синтаксически и интонационно, перестановкой объекта в другой ряд и контекст, заключения объекта в рамку, созданием повторов и др. Это порождает коммуникативную ситуацию: знакомый объект становится как бы незнакомым, требующим объяснения, ответа на вопрос о том, что он теперь означает. Выделенный объект, к которому я обращаю свой вопрос, должен дать мне ответ — и он может это сделать, так как он для меня уже изначально есть часть моего мира культуры, мира смыслов, у которого есть один язык — язык, на котором я мыслю и на котором я говорю. Задаваясь этим вопросом, я неизбежно вступаю в диалог с миром смыслов, и отчасти это мой диалог с самим собой — с миром смыслов, миром культуры, который создает границы моего сознания.

Смысл есть граница, обнаруживающая, чем является данный предмет для нас, чем мы его считаем — *этим* или *тем*. В зависимости от ситуации, от рамы обстоятельств он может наделяться разными смыслами. Сопоставление объектов культуры по градациям их значимости и местам в иерархии смыслов культуры дает возможность осознать, что граница между вещным и символическим значением объекта всегда существует, но функционирует по-разному в зависимости от глубины и устойчивости изоляции объекта в культуре. В быту эта граница обычно принадлежит вещи, так что культурно-символический смысл вещи часто в опосредованной форме, поскольку вещь принадлежит космосу культуры, практически не актуализуется, так как вещь выступает лишь в своей бытовой функции; в случае же культурной сакрализации или традиционного приписывания объекту низменного смысла граница между вещным и символическим его смыслом узурпируется символическим смыслом, так что чисто материальные и функциональные аспекты становятся «прозрачными», почему и материальная поверхность объекта может ощущаться как подобная заданной символической значимости.

Акт изоляции, совершаемый субъектом художественной деятельности, открывает возможность работы с данным объектом, творческого развертывания возможностей, принадлежащих его бытию, но не входящих в «готовые» модели его понимания, «готовые» смыслы культуры. Развертывание внутренней природы артефакта культуры, освобожденного от ее заданностей, можно понимать как «вымысел», который М. Бахтин характеризует как «лишь положительное выражение изоляции» [2, с. 314–315]. Такое развертывание одного момента действительности наглядно осуществляется в различных формах его сюжетного разыгрывания и развертывания в среде других мотивов, образов, ситуаций, словесных оборотов, перифраз.

Вместе с тем это уже не просто воспроизведение, репрезентация данного объекта или содержания в иной медиальной среде — это развертывание есть особый, свойственный искусству способ углубления во внутреннюю природу объекта, способ продумывания скрытых в нем возможностей. В этом процессе, который может быть охарактеризован как процесс познания, как «работа понимания», нам является уже не просто отображение данного содержания, а другое содержание, другой предмет, не заданный нам наличной действительностью культуры. Этот предмет сотворен для читателя работой субъекта художественной деятельности, постигающей то Другое [3], что находится за границей существующих в культуре форм понимания данного объекта.

В связи с этим М. Бахтин в своем кратком анализе акта изоляции говорит, что «изолированный предмет — тем самым и вымышленный, то есть не действительный в единстве природы и не бывший в событии бытия» [2, с. 315]: в единстве природы и в событии бытия не может быть ничего отдельного, все причастно «единству природы и этического события бытия». Эта мысль, в свою очередь, указывает на то, что акт изоляции есть акт творения нового, которого еще не было в единстве культу-

ры, нет в ее памяти. Здесь становится понятна принципиальная важность следующей бахтинской мысли: «изоляция уничтожает все вещные моменты содержания» [2, с. 314].

Акт изоляции оказывается таким актом концентрации внимания на объекте, «диалогического обращения» к нему, который открывает субъекту возможность так всмотреться, вслушаться, так вжиться во внутреннюю жизнь объекта, что в нем откроется Другое, *невещное* бытие, оказавшееся за порогом готовых культурных моделей, материально представленное в границах, создаваемых в том числе медиумом особой материальной среды, — в других знаково-символических формах. В данном случае материальная форма «воссоздания» есть смыслопорождающая граница, которая по своему изолирует невещное в особой вещной среде, позволяет возникнуть невещному, что означает в определенной степени пересоздание, пересотворение данного объекта.

Изоляция, как уже говорилось, не случайно рассматривается М. Бахтиным в качестве «первичной функции художественной формы» — акт изоляции позволяет освободить «содержание», то есть «действительность познания и этического поступка», «от некоторых необходимых связей с единством природы и единством этического события бытия» [2, с. 314]. Эстетическое отрешение совершается «от всего того, что связано с действительностью данного явления — возможное чувственное влечение, установка на индивидуальное потребление, страх перед изображенным и т. д.» [4, с. 32], так что «отрешаются не абстрактные физические качества, а именно идеологические значимости», и «это значение как раз и входит в отрешенное бытие искусства» [4, с. 31–33]. Это освобождение предмета от «вещных моментов содержания» открывает возможность свободной формовки содержания», освобождается «активность нашего чувства предмета, чувство содержания и все творческие энергии этого чувства» [2, с. 315].

Возникают вопросы: каким образом возможно постичь внутреннее содержание предмета, который причастен «единству природы и этического события бытия», выделив его из единства, разорвав его необходимые связи с единством, в которое он входит? Можно ли отделить истину предмета, принадлежащего единству, от истины этого единства? М. Бахтин отвечает на этот вопрос следующим образом: «отрешение от связи не уничтожает опознанный и этической оцененности изолированного содержания: отрешение узнается памятью разума и памятью воли...» [2, с. 314].

Дело в том, что изоляция предмета от функциональных связей с его окружением не бывает абсолютной — в сознании остаются следы заданностей культуры, они сохраняются в наших представлениях о данном объекте. В акте изоляции происходит переход этих границ сознания к пониманию объекта в соответствии с его природой, неинтересной для бытового восприятия. Новое восприятие объекта возникает на фоне традиционного знания о нем. Так происходит эстетическое событие возникновение из объекта нашего мира нового для нас предмета. Так пробковое дерево вопреки названию, данному ему культурой, окажется явлением природы, а не материалом для изготовления пробок.

Акт изоляции, изымая объект (вещь, событие, высказывание, слово) из его связи и готовой знаковой системы культуры, существенно «обесмысливает» его, лишая его знаково-символического характера, которым он обладает в единстве культуры. Это, с одной стороны, означает, что объект освобождается от большей части груза своих символических значений, подменяющих в сознании человека его чувственную, зримую, весомую фактуру тем, что в знаковой системе говорит о функциях объекта в иерархии культурных смыслов. С другой стороны, являясь нам в своих чувственных, физических качествах, объект указывает теперь на «другое», в нем начинают просвечивать какие-то иные смысловые *возможности*. Эта возможность «других смыслов» получает определенность в контекстах художественного произведения.

Логика творческого акта Рильке идет еще дальше, указывая на возможность постижения *другой* природы вещи, освобожденной от готовых смыслов. По-видимому, известная идея «сделать вещь невидимой» означает особый творческий способ отрешения вещи из системы обыденного восприятия путем интенсивного переживания объекта, отталкивающегося от его чувственной природы¹. В письме Лу Андреас Саломе Рильке

пишет о том, что искусство освобождает вещь от ее «мнимого» существования, реализуя в ней «то желание быть, которое исходит от всего, что есть в природе»: отстраненная от любой неясности, изъятая из времени и данная пространству, такая вещь становится непреходящей, способной к вечности. Предмет, служащий моделью, кажется, — вещь, созданная искусством, есть»² [6, с. 166]. Это «кажется» может указывать на кантовское понятие «вещи для нас», а то, что создало искусство, на «вещь в себе».

Вещи разрушаются не только потому, что все в нашем мире непрочно, но, по Рильке, и потому, что человек их теряет, то есть перестает видеть их — видеть их такими, какие они есть сами по себе. Он теряет способность их видеть, когда перестает быть самим собой — как сказано в четвертой дуинской элегии, «все не оно само», — он теряет контакт с ними, и только внимательный поэт может, вбирая их в себя, интенсивно их переживая, вернуть их человеку и сказать и им, вещам, и человеку, что они есть по их сущностной природе.

В ходе этого процесса изоляции творческий субъект уходит от наличной действительности, и отчасти в силу этого освобождения от власти готовых смыслов и восприятий он может увидеть вещь «невидимой» — в ее собственной, может быть, неведомой красоте, в ее самодостаточности и достоинстве, таким образом выполняя, как сказано в девятой дуинской элегии, *Auftrag der Erde* [7, с. 720] — «поручение земли». Венгерский литературовед Анна Целлер, исследуя поэтологические особенности восприятия ландшафта в поэзии Рильке, формулирует это так: «Субъект должен так... приблизиться к объекту, чтобы самостоятельность объекта была полностью сохранена» [8, с. 202]. Внутреннее созерцание вещи в силу особого доверительного контакта с нею, с ее красотой самодостаточности позволяет творческому субъекту освободиться и от своих собственных субъективных предпочтений, иллюзий, и видеть то, что есть, ту реальность, от которой культурный человек отчужден и постепенно ее теряет. Как пишет Н.С. Павлова, «В девятой из Дуинских элегий Рильке объявляет поэта призванным возратить оскудевшему миру хотя бы главное из исчерпанных вещей. Это — “дом, мост, колодец, ворота, кружка, плодовое дерево, окно — самое большое — колонны, башня...” Но назвать их поэт должен так, как не могли сами вещи, потерявшие свою суть» [9, с. 39]. «Назвать значит пережить, принять в себя, сохранить в душе. Вся земля, как случилось с погаснувшими планетами, должна, говорится, перейти в невидимое» [10, с. 176]. В другом месте Н.С. Павлова продолжает приведенную цитату: «Чтобы, сказав, подсказать вещам их сокровенную сущность, / Неизвестную им» [9, с. 130]. Поэт должен «назвать» то, что ему «открылось» в вещах, — найти слово и форму, которые смогут высказать самую суть, то есть воплотить их «душу» в адекватной ей, «душе вещи», зримой форме. Поэты называют это эпифанией. Таким образом, поэт не будет заниматься очередной репрезентацией того, что уж существует в культурном сознании, он будет порождать *другое* содержание, создавая *другую жизнь* как реальность.

Это «сделать предмет невидимым, чтобы затем сделать его видимым» напоминает высказывания Гете о том, что «нет ничего труднее, чем брать вещи такими, каковы они суть на самом деле», что нужно как бы перевоплотиться в вещь, перестать быть собой, более того — «стать никем», чтобы стать всем [11, с. 4–66]. Следует обратить внимание на это «стать всем», то есть уйти от себя как произведения культуры со всей системой и иерархией ее смыслов, тем самым как бы моделируя в себе мир, существующий помимо мира культурных смыслов, то есть другой мир.

Очевидно, что такое «обессмысливание» объекта, возникающее в акте изоляции, ведет к порождению новых смыслов, рождающихся уже в новых контекстах поэтического целого в произведении поэта. Эстетическое переживание и определенная фaszинация, возникающие в этой ситуации, связаны с осознаваемым или неосознаваемым реципиентом разрывом между заданными культурой значениями объекта и теми новыми смысловыми возможностями, которые этот объект обретает или открывает в себе, в связи с чем для него в какой-то степени изменяются контексты и значения в системе, в которой он теперь функционирует. В это мгновение в сознании реципиента

возникают два противостоящих друг другу мира – мир заданностей, границ культуры, образы которых владеют сознанием читателя, и иной мир, в котором эти заданности преодолеваются – мир, предстающий как превращение всех данностей, мир освобожденных, раскрывшихся творческих возможностей знакомой реальности.

Дело в том, что здесь возникает другой мир, другая картина и другой образ знакомого мира, внутри которого пролегает граница двух миров – мира заданностей и мира сущностных возможностей реальности, в творческом акте автора обретающих бытие. Это одновременно граница между автором и читателем. Читатель – носитель опыта заданностей культуры, а автор – тот, кто до конца «не заперт» в этих заданностях, он видит границы культуры и выходит из них, он завершает этот мир, находясь не в его границах, а выходя за его пределы; это и граница в читательском сознании, в котором встречаются и оспаривают друг друга два мира – мир практической жизни и мир поэзии, в который можно выйти из границ готового социокультурного сознания.

Эстетическое событие – это событие разрыва между миром действительности и миром ее других, сущностных возможностей, открывающихся в актах изоляции. Конечно, в этом событии участвует и герой литературного произведения, который на глазах читателя переходит границы заданностей и оказывается способен жить по иной мере – мере освобожденных творческих возможностей реальности. Эстетическое переживание, порождаемое так понятым эстетическим событием, – это переживание *события* превращения данности в некоторую реальность, которая, как размышляет Франсуа Лиотар в знаменитой работе о возвышенном и авангарде, говорит о непредставимом: «Произведение искусства не приспособляется к образцу, оно стремится представить факт существования непредставимого, оно не подражает природе, оно – артефакт, подобие» [12, с. 235]. Это подобие мы могли бы истолковать также и как «неподобное подобие», потому что оно указывает на другое содержание – конечно, не на абсолют, как у Псевдо-Лонгина, а лишь на то, что с точки зрения рационального, практичного сознания нереально, то есть нереальное с точки зрения заданностей культуры. Главное здесь то, что это нереальное обретает при этом вполне конкретное, чувственно данное бытие. Лиотар продолжает: «Социальная среда больше не узнает себя в произведениях искусства, она их игнорирует, отвергает как непостижимые, а спустя какое-то время позволяет интеллектуальному авангарду сохранять их в музеях как следы попыток, несущих свидетельство мощи духа и его бедности» [12, с. 235–236].

В искусстве невозможное с точки зрения обыденного практического сознания утверждает свое торжество над прозаической практикой жизни. В этом все дело. Если искусство авангарда, не случайно особенно ярко заявляющее о себе в манифестах, программы которых большей частью остаются утопическими, прямо и радикально стремится разрушить застывшие цивилизационные представления о реальности, то искусство, не ставящее перед собой цели деструкции старого мира и фундаментальной перестройки всей действительности, тем не менее заключает в себе творческие энергии, создающие событие переживания искусства как творческого акта. И это происходит здесь в формах как бы «правдоподобных», то есть то самое «нереальное» и «невозможное», «несущественное» получают конкретное, почти зримое бытие в произведениях искусства, в которых жизнь предстает и как узнаваемая, и как неузнаваемая³.

Эта реальность порождает определенное чувство границы – чувство пребывания в одном и другом мирах, или на пороге – между одним и другим. Это переживание *превращения* одного мира в другой – переживание метаморфозы как актуально происходящего события.

Эта ситуация аналогична той, которая порождает в человеке смех. Смех есть реакция на торжество невозможного, абсурдного – и торжество чувственно данное, представленное не в абстрактных рассуждениях и играх сознания, а в чувственно очевидных образах, предстающих как сама реальность, триумфально утверждающая свое бытие вопреки якобы фундаментальным законам действительности.

Жан Поль в «Приготовительной школе эстетики» сблизил смешное с возвышенным, по-видимому, и потому, что оба явления структурно аналогичны друг другу, как в силу общности структурной организации эстетического события параллельны

комедия и трагедия. Обе аналогии — смешного и возвышенного, а также комического и трагического — позволяют описать структуру эстетического переживания, связанную с переживанием разрыва между двумя мирами, один из которых связан с чувственным переживанием наличной реальности, а другой — с системами представлений, порождаемых в конечном счете человеческой рациональностью, говорящей о нерушимых упорядоченностях и смысловой системности бытия. Такова, как известно, данная Кантом модель переживания, связанного с мощью порождаемых разумом идей, которые не могут быть даны в представлениях (изображение «неопределенного понятия разума», «противодействие интересу [внешних] чувств» [14, § 23, 29], разрыв между всем, что можно только помыслить или вообразить, но не увидеть), и тем, как это бесконечное тем не менее является в определенном чувственном облике.

Мысль о близости возвышенного и смешного вызывает представление о разрыве между конечным, ограниченным сущим и бытием, являющимся нам в «эпифаниях» искусства. Ведь вызывающее смех комическое связано с тем, что возникает столкновение двух несовместимых точек зрения — с точки зрения обычной системы представлений о практической реальности данное явление невозможно и оценивается как принадлежащее какому-то другому миру, и напротив, — если невозможное все же торжествует, реально осуществляется, то неизбежно возникает другая точка зрения, в соответствии с которой эти «наши» представления о реальности ложны. И на самом деле они есть представления, свойственные не «нормальному», а другому миру, и мы, не ведая того, постоянно живем также в этом самом другом мире. Обе точки зрения, оба восприятия опровергают друг друга. Гельмут Плесснер в известной статье о смехе рассматривает человека как существо, способное неизбежно вызывать смех, так как его существование одновременно подчиняется различным нормам, так что он постоянно «выпадает» из одной нормы и «впадает» в другую [15, с. 95–96]. Это неожиданное переключение, этот как бы «провал» из одного модуса существования в другой, абсурдно опровергающий первый, порождает переживание противоречия, реакцией на которое является смех.

Условием возникновения ситуации, порождающей смех, должно быть наличие устойчивого представления об определенной системе упорядоченностей, в которой возможны события только определенного характера — и соответствующей меры их реализации. При этом если норма и мера возможного не даны нам непосредственно, а предстают лишь как пресуппозиции, существующие в сознании участников смеховой ситуации, то факт их нарушения дан как раз непосредственно, в чувственной форме, и поэтому выступает как совершенная реальность триумфального осуществления невозможного. Но одновременно эта реальность переживается и как невозможная и нереальная, недействительная. Таким образом в нашем переживании совмещаются две исключаящие друг друга радости — радость расширения сознания в результате встречи с абсолютной реальностью преодоления границ возможного и радость откровения того, что норма все равно непоколебима и мировой порядок обладает истинностью и абсолютной устойчивостью, торжествует вопреки любой реальности [17, с. 177].

Может быть, наиболее ясен этот принцип в пародии, где стиль пародируемого текста, создающий соответствующий художественный мир, утрируется и применяется неадекватно — по отношению к чуждому материалу, к которому он оказывается глух, монологичен; тем самым пародия обнаруживает неуниверсальность пародируемого художественного языка, демонстрируя его как лишь индивидуальную манеру, что делает более остро ощутимой и «рукотворность», ограниченность пародируемого стиля, и его совершенство — то, что он внутренне, органически связан со своим предметом, выступая как чувственная манифестация, самовысказывание глубинных его структур, и действительно основан, как писал Гете, на «твердых познаниях».

Примечания

¹ «Философии невидимого» (Philosophie des Unsichtbaren) и, соответственно, понятие «внутреннее мировое пространство» (Weltinnenraum) — концепция позднего Рильке, в соответствии с которой реальность, постигаемая внутренним зрением, обладает большей истинностью, чем чувственно воспринимаемая действительность [5, с. 899].

² Здесь же Рильке продолжает: «Тем самым отпадает заблуждение, пытавшееся превратить искусство в произвольнейшее и тщеславнейшее занятие; ведь искусство – это самое смиренное служение, целиком подвластное закону» [6, с. 166–167]. Здесь же Рильке продолжает: «Тем самым отпадает заблуждение, пытавшееся превратить искусство в произвольнейшее и тщеславнейшее занятие; ведь искусство – это самое смиренное служение, целиком подвластное закону» [6, с. 166–167]

³ Определенную структурную параллель этим наблюдениям представляет теория эстетической реакции Л.С. Выготского, изложенная в его «Психологии искусства», в частности, мысль о том, что эстетическая реакция «заключает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях...» [13, с. 269].

Библиографический список

1. Hamann R. Theorie der bildenden Künste. Berlin, 1980.
2. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Собр. соч. Т. 1. М., 2003.
3. Лишаев С.А. Эстетика Другого, Самара, 2000.
4. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). Л.: Прибой, 1928.
5. Rilke Rainer Maria: Brief vom 13. November 1925 an Witold Hulewicz // Briefe, hg. vom Rilke-Archiv in Weimar. In Verbindung mit Ruth-Sieber-Rilke, besorgt durch Karl Altheim. Frankfurt am Main, 1987. 1–3. (Briefe).
6. Рильке Р.-М. Обернейланд у Бремена, 8 августа 1903 // Рильке Р.М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи / науч. ред. И.Д. Рожанский; сост. Е.В. Головин. М., 1994.
7. Rilke R.-M. Duineser Elegien // Rilke R.-M. *Sämtliche Werke*. Frankfurt a. M., 1955, Bd. I.
8. Zsella A. Landschaft in der Dichtung als Anlass zu Poetologie der Wahrnehmung bei Rainer Maria Rilke und Raoul Schrott // *Gelebte Milieus und virtuelle Räume: der Raum in der Literatur- und Kulturwissenschaft*, hrsg. von Klára Berzeviczy, Zsuzsa Bognár, Péter Lökös. Frank&Timme, 2009.
9. Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М., 2005.
10. Павлова Н.С. О Рильке. М., 2012.
11. Свасьян К.А. Гете. М., 1989.
12. Лиотар Ж.-Ф. Возвышенное и авангард // *Метафизические исследования*. Вып. 4. Культура. СПб., 1997.
13. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.
14. Кант И. Критика способности суждения. М., 1994
15. Plessner H. Lachen und Weinen // Plessner H. *Philosophische Anthropologie*, Frankfurt am Main, 1970.
16. Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа. Воронеж, 1989.

References

1. Hamann R. Theorie der bildenden Künste. Berlin, 1980 [in Russian].
2. Bakhtin M.M. K voprosam metodologii estetiki slovesnogo tvorchestva. Problema formy, soderzhaniia i materiala v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [On the issues of methodology of esthetics of the written word. Problems of form, content, and material in the verbal written word] in *Bakhtin M. Sobr.soch., T.1* [Collected works, Vol. 1]. M., 2003 [in Russian].
3. Lishaev S.A. Estetika Drugogo [Aesthetics of the Other]. Samara, 2000 [in Russian].
4. Medvedev P.N. Formal'nyi metod v literaturovedenii (Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuiu poetiku) [Formal approach in the literature studies (Critical introduction in the sociological poetics)]. Leningrad: Priboi, 1928 [in Russian].
5. Rilke, Rainer Maria: Brief vom 13. November 1925 an Witold Hulewicz. Briefe, hg. vom Rilke-Archiv in Weimar. In Verbindung mit Ruth-Sieber-Rilke, besorgt durch Karl Altheim. Frankfurt am Main, 1987, 1–3 (Briefe) [in German].
6. Rilke R.M. Oberneuland u Bremen, 8 avgusta 1903 [Oberneuland at Bremen, August 8, 1903] in *Rilke R.-M. Vorpsvede. Ogust Roden. Pis'ma. Stikhi, nauch. red. I.D. Rozhanskii; sost. E.V. Golovin* [Worpswede. Auguste Rodin. Letters. Verses; scientific editor I.D. Rozhansky; compiler: E.V. Golovin]. Moscow, 1994 [in Russian].

7. Rilke R.-M. Duineser Elegien. Rilke R.-M. *Sämtliche Werke*. Frankfurt a. M., 1955, Bd. I [in German].
8. Zsellaer A. Landschaft in der Dichtung als Anlass zu Poetologie der Wahrnehmung bei Reiner Maria Rilke und Raoul Schrott. Gelebte Milieus und virtuelle Räume: der Raum in der Literatur- und Kulturwissenschaft, hrsg. von Klára Berzeviczy, Zsuzsa Bognár, Péter Lökös. Frank&Timme, 2009 [in German].
9. Pavlova N.S. Priroda real'nosti v avstriiskoi literature [Nature of reality in Austrian literature]. Moscow, 2005
10. Pavlova N.S. O Ril'ke [On Rilke]. Moscow, 2012 [in Russian].
11. Svasyan K.A. Gete [Goethe]. Moscow, 1989 [in Russian].
12. Lyotard J.-F. Vozvyshennoe i avangard [The sublime and avant-garde] in *Metafizicheskie issledovaniia*, vyp. 4. *Kul'tura* [Metaphysical researches, issue 4. Culture]. Saint-Petersburg, 1997 [in Russian].
13. Vygotsky L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of art]. Moscow, 1986 [in Russian].
14. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniia [Critique of the Power of Judgement]. Moscow, 1994 [in Russian].
15. Plessner H. Lachen und Weinen in: H. Plessner, *Philosophische Anthropologie*. Frankfurt am Main, 1970. [in German]
16. Rymar N.T. Vvedenie v teoriiu romana [Introduction into the theory of novel]. Voronezh, 1989 [in Russian].

*N.T. Rymar**

CREATIVE POTENTIAL OF AN ACT OF ISOLATION IN ART

Isolation is seen as a creative act, in which the transition boundary values specified by the symbolic systems of culture and creating new vision of an object, embodying the dynamics of forming new values that contradict and conflict with the boundaries of culture. This dynamics is structurally similar to the processes that give rise to the effects of the so-called Epiphania, as well as the sublime, the ridiculous and parody.

Key words: cultural significance, isolation, creative act, Epiphany, the sublime, the comic, Bakhtin, Rilke, Goethe, Lyotard.

Статья поступила в редакцию 15/III/2016.
The article received 15/III/2016.

* Rymar Nikolay Timofeevich (Nikolaj.Rymar@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

ПОЭТИЧЕСКИЙ И ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТИПЫ СТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

В статье рассматриваются понятия *поэтический и прозаический типы строения художественной целостности* (М.М. Гиршман), *прозаический образ и образ в поэзии* (Н.Д. Тамарченко). С опорой на работу М.М. Гиршмана «Ритм художественной прозы» выделяются признаки, определяющие строение художественного образа в поэзии и прозе и применяются при анализе рассказов А.А. Темникова «Снявшийся лес» и «Другие Шестьдесят», представляющих прозу, в которой доминирует поэтический тип строения целостности. В статье также выдвигается предположение, что движение прозы к поэтическому типу строения целостности связано с проблемой аутентичности художественного высказывания, разрабатываемой в исследованиях Н.Т. Рымаря.

Ключевые слова: проза и поэзия, ритм, целостность, художественный образ, «семантическая поэтика», речевые жанры, «вертикальные» и «горизонтальные» связи, субъект речи и субъект сознания, аутентичность художественного высказывания.

Противопоставление поэтического и прозаического типа строения целостности появилось в результате поиска критерия для разграничения стиха и прозы как двух типов речевой организации. Авторы «Теории литературы» в 2-х томах под редакцией Н.Д. Тамарченко считают, что и ритм, и семантика слова, взятые отдельно, недостаточны как дифференцирующие признаки стиха и прозы [11, с. 138–142], а потому необходим критерий, учитывающий их одновременно. В поэзии есть единство ритма и изменение семантики под действием этого ритма, поэзия определяется как «образное двуязычие», а в прозе есть много голосов-сознаний, много точек зрения, свободный ритм прозы способствует передаче этого «социального разноречия». Разница заключается в построении художественного образа. В поэзии это развертывание символа, без оглядки на чужое слово, в прозе — это освещение образа с разных точек зрения [11, с. 163].

Подобное решение, на наш взгляд, было предложено в теории литературы и раньше — в работах М.М. Гиршмана, который противопоставил поэтический и прозаический тип строения художественной целостности [3, с. 292]. Оба решения объединяет обращение к работам М.М. Бахтина и развитие его идей о речевых жанрах [1].

М.М. Гиршман, определяя особенность строения целостности стихотворного произведения, подчеркивает важность в нем единства *субъективного взгляда, тона и голоса* [3, с. 274], поддерживаемого единством ритма стихотворения. Напротив, в прозе важно не единство голоса, а сосуществование разных голосов-сознаний, а за ними и разных мировоззрений, на что указал М.М. Бахтин.

При этом в оппозиции *стих и проза* важно не только противопоставление *одно — много* (сознаний, голосов, субъектов речи), но и *субъективное — объективное*: в поэзии акцент ставится на субъекте и особенностях его видения, а в прозе — на объекте, на внеположенной субъекту реальности.

* © Гарбузинская Ю.Р., 2016

Гарбузинская Юлия Романовна (rapupl@lst.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Этот теоретический итог стал возможен только после того, как *стих и проза* сформировались в культуре как устойчивые категории. Время становления оппозиции *стих и проза* приходится на творчество Пушкина, который из разноречия и многоязычия, сочетая устную и письменную речь, создал новое художественное единство [3, с. 277–278].

Основные признаки строения художественной целостности в стихе и прозе были выделены нами на основе работы М. Гиршмана «Ритм художественной прозы» [3, с. 281–291]. Этих признаков пять: роль начала и финала, «вертикальные» и «горизонтальные» связи, количество сознаний, количество времен, акцент на субъекте или объекте.

Первым признаком является определяющая роль начала в стихотворном типе строения целостности в противоположность важности финала в прозе. Усиление роли начала связано с большим постоянством ритма в стихе, где последующие стиховые отрезки сопоставляются с первым. В прозе, напротив, ритм свободнее, поэтому концовка будет определяющей для становления ритмической упорядоченности целого. Если же смысловой акцент в прозе смещается на начало, то, на наш взгляд, можно считать это проявлением стихотворного типа строения целостности.

Относительно выбранных для анализа произведений можно отметить, что финалы в них характеризуются внешней случайностью (нелогичностью, внезапностью), они оставляют вопросы, закрывая которые читатель вынужден вернуться к началу текста.

В «Снявшемся лесе» финальный диалог героини с одноглазой старухой, которая передает девушке веретено, замыкает несколько времен этого рассказа в одно время сна героини. Но поскольку «Снящийся лес» не заканчивается выходом из сна к яви, вопрос о том, почему происходит слияние всех временных линий, с кем именно происходит вся история, заставляет читателя обратиться от финала к началу текста, еще раз собрать все смыслы, чтобы увидеть всю историю как длящийся сон героини.

В рассказе «Другие Шестьдесят» в сравнении со «Снявшимся лесом» финал истории вроде бы традиционен для прозаического типа строения целостности. Это рассказ о предстоящем поэтическом состязании двенадцати жонглеров, которым дано три дня на создание песни, он постоянно пересекается временем до и после этого, казалось бы, центрального события. Читатель ждет от финала итогов состязания, но разговор Элеоноры и Пеире, которым заканчиваются «Другие Шестьдесят», протекает в другом времени, значительно позднее состязания, и тема состязания для него совсем неактуальна. На первый взгляд, это вызывает ощущение недоговоренности, создается эффект внезапной концовки, внимание читателя смещается с финала истории на предшествующий текст, где он должен найти ответы на все незакрытые вопросы (например, кто же победил в состязании поэтов тогда?). Такой финал призван подчеркнуть, что главное в истории не состязание певцов и даже не факт победы Пеире, о котором забудет в будущем семидесятилетняя Элеонора, назвав победителем Пистолетика, главное — другие Шестьдесят (заданных строфикой рифм), которые не сложились тогда (хотя то, что сложилось, и обеспечило победу!), но грезились Пеире во сне сочинительства.

Финал в обоих рассказах оставляет чувство, что вполне разгадать рассказ можно, только вернувшись к его началу, на наш взгляд, это является признаком поэтического типа строения целостности.

Вторая оппозиция — «вертикальные» и «горизонтальные» связи. «Вертикальные» связи доминируют в поэтическом типе строения целостности, они создаются благодаря мотивам, рифмам, «ключевым словам», метру, ритмическим вариациями метра. А в прозе главными являются «горизонтальные» связи, которые устанавливаются вместе с развитием повествования. Соответственно, все внефабульные связи, мотивы, детали, сквозные темы суть признаки поэтического типа строения целостности.

В «Снявшемся лесе» эти «вертикальные» связи установлены повторяющимися деталями и мотивами: мотив ледяных шаров, долго не наступающей зимы, веретена, глаза (потерянного во время сна, замещенного ледяным шаром), отсутствия звука (от падения ружья, от копыт белого коня). Все эти мотивы «работают» над созданием времени и пространства сна, они должны подсказать читателю, что вся история

только снится, поэтому, когда героиня во сне начинает слышать стук копыт, мы понимаем, что она вот-вот проснется. Но, поскольку главная героиня рассказа оставлена автором в момент перед пробуждением, выйти в явь читателю не так-то легко, ведь нигде прямо не сказано, что вся история — это сон. И вот тут важны «вертикальные» связи.

Самым ярким примером таких «вертикальных» связей оказываются описания и приметы героини. Она видит себя во сне в нескольких (трех) временах (молодой 15-летней, женщиной 30 лет и старухой). Все три описания имеют схожие детали. Одноглазая старуха с веретеном видит молодую девушку (дочь барона), которая появляется на белом коне с оранжевой кружкой в руках и у которой один глаз; старуха предлагает ей веретено и ледяной шар. Во втором времени (через 15 лет) 30-летняя женщина у стен замка ищет потерянные вещи: оранжевую кружку и веретено. В третьем времени (погружение в сон во времена бароновой бабки, как будто за 70 лет до пятнадцатилетия дочери барона) дано описание прогулки спящей девушки (как будто молодой прабабки главной героини) на белом коне, потерявшей во время прогулки глаз. Получается, что время погружения всего королевства в сон, укол о веретено и потеря глаза — это одно событие, и детали описаний подсказывают читателю, что перед ним одна и та же героиня — девушка, которая видит себя глазами старухи, и старуха, которая видит себя молодой, — а переходы во времени объясняются логикой сна.

«Вертикальные» связи в рассказе «Другие Шестьдесят» — сквозные мотивы, связанные с чем-то ИНЫМ: это другой замок (где нет Элеоноры и сеньора, где нет состязания жонглеров, где обитателей первого замка не видят, если они некрасивы), это ИНОЕ пространство с другими мертвыми, которые ЕЩЕ не жили, с другими вещами: серебряная монета, из которой мертвые что-то забрали и которая от этого превращается в льдинку, а потом в бриллиант; состарившееся вино, спросившее о мертвых, которые ЕЩЕ не жили; фетровая шляпа, сама состарившаяся от того же любопытства, что и вино, но за лентой которой зацветает когда-то засохший цветок мака. Знание обо всех этих ДРУГИХ вещах позволяет Пеире понять, «кто вяжет узлы правды», «кто держит ее тонкие, трудноуловимые нити». Благодаря этим вещам он понимает нечто самое главное, то, что он смутно чувствовал, то, чего нередко он мог добиться в момент сочинительства: «Торнада у Пеире играла не значениями и смыслами, как бы прихотливо не преломлял он их в песне. Ему казалось важным установить ценность вещей, а в его распоряжении иногда было всего три рифмы, и если их было пять, то это оказывалось настоящей роскошью. Трудность в том, что сам Пеире ценности вещей не знал. Знал он про нее только то, что она изменяется, и тем решительней, чем тверже ты ее устанавливаешь. Так было наяву, так было во сне сочинительства, мало похожем на явь только с первого взгляда. Но нередко Пеире удавалось добиться того, что торнада отменяла этот разрушающий закон» [10, с. 18].

Благодаря «вертикальным» связям мы прочитываем «Снящийся лес» как сон и пробуждение героини, а «Другие Шестьдесят» как нахождение подлинной ценности вещей в момент сочинительства. Без них, только в «горизонтальных» связях, это сказка о спящей царевне и веретене («Снящийся лес») и повествование о подготовке к поэтическому состязанию в средневековом замке Элеоноры («Другие Шестьдесят»).

Следующий принцип построения целостности — единство авторского голоса в поэзии и множественность голосов-сознаний в прозе. Он связан с единством времени в поэзии и множественностью времен в прозе, поэтому мы рассмотрим оба принципа вместе.

Единый завершающий авторский голос в стихе противопоставлен множеству голосов в прозе. Соответственно, доминирование единого голоса и единой позиции (лирическая проза, проза поэта) — признак поэтического типа строения целостности. Точно так же признаком поэтического типа является наличие одного особого времени стихотворения, тогда как наличие хотя бы двух времен — времени рассказывания и времени самой истории — признак прозаического типа.

Ярким примером конструирования единого сознания и времени в прозе (при наличии множества героев, голосов, сознаний, времен) является «Снящийся лес».

В этом рассказе несколько времен и несколько сознаний оказываются в результате одним временем и сознанием героини, рассказываемая история длится до тех пор, пока сознание героини видит ее во сне.

В «Другие Шестьдесят» присутствие поэтического типа строения целостности в отношении единства сознания и времени менее очевидно. Здесь существует несколько времен (до и после состязания жонглеров, время создания песни, воспоминания героя). Но главное событие рассказа — Другие Шестьдесят, то есть существование рифм, подходящих ко всему, создание строфы, которая отменяет разрушающий закон ускользающей от определений реальности. Все внешние события группируются вокруг этой задачи, все герои, их разговоры с Пеире, их сознания оказываются включенными в процесс поиска рифм, который для героя (и автора) является нахождением ценности вещей, главной и единственной задачей. «Другие Шестьдесят» — это рассказ не о состязании жонглеров, а о сне сочинительства, сон снова (как и в «Снящемся лесе») поглощает со всеми сознаниями и временами внешнюю условную реальность рассказа — средневековый замок Элеоноры.

Пятая и последняя оппозиция — образно-символический смысл стиха и опосредованность в выражении этого смысла в прозе, связанная с переносом акцента в прозе с субъекта высказывания на объективную реальность [3, 289–290].

Эта оппозиция — одна из самых сложных. У М. Гиршмана речь идет о противопоставлении *различения* в поэзии и *жизнеподобия* в прозе. В поэзии (стихе) важен особый образно-символический язык, это отличает поэзию от обычной речи, важно именно это *различение*. В прозе, наоборот, есть установка на *жизнеподобие*, объективная реальность переносится в произведение, речевая организация прозы как будто «похожа» на обычную «реальную» речь; можно сказать, что прозаический тип строения целостности способствует тому, что авторская субъективность отодвигается на второй план, а объективная реальность подчеркивается [3, с. 288–289]. Здесь мы возвращаемся к оппозиции *субъективное — объективное* в поэзии и прозе.

В анализируемых рассказах А.А. Темникова кульминацией оказывается переключение истории из пространства снящегося леса или средневекового замка (условно объективной реальности, внеположенной субъекту сознания) в пространство сознания героя, которое (само!) порождает этот снящийся лес или историю состязания средневековых поэтов.

Можно говорить о том, что проза Темникова является примером поэтического типа строения целостности. В рассказах есть особый, отсылающий к началу, финал, увеличивается значимость «вертикальных» связей, происходит отмена множественности времен и сознаний, но главное — делается акцент именно на субъекте сознания, а не на внеположенной субъекту реальности. Все, что могло бы быть такой внеположенной сознанию реальностью в прозе, превращается в грезы, сон, сочинительство, и за сознанием героя рассказа все более отчетливо проявляется сознание самого автора, его образ мира, что отличает строение художественного образа не в прозе, но в поэзии.

На наш взгляд, перенос акцента в прозе с изображения *жизнеподобного мира* объективной реальности на субъект сознания связан с проблемой аутентичности высказывания [8]. Это может достигаться разными способами: подчеркиванием неподлинности истории, сделанностью вещи, рефлексией автора над формой — все это для того, чтобы подчеркнуть: все происходящее есть результат движения не самой реальности, а человеческого сознания, представления о реальности (сна о ней, грезы, мечты); сама реальность ускользает, уловить ее невозможно. С этого момента начинается смещение прозы к поэтическому типу строения целостности.

Это, несомненно, связано с обращением к универсализму поэзии, к ее образно-символическому коду в целях освоения языка культуры в периоды кризиса и перестройки художественных форм.

В XX веке результатом этого процесса явилась новая ценность субъективного — не романтически исключительная ценность гения, противопоставленного миру обычного, а *человек невероятный* (*homo impossibilis*), отказавшийся от всего сугубо личного, воплощающий опыт универсальной личности благодаря «чистому согласию

исчезнуть» [9]. Использование поэтической модели строения целостности в прозе XX века также приводит к появлению такого *человека невероятного*, вмещающего в себя универсальные ценности поэзии, возвращающего читателю подлинную реальность через призму реальности своего творческого и творческого сознания.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские слова-ри, 1996. Т 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206
2. Биbihин В.В. Новый Ренессанс // Биbihин В.В. Собр. соч. Т. 3. М.: Издательство «Университет Дмитрия Пожарского», 2013. 424 с.
3. Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель. 1982. 368 с.
4. Корман Б.О. Лирика Некрасова. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1964. 390 с.
5. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик [и др.] // *Russian Literature (Amsterdam)*. 1974. Vol. 7–8. P. 47–82.
6. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избр. статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1 С. 224–226, 230–242.
7. Набоков В.В. Лекции о «Дон Кихоте». М.: Издательство Независимая газета, 2002. 328 с.
8. Рымарь Н.Т. Аутентичность художественного высказывания как проблема эстетического события // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2013. № 1(13). С 128–150.
9. Сedaкова О.А. Поэзия и антропология. // Наше положение: образ настоящего / О.А. Сedaкова, В.В. Биbihин, А.И. Шмаина [и др.]. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. 304 с.
10. Темников А.А. Зверинец верхнего мира. М.; СПб.: ЛИМБУС ПРЕСС, 2006. 368 с.
11. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тamarченко. Т. 1: Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Издательский центр «Академия», 1994. 106 с.

References

1. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres] in *Bakhtin M.M. Sobr. soch.* [Bakhtin M.M. Collection of works]. M.: Russkie slovarei, 1996. Vol. 5: Works of 1940-1960-ies, pp. 159-206 [in Russian].
2. Bibikhin V.V. Novyi Renessans [New Renaissance] in *Bibikhin. Sobr.soch. T. 3.* [Bibikhin. Collection of works. Vol. 3]. M.: Izdatel'stvo Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2013, 424 p. [in Russian].
3. Girshman M.M. Ritm khudozhestvennoi prozy [Rhythm of fiction]. M.: Sovetskii pisatel', 1982, 368 p. [in Russian].
4. Korman B. Lirika Nekrasova [Lyrics of Nekrasov]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1964, 390 p. [in Russian].
5. Levin Yu.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsivyan T.V. Russkaia semanticheskaia poetika kak potentsial'naiia kul'turnaia paradigma [Russian semantic poetics as potential cultural paradigm]. *Russian Literature (Amsterdam)*, 1974, Vol. 7-8, pp. 47-82 [in Russian].
6. Lotman Yu.M. Proiskhozhdenie siuzheta v tipologicheskome osveshchenii [The origin of plot in typological interpretation] in *Lotman Iu.M. Izbr. Stat'i: v 3 t.* [Lotman Yu.M. Selected papers: in 3 Vols.]. Tallinn, 1991, Vol. 1, pp. 224-226, 230-242 [in Russian].
7. Nabokov V.V. Lektsii o "Don Kikhote" [Lectures on "Don Quixote"]. M.: Izdatel'stvo Nezavisimaia gazeta, 2002, 328 p. [in Russian].
8. Rymar N.T. Autentichnost' khudozhestvennogo vyskazyvaniia kak problema esteticheskogo sobytiia [Authenticity of an artistic statement as a problem of aesthetic event]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Serii "Filosofia. Filologija"* [Bulletin of Samara State Academy for the Humanities. Series: "Philosophy. Philology"], 2013, no. 1(13), pp. 128-150 [in Russian].
9. Sedakova O.A., Bibikhin V.V., Shmaina A.I., Velikanova A.V., Akhutina et al. Poeziia i antropologija [Poetry and anthropology] in *Nashe polozhenie: obraz nastoiashchego* [Our position: an image of the present]. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2000, 304 p. [in Russian].

10. Temnikov A.A. Zverinets verkhnego mira [Wild beast show of the upper world]. M., Spb.: LIMBUS PRESS, 2006, 368 p. [in Russian].

11. Teoriia literatury: Ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. Zavedenii: V 2 t./pod red. N.D. Tamarchenko [Theory of literature: Textbook for the students of Philological Faculties of universities: In 2 Vols. N.D. Tamarchenko (Ed.)]. T. 1: N.D. Tamarchenko, V.I. Tiupa, S.N. Broitman. Teoriia khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poetika [Vol. 1: Tamarchenko N.D., Tiupa V.I., Broitman S.N. Theory of artistic discourse: theoretical poetics]. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiia", 2004, 512 p. [in Russian].

12. Eliade M. Aspekty mifa [Aspects of myth]. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiia", 1994, 106 p. [in Russian].

*Yu.R. Garbuzinskaya**

POETRY AND PROSE TYPES OF STRUCTURAL INTEGRITY OF ART

The article discusses the concepts of poetic and prosaic type of structure of artistic integrity (M.M. Girshman), prosaic and poetic image (N.D. Tamarchenko). In the M.M. Hirschman's work «Rhythm of fiction» attributes that define the structure of the artistic image in poetry and prose are defined, and used in the analysis of stories by A.A. Temnikov «Snyaschiysya Forest» and «Other Sixty», representing the prose, which is dominated by the poetic type of structure integrity. The article also suggests that the movement of the prose poetic integrity of the structure of the type is associated with the problem of authenticity of artistic expression, which is developed in the works of N.T. Rymar.

Key words: prose and poetry, rhythm, integrity, image, «semantic poetics», speech genres, «vertical» and «horizontal» connections, subject of speech and subject of consciousness, authenticity of an artistic expression.

Статья поступила в редакцию 25/II/2016.
The article received 25/II/2016.

* *Garbuzinskaya Yulia Romanova* (panupl@list.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОТИВА МНИМОСТИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920-Х ГОДОВ

В статье идет речь о таком важном компоненте смыслового пространства культурного кода отечественной литературы, как мотив мнимости. Активная разработка этого мотива в искусстве связывается с особенностями человеческого сознания, постоянно сталкивающегося с противоречием между *кажимостью* и *действительностью*. Описываются разные виды реализации мотива мнимости в литературном произведении: изображение мнимого персонажа, введение мнимого события в структуру фабулы, акцент на чертах мнимости в хронотопе. Эти варианты художественной тактики рассматриваются на материале прозы П. Романова, С. Кржижановского, А. Чайнова, С. Заяцкого, Ю. Слезкина.

Ключевые слова: мотив мнимости, кажимость, иллюзорность, персонаж, двойничество, событийный ряд, хронотоп.

Смысловое пространство культурного кода отечественной литературы, избыточное чрезвычайно значимыми мифологемами, идеологемами, символами, концептами и мотивами, включает и мотив мнимости. Знакомство со словарями позволяет увидеть, что слово *мнимый* вписывается в достаточно активный синонимический ряд: *воображаемый, иллюзорный, ирреальный, несуществующий, призрачный, фантастический, химерический, эфемерный, фантомный, кажущийся*. Разумеется, у каждого из этих вариантов в реальном контексте актуализируются вполне конкретные коннотации, перебрасывающие мостики к новым цепочкам семантических связей.

Семантическое поле *мнимости* связано с особенностями человеческого сознания, постоянно решающего задачу снятия противоречия между *кажимостью* и *действительностью* любого явления, любого предмета познания. Нередко человек оказывается в плену внешних, поверхностных впечатлений, перед ним маячит соблазн обманчивых иллюзий. В свое время Г. Мопассан говорил по этому поводу: «Мы почти все привыкли принимать кажущееся за действительное и считать людей тем, за что они себя выдают; очень немногие обладают тем чутьем, которое помогает известным людям угадывать настоящую, но скрытую природу других» [1, с. 199]. Профессиональный писатель может сделать свое целенаправленное обращение к мотиву мнимости актом художественной тактики [2].

Фигура мнимости может существовать как в поле субъективного, так и в сфере объективного. В первом случае речь идет о продукте индивидуального сознания «о чрезмерной гипертрофии собственных ощущений, возникающих у того или иного человека. Писатель-парадоксалист С. Кржижановский по этому поводу афористически остро замечал: «Пессимист — это человек, который свою морскую болезнь принимает за кораблекрушение» [3, с. 318]. Кораблекрушение тут мнимо, просто все окружающее так видится страдающему от физического недуга человеку. И напротив, к досадной и ничтожной мнимости могут объективно свестись усилия многих и многих. Тот же С. Кржижановский облек данную мысль в афористически лапидарную и емкую форму: «Слезы пацифистов всегда почему-то каплют мимо пороха: он остается — как и был — сухим» [3, с. 314].

* © Голубков С.А., 2016

Голубков Сергей Алексеевич (golubkovsa@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе, 34.

Наибольшая распространенность мотива мнимости часто бывает связана со временем радикального слома эпох. Это понятно: происходит кардинальная замена одной базовой системы ценностей на другую, во многом ей противоположную. На начальной стадии такого порой обвального процесса граница, разделяющая *подлинное* и *мнимое*, становится зыбкой, неясной. В самом деле, революционный катаклизм 1917 года неузнаваемо изменил реальность. Сошла с исторической сцены трехсотлетняя царская династия, канула в пучину огромная империя, заколебались, пришли в движение границы, в поток радикальных перемен были вовлечены государственные учреждения, социальные институты, имущественные отношения, культурные коды. Стали проступать контуры какой-то новой, строящейся на совершенно других основаниях жизни. Все это определяло жгучий художнический интерес к различным выразительным оптическим эффектам, связанным с мотивом мнимости, — явлениям миража, калейдоскопу отсветов и бликов, прихотливой мозаике зеркальных отражений. В старом просвечивало новое, а новое вдруг обнаруживало свою мнимость, мертвое цеплялось за живое и т. д.

Литература, обладая своими специфическими образными средствами, разработала разные вполне конкретные способы реализации мотива мнимости. Рассмотрим важнейшие из них.

Изображение мнимого персонажа

Литературный персонаж — всегда авторский конструкт, порождение творческого моделирования, плод выпущенной на волю писательской фантазии. Литература пользовалась и пользуется сложным «строительным материалом», взвешенным на незримых «аптечных» весах и состоящим из осколков символического капитала культуры, глубинной «правды» жизни, внешнего правдоподобия, авторских домысла и вымысла. Бесчисленные варианты пропорций в этой чудодейственной смеси обеспечивали многообразие художественных решений. Возникал, например, феномен мнимого персонажа. Хрестоматийный пример — тыняновский подпоручик Кижэ — главный герой одноименной повести, базирующейся на историческом анекдоте времени Павла I. Элементарная описка стала порождением мнимой личности. В этот ряд можно включить и персонажей с мнимыми биографиями. Центральный герой повести А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», Семен Иванович Невзоров, на протяжении развития фабулы несколько раз меняет свою жизненную «легенду», последовательно становясь то Симеоном Иоанновичем Невзоровым, то контом Симоном де Незором, то Семилепидом Навзараки. Биография «турецкоподанного» Остапа Бендера имеет точно такие же черты мнимости. Да и результат медицинского эксперимента булгаковского профессора Преображенского — небезызвестный Шариков — приобретает мнимо человеческое обличье.

К мнимости может сводиться прокламируемая добродетель, скажем, нарочитый акцент на идеальных началах героя (во многом оказывающимися сочиненными абстракциями). Так, «советский Чехов» 1920-х годов Пантелеймон Романов решительно преодолевает в своих юмористических рассказах абстрактные стереотипы прежних некритически настроенных «народопоклонников», считавших крестьянскую массу («людей из народа») непрременным носителем извечных нравственных ценностей. Романовские же мужики, вполне реальные и далеко не безупречные люди, всегда живут в сфере неразрешимого противоречия между первоначально благими намерениями и — увы! — совсем другими (иногда даже порочными!) действиями. Противоречие это, по сути, трагикомично, ведь, с одной стороны, благие намерения, остающиеся пустыми словами, просто смешны, но, с другой стороны, не совсем праведные действия односельчан могут стать причиной даже гибели человека. Характерен в этом отношении рассказ «Загадка». Фабула его имеет криминальное зерно — происходит уголовное преступление, убийство. На глазах у беспечно созерцающей праздной публики (практически вся деревня высыпала — «да вон на горочке все сидели») грабитель убивает прохожего. Никто в драку не вмешивается, многие руководствуются спасительной версией — может быть, «за дело учит». Рассказ имеет парадоксальное название «Загадка». К этому заглавию нас возвращает финал повествования:

«— Вот грех-то... Ну, ежели бы ночью или в безлюдном месте, а то прямо на глазах у всей деревни. Как же он не боялся-то?

— Вот то-то и загадка-то, — отозвался кто-то» [4, с. 513].

На деле никакой загадки нет. Грабитель просто оказался хорошим психологом и использовал удобную в его случае безобидность пассивного крестьянского зрительства. «Тактичное» невмешательство людей в конфликт оказывается мнимо добродетельным. Односельчане становятся невольными соучастниками происшедшего убийства.

Мнимый персонаж может двояться, множиться, и в этом случае мотив мнимости оказывается связанным семантическими нитями с *мотивом зеркала*, весьма распространенным в литературе. В повести Александра Чаянова «Венецианское зеркало, или Удивительные похождения стеклянного человека» (1923) развертывается характерный мотив, имеющий, надо сказать, длинную литературную родословную [5], — мотив обретения зеркальным отражением статуса самостоятельного субъекта. «Какая-то страшная сила тянула все ближе и ближе к пожелтевшей поверхности тусклого стекла. Вдруг он вздрогнул, с ног до головы покрылся холодным потом и, как в подвалах канала Грасио, увидел перед собою два устремленных на него иступленных, совершенно чужих, глаза. В то же мгновение почувствовал резкий толчок. Его зеркальный двойник схватил его правую руку и с силой рванул внутрь зеркальной поверхности, заволновавшейся кругами, как волнуется поверхность ртути. На одно мгновение их тела слились в борьбе, и затем Алексей увидел, как его отражение выскочило, заплясало, высоко подпрыгивая, посередине комнаты, а он должен был вторить ему в постепенно утихающем зеркальном пространстве» [6]. И тут не обошлось без пресловутого действия нечистой силы. Не случайно автор называет стеклянного человека «дьявольским двойником». «Алексей был подавлен до предела той вульгарностью и омерзительной похотливостью, которыми был преисполнен его чудовищный двойник, и ощущал даже некоторое удовлетворение тому, что его сознание оставалось старым, и ни одна его мысль не должна была вторить мыслям стеклянного человека» [6]. Перед нами картина воистину сатанинского наваждения. Персонаж становится заложником зеркала, в магических глубинах которого прячется подавляющая волю героя сила. Сила, увеличивающая воздействие пошлости, огрубляющая межчеловеческие отношения, переводящая их в плоскость примитива. Возникает тревога — а не произойдет ли полное поглощение живой души этим «дьявольским двойником»? «К ужасу своему, Алексей заметил однажды изменение своего собственного сознания, и ему стало казаться, что окружающий его стеклянный эфир начал просачиваться сквозь поры его тела и костные покровы черепа и растворял в стеклянном небытии его человеческую сущность. Совершая по воле своего дьявольского двойника какую-то неистовую жестикуляцию, он ощутил до ужаса отчетливо, что неведомая ему моральная плотина начала размываться и скоро стеклянные волны поглотят и растворят его душу» [6].

Повесть завершается победой героя, ему все-таки удалось одолеть своего стеклянного двойника, а самому обрести свободу. Однако в известной степени традиционный сюжет позволяет поставить перед читателем неизбежный вопрос: не есть ли зеркальный двойник — скрытая (и не самая лучшая) часть личностного «Я» героя, та часть, в наличии которой порой не хочется признаваться? Как соотносится в личности героя мнимое и подлинное?

Таким образом, популярный мотив зеркала тесно переплетается еще с одним и не менее популярным мотивом *двойничества*. Можно сказать, что зеркалу так повезло в литературе и других видах искусства именно потому, что оно выступает значимой границей между посюсторонним, реальным миром и таинственным миром зазеркалья, в который наблюдатель вглядывается с жадным интересом, а порой и с явной тревогой. А что там? Какие знаки посылает это иллюзорное пространство, расположившееся за зеркальной плоскостью? Несомненно, зеркало оказывается у человека инструментом и самопознания, и познания мира окружающего. Ведь свое зазеркалье есть у разных форм Бытия — и у целой эпохи, и у социальных институтов, и у отдельного человека.

Введение мнимого события в структуру фабулы

Мотив мнимости может подчинять себе фабульную конструкцию произведения, организовывать его событийный ряд. Фабулы сатирико-юмористической прозы 1920-х годов

изобилуют мнимыми событиями, совершающимися в какой-то фиктивной, сновидческой или фантазмагорической «реальности». В своих повестях этого времени («Голый человек», «Козел в огороде») Ю. Слезкин использует характерные для сатирической литературы, посвященной провинциальной жизни, мотивы *чуждого, неожиданной метаморфозы, авантюры, скандала, молвы* и т. д. С изрядной долей преувеличения пишет автор повести «Козел в огороде» о масштабе скандального события, буквально перевернувшего всю уездную жизнь: «Вот тут-то и началось то, что впоследствии называли “великим идеологическим трусом”, то, что поставило вверх тормашками весь наш устоявшийся быт, потрясло все перины, выветрило все домишки и головы, а после снова подняло нас на живые ноги. Ни война, ни революция, ни смена властей, ни свои, ни чужие бандиты — ничего и никто, казалось, не могли нарушить невозмутимого покоя нашего города, точно бы прикрывшегося шапкой-невидимкой и схоронившегося от всех ветров за своими вишневыми садочками и покосившимися пряслами, — а вот помер козел Алеша, переживший с нами, как ни в чем не бывало все великие перемены, — тотчас будто некий волшебник сунул в очи шутейное зеркало, перекосив до предела знакомый заспанный обывательский лик, после чего пребольно стукнул тем зеркалом его по лбу» [7, с. 340–341].

Многочисленные примеры художественного закрепления подобных мотивов мы находим в прозе М. Булгакова, М. Зощенко, П. Романова, А. Платонова, созданной в это же время. Данная система мотивов призвана выявить явные и скрытые черты жизненного абсурда. Любая эпоха радикальных исторических перемен всегда чревата подобными абсурдными проявлениями. Фантомом, продуктом досужей молвы становится крокодил в рассказе М. Козырева «Крокодил». Строчка из бесхитростной шутильной песенки, распеваемой беспечным матросом, вдруг вовлекается в процесс некоей материализации, загадочный крокодил обретает в глазах толпы реальность, порождает панику среди населения городка. Данный тип фабулообразующей ситуации восходит к гоголевской ситуации появления «мнимого ревизора». Такие мотивы, переплетаясь, создают эмоционально выразительную атмосферу анекдотическую, выступают «смеховой тенью» вполне серьезных явлений.

Мнимое событие может неожиданно приобретать статус реального, что связано и со сменой версии происходящего. Таков рассказ Е. Замятина «Видение», фабула которого вырастает из житейского казуса, анекдотической ошибки. Два изрядно подвыпивших персонажа Иванов и Куколь идут ранним утром на подмосковную дачу. «В голове у обоих был такой же фантастический туман, какой сейчас, пред рассветом, накрыл всю Москву» [8, с. 119]. Иванов во власти похмельных галлюцинаций. Еще раньше, когда пили, «сквозь табачные облака он увидел беззубого маленького человека, который сидел на буфете под самым потолком, кричал, что он воробей и вил себе гнездо из газет» [8, с. 119]. И вот теперь на подмосковной дороге ему привиделся огромный белый слон, который, что называется, ни при какой погоде, в этих краях не мог появиться. «В галлюцинации ничего не было страшного, но Иванову страшно было убедиться, что он сходит с ума» [8, с. 122]. Однако дальнейшая встреча с красноармейцами многое объясняет. Иллюзорное обретает жизненную достоверность, белый слон переходит из сферы видения в пространство реальности. Красноармейцы жалуются на службу, вынуждающую заниматься непривычными хлопотами:

«— На последней станции перед Москвой забунтовал, пришлось снять его с поезда.

— Кого — его? — осторожно вставил Куколь (он уже тоже сидел у костра).

— Да слона этого самого. Из Ливадии везем: сиамский царь нашему подарил, а теперь, значит, ввиду революции — в Москву, в зверинец...» [8, с. 122].

Таким образом, увиденное Ивановым — отнюдь не продукт измененного состояния психики, а вполне реальная картина.

Писатель может выявлять элементы мнимости не только в каждодневных событиях, происходящих в сфере быта, но подвергать художественному анализу и события исторического масштаба. Так, некоторые мнимо позитивные черты прошедшей революции вскрывает А. Аверченко в своих «Записках Простодушного», вводя в качестве отстраняющей призмы персонажа, наделенного наивным сознанием.

Акцент на чертах мнимости в хронотопе

Чертами мнимости могут наделяться и пространственно-временные параметры изображаемого мира. Это часто можно встретить в тех литературных произведениях, в которых используются с разными художественными целями образы онейросферы, отражающей измененные состояния человеческой психики. Подобную художественную тактику находим, скажем, в прозе С.С. Заяицкого. Сновидческая призрачность окружающего мира, его очевидная мнимость близки условности театральных декораций, лишь намекающих на контуры некоего воспроизводимого пространства. «Комната, как сказано было в одной грамоте “населяемая” гражданином Артемовым, напоминала кулису или бутафорскую маленького провинциального театра. Рядом с великолепным, верно помнившим светлейшего Кутузова креслом, – дырявые валенки, на столе красного дерева хрустальный кубок с золотым “Е”, и на том же столе пшеном наполненная кастрюля. Неудивительно было бы здесь, как и в бутафорской, встретить короля рядом с чертом или бродягой» («Судьбе загадка») [9, с. 296–297]. Предметные контрасты лишь усиливают впечатление театральной «незаправданности» происходящего.

Чертами мнимой солидарности, взаимного участия наделяются такие разновидности бытового пространства в сатирико-юмористической прозе 1920-х годов, как *коммунальная квартира, трамвай, очередь*. Вынужденная повторяемость каждодневных социальных контактов не способна застраховать человека от тотального одиночества и драмы оставленности. Слиянность и фамильярность толпы не оборачивается теплом семейного участия и душевным сплочением. Это пространство мнимого и случайного единения.

Мотив мнимости связан и с так называемым *минус-пространством*. Минус-пространство в прозе С. Кржижановского подробно исследовал В.Н. Топоров в своей известной статье [10]. Восприятие минус-пространства связано с трагикомическим страхом всепоглощающей пустоты. Созерцание пустыря на месте бывшего городского квартала наполнено таким страхом. Минус-пространство – это мнимо заполненное пространство, пространство, заставленное домами-фантомами. Эти здания живут в нашей памяти, встраиваются в разветвленную цепь ассоциаций, отдаются фантомной болью. Они были очевидностью, но оставили свои следы лишь в нашей совокупной памяти. Превращение в ничто, в пустоту, по-настоящему пугает.

Ю.И. Манин, исследовавший явления так называемой «бумажной архитектуры», нереализованные проекты прошлого, писал: «Архетип Пустого Города есть форма социума, лишняя его души» [11].

Как видим, мотив мнимости, имея много семантических функций и способов реализации в тексте, выступает очень значимым элементом художественного языка и – шире – культурного кода, позволяющего создавать универсальные и многомерные художественные миры.

Библиографический список

1. Энциклопедия мысли / сост., авт. предисл. и коммент. Н.Я. Хоромин. М.: Русская книга, 1994. 576 с.
2. Блюмбаум А. Конструкция мнимости. К поэтике «Восковой персоны» Ю. Тынянова // Новое литературное обозрение. 2001. № 47.
3. Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в 6 т. Т. V / сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2010. 638 с.
4. Романов П. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 34. М.: Эксмо, 2004. 704 с.
5. Вулис А. Литературные зеркала. М.: Советский писатель, 1991. 478 с.
6. Василевич А. Венецианское зеркало. URL: http://ruslib.do.am/publ/shajjanov_aleksandr_vasilevich_venecianskoe_zerkalo/1-1-0-532.
7. Слезкин Ю. Шахматный ход / сост. Ст. Никоненко; вступ. ст. И. Ковалевой. М.: Советский писатель, 1981. 576 с.
8. Замятин Е. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 28. М.: Эксмо, 2004. 608 с.
9. Заяицкий С.С. Судьбе загадка: Повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1991. 383 с.
10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 476–574.
11. Манин Ю.И. Архетип пустого города // Мировое древо. 1992. № 1.

References

1. Entsiklopediia mysli. Sost., avt. predisl. i komment. N.Ia. Khoromin [Encyclopedia of thought. Compiler, author of an introduction and commentaries N.Ya. Khoromin]. M.: Russkaia kniga, 1994, 576 p. [in Russian].
2. The problem is being actively developed in the literature studies: We refer to the informative article of Arkady Blyumbaum "Construction of fiction. On the poetics of "Wax person" by Yu. Tynyanov" (New Literary Observer, 2001, no. 47)
3. Krzhizhanovsky S.D. Sobranie sochinenii: v VI. T.V. Sost., podgot. teksta i komment. V.Perel'mutera [Collected works: in VI Vols. Vol. V. Compiler, text processing and commentaries by V. Perel'muter]. M.: B.S.G.-Press; SPb.: Simpozium, 2010, 638 p. [in Russian].
4. Romanov P. Antologiiia satiry i iumora Rossii XX veka. T.34 [Anthology of satire and humour of Russia of the XX century. Vol. 34]. M.: Izd-vo Eksmo, 2004, 704 p. [in Russian].
5. Vulis A. Literary mirrors. M.: Sovetskii pisatel', 1991, 478 p.)
6. Retrieved from: http://ruslib.do.am/publ/chajanov_aleksandr_vasilevich_veneciaskoe_zerkalo/1-1-0-532 [in Russian].
7. Slezkin Yu. Shakhmatnyi khod. Sost. St. Nikonenko; vstup. st. I.Kovalevoi [Chess move. Compiler St. Nikonenko; introductory article by I. Kovaleva]. M.: Sovetskii pisatel', 1981, 576 p. [in Russian].
8. Zamyatin E. Antologiiia satiry i iumora Rossii XX veka. T.28 [Anthology of satire and humour of Russia of the XX century. Vol. 28]. M.: Izd-vo Eksmo, 2004, 608 p. [in Russian].
9. Zayait'skiy S.S. Sud'be zagadka: Povesti i rasskazy [Fortune riddle: stories and tales]. M.: Mosk. Rabochii, 1991, 383 p. [in Russian].
10. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the sphere of mythopoetic: Selection]. M.: Izdatel'skaia gruppa "Progress", "Kul'tura", 1995, pp. 476-574 [in Russian].
11. Manin Yu.I. Arkhetip pustogo goroda [Archetype of an empty city]. Mirovoe drevo [World tree], 1992, no. 1 [in Russian].

*S.A. Golubkov**

MOTIF OF THE IMAGINARY IN THE RUSSIAN PROSE OF THE 1920-IES: WAYS OF REALIZATION

In the article such an important component of the semantic space of the Russian literature's cultural code is considered as the motif of the imaginary. Active development of this motif in art is associated with the peculiarities of human consciousness continuously encountering with the contradiction between seemingness and reality. Different types of realization of the motif of the imaginary in a literary work are described: depiction of an imaginary character, introduction of imaginary events into the structure of the plot, focusing at traits of the imaginary in the chronotope. These varieties of artistic tactics are studied as exemplified by the prose of P. Romanov, S. Krzhizhanovsky, A.Chayanov, S.Zayait'skiy, Yu.Slezkin.

Key words: motif of the imaginary, seemingness, illusion, character, duality, series of events, chronotope.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Golubkov Sergey Alekseevich* (golubkovsa@yandex.ru), Department Of Russian And Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СТИЛЕВАЯ МНОГОСЛОЙНОСТЬ ДНЕВНИКА К.И. ЧУКОВСКОГО

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о стиле литературных дневников. В статье описываются два основных подхода к понятию «стиль», а также приводится разработанная на материале XIX века классификация теоретика жанра О.Г. Егорова. При опоре на дневниковое наследие XX века было выдвинуто предложение расширить классификацию учебного импрессионистического и эссеистического стилями.

Предметом непосредственного анализа становится дневник К.И. Чуковского, отличающийся стилевой многослойностью, которая обусловлена, с одной стороны, многомерностью сознания автора, а с другой – неизбежной эволюцией содержания дневника, который писатель вел на протяжении 69 лет (с 1901 по 1969 гг.). Особое внимание уделяется такой стилевой особенности жанра дневника, как присутствие «чужого» слова. В статье описываются способы включения в повествовательную ткань дневника «чужого» слова, характерные для записей К.И. Чуковского.

Ключевые слова: дневник, К.И. Чуковский, стиль дневника, стилевая многослойность, «чужое» слово в дневнике.

Исследователи жанра дневника отмечают, что «потребность и способность вести дневник не является привилегией писателя – это скорее свойство личности, ощущающей необходимость в одних случаях поверять бумаге интимные переживания, в других – записывать для памяти примечательные события» [1, с. 3]. Действительно, ведение дневниковых записей было распространено не только среди профессиональных литераторов. Так, например, известны дневники капитанов дальнего плавания, путешественников, боевых офицеров¹ и др. Однако основное отличие дневника писателя от прочих состоит в том, что при обращении к нему мы имеем дело с оригинальным жанром литературы, о структурных элементах которого следует говорить в литературоведческих категориях.

Одной из важных особенностей жанра дневника является его предельная свобода, которая отчасти обусловлена фактом совпадения адресата и адресанта². Разницу между дневником и жанрами, рассчитанными на читателя, очень точно сформулировал Л.Н. Толстой: «То, что читают и списывают мои дневники, портит мой способ писания. Хочется сказать лучше, яснее, а это не нужно. И не буду. Буду писать, как прежде, не думая о других, как попало» [4, с. 44–45]. Таким образом, мы видим, что дневник, будучи обращен в первую очередь к себе, а не к читателю, не отличается строгостью стиля. Это подтверждает и К.И. Чуковский: «*Не первый год пишу я дневник, привык к его свободной форме и к его непринужденному содержанию, легкому, пестрому, капризному...*» [5, с. 15].

Существует два основных подхода к определению понятия «стиль». С одной стороны, «под стилем понимается нечто общее, т. е. то, что объединяет рассматриваемое

* © Кубайдулова А.Ю., 2016

Кубайдулова Айсүлу Юрьевна (aysulukubaydulova@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

явление с какими-то другими; <...> в этом случае стиль понимается как проявление <...> общей внутренней формы, лежащей в основе рассматриваемого круга явлений» [6, с. 247]. С другой стороны, «под стилем может пониматься, напротив, нечто особенное, т.е. стилистические характеристики относятся в этом случае к специфике текста» [6, с. 247]. Именно в этом случае говорят об индивидуальном авторском стиле.

О.Г. Егоров, говоря о стиле литературных дневников, выделяет четыре типа: информативно-повествовательный стиль, аналитический стиль, эстетически нагруженное слово и смешанные формы. Информативно-повествовательный стиль отвечает основной функции дневника – «сохранить информацию о событиях дня» [7, с. 124]. «Анализм свойственен двум группам дневников. Он является необходимой составной частью дневников периода индивидуации³ и характерен для авторов с философским складом ума» [7, с. 127]. Эстетически нагруженное слово никогда не занимало ведущих позиций в тексте дневниковых записей, поскольку сам «дневник не ориентирован на эстетическое восприятие» [7, с. 129]. Однако во многих дневниках встречаются заметки, которые получают в определенном контексте эстетическую выразительность. К группе «смешанные формы» О.Г. Егоров относит дневники, не обладающие стилевым единством.

Следует заметить, что О.Г. Егоров разрабатывал свою классификацию на материале XIX века, поэтому, на наш взгляд, ее можно расширить, опираясь на дневники XX века. Этот век неразрывно связан с импрессионизмом в искусстве, что отразилось и на стиле литературных дневников. Примером может служить документально-художественное наследие В.В. Розанова. Как отмечает С.Р. Федякин, «главное устремление» В.В. Розанова в его дневниковых записях – «ухватить мелькнувшую мысль, не обыгрывая ее “для публики”, поймав ее в тот самый миг, когда она возникла, “в чем мать родила”» [9, с. 597]. Еще одна разновидность стиля, которую мы можем проследить в дневниках XX века, – эссеистическая. Этот стиль ярко проявляется в дневнике М.О. Меньшикова. «Дневник для него – единственная возможность продолжения своей публицистической деятельности» [10, с. 28]. В «Дневнике 1918 года» М.О. Меньшиков «поднимает злободневные для России вопросы и пытается дать на них ответы» [10, с. 28]. В ведении дневника публицист «усматривает особую миссию: не только донести до потомков весь трагизм положения, в котором оказалась Россия после октябрьского переворота 1917 года, но и предостеречь от совершения подобных ошибок» [10, с. 28].

При знакомстве с дневником К.И. Чуковского сложно не заметить его стилевую многослойности, обусловленной, с одной стороны, многомерностью сознания автора, а с другой – неизбежной эволюцией содержания дневника, поскольку писатель вел его на протяжении многих лет. Так, в дневнике мы встречаем информативно-повествовательный стиль – особой информативностью отличаются записи, относящиеся к революционным событиям 1917 года и Великой Отечественной войне: «7/[XII]. Взят Киев. Речь Сталина. Получена телеграмма, что 3-го Лиды и Люша выехали из Ташкента» [11, с. 70]. На страницах дневника встречается и аналитический стиль, проявляющийся в юношеских записях Николая Корнейчукова. Ранние дневники К. Чуковского, обладая чертами, типичными для дневников периода индивидуации, обнаруживают примеры аналитического стиля в формулировках правил поведения и оценке собственных поступков: «Вот даю себе слово. Подтянуться в своем дневнике. Заставить его хоть сколько-нибудь отразить мою жизнь. <...> Как это сделать? Во-первых, никогда не садиться за дневник, не имея, что сказать, а во-вторых, вносить сюда все заметки насчет читаемых книг» [9, с. 29–30]. В дневниковых записях К.И. Чуковского проявляется эстетически нагруженное слово. Одна из разновидностей художественно-эстетической функции слова предполагает ситуацию, когда автор дневника выражает свои эмоции «с помощью цитаты из известного произведения или стихов собственного сочинения» [7, с. 129]:

*Все глупо. Раньше обдумать.
Я знаю: и это сердечко сожмется
От черного крика души: никогда!
И в этой головке вопрос шевельнется:*

*Зачем это в мире так скучно ведется —
За вторником вечно плетется среда?
Я знаю: ненастья
С сухими глазами, с пылающим лбом
Ты тоже захочешь безумного счастья,
И слез, и любви, и тоски, и участия,
И тоже почувешь всем существом,
Что там, за окошком холодным и черным,
Ждать [5, с. 57].*

Таким образом, дневник К.И. Чуковского по классификации О.Г. Егорова имеет смешанную форму. Если говорить об импрессионистическом стиле, то он не свойственен дневнику К. Чуковского. А вот черты эссеистического стиля прослеживаются в ряде дневниковых записей литератора: «*Странная штука — репортер! Каждый день, встав с постели, бросается он в тухлую гладь жизни, выхватывает из нее все необычное, все уродливое, все кричащее, все, что так или иначе нарушило комфортабельную жизнь окружающих, выхватывает, тащит с собою в газету — и потом эта самая газета — это собрание всех чудес и необычайностей дня, — со всеми войнами, пожарами, убийствами, — делается необходимой принадлежностью комфорта нашего обывателя — как прирученный волк в железной клетке, как бурное море, оцепленное изящными сваями*» [5, с. 66].

Одной из стиливых особенностей жанра дневника является присутствие «чужого» слова в его структуре. В дневнике К.И. Чуковского можно выделить несколько способов включения «чужого» слова. Первый способ представляет собой цитаты из прочитанных произведений, содержание которых было созвучно мыслям самого писателя. Такой тип введения «чужого» слова был характерен для ранних дневников литератора и преследовал интенцию молодого Н. Корнейчукова перенести свой читательский опыт на реальную жизнь: «*Нет ни одного влюбленного, который, узнав свою возлюбленную, продолжал бы любить ее. “Я ошибся, я обманулся”, — говорит он через месяц. Я ни за что никогда не хочу ни произносить, ни слышать от нее таких слов. “Чем я был пьян, вином поддельным или настоящим — все равно!” Лишь бы быть пьяным*» [5, с. 22].

Второй способ являет собой стенографически точную фиксацию устной речи, отражающую не только ее содержание, но также особенности и манеру произношения. В начале 20-х гг., работая во «Всемирной литературе», К. Чуковский тесно общается с М. Горьким, в связи с чем на страницах дневника появляется много записей, воспроизводящих его высказывания. На очередном из множества заседаний, которыми на тот момент были наполнены будни К. Чуковского, Н.Н. Пунин, заместитель наркома просвещения А.В. Луначарского по делам музеев и охраны памятников, высказал ряд претензий к работе «Дома искусств», на что не замедлил отреагировать М. Горький: «*Горький, с черной широкополой шляпой в руках, очень свысока, властным и свободным голосом: “Не то, государи мои, вы говорите. Вы, как и всякая власть, стремитесь к концентрации, к централизации — мы знаем, к чему привело централизацию самодержавие. Вы говорите, что у нас в “Доме Искусств” буржуи, а я вам скажу, что это все ваши же комиссары и жены комиссаров. <...> А на нападки, раздававшиеся здесь, я отвечать не буду, они сделаны из-за личной обиды: человек, который их высказывает, баллотировался в “Дом Искусств” и был забаллотирован”...»* [5, с. 296].

Следующий способ предполагает сознательное искажение «чужой» речи, подражание ей с целью добиться пародийного эффекта. В 1901 году К. Чуковскому пришла идея написать пародийный роман «Нынешний Евгений Онегин». Через год литератор отразит на страницах дневника черновые варианты некоторых строк из задуманного произведения:

*И вот, когда пришел Евгений, —
Надеждой радостной полна,
Бежит она, волнуясь, в сени
И видит в ужасе она,
Что там не гений вдохновенный,
А человек обыкновенный...*

*Ах, ведь она не для него
Приготовляла торжество.
Не для него ценой в рупь сорок
Одесско-крымское вино,
Не для него ее мамашей
Еще вчера припасено.
Не для него толпой оборок
Ея украсился наряд
Свободным принципам не в лад [5, с. 61].*

Сам роман написан онегинской строфой, а наряду с пушкинскими героями в произведении действуют реальные персонажи – одесские знакомые К. Чуковского.

Таким образом, стиль литературных дневников, с одной стороны, обладает набором общих для жанра свойств. С другой стороны, можно говорить об индивидуальном авторском стиле, поскольку стиль дневника является выражением субъективной творческой установки.

Примечания

¹ В качестве примера можно обратиться к недавно обнаруженному в фондах Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького «Альбому и дневнику старшего фейерверкера Алексея Булгачева». Подробнее см. в статье М.А. Перепелкина [2, с. 466–473].

² В терминологии М.Ю. Лотмана дневник – это автокоммуникация, передача сообщения от «Я» к «Я» [3, с. 164].

³ Индивидуация – одно из основных понятий психологии К.Г. Юнга, означающее процесс становления личности, ее психологического развития, при котором реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека [8, с. 224].

⁴ Перефразированная строка из стихотворения Н.А. Некрасова «Слезы и нервы».

Библиографический список

1. Иванова Е.В. Путеводитель по судьбе поэта // В.Я. Брюсов Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: Изд-во «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир», 2002. С. 3–18.
2. Перепелкин М.А. «Скучная война» и другие сопутствующие обстоятельства: дневник фейерверкера Булгачева в фондах Самарского литературного музея // Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2015. С. 466–473.
3. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Изд-во «Искусство–СПб», 2000. С. 163–177.
4. Толстой Л.Н. Дневник // Толстой Л.Н. ПСС: в 90 т. Т. 57. М.: Изд-во «Художественная литература», 1952. 430 с.
5. Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1969. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. М.: Изд-во «ПРОЗАИК», 2011. 592 с.
6. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
7. Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М.: Изд-во «Флинта», «Наука», 2011. 177 с.
8. Юнг К.Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // Зарубежный психоанализ: учебное пособие / сост. и общ. ред. В.М. Лейбина. СПб.: Изд-во «Питер», 2001. С. 224–242.
9. Федякин С.Р. Жанр, открытый В.В. Розановым // Розанов В.В. Когда начальство ушло... Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1998. С. 597–602.
10. Криволапова Е.М. Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX – XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 48 с.
11. Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т. 3: 1936–1969. / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской. М.: Изд-во «ПРОЗАИК», 2011. 640 с.

References

1. Ivanova E.V. Putevoditel' po sud'be poeta [Guide on the fate of a poet] in V.Ya. Brysov. *Dnevnik. Avtobiograficheskaja proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographic prose. Letters]. M.: Izd-vo "OLMA-PRESS Zvezdnyi mir", 2002, pp. 3-18 [in Russian].
2. Perepelkin M.A. "Skuchnaja voina" i drugie soputstvuiushchie obstoiatel'stva: dnevnik feierverkera Bulgacheva v fondakh Samarskogo literaturnogo muzeia ["Boring war" and other attending circumstances:

diary of a bombardier Bulgachev in the funds of Samara Literature Museum]. *Problemy izucheniia voennoi istorii: sbornik statei Tret'ei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of study of military history: collection of articles of the Third All-Russian scientific conference with international engagement]. Samara: Izd-vo "Nauchno-tehnicheskii tsentr", 2015, pp. 466–473 [in Russian].

3. Lotman Yu.M. Avtokommunikatsiia: "Ja" i "Drugoi" kak adresaty [Autocommunication: "Me" and "the Other" as addressees] in *Lotman Yu.M. Semiosfera* [Semiosphere]. SPB.: Izd-vo "Iskusstvo-SPb", 2000, pp. 163–177 [in Russian].

4. Tolstoy L.N. Dnevnik [Diary]. In *PSS v 90 t. T. 57* [Complete works in 90 Vols. Vol. 57]. M.: Izd-vo "Khudozhestvennaia literatura", 1952, 430 p. [in Russian].

5. Chukovsky K.I. Dnevnik: V 3 t. T.1: 1901–1969. Sost., podgot. teksta, komment. E. Chukovskoi; predisl. V. Kaverin [Diary: In 3 Vols. Vol. 1: 1901–1969. Compiler, text processing, commentaries E. Chukovskaya; preword by V. Kaverin]. M.: Izd-vo "PROZAIK", 2011, 592 p. [in Russian].

6. Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii. Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko [Poetics: dictionary of current terms and notions]. N.D. Tomarchenklo (Ed.). M.: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008, 358 p. [in Russian].

7. Egorov O.G. Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka. Istoriia i teoriia zhanra [Russian literary diary of the XIX century. History and theory of genre]. M.: Izd-vo "Flinta", "Nauka", 2011, 177 p. [in Russian].

8. Jung C.G. Soznanie, bessoznatel'noe i individuatsiia [Consciousness, unconscious and individuation] in *Zarubezhnyi psikhoanaliz: uchebnoe posobie. Sost. i obshch. red. V.M. Leibina* [Foreign psychoanalysis: textbook. Compiler and general editor V.M. Leibin]. SPB.: Izd-vo "Piter", 2001, pp. 224–242 [in Russian].

9. Fedyaikin S.R. Zhanr, otkrytyi V.V. Rozanovym [Genre opened by V.V. Rozanov] in *Rozanov V.V. Kogda nachal'stvo ushlo... Sbranie sochinenii. Pod obshch. red. A.N. Nikoliukina* [When the authorities has gone... Collection of works. A.N. Nikolyukin (Ed.)]. M., 1998, pp. 597–602 [in Russian].

10. Krivolopova E.M. Zhanr dnevnika v nasledii pisatelei kruga V.V. Rozanova na rubezhe XIX – XX vekov: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk [Genre of diary in the body of works of writers of the circle of V.V. Rozanov on the boundary of the XIX-XX centuries: Extended abstract of Doctor's of Philological Sciences thesis]. M.: 2013, 48 p. [in Russian].

11. Chukovsky K.I. Dnevnik: V 3 t. T.3: 1936–1969. Sost., podgot. teksta, komment. E. Chukovskoi [Diary: In 3 Vols. Vol. 3: 1936–1969. Compiler, text processing, commentaries E. Chukovskaya]. M.: Izd-vo "PROZAIK", 2011, 640 p. [in Russian].

*A.Yu. Kubaydulova**

DIVERSE STYLISTIC LAYERS OF THE CHUKOVSKY'S DIARY

This article deals with the question about the style of literary diaries. This article describes two basic approaches to the concept of "style" and also the classification of O.G. Egorov (theorist of the genre), which was developed on the material of the XIX century is given. Basing on the diary heritage of the XX century we made a proposal to outspread the scientist's classification at the expense of impressionistic and essayistic styles.

The subject of direct analysis is becoming a diary of K.I. Chukovsky. His diary is characterized by diversity of stylistic layers. On the one hand, it is connected to multi-dimensional consciousness of the author. On the other hand, it is explained by the inevitable evolution of the diary's content, because the writer had been leading his diary for 69 years (from 1901 to 1969). Particular attention is paid to such stylistic features of the diary genre, as the presence of «some one else's» word. This article describes the way to turn on «some one else's» word, specific to notes of K.I. Chukovsky, in the narrative fabric of the diary.

Key words: diary, K.I. Chukovsky, style of the diary, stylistic layering, «some one else's» word in the diary.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.

The article received 15/II/2016.

* *Kubaydulova Aysulu Yurievna* (aysulukubaydulova@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА В ПОИСКАХ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ЧУДЕСНОГО

Статья посвящена рассмотрению вопроса о том, как современная фантастическая литература меняет свое отношение к необычному, в чем начинает искать источники чудесного. Материалом для наблюдений служит проза известного фантаста Марии Галиной.

Ключевые слова: чудо, фантастическое, научная фантастика, формульная литература.

При довольно слабой разработанности теории фантастического и, как следствие, разногласиях между исследователями практически по всем важным вопросам в одном все теоретики согласны – в том, что фантастическое производно от чудесного. Но, даже если считать это бесспорным, вряд ли стоит рассматривать фантастическое как *итог* тех изменений, которые переживает чудо: процесс преобразований чудесного продолжается и внутри фантастической литературы. Как именно – вопрос, требующий анализа огромного материала. В рамках этой статьи речь пойдет об одном из возможных путей – том, который особенно выразительно демонстрирует проза Марии Галиной. Эта писательница создала множество фантастических произведений и недавно вышла за границы фэндомы: ее последний роман опубликован «Новым миром» – журналом, который традиционно пренебрегает формульной литературой. «Автохтоны» – вещь, тесно связанная со всем, что Галина писала раньше, но в ней фантастическое из приема изображения превращается в предмет осмысления. Опыт именно этого автора как раз и интересен тем, что фантастическое у Галиной проходит череду перерождений, так что на каждой новой стадии его связь с чудесным выглядит по-новому.

Надо отметить, что мутации чудесного начались еще задолго до появления фантастики как ветви литературы. Знаменитый историк Жак Ле Гофф считает, что «неурезанное» чудесное знакомо только языческой культуре: это то удивительное, что казалось беспричинным и принципиально необъяснимым – невиданные животные, невероятные метаморфозы (превращение людей в зверей и растения и т. д.). Чудесное неожиданно, не похоже на то, что человеку известно и что находится вокруг. Оно резко контрастирует с нормальным и привычным и создает для себя особое пространство. Не менее важно, что у латинского *mirabilia* («чудо») корень *mir-*, говорящий о визуальном восприятии, означающий «смотреть с удивлением». Чудо всегда визуально выразительно, зрелишно, шокирует своим видом [1].

При переходе от язычества к христианству чудесное было вытеснено чудотворным – тем, что нарушает каузальную связь знакомых нам явлений, но указывает на существование других – высших – законов, свидетельствует о наличии некой высшей причинности. Чудо в христианской культуре – момент встречи сакральной и профанной реальности, проблеск сакрального в профанном. Теперь чудо уже не беспричинно: оно обретает сакральный источник. По словам С. Аверинцева, «чудо в мировоззрении теизма – снятие всемогущей волей Бога-Творца положенных этой же волей законов природы», это знамение, «зримо выявляющее для человека стоящую за миром вещей власть Творца над творением» [2, с. 498–499].

* © Казарина Т.В., 2016

Казарина Татьяна Викторовна (kazarina_tv@bk.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

Если чудесное возбуждает в первую очередь чувства, то чудотворное — и разум тоже. Первое не допускает объяснений, оно существует нипочему. Второе заставляет догадываться о высшем смысле бытия, пересматривать свою картину мира.

По мнению Ле Гоффа, христианство нанесло страшный удар по стихии чудесного, когда объявило его источником высшую волю. Теперь у чудес появилась причина. В результате в христианских текстах, считает этот исследователь, чудеса — самое скучное и предсказуемое: они все на один лад.

Развитие научного мышления еще больше рационализировало чудесное: необъяснимое стало трактоваться как непознанное. Но ведь непознанное — это то, что предвещает, провоцирует и обещает открытия. Поэтому, как ни странно, такое отношение к чуду оказалось более милостивым, чем в религиозной системе воззрений: для ученого удивительное — отправная точка размышлений, интригующий вопрос, а не готовый ответ.

Фантастическая литература использовала все эти возможности одновременно — известный язычеству эстетический эффект чудесного, присущую научному познанию готовность рационально истолковать то, что повергает в изумление, и свойственное христианству понимание чуда как сакрального феномена.

Несовпадение этих контекстов создавало волнующую многозначность, не случайно Цветан Тодоров считал основой фантастики некий неустойчивый компромисс между чудесным и объяснимым.

Мария Галина начала печатать фантастические произведения в постсоветскую, перестроечную, эпоху, но ее первые романы, вышедшие еще под псевдонимом Максим Голицын («Время побежденных», «Гладиаторы ночи», «Все источники бездны», «Глядящие из темноты. Хроники Леонарда Калганова, этнографа» и «Я познаю мир: Сокровища Земли») построены по «советской» схеме. А для советской научной фантастики был обычен сюжет единоборства между человеком и тем, с чем он сталкивался за пределами обжитого мира. «Злые» чудеса из неосвоенных пространств меркли перед лицом такого чуда, как наш современник. Сакрализации здесь подверглась сила знания и воплощающий ее человек. Чудеса творили не посланники Господа, а посланцы передового человечества.

Подобным же образом герои «ранней» Галиной успешно противостоят всевозможным космическим напастям. Жанр, обозначенный на обложке ее первых книг, — «боевая фантастика». Но отличительная черта протагонистов Галиной в том, что все они, сражаясь с неведомым, не столько атакуют, сколько обороняются. Они то и дело сталкиваются с неожиданными и необъяснимыми явлениями, но чудесное в этих романах всегда истолковывается как чуждое и опасное. А справиться с ним позволяют не столько благоприобретенные возможности — научные знания, новейшие технологии, — сколько природные данные героев — быстрота реакции, сообразительность и т. д. Испытанию чудесным подвергается не человек как посланец современной цивилизации, а человек как природное существо, человек обыкновенный.

Это у Марии Галиной сохранится и позже: ее персонажи будут вступать в любые схватки с голыми руками, они будут вооружены только способностью думать.

Первое фантастическое произведение, которое Галина подписала собственным именем, — «Покрывало для Аваддона» (2002) — история о том, как две девушки, нанявшись убирать кладбище, случайно разворошили камни на могиле человека, обладавшего оккультными знаниями, и в результате пробудили силы вечного зла. Укрощать зло пришлось им же.

В этой повести Галина находит тему, которую будет разрабатывать в большом числе текстов — в «Малой Глуше», «Медведках» и др. Во всех этих произведениях невероятные события вторгаются в тусклую обыденность, чаще всего затрапезную позднесоветскую. Героическая миссия выпадает на долю людей негероического склада, повествование лишено победного пафоса, и мировые катаклизмы, поворотные моменты в судьбе человечества приобретают вид рутинных событий, бытовых происшествий.

В «Покрывале для Аваддона» яркие краски еще сохраняются: зло обнаруживает себя весьма картинно и умудряется наделать немало шума, причем в людных местах — срывает спектакль в театре, взрывает музей, разносит в щепки Привоз.

Но все это преподнесено в ироническом ключе: зло обставляет свое появление пошлыми театральными эффектами (его агенты появляются в развевающихся плащах, передвигаются с нечеловеческой скоростью и т. д.), у темных сил есть ведьильные дублеры – бандиты Али-Баба и Зяма, – они тоже претендуют на власть над мирозданием. В результате зло скорее экстравагантно, чем могущественно. Мир чудес оказывается похож на реквизитную старую, выжившего из ума фокусника: оборудование поизносилось, пышные одеяния травлены молью. И со всех сторон напирают молодые и наглые конкуренты дряхлого маэстро.

А ключевая роль в решении проблемы передана «среднему» человеку, без особых дарований, – как раз потому, что в «битве гигантов», столкновении самых могущественных сил бытия, его участие не принимается во внимание. Вселенские механизмы не предусматривают «защиты от дурака», и его вмешательство определяет исход сражения Добра и Зла.

В «Покрывале для Аваддона» у фантастического более чем авторитетный источник – религиозная метафизика, и все же чудесное в этой повести дискредитируется: оно уступает обыденному в жизненной силе.

Галина и позже будет связывать чудо и зло, но уже не позволит чудесам быть хоть сколько-нибудь эффектными и понизит их статус: источником зла станет человек. В повести «СЭС-2» (2009) работники крохотной портовой санэпидемстанции побеждают самого вендиго, духа-людоеда. Но чудесное в этом произведении дискредитируется, и самыми разными способами. Во-первых, появление чудовища истолковано «рационально»: духов создает воображение людей, но они, безусловно, существуют и имеют ментальную природу. Иррациональное подается как объяснимое. Во-вторых, сражения с вендиго происходят «за сценой». Мало того, что чудесное не вполне чудесно, оно еще и лишено облика: мы знаем о нем с чьих-то слов, из рассказов персонажей. В-третьих, события происходят в атмосфере самой лютой нетерпимости к чему бы то ни было необычному, и чудесное старается никому не попадаться на глаза.

Галина приурочивает фантастические события к совершенно конкретному моменту советской истории – датирует их 1979 годом. В одном из своих интервью она объясняла: «Это был самый душный год. Все время ждали какой-то катастрофы, беды, так что, когда беды одна за другой начали наваливаться на страну, как ни странно, многие испытали психологическое облегчение. А ждали не пойми чего – третьей мировой, ядерной зимы, катастрофы... В школах на уроках гражданской обороны учили, как вести себя при ядерном поражении, на стенах учреждений висели плакаты с этапами ядерного взрыва, стрелочки, указывающие, как и куда эвакуироваться. Катастрофическое сознание проявлялось и в том, что вдруг начался массовый психоз “тарелочников”: люди видели инопланетян, разговаривали с ними... Я хотела просто воскресить ту атмосферу. Без всякой кровавой гэбни, отважных диссидентов, даже без отказников и “отъезжантов”. Заурядную, обычную» [3].

В этой повести давящий ужас ситуации связан с тем, что катастрофическое «витает в воздухе», но настойчиво вытесняется обществом из сознания. Санэпидемстанция создана специально для борьбы с «вирусами второго порядка» (так в отчетных документах именуют зловредных духов – ментальную нечисть, попадающую в порт с грузами из Африки и Латинской Америки), но деятельность работников СЭС замалчивается, ведется полуполюгально, – начальство ничего не хочет о ней знать («антинаучный бред!», «развели тут средневековье!»). Все, с чем имеют дело работники СЭС, противоречит догматам примитивного материализма, поэтому героическим одиночкам никто в их работе не помогает, и даже несомненные подвиги не приносят им никакой славы. Общая жизнь приобрела рутинно-бюрократическую окраску, и все неординарное сразу проваливается в ее подсознание.

От произведения к произведению чудеса у Галиной тускнеют, героическое десакрализуется, чудесное и чудотворное в равной степени утрачивают исключительность. Удивительное сливается с жизненным фоном, приобретает вид обыкновения, а то, что прежде было именно фоном – нейтральной «подкладкой» основного действия – выходит на авансцену. Сюжетообразующими становятся флуктуации кол-

лективной жизни, массового мышления. В «СЭС-2» большинство персонажей игнорирует чудеса потому, что полностью поглощено решением бытовых проблем, ставших почти неразрешимыми и отодвинувших все прочее на второй план.

Но чудесное, даже такое непрезентабельное, не перестает быть чудесным, пока не утрачивает референцию, опору в реальности — иначе оно превращается в выдумку. Перейдя этот, последний рубеж, Галина вышла за пределы фантастики.

Роман «Автохтоны» (2015) был хорошо встречен читателями и критикой, иногда о нем даже писали как в главном событии литературного года. Из него напрочь исчезли шутовскость и инфантильный тон, которые, по словам Льва Данилкина, придавали прежним галинским произведениям сходство со сценариями «Ералаша». В данном случае перед нами отнюдь не примитивный текст.

В «Автохтонах» некто прибывает в некий город. Никакой конкретики. Мы далеко не сразу определяем даже то, что «некто» молод, а город расположен где-то в Крыму. Ореол загадочности и атмосфера недоговоренности возникают с самого начала повествования и сохраняются до конца. Но очевидно, что изображенный городок живет туризмом, он должен себя продавать, поэтому каждую подробность городской жизни его жители усердно мифологизируют — с любым домом и закоулком связывают какую-нибудь душераздирающую историю. Обычная прогулка по городу — путешествие не среди домов, а среди мифов. Вам нужен конкретный адрес? Вам скажут: «Тут все близко. Налево, за угол, в первую подворотню. Там вывеска есть, сразу увидите. Это в том доме, где невеста-мертвец. Или нет, где доктор-отравитель. Точно, где доктор-отравитель» [4, с. 78]. И сейчас же расскажут соответствующую легенду.

Пикантность в том, что этот мифологический репертуар должен быть очень подвижен. В городе нет достопримечательностей такого масштаба, чтобы они могли кормить население из года в год. Поэтому надо «вертеться», постоянно менять легенду. Большой театр проживет за счет нескольких хитов сезона, маленький должен что-то придумывать каждый вечер. И город превращается в безостановочно работающий генератор фальшивых чудес.

Главный герой приезжает сюда с серьезной целью. Говорит, что собирает материал о деятельности одной авангардной группы 20-х гг. Ему никто не верит, просто в силу местной специфики: здесь никто не говорит правды и от других ее не ждет. Но в данном случае подозрительность оправдана: на самом деле герой намерен выяснить обстоятельства смерти отца. Тот когда-то уехал сюда в командировку, а потом прислал предсмертную записку. Что заставило его покончить с собой, кто подтолкнул, неизвестно. Так что роман начинается как детектив — с попытки раскрыть тайну смерти. Герой, как настоящий следователь, готов подозревать каждого. Он быстро понимает, что доверять здесь нельзя никому и ничему, ориентируется не на то, что ему говорят, а на то, что скрывают или о чем случайно проговариваются. Но все тщетно: за слоями вымысла обнаруживаются другие слои вымысла. Вычислить тех, кто вынудил человека к самоубийству, невозможно не из-за отсутствия подозреваемых, а из-за обилия версий — как правдоподобных, так и самых невероятных. По словам местных жителей, в городе плетут интриги масоны, с партизанских времен действуют подпольщики и эсэсовцы, орудут бесчисленные банды, строят козни инопланетяне, бесчинствует коварная нечисть — вампиры, тритоны, поджигательницы-саламандры, сильфы и под. Попробуй тут восстановить *реальную* картину чьей-то смерти! В хорошем детективе следователь выбирает между несколькими версиями и какие-то оказываются ошибочными. Здесь герою подсказывают бесконечное множество ответов, и ложными оказываются все.

Городу необходимы чудеса, а герою — факты, причем такие, которые помогут уничтожить разрыв в семейной преемственности и зияние в собственной жизни. Выручает случай: герой находит черновик отцовского прощального письма. Предсмертные записки не пишутся с черновиками, и значит, в этом случае смерть была «подделкой», имитацией. Остальное выяснить нетрудно: отец просто бросил свою прежнюю семью, живет в этом же городе (герой с ним даже встречается и разговаривает). Дело сделано, загадка разгадана, герой может уезжать.

Произошло невероятное – отец оказался жив! Как и положено чуду, это событие, которого никто не ожидал, но оно не имеет никакой волшебной подоплеки и – не вызывает восторга: герой окончательно потерял отца – узнал, что тот отрекся от сына и предал семью. Какие-то сведения об отцовской смерти были бы приобретением, а такое «возвращение из мертвых» воспринимается как утрата.

После этого городское неостановимое мифотворчество уже не выглядит зловещим: оно сбивало героя с пути, но, возможно, и к лучшему – мешало сделать неприятное открытие. И вообще со временем становится ясно, что этот городок не так уж плох: в нем много провинциальной безвкусицы, зато никто не испытывает одиночества. Жизнь в мифе – даже искусственно синтезированном – это общая жизнь. Здесь каждому находится место в какой-нибудь сочиненной истории. Он в ней может быть оболган и оклеветан, но, во всяком случае, не забыт. Он укоренен в иллюзорном, но красочном, завораживающем пространстве, где отдельное существование приобретает смысл.

И когда герой уезжает, это воспринимается как роковой шаг – прыжок в одиночество.

На мой взгляд, все сказанное свидетельствует о том, что современная фантастика может находиться с чудесным в сложных отношениях – не только на него опираться, но и ограничивать его полномочия, лишая чудо то одних, то других его примет – сакральных истоков, эстетической выразительности, визуальной эффектности, способности резко контрастировать с привычной жизненной обстановкой. В прозе Галиной чудесное принижается, чтобы в результате выиграло обычное. По ее логике, чудо – то, что нарушает ход нормальной жизни, поэтому оно всегда разрушительно. Угроза не исходит только от одомашненного чуда – от намеренного вымысла.

И Галина в таком отношении к чудесному совсем не одинока: вся советская фантастика твердила о том, как мир чудес любого масштаба покоряется власти простых советских людей. Неожиданное, сакральное, ошеломительное не исчезало – оно как бы «перераспределялось», становясь атрибутом рядового человека. Но, когда герой перестает репрезентировать могущество стоящей за ним цивилизации, фантастика становится иронической (как в «Покрывале Аваддона» или «СЭС-2») или перестает быть фантастикой. Чудесное было неотразимо эффективным, пока существовало само по себе; потускнело – уже тогда, когда стало атрибутом Бога; позже, в рамках фантастической литературы постепенно теряло свой ореол, превратившись в характеристику человека и его деяний и, наконец, окончательно выродилось в фикцию, человеческую выдумку, но это уже за пределами фантастики.

Библиографический список

1. Ле Гофф Жак. Чудесное на средневековом Западе. URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Goff_Chudo.html.
2. Аверинцев С.С. Чудо // Сергей Аверинцев. София-логос. Словарь. К.: ДУХ/ЛИТЕРА, 2006.
3. Галина Мария. Чудовища из Малой Глуши. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/galina.html>.
4. Галина М. Автохтоны // Новый мир. 1915. № 3.

References

1. Jacques Le Goff. Chudesnoe na srednevekovom Zapade [L'Etrange et le Merveilleux dans l'Islam medieval]. Retrieved from: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Goff_Chudo.html [in Russian].
2. Averintsev S.S. Chudo [Miracle] in *Sergey Averintsev. Sofiia-logos. Slovar'* [Sofia-logos. Dictionary]. K.: DUKh/LITERA, 2006 [in Russian].
3. Galina Maria. Chudovishcha iz Maloi Glushi [Monsters of Minor Wilderness]. Retrieved from: <http://www.rg.ru/2009/11/13/galina.html> [in Russian].
4. Galina M. Avtokhtony [Autochtons]. *Novy Mir* [New world], 1915, no. 3 [in Russian].

*T.V. Kazarina**

**MODERN FANTASTIC PROSE IN SEARCH OF NEW SOURCES
OF WONDERFUL**

The article is devoted to the consideration of the question of how contemporary fantastic literature changes its attitude towards the unusual, in what begins to look for sources of a wonderful. The prose of a famous fantast Mary Galina is the source of consideration.

Key words: miracle, fantastic, science fiction, formulaic literature.

Статья поступила в редакцию 21/III/2016.

The article received 21/III/2016.

* *Kazarina Tatjana Viktorovna* (kazarina_tv@bk.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ СТРУГАЦКИХ («ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК», «ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»)

В данной статье рассматриваются особенности функционирования жанров утопии и антиутопии в творчестве братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Основное внимание уделяется изучению структуры взаимоотношений пространства и времени в художественном целом, в частности роли хронотопа как формально-содержательного явления прозаического текста. Сложная комбинация литературной утопии и антиутопии в исследуемых романах Стругацких инициирует использование анализа хронотопа для определения доминантного жанра. Выяснение характера временных и пространственных компонентов хронотопа позволяет установить признаки, имманентные определенным жанрам. Рассматриваются романы «Полдень, XXII век» и «Град обреченный». В названных произведениях братьев Стругацких специфика хронотопа дает возможность исследовать трансформацию номинальных признаков утопии и антиутопии в контексте влияния авторского замысла.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, роман, признаки жанра, хронотоп, фантастика, абсолютное время, абсолютное содержание, пространственные и временные компоненты, сюжет.

Центральное жанровое значение произведения раскрывается через взаимосвязь пространственных и временных компонентов изображаемого автором мира. М. Бахтиным было отмечено, что «жанровые разновидности определяются именно хронотопом»: по устройству пространства и времени строится весь каркас произведения [1, с. 341]. При неясности отдельных конкретных признаков можно опираться на свойства хронотопа как ключевого фактора определения жанра.

Во многих произведениях братьев А. и Б. Стругацких сложно установить жанровую принадлежность, в крупной прозе писателей отмечены синтетические слияния. Стругацкими используются приемы фантастики и аллегории, затрудняющие выделение ключевого жанра.

Роман «Возвращение» («Полдень, XXII век») можно отнести, как и ранние рассказы Стругацких, к приключенческой или научной фантастике. Изображение футуристического будущего, построенного на культе логики, невероятных открытий и героических персонажей – такую картину демонстрируют Стругацкие в рассказах и «Полдне». Главные герои попадают в ситуации, требующие волевых поступков и основанные на решении философских и общемировых проблем. Частному нет места в этот период творчества фантастов. Так, в «Полдне» описано общество, в котором возможные конфликты сведены к поиску способов оптимизации жизни.

Все сказанное отсылает к жанру фантастическому. Пространственные ориентиры в тексте подсказывают, что перед нами практически «чистая» фантастика (социальная и приключенческая), которая, по мнению Е.Н. Ковтун, «претендует на принципиаль-

* © Эверстов М.С., 2016

Эверстов Максим Сергеевич (magistr_magius@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

ную объяснимость и логическую мотивацию своего присутствия в тексте» [3, с. 59]. Рассмотрев же локальный контур мира в «Полдне» Стругацких, можно отметить типичное для утопического жанра строение хронотопа. В классических текстах Т. Мора «Утопия» и Т. Кампанеллы «Город Солнца» пространственные границы государств — это границы острова. Мир утопий замкнут во всех категориях конструкции хронотопа. Изолированность выступает утопической традицией, основанной на желании сохранить установленный порядок вещей и пресечь внешнее воздействие, распространение пространства на целые страны и континенты не меняет заряда утопии. Так, в романе «Возвращение» место, в котором происходят события, ограничено планетой: главные герои много путешествуют и изображены в разном возрасте, даны в развитии.

Относительно внутреннего содержания утопии «Возвращение», тех сюжетных ориентиров, которые оптимальны для жанра, Стругацкие показывают «классическую» утопию. Политическая система, авторами проецированная в будущее, напоминает социализм и близка утопической программе Платона в «Государстве», Мора в «Утопии». Общество в «Полдне» не разделено на касты, однако ближе утопийцам Мора тягой к стандартизации, одинаковости. Все сферы жизни будущего оптимизированы и ограничены «полезной» утилитарной деятельностью. Более того, как и Кампанелла в «Городе Солнца», авторы «Полдня» поручают воспитание детей государству — это изложено в главе про Аньюдинский интернат. Дети переданы правительственным педагогам, отделены от семей, что можно назвать одной из неотъемлемых сторон регламентирующей утопии, ставящей государство как главенствующий институт. В «Полдне» каждый гражданин может заниматься деятельностью, которую считает полезной: в мире подчеркивается приоритетность точных наук, но творчество признается необходимым для человечества. Нелогичное поведение (сцена с бегством из 18 комнаты или бессонные исследования математиков) — сводится к пренебрежению собой в пользу науки, частному в пользу общего. Гражданин «Полдня» — это существо сознательное и социальное, ему не имманентны психологические конфликты, неудовольствие жизнью и собой.

Кроме названной особенности топоса (увеличение масштабов), в тексте Стругацких отмечается нетипичное утопическое свойство — растяжимость временных координат. Обычно утопия изображает статичность временных рамок: установленный порядок неизменен в любой период. Герои «Возвращения» попадают в будущее, время растягивается, жизнь их показана в развитии. Так, деятельность группы из четырех человек охватывает юношество и зрелую жизнь, когда «команда из 18 комнаты» собственно перестала быть командой. Далее срабатывает принцип, при котором изменение временных координат влияет на функцию пространства. Бахтин отмечает, что в литературном хронотопе время способно «сгущаться», «уплотняться», а пространство «втягивается в движение времени» [1, с. 341]. Герои «Полдня» попадают из прошлого на космическом звездолете в новую реальность. Пространство как категория растягивается за людьми, открывая читателю новые картины утопической повседневности. Утопическая линия, утвержденная и экстраполированная, продемонстрирована в двух точках — «до» и «сейчас». Утопии Мора или Платона не могли похвастать долгой жизнью: изображается эпизод, слепок реальности в конкретный момент. Но в тексте Стругацких описана ситуация длительной утопии, не показанной в развитии детально, тем не менее получившей возможность демонстрировать сохранение или смену традиций, способность эволюционировать, появление новых тенденций или отказ от них. По М. Бахтину, пространство «осмысливается» временем, в «Полдне» мы становимся свидетелями этого.

Если пространство растягивается за героями-путешественниками, что выступает следствием авторского замысла зафиксировать ориентиры «Полдня», основные позиции утопии по соотношению с утопиями прошлых веков остаются условны и характеризуются статичностью. Общественная картина не имеет динамики, события не позволяют говорить об историческом времени. «Застоем» утопия близка эпосе, и в этом раскрывается такая ее специфика, как «абсолютность» [1, с. 621]. Статичность в таком мире не предполагает конфликтности — двигателя сюжета. Хотя в романе Стругацких не наблюдается опоры на безличное описание, точку зрения,

нерушимую другими персонажами, как в эпопеях, — невозможно распознать поступательное движение в мире «Полдня» на момент его высвечивания в тексте. Никакие мировые и общественные процессы не деформируют сформированную утопию, никто не пытается менять среду, противиться порядкам. Такая картина типична для утопического времени, характеризующегося «завершенностью», отсутствием перемен. Бахтин добавляет, что прошлое эпопеи (утопии) отделено от всех остальных времен «и прежде всего от того времени, в котором находятся певец и его слушатели» [1, с. 620]. Р. А. Гальцева и И. Роднянская определяют, что жители утопии «дальние» по отношению к читателю, не близки по мышлению [2]. Мы не можем отождествлять изображенный мир и современную действительность. Вспомним «Город Солнца» Т. Кампанеллы — до тех пор существующий, пока неизменны обычаи, не сопоставимый с Европой времен написания. «Полдень» устоялся, не меняется на момент изображения, для времени не характерна динамика, отвечающая запросам реалий.

Однако Стругацкие — экспериментаторы, в романе произведена деформация и преобразование нетипичного для утопии хронотопа. Необходимо отметить, что вслед за пространственным и временным компонентами изменилась форма подачи. Обычно демонстрация утопического пространства раскрывается через монологичный рассказ путешественника-гида, это инвариантно для классических утопий. Утопия не имеет личностного подхода, но только отвлеченную информацию об устройстве. При всей прозрачности подачи материала, в отличие от канона, в утопии Стругацких информация поступает не от абстрактного рассказчика, повествующего о правилах функционирования города, как у Мора, а подается через истории людей. Проводник одновременно и герой, он близок к романному началу антиутопии и активен. Это не имманентно для утопии, хотя действующие лица выступают в качестве путешественников.

Поэтому когда главные герои «Полдня» попадают в будущее и описывают его, они также участвуют в общественной жизни. В этом можно обнаружить отход от канона жанра. Отказавшись от описательных конструкций, авторы демонстрируют мир не через посредника — проводника, который отличается всеведением, но через героя, взаимодействующего с «Полднем».

Кроме новой роли героя-проводника активность приобретает и сюжет, едва намеченный в утопии и сведенный к описанию идеального мира. В «Полдне» действия героев не ограничены авторской направленностью на демонстрацию. Персонажи спорят, являются носителями различных точек зрения, тогда как проявления индивидуального не были свойственны книгам Мора и Кампанеллы. Хотя время не приобретает вслед за героями и пространственной компоненты внутренней динамики, временные ориентиры также отделены «абсолютной» дистанцией от реальности.

Трансформация функции локальности утопического хронотопа в «Полдне» Стругацких носит количественный характер. Охват всей планеты и нескольких временных планов не меняют сути утопии, законченной, спроектированной, далекой от современности. И хотя активность героев и отказ от описательности позволяют говорить о прогрессивном подходе, ядро жанра остается, за исключением влияния фантастики, неизменным. Изолированность мира, утилитаризм и теория воспитания, продиктованные канонической традицией, сохраняются и во времени, и в пространстве.

Можно сказать, локализованное пространство как один из единых принципов свойственно и для антиутопий. Отметим, что это инвариантная черта обоих жанров — в этом смысле любопытно замечание Е.Н. Ковтун о природе утопии-антиутопии: по мнению исследователя, это один жанр, имеющий одни правила функционирования, но разные установки [3, с. 74].

Единое Государство в романе «Мы» Е. Замятина построило Зеленую Стену, чтобы отделить дикие просторы, в «Дивном новом мире» О. Хаксли все нецивилизованные люди, рожденные не в инкубаторе, обитают в резервации. Многие признаки жанра утопии наследуются вместе с авторским замыслом изображения той или иной тенденции мира в антиутопический роман.

Так, в романе «Град обреченный» смешиваются принципы построения полярных жанров утопии и антиутопии. Мы можем выделить типичное для утопии построение

пространства: Стругацкие по традиции жанра изображают Город, оградившийся от остального мира и не жалующий гостей. Как и Утопия Мора, Город защищает свои границы (создает армию, готовясь отразить нападение). Но в Городе строится вертикальная система власти («противостояние верха и низа», по Б.А. Ланину и М.М. Боришавской), в самом верху стоит мэр, и это близко Городу Солнца Кампанеллы с правлением Метафизика [4]. Антиутопическое пространство укладывается в рамки утопической философии острова — с присущей ей боязнью чужаков и охраной установленных законов.

Временной аспект хронотопа в «Граде обреченном» отличается от статичного времени в утопиях близостью к тем реалиям, которые охватывают время автора. Необыкновенная подвижность героев способствует продвижению и «незаконченности» времени. Город в отношении хода истории подвижен и не отделен «абсолютной» дистанцией.

В пространственной специфике хронотопа этого произведения Стругацких выделяется несколько особых ориентиров. У каждого антиутопического города есть географические «пометки» на карте, они создают и дополняют образ границ, контур замкнутости. В «Граде обреченном» такими контурами являются Желтая Стена и Красное Здание. Желтая Стена служит ограничивающим фактором для Города по аналогии с Зеленой Стеной, изображенной в «Мы» Замятина. Стругацкие устами главного героя характеризуют этот контур «неоглядной, вертикально вздымающейся желтой твердью с узкой полоской уступа, по которому тянулся Город». Изолированность, обязательная для антиутопии, продиктована авторским замыслом, заключающимся в перманентном обращении внимания Андрея на Желтую Стену: будучи следователем, он изучает материалы дела о гражданах, упавших со Стены; в роли изгоя теряет связь с Городом и Желтая Стена — единственный знакомый ориентир. Только герой осознает, что пространство в мире Города имеет особенность сжиматься к центру. Эта догадка подтверждена, когда герой в финале бредет по пустыне и видит человека, идущего на него («можно было различить, что один из них тоже идет навстречу... Есть у него оружие или нет? Вот тебе и Антигород. Кто бы мог подумать?.. Ох, не нравится мне, как он свою руку держит!»). Пулю получил и он, то есть можно отметить «зеркальность» предметного мира.

Красное Здание также имеет сложную смысловую значимость для пространства Города и в большей мере — для эмоционального развития Андрея. Профессия следователя позволила герою коснуться многих тайн Города, в том числе и секрета Здания, в котором пропадают люди. Оно выступает мифическим элементом, свойственным утопии, иррациональным, не поддающимся регламентации с позиции антиутопии. Когда герой попадает в Здание, он принимает участие в шахматной партии, аллегорически отражающей жизнь и выбор, который делает человек. Андрей встречает там знакомых из прошлого — отражение воспоминаний, в определенный момент он понимает, что выйти из здания нельзя, оставшись у доски: «оно уже многих поглотило...», «надо освободиться от миража и вернуться к делу». Красное Здание оказывается символическим отражением внутренней борьбы тех, кто посетил его. М. Амусин в статье «Иллюзии и дорога» пишет об этом сказочном строении: «У каждого — свое Красное Здание, в нем материализуются подсознательные психологические комплексы, призраки страха и вины». Гражданам открывается смысл жизни, но выйти уже не удается. «Великая игра... игра во имя величайших целей, которые когда-либо ставило перед собой человечество, но играть в нее дальше Андрей не мог». Не довершив партию, герой покинул Здание, «ощущая свою неспособность участвовать в смертоносной Игре». Став советником, Воронин вновь видит дом: «Но теперь все окна его были темны, и ставен на первом этаже кое-где не хватало, а стекла были грязные, с потеками, с трещинами, кое-где были заменены фанерными покоробленными щитами... И не было больше торжественной и мрачной музыки». Аллегорический смысл Здания раскрывается, когда Андрей осознает, какой шанс упустил, что подкрепляется словами «бред взбудораженной совести».

Антиутопии бедны на мифические явления, которые более свойственны фантастике и во многом утопиям. Но Красное Здание отражает именно волшебный аспект:

нелогичный, но прямо связанный с героем, развитием его внутреннего мира, сомнениями по поводу выбранного пути и места в Городе.

Временное устройство в тексте также зависит от героя, что говорит об антиутопическом характере романа, более персоналистичном по характеру. Условное по форме, по содержанию время относится к историческому: мы не можем сказать о «конечности» и «мифичности», наблюдаемых в «Утопии» Т. Мора. Многие ключевые моменты проецирует факты и события из реальной жизни, наблюдается тон непрерывности. Каждая часть описывает период из жизни героя: «Мусорщик», «Следователь», «Редактор», «Господин советник», «Разрыв непрерывности», «Исход».

Время в романе представляет непрерывное движение, бурную череду событий, закрученных вокруг главного героя. Скорость смены событий зависит от того, насколько важный эпизод жизни героя происходит перед читателем. При этом время нельзя назвать завершенным: в Городе постоянно что-то меняется, каждый день происходит новое, порой иррациональное (например, когда неожиданно появились павианы). Это происходит, в отличие от утопий с конечным абсолютным временем, потому, что Город не обрел идеального статуса, пространство и время, не застывшие в развитии, характерны для антиутопии (в «Мы» Замятина сломали Стену, в «451 градус по Фаренгейту» Брэдбери взорвали город).

Деформация жанра определяет не только активность героев, динамику событий, таким образом, но также трансформирует новое пространственное положение и временную соотнесенность в строении всего формально-содержательного ядра произведения. Отмеченное М. Бахтиным радикальное влияние романа на «старые жанры» справедливо в отношении антиутопического конструкта в творчестве Стругацких. Авторами смоделированы новые позиции хронотопа, влияющие на структуру жанра. Проектирование нового уровня пространственно-временной связи в «Полдне» и аллегоричность многих аспектов в «Граде обреченном» характеризуют инновационный метод смешения черт утопии и антиутопии в пределах одного текста.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Гальцева Р. А., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопии // Новый мир. 1988. № 12. С. 217–230.
3. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 406 с.
4. Ланин Б.А., Боришавская М.М. Русская антиутопия XX века. М., 1994.
5. Зарубежная фантастическая проза прошлых веков: пер. с лат., англ., фр. / сост. вступ. ст. и примеч. И. Семибратовой. М.: Правда, 1989. 608 с.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч.: в 11 т. Т. 7. 1973–1978 гг. 2-е изд., испр. М.: Астрель, 2013. 589 с.

References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii*. T. 3: *Teoriia romana (1930-1961 gg.)* [Collected works. Vol. 3: *Theory of a novel (1930-1961)*]. M.: *Iazyki slavianskikh kul'tur*, 2012, 880 p. [in Russian].
2. Galtseva R.A., Rodnianskaja I. *Pomekha - chelovek. Opyt veka v zerkale antiutopii* [The obstacle is a Human. Century experience in the mirror of anti-utopia]. *Novy mir* [New world], 1988, no. 12, pp. 217–230 [in Russian].
3. Kovtun E.N. *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka: Ucheb. Posobie* [Artistic fiction in literature of the XX century: textbook]. M.: *Vysshaia shkola*, 2008, 406 p. [in Russian].
4. Lanin B.A., Borishavskaja M.M. *Russkaia antiutopiia XX veka* [Russian anti-utopia of the XX century]. M., 1994, p. 167 [in Russian].
5. *Zarubezhnaia fantasticheskaia proza proshlykh vekov: Per. s lat., angl., fr. Sost. vstup. st. i primech. I. Semibratovoi* [Foreign fantastic fiction of the past centuries: transl. from Latin, English, French. Compiler, entry article and notes I. Semibratova]. M.: *Pravda*, 1989, 608 p. [in Russian].
6. *Strugatsky Arkady, Strugatsky Boris. Sobranie sochinenii. V 11 t. T. 7. 1973-1978 gg.* [Collected works. In 11 Vols. Vol. 7. 1973–1978]. 2nd edition, revised. Moscow: *Astrel*, 2013, 589 p.

*M.S. Everstov**

**PECULIARITIES OF CHRONOTOPE COMPOSITION
IN THE NOVELS BY THE STRUGATSKY BROTHERS
(«NOON, 22ND CENTURY», «THE DOOMED CITY»)**

The present article studies some specific features of the functioning of utopia and anti-utopia genres in creative works by brothers Arcady and Boris Strugatsky. The main importance is being paid to the study of the structure of time and space interconnection of the artistic whole. In particular the article is focused on the chronotope as high register content related of the prose. Complicated pattern of literary utopia and anti-utopia in the novels under study primes analysis of chronotope use to distinguish the dominant genre. The clarification of the temporal and spatial components of the chronotope character will make it possible to identify the characteristics, immanent to definite genres. The novels under study are "Noon, 22nd century" and "The Doomed City". The specificity of chronotope in these novels by the Strugatsky brothers allows to research the transformation of the nominal characteristics of utopia and anti-utopia in the context of the authors' conception influence.

Key words: Utopia, anti-utopia, novel, characteristics of the genre, chronotope, fantastic, absolute time, absolute content, temporal and spatial components, plot.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Everstov Maksim Sergeevich* (magistr_magius@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature, North-Eastern Federal University in Yakutsk, 58, Belinsky street, Yakutsk, 677000, Russian Federation.

УДК 81.22

Э.Л. Шубина*

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ
В НОМИНАТИВНЫХ ГРУППАХ**

Статья посвящена изучению сочетаемости лексем, которые обозначают «часть целого». Лексическая сочетаемость рассматривается на основе анализа структурного типа ein Stück Fleisch и ein Stück frisches Fleisch в текстах прессы Германии, так как сочетания с существительным Stück обнаруживают наибольшее разнообразие лексического наполнения. Синонимические лексико-семантические варианты различаются разной употребительностью, разной сферой сочетаемости, особенностями сочетаемости (в которых проявляется смысловая направленность того или иного варианта). Согласно полученным данным, индивидуальная сочетаемость синонимичных существительных различна.

Ключевые слова: квантитативные словосочетания, лексическая сочетаемость, существительное, конкретные существительные, абстрактные существительные.

Вопрос о закономерности сочетаемости одних слов с другими в зависимости от их значений, о соотношении разных лексико-семантических вариантов слова с разными возможностями его сочетаемости периодически рассматривается языковедами. Применительно к немецкому языку основные теоретические положения по вопросу о сочетаемости двух лексем можно найти в уже появившейся в 1934 году статье В. Порцига «Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen» [1, с. 59]. В.Шмидт, изучая реализацию «актуального значения» слова, столкнулся с проблемой соблюдения необходимых соответствий между семантическими свойствами слов для получения правильных высказываний и назвал это явление «семантической валентностью» [2, с. 45]. Р. Клаппенбах и Х. Малиге-Клаппенбах на основе опыта работы над «Словарем современного немецкого языка» указывали на необходимость исследования комбинаторных возможностей слов или фразеологической валентности [3, с. 56], так как примеры на употребление того или иного слова, приводимые в словаре, не отражают, «даны ли все возможные комбинации, или представлена выборка, которая может быть неограниченно расширена, или выборка, которая может быть расширена до

* © Шубина Э.Л., 2016

Шубина Эльвира Леонидовна (elvira.shubina@mail.ru), кафедра немецкого языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

каких-то пределов». Исследователь П. Гребе в 1965 году сообщил, что при разработке главы о синтаксической валентности он столкнулся с проблемой семантической сочетаемости, которую он назвал «смысловым сцеплением» и определил как «действительные для родного языка правила соединения слов» [4].

В.Б. Боршев и Б.Х. Парти, анализируя генитивные конструкции в русском языке типа *рост Васи*, но *рост столба* и *стакан воды*, но *бассейн воды*, задались вопросом о правилах сочетаемости в каждом подобном случае. Авторы предполагают, что не только существительные, но сами реалии (вещи) распределяются сознанием, при этом с каждым видом реалий связана определенная структура и свойства [5, с. 96]. Некоторые лингвисты говорят о наличии особых механизмов, регулирующих комбинаторику слов текста. Статистическая устойчивость, семантическая связанность слов, которые совместно употребляются, привлекают внимание ученых [6–8], изучающих дистрибутивные свойства лексики в корпусах текстов русского языка.

В настоящее время лексическая сочетаемость компонентов словосочетаний различных типов изучена недостаточно полно. На уровне номинативных групп с количественным значением определялась преимущественно семантика первых компонентов. Семантика существительных практически не исследовалась или же характеризовалась с точки зрения конкретности и абстрактности обозначаемых этими существительными денотатов [9; 10]. Однако подобных указаний явно недостаточно, так как лексические значения и конкретных, и абстрактных существительных могут быть самыми разнообразными, а это ведет к разной сочетаемости с существительными, используемыми в роли первого компонента. Квантитативная семантика ограничивает лексическую сочетаемость, так как значение зависимого слова конкретизирует главное со значением меры. Несмотря на кажущуюся разнородность, существительные со значением меры обладают сходными чертами и составляют лексическую микросистему, члены которой объединены наличием семантического признака количества (меры). На выбор этих существительных накладываются достаточно строгие ограничения. Они обозначают числа (*Million*), меру веса (*Zentner*), длины (*Dezimeter*), объема (*Kubikmeter*), емкости (бытовые и стандартные) (*Tasse*), части целого (*Teil*), неопределенно малое количество (*Tropfen*), неопределенно большое количество (*Unzahl*). В данной работе лексическая сочетаемость рассматривается на основе анализа структурного типа *ein Stück Fleisch* и *ein Stück frisches Fleisch* в текстах прессы Германии, так как сочетания с существительным *Stück* в значении «кусочек, часть, доля» обнаруживают наибольшее разнообразие лексического наполнения. Лингвистический материал показал, что состав существительных, употребляемых в роли синтагматического соседа, весьма разнообразен и включает в себя:

- **Неодушевленные предметные**, которые обозначают части тела живых существ (*(weiße) Haut, Sehne, Ohrknorpel, Kinn, Zahn*), участки поверхности земли (*Heimat, Land, Festland, Boden, Rasen, Garten, Erde, Natur, Park, Fußweg*), части света, территории и государства (*Berlin, Elbe, Kiez, New-Jork, Hansestadt, Deutschland, Russland, Amerika...*), элементы ландшафта (*Eiland, Strand, Regenwald, Wald, See, Meer, Wiese*), строения и их части (*Stacheldraht, Wolkenkratzer, Leerrohr, Mauer*), предприятия и учреждения (*Bundesbahn*), предметы быта (*Seife*);

- **Собирательные**, обозначающие совокупность растений (*urbanes Grün*);

- **Одушевленные предметные** с обозначением людей (*rebellische Rocksängerin¹, Chef* (речь идет о клонировании человека));

- **Неодушевленные непредметные**, к которым относятся явления природы (*Sonnenschein, Regenbogen*), продукты речевой, творческой и мыслительной деятельности (*Geschichte, Poesie, Glauben, Journalismus, Melodie, Musik, Software, Information, Protestpop, Literatur, Kultur, Theater, Architektur, Lebenslauf, Erinnerung, Entschluss*), мероприятия (*Weltmeisterschaft*), отрезок времени (*Zukunft, Sommer, Kindheit, Ewigkeit, Siebzigerjahre, Urlaub*), формы общественных отношений (*Gewerbefreiheit*), физические недуги и состояния (*Schizophrenie*);

- **Вещественные**, среди которых находим обозначения горных пород (*Feuerstein*, сыпучих веществ (*Eisenoxid*, продуктов питания (*Jakkäse Brot, Speck, Butter, Räucheraal*,

Götterspeise, (rohe) Süßkartoffel, Fisch, Paprika, Fleisch), материалов (*DNA, Plastik, Stoff, Watte, Metall, Treibholz, Kohle, Eis, Haschisch*);

- **Имена собственные** *Phelps* (американский пловец), *Holiday of Ice* (название шоу), *Tempelhof* (аэропорт), *Poldi Polster* (футболист), *Neuland* (название фильма), *Eni* (название концерна, речь идет небольшой доли акций концерна);

- **Единственные в своем роде** (*Himmel, Sonne*);

- **Абстрактные**, обозначающие качества и черты характера (*Emanzipation, (grüne) Heiligkeit, (ewiger) Ruhm, Moral, Spontanität, Sesshaftigkeit, Nostalgie, Originalität, Würde, Seele, Kreativität, Loyalität, Motivation*), действия и процессы (*Arbeit, Selbsttherapie, Aufstieg, Kochen, Suspense, Marktmacht, Lebensgenuss*), душевное и физическое состояние (*Glück, Bequemlichkeit, Freiheit, Wehmut, Freude, Beschwichtigung, Hoffnung, Schuld*), окружающую действительность (*Unendlichkeit, Welt, Wirklichkeit*).

Среди синонимов к существительному *Stück*, обозначающему кусок, часть целого, находим существительные, которые характеризуют предмет с точки зрения формы (очертаний): *Kante* (*горбушка, краюха (хлеба)*), *Scheibe* (*долька*), *Knollen* (*клубень, ком*), *Streifen* (*полоска*), *Fetzen* (*локут, клок*), *Würfel* (*кубик, куб*), обозначающие часть книги или текста: *Kapitel* (*глава*), *Satz* (*предложение*), *Seite* (*страница*), *Band* (*том*), а также обозначающие часть растений: *Zweig* (*ветка*), *Stengel* (*стебель*), *Staude* (*куст, кочан*). Предметом нашего рассмотрения явились существительные, не содержащие дополнительных характеристик веществ, предметов, а обозначающие отделенную, отломанную, отбитую часть чего-л., порцию чего-л. (твердого) съестного: *Happen, Bissen, Brocken*. Для обозначения неопределенно малого количества рассмотрены существительные: *Stückchen, Körnchen, Gran*. Синонимические лексико-семантические варианты различаются разной употребительностью, разной сферой сочетаемости, особенностями сочетаемости (в которых проявляется смысловая направленность того или иного варианта).

Среди перечисленных квантификаторов наименьшая сочетаемость отмечена у существительного **Bissen** (кусок (пищи)). В составе именных конструкций выявлены имена, обозначающие преимущественно продукты питания (*Brot, Melone, Wurst, Schnitzel, Big Mac, Leberkäse, Kuchen*) и жевательный табак (*Priem*). В предложении *Momentan kostet ein Bissen Gewebe etwa 60.000 Euro (Tageszeitung)* существительное *Gewebe* имеет значение *мясное волокно*, так как речь идет о создании искусственного мяса. В одном случае имеет место сочетание со словом, обозначающим продукт речевой деятельности — *ein kleiner Bissen Geschichte Charles und Diana (Süddeutsche Zeitung)*. Полученная корпусная информация совпадает со словарной информацией, где указано на сочетание с продуктами питания.

Существительное **Brocken** (кусок, ком, глыба) в переносном употреблении сочетается с существительными абстрактными, обозначающими действия и процессы (*ein gewaltiger Brocken Arbeit, ein dunkler Brocken Rache, einen großen Brocken gegenseitigen Misstrauens*), качества (*ein Brocken Nonchalance*). В пределах одного предложения наблюдается параллельное использование синонимичных существительных, что объясняется стремлением автора избежать повторения *Es fehlt uns einfach ein Stück mediterrane Leichtigkeit oder ein Brocken Nonchalance, der die Dinge relativiert (Süddeutsche Zeitung)*. В данном случае словарная и корпусная информация расходятся, однако основными членами именных групп выступают прежде всего вещественные существительные, представленные обозначением продуктов питания (*Fleisch, Kartoffeln, Feta*), материалов (*Metall, Haschisch, Magnesia, Graphit, Asphalt*), горных пород (*Salzgestein, Stein*), сыпучих веществ (*Erde*).

Похожую лексическую сочетаемость обнаруживает существительное **Happen** (кусок (пищи)). Так, среди вторых компонентов словосочетаний находим обозначения продуктов питания (*Essen, Fleisch, (geräuchert) Lachs, Zuckerwatte, Reis, (rohe) Nüsse, Speck, Cucumber, (aufgebacken) Gemüse*) и вещества (*Gift*). В состав анализируемых конструкций входили еще абстрактные существительные, называющие действия и процессы (*Arbeit*), окружающую действительность (*Garmonie*), неодушевленные не-предметные, обозначающие продукты речевой, творческой и мыслительной деятель-

ности (*Prosa, Geschichte, Kunst, Information, Kultur*), отрезок времени (*(bayerische) Brotzeit*), и неодушевленные предметные, которые обозначали территории, страны (*Heimat, Italien*). Фиксируются также сочетания с именами собственными *Dass es mit einer Prise Aristoteles und einem Happen Seneca nicht getan ist (die Zeit)*.

Среди синонимов к лексеме *Stückchen*, обозначающей неопределенно малое количество, наиболее высоким потенциалом сочетаемости обладает *Körnchen* (зернышко, крупинка, толика, частица). Данная лексема способна употребляться с существительными – обозначениями сыпучих веществ (*Puder, Staub, Sand, Zucker, Gift*), продуктов питания (*Basmati*), металлов (*Gold, Blei*). В состав данных сочетаний входят также абстрактные существительные, называющие качества и черты характера (*Barmherzigkeit, Eleganz, Gewißheit*), действия и процессы (*Fantasie, (wahrer) Genuss, Trost*), душевное и физическое состояние (*Melancholie, Zweifel, Hoffnung, Glück, Arroganz*); неодушевленные непредметные, обозначающие продукты речевой, творческой и мыслительной деятельности (*Lüge, Wahrheit*), отрезок времени (*Zeit*); неодушевленные предметные, обозначающие страны и территории (*Heimat*). В лексикографических описаниях регистрируется только сочетание *ein Körnchen Wahrheit* [10].

Конструкции с лексемой *Gran* (гран, зерно, крупинка), которая является устаревшей единицей массы на основе веса среднего ячменного зерна (примерно соответствует 60,9–72,9 миллиграмма и применялась в аптекарском деле) характеризуются ограниченным лексическим наполнением. В произведениях немецкой литературы XVIII века данная мера веса встречается часто и употребляется исключительно с вещественными существительными, обозначающими сыпучие вещества (*16 Gran gemischtes Salz; 2 Gran rötliche Erde; 1 Gran eisenhaltige Alaunerde*). В текстах современной прессы сохранилось спорадически использование лексемы *Gran* в качестве приблизительной меры сыпучих веществ (*Safran*). Наряду с сыпучими веществами лексема активно сочетается с абстрактными существительными, обозначающими качества и черты характера (*Schicksalergebenheit, (flirrender) Leichtigkeit*), действия и процессы (*Kritik*); душевное и физическое состояние (*Eifersucht, Zorn, Sympathie*); с неодушевленными непредметными, обозначающими продукты речевой, творческой и мыслительной деятельности (*(schwarzer) Humor, Wahrheit*).

Согласно полученным данным, индивидуальная сочетаемость перечисленных существительных различна. С точки зрения сочетаемости они распадаются на: 1) существительные, сочетаемость которых практически не ограничена (существительные *Stück, Stückchen* не употребляются только с существительными своей микросистемы и жидкими веществами²); 2) существительные, сочетаемость которых ограничена несколькими семантическими группами (существительные *Happen, Körnchen, Brocken* сочетаются как с вещественными существительными, так и абстрактными и неодушевленно-непредметными); 3) существительные, чья сочетаемость ограничена абстрактными или вещественными существительными (*Bissen* сочетается исключительно с продуктами питания и крайне редко с представителями иных групп лексем, а *Gran*, не являясь в настоящее время мерой измерения веществ, активно входит в состав сочетаний с абстрактными существительными).

Эта информация о семантических связях лексем должна быть обязательно отражена в лексикографических описаниях и для носителей языка, и для изучающих язык, потому что невозможно никак иначе узнать, что допустимо сказать *ein Gran Humor*, например, а *ein Gran Heimat* – скорее нет. Таким образом, в языке наблюдаются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, это сохранение системных, устойчивых свойств языка, с другой – дерегуляция и адаптация новых свойств [12; 13]. Для уточнения семантико-синтаксических моделей сочетаемости лексем нужны корпусные данные, потому что интуиции лексикографа недостаточно, чтобы фиксировать действительно частотные сочетания.

В результате анализа количества семантических связей лексических единиц обнаружилось, что определенные классы существительных сочетались исключительно с определенной лексемой. Существительные, обозначающие части тела живых существ, участки поверхности Земли, части света, территории и государства, элементы ланд-

шафта, строения, предприятия, единственные в своем роде, употреблялись в нашем корпусе с существительным *Stück (Stückchen)*. Так, бывает *ein Stück Italien, ein Stück Wiese, ein Stückchen Himmel*, но не бывает *ein Bissen Italien, ein Brocken Wiese, ein Körnchen Sonne*.

Примечания

¹ В качестве второго компонента здесь выступают существительные, обозначающие понятия, которые либо вообще не поддаются измерениям, либо измеряются единицами иного тематического ряда. Некоторые из сочетаний производят впечатление диссонанса и вне контекста не всегда понятны: *Man nehme fünf Stück klassische Cellisten (auch bekannt als Cello Mafia), die der Überzeugung sind, dass der Rock 'n' Roll dem Untergang geweiht ist. Ein Stück rebellische Rocksängerin der Sorte «Extrahot», die wiederum Klassik für völlig überschätzt hält. Alles vermengen und nach und nach 15 bis 18 Stück vollreife Hits der Musikgeschichte unter die Mischung heben (z.B. eine Scheibe Ravel's Bolero, eine Handvoll AC/DC oder wahlweise ein gut abgehangenes Stück Swing...).* *Eingefrorene Klischees auftauen, ins Kreuzfeuer schmeissen und das Ganze mit einer grosszügigen Prise Selbstironie abschmecken (Frankfurter Allgemeine Feuilleton)*. Экспрессивный характер подобных групп объясняется нарушением нормативной сочетаемости компонентов, их принадлежностью к разным семантическим полям. Эти нарушения имеют метонимическую или метафорическую стилистическую функцию и создают яркие экспрессивно-образные словосочетания. Экспрессия сочетаний *eine Scheibe Ravel's Bolero* (произведение для оркестра, вдохновленное испанским танцем болеро), *eine Handvoll AC/DC* (AC/DC переманный/постоянный ток – австралийская рок-группа, сформированная в Сиднее 1973 года), *ein gut abgehangenes Stück Swing* (Свинг (swing) – направление джазовой музыки), *einer grosszügigen Prise Selbstironie* возникает за счет несовместимости представлений. Музыкальные произведения, направления в музыке характеризуются с количественной стороны долями, горстками, кусками, а самоирония измеряется шепоткой. В тексте эти сочетания употребляются в переносном значении для образного обозначения неопределенного количества музыки, т. е. со значением «немного». Существительное *Stück* в значении «штука», «экземпляр» обозначает обычно единичный предмет, выделяющийся среди других однородных. В сочетаниях типа: *fünf Stück klassische Cellisten, ein Stück rebellische Rocksängerin, 15 bis 18 Stück vollreife Hits* денотативные значения сочетающихся компонентов отступают на задний план, подавляются коннотациями. В рассматриваемом примере штуками, экземплярами измеряют не только музыкальные хиты, но и исполнителей, музыкантов. Они создают в данном контексте насмешливое, ироническое звучание. Контекстуальные значения слов трудноуловимы, и подтверждением этому является сложность их перевода.

² Обращает на себя внимание комбинация лексем *ein Stück Wasser, bitte!* (Wiener Zeitung, 2016). В данном сочетании речь идет о твердом состоянии воды.

Библиографический список

1. Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1934. Bd. 58, S. 70–97
2. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. 3. Durchges. Aufl. В.: Akademie, 1966. 130 S.
3. Klappenbach R., Malige-Klappenbach H. Zur Bedeutungsanalyse des Wortes // Forschungen und Fortschritte. 1965. Jg. 39. H. 2. S. 54–57.
4. Grebe P. Der semantisch-syntaktische Hof unserer Wörter. Wirkendes Wort, 1966, Jg. 16, S. 392–394
5. Борщев В.Б., Парти Б.Х. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / под ред. Е.В. Рахилиной, Я.Г. Тестельца. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 159–172.
6. Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать. М., 1995.
7. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
8. Ягунова Е.В. Неоднословные целостности в словаре и корпусе // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006. С. 395–412.
9. Клиенкова И.Б. Особенности грамматического оформления субстантивных групп (на материале швейцарского варианта немецкого языка) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 5.

10. Шубина Э.Л. Проблема нормы и вариативности на уровне аналитических конструкций типа Nquant + AdjN // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 28. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 104–114.
11. DWDS. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de>.
12. Харьковская А.А., Турлова Е.В. Коммуникативные стратегии воздействия малоформатных текстов названий англоязычных учебно-методических пособий // *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики* (Тольятти, 16–19 апреля 2009 г.). Тольятти, 2009. Ч. 2. С. 359–363.
13. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики // *Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика*. 2006. № 2. С. 22–27.

References

1. Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 1934, Bd. 58, pp. 70–97 [in German].
2. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. 3. durchges. Aufl. B.: Akademie, 1966, 130 p. [in German].
3. Klappenbach R., Malige-Klappenbach H. Zur Bedeutungsanalyse des Wortes. *Forschungen und Fortschritte*, 1965, Jg. 39, H. 2, pp. 54–57 [in German].
4. Grebe P. Der semantisch-syntaktische Hof unserer Wörter. *Wirkendes Wort*, 1966, Jg. 16, pp. 392–394 [in German].
5. Borshchev V.B., Parti B.H. Semantika genitivnoi konstruktсии: raznye podkhody k formalizatsii [Semantics of genitive construction: different approaches to the formalization]. In: *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob"yasneniyu. K 60-letiyu A.E. Kibrika. Pod red. E.V. Rakhilinoi, Ia.G. Testel'tsa* [Typology and theory of language: from description to explanation. On the 60th anniversary of Kibrik A.E]. Rakhilina E.V., Ya.G. Testel'ts (Eds.). M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, pp. 159–172 [in Russian].
6. Borisova E.G. Kollokatsii. Chto eto takoe i kak ikh izuchat' [Collocations. What is it and how to study them]. M., 1995 [in Russian].
7. Iordanskaya L.N., Melchuk I.A. Smysl i sochetayemost' v slovare [Meaning and combinability in the dictionary]. M., 2007 [in Russian].
8. Yagunova E.V. Neodnoslovnnye tselostnosti v slovare i korpuse [Not one word entities in the dictionary and in the corpus]. *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika – 2006»* [Proceedings of the International conference «Corpus linguistics»]. SPb., 2006, pp. 395–412 [in Russian].
9. Klienikova I.B. Osobennosti grammaticheskogo oformleniya substantivnykh grupp (na materiale shveitsarskogo varianta nemetskogo yazyka) [Peculiarities of grammatical arrangement of substantival groups (on the materials of Swiss variant of the German language)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2014, Vol. 20, no. 5 [in Russian].
10. Shubina E.L. Problema normy i variativnosti na urovne analiticheskikh konstruktсии tipa Nquant+AdjN [Problems of the norm and variation on the level of analytical constructions of type Nquant+AdjN]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vyp. 28* [Language, consciousness, communication. Issue 28]. M.: MAKS Press, 2004, pp. 104–114 [in Russian].
11. DWDS. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. Retrieved from: <http://www.dwds.de> [in German].
12. Kharkovskaya A.A., Turlova E.V. Kommunikativnye strategii vozdeistviya maloformatnykh tekstov nazvaniy angloiyazychnykh uchebno-metodicheskikh posobii [Communicative strategies of influence of small-scale texts of titles of English-language textbooks]. In: *Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki (Tol'jatti, 16–19 aprelya 2009 g.)* [Tatishchev readings: topical issues of science and practice (Togliatti, April 16–19, 2009)]. Togliatti, 2009, Part 2, pp. 359–363 [in Russian].
13. Ponomarenko E.V. Funktsional'naya sistemnost' diskursa i predposylki razvitiya lingvosinergetiki [Functional systematicity of discourse and prerequisites of development of linguosynergetics]. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»* [RUDN University Bulletin. Series «Linguistics»], 2006, no. 2, pp. 22–27 [in Russian].

LEXICAL COMBINABILITY OF COMPONENTS IN NOMINATIVE GROUPS

This paper presents the study of combinability of lexemes, which designate «a part of the whole». Lexical combinability is examined on the basis of *ein Stück Fleisch* and *ein Stück frisches Fleisch* structural types analysis in the German press texts, since combinations with the noun *Stück* reveal the greatest variety of lexical filling. Synonymous lexical-semantic variants are distinguished by different frequencies, different spheres of combinability, by special features of combinability (which reveal the semantic specificity of this or that version). According to the received data the individual combinability of synonymic nouns is different.

Key words: quantitative word combinations, lexical combinability, noun, concrete nouns, abstract nouns.

Статья поступила в редакцию 12/II/2016.
The article received 12/II/2016.

* *Shubina Elvira Leonidovna* (elvira.shubina@mail.ru), Department of German Language, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 76, Avenue Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ИРОНИИ
В АНГЛИЙСКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ ****

На примере иронии в статье рассматривается одна из актуальных тенденций бизнес-коммуникации – все активнее проявляющаяся деконвенционализация и функциональная дерегламентация английского делового дискурса. Анализируется роль иронии как средства повышения образности, которое способствует порождению в дискурсе новых смысловых компонентов. Автор приходит к выводу: так как в деловых кругах англоязычные модели коммуникации воспринимаются как авторитетные и закрепляются в стиле общения представителей других наций, этому речевому средству следует уделять особое внимание при обучении деловой коммуникации. Таким образом, ирония как прием деловой риторики заслуживает серьезного изучения с точки зрения его использования для повышения эффективности общения и для более глубокого освоения иноязычной культуры.

Ключевые слова: английский деловой дискурс, институциональный дискурс, ирония, деконвенционализация, функциональная дерегламентация, риторическое воздействие, функциональные свойства иронии.

В деловом общении характерные коммуникативные стратегии обычно включают сотрудничество, конкуренцию, избегание (уклонение), приспособление, компромисс или уступки и др. Они достаточно широко освещаются в специальной литературе. При этом очевидно, что, поскольку основная задача партнеров по бизнес-общению состоит в выработке обоюдоприемлемых решений профессиональных задач [1–5], коммуниканты далеко не всегда могут позволить себе свободное выражение мнения, эмоций, впечатлений; их речевое поведение должно способствовать, а не препятствовать поиску компромисса. Бизнес-дискурсу как разновидности институционального дискурса в зависимости от более или менее конвенционального характера ситуации общения присуща определенная степень стандартизации, повышенной корректности, взвешенности. В связи с этим способы воздействия на партнера при решении профессиональных задач осложняются, так как коммуниканты вынуждены оперировать в рамках ограниченного круга возможностей.

В связи с этим большое значение приобретает умение оптимально планировать функциональную перспективу речи и выстраивать комбинацию риторических приемов, способствующих реализации коммуникативной цели (целей) в наиболее эффективном ключе. К таким приемам, несомненно, относится ирония, которая входит в круг речевых средств, наиболее притягательных и многоплановых с позиций функциональной лингвистики.

* © Пономаренко Е.В., 2016

Пономаренко Евгения Витальевна (english5mgimo@mail.ru; 1pev2009@mail.ru), кафедра английского языка № 5, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, г. Москва, пр. В.И. Вернадского, 76.

** Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках конкурса на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук.

Как известно, ирония обычно рассматривается как стилистическое или риторическое средство, фигура речи, троп. Этот прием заключается в том, что у слова или высказывания появляется контекстно обусловленный смысл, противоположный буквальному значению используемых единиц либо ставящий его под сомнение [6–9]. Так, в следующих примерах смысл, «противоположный буквальному значению используемых единиц», настолько очевиден, что сразу порождает комический эффект:

And we talked to some of the lads from the Post Office last night and they said we could trust Mr Lipwig's word 'cos he's as straight as a corkscrew [10].

Rocky is returning to American cinemas this Christmas. And the financial markets increasingly resemble Sylvester Stallone's ageing pugilist: they may get knocked about a bit, but they always seem to bounce back [11].

Иронию и другие средства создания образности традиционно не рекомендовали использовать в институциональном дискурсе, включая деловой, образовательный, правовой и т. д. Однако эксперты считают, что в современном англоязычном деловом общении дерегламентация и деконвенционализация приобрели характер устойчивой тенденции [12–16]. Соответственно, языковеды должны поставить задачу подробно исследовать эту тенденцию, определить, в чем ее истоки, в каких рамках она допустима и какое влияние она оказывает на общее коммуникативное пространство дискурса.

Функциональную сущность приема иронии в свое время удачно охарактеризовал А.А. Потенция: «Как способ доказательства и убеждения, ирония есть доведение данного в образе до абсурда с тем, чтобы ярче выставить действительность или необходимость значения» [17, с. 184]. Действительно, комический эффект создается с целью произвести определенное впечатление на партнера, замаскировать негативное мнение, привлечь внимание, создать психологический комфорт. Во многих работах психолингвистическим основанием иронии как риторической фигуры признается сочетание несочетаемого, или семантический сдвиг – переключение хода мысли с одного сценария на другой и их переплетение – по известным теориям семантических сценариев, фреймов и др. (В. Раскин, А. Кестлер, М. Минский и т. д.).

Множество характерных примеров такого сдвига находим в книге Артура Блоха *Murphy's Law Complete*, начиная с самой первой формулировки: *If anything can go wrong, it will* [18]. Услышав или прочитав первую часть этой фразы (*if anything can go wrong*), человек невольно ожидает, что далее последуют какие-то рекомендации или оценки вероятных последствий сложившейся ситуации, но вместо этого его «успокаивают» тем, что именно *wrong* все и будет. Как утверждает автор книги, эта цитата необычайно широко используется в деловых кругах. Известны также различные вариации на заданную тему, среди которых: *If Murphy's Law can go wrong, it will*, не только усиливающая юмористический колорит исходного утверждения, но и добавляющая прагматику нелепости этого так называемого «закона» [18].

Как видим, семантический сдвиг действительно порождает эффект иронии как прием, выявляющий участки пересечения несочетаемых функциональных пространств сопоставляемых речевых компонентов. В деловом дискурсе ирония, интегрируя функциональные возможности таких компонентов, не только оживляет достаточно типизированные ситуации общения, но и активизирует восприятие коммуникантами позиций друг друга. В функциональном плане она также служит проявлением так называемой вербальной недостаточности [19] в том смысле, что смысловое и эмоциональное восприятие иронии именно как риторического приема обеспечивается способностью реципиента улавливать иронические импликации, невербализованные в поверхностной структуре текста. Сами ангlosаксы во многих публикациях признают, что они просто наслаждаются «дистанцирующими» (отстраняющими) приемами в общении, используя намеки, аллюзии, неполные фразы и особенно иронию.

Тенденцию к деконвенционализации делового дискурса и включению средств образности демонстрируют даже такие неожиданные источники, как, например, Бюллетень Международного валютного фонда (*International Monetary Fund Working Paper*). Материалы такого рода содержат профессиональный (вплоть до академического) анализ

серьезных экономических проблем и обычно не предполагают использования стилистически окрашенных единиц. Тем не менее для повышения убедительности и эмоционального воздействия (то есть прагматического эффекта) авторы иногда позволяют себе отступления от строгого официально-делового стиля.

В одном из обзоров управления по финансовым делам (Fiscal Affairs Dpt.) на тему Deficit Limits, Budget Rules, and Fiscal Policy (подготовлен экспертом фонда Паоло Манассе) при обосновании актуальности анализируемой проблемы автор перечисляет ряд принятых в Европе моделей управления финансами и выдвигает следующий аргумент:

In a nutshell, all these frameworks aim at getting rid of the “dirty water” of (politically motivated) excessive budget deficits without sacrificing the “baby” of fiscal stabilization. But how should that be done? [20].

В данном случае снижение официозности и риторическая фигура иронии реализуется через использование выражения In a nutshell (приведенного в словарях как *informal*) и метафорическое уподобление ситуации излишнего бюджетного дефицита «грязной воде» (предполагающее не всегда честные манипуляции в этой сфере), а финансовой стабилизации – «младенцу» (которого, по известной поговорке, могут «выплеснуть» при неудачном ведении дел). Вопросительная форма последнего предложения также служит оператором прагматической модификации, показывая, что поиск решения и выход из данной ситуации носит проблематичный характер и, вероятно, не имеет однозначной формулировки.

Для русскоязычных людей, изучающих английский язык, понимание функциональных свойств англоязычной иронии, навыки узнавания этого приема, адекватного реагирования, представлений об ее уместности или неуместности особенно актуальны. Английский юмор претендует на своеобразие и некую уникальность как специфическая черта национального менталитета. В научной литературе высказывается мысль, что английская культура вполне нормативным поведением считает внешнюю любезность при замаскированной ироничной и пренебрежительной манере общаться с собеседником. С учетом того, что в деловых кругах англоязычные модели коммуникации воспринимаются как авторитетные и закрепляются в стиле общения представителей других наций, приходится признать, что этому речевому средству следует уделять особое внимание. Таким образом, ирония как прием деловой риторики заслуживает серьезного изучения с точки зрения его использования для повышения эффективности общения и для более глубокого освоения иноязычной культуры.

Библиографический список

1. Арупова Н.Р. Профессионализация бакалавров международного профиля в процессе изучения иностранного языка // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 11. С. 229–231.
2. Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Риторическое воздействие как фактор межкультурного делового общения // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сб. науч. тр. М.: Трансарт, 2014. С. 111–117.
3. Раицкая Л.К. Методы активного обучения языку профессии в магистратуре (на примере кейс-стадиз) // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы Международной конференции / Российский университет дружбы народов, Юридический факультет, компания “Britannia”. М., 2008. С. 239–243.
4. Раицкая Л.К., Коровина Л.В., Арупова Н.Р. Деловая коммуникация на английском языке. М.: Аспект-Пресс, 2015. 525 с.
5. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 282 p.
6. Панов М.И. Ирония // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов. М.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005. С. 377–380.

7. Фомичева Ж.Е. Постмодернистская ирония в современном английском романе // Вопросы филологии. 2008. № 1. С. 107–113.
8. Харьковская А.А. Дискурсивный мир англоязычных и русскоязычных бестселлеров // Вопросы прикладной лингвистики. 2013. № 10. С. 75–88.
9. Храменко Д.С. Ирония как средство активизации синергических процессов прагматической самоорганизации английского делового дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 175–180.
10. Pratchett T. Making Money. L.: Corgi Books, 2008. 480 p.
11. Ageing Bull // The Economist. 2006. December 9th–15th.
12. Малюга Е.Н. Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 84. С. 147–155.
13. Малюга Е.Н. Лингвопрагматические аспекты делового интервью // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2010. № 4. С. 127–131.
14. Харьковская А.А. Англоязычный образовательный дискурс: современные тенденции // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: сб. науч. тр. к 15-летию кафедры английского языка № 5 МГИМО / под общ. ред. Л.К. Раицкой. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 177–181.
15. Храменко Д.С. Ирония в английском деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
16. Ponomarenko E.V., Malyuga E.N. Business English and Functional Linguistics: Teaching Practical English in Perfect Harmony with Theory // ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation Proceedings. Madrid: International Association of Technology, Education and Development, IATED, 2012. P. 4524–4529.
17. Потехня А.А. Теория словесности: Тропы и фигуры. М.: КРАСАНД, 2010. 200 с.
18. Bloch A. Murphy's Law Complete. L.: Arrow Books, 2002.
19. Филиппова И.Н. Классификация вербальной недостаточности в одноязычии и двуязычии // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции: в 7 ч. 2012. С. 137–138.
20. Manasse P. Deficit Limits, Budget Rules, and Fiscal Policy // The IMF Working Paper. 2005. № 120.

References

1. Arupova N.R. Professionalizatsiia bakalavrov mezhdunarodnogo profilia v protsesse izucheniia inostrannogo iazyka [Professionalization of Bachelor Degree Students of international profile in the process of study of a foreign language]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniia)* [Vestnik of University (State University of Management)], 2014, no. 11, pp. 229–231 [in Russian].
2. Ponomarenko E.V., Kharkovskaya A.A. Ritoricheskoe vozdeistvie kak faktor mezhnatsional'nogo delovogo obshcheniia [Rhetoric influence as a factor of international business communication]. In: *Iazyk i kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom sotsiуме: sbornik nauchnykh trudov* [Language and communication in modern multicultural society: collection of research papers]. M.: Transart, 2014, pp. 111–117 [in Russian].
3. Raitskaya L.K. Metody aktivnogo obucheniia iazyku professii v magistrature (na primere keis-stadiz) [Methods of active teaching language of profession in Master's degree programme (on the example of case studies)]. In: *Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu iazyku i perevodu v vuze. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [Profession-oriented teaching foreign language and translation in the university. Materials of the International conference]. Peoples Friendship University of Russia, Law faculty, company «Britannia», M., 2008, pp. 239–243 [in Russian].
4. Raitskaya L.K., Korovina L.V., Arupova N.R. Delovaia kommunikatsiia na angliiskom iazyke [Business communication in English]. M.: Aspekt-Press, 2015, 525 p. [in Russian].
5. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2007, 282 p. [in English].

6. Panov M.I. Ironiia [Irony] in *Effektivnaia kommunikatsiia: istoriia, teoriia, praktika: slovar'-spravochnik. Otv. red. M.I. Panov* [Effective communication: history, theory, practice: glossary. M.I. Panov (Ed.)]. M.: OOO «Agentstvo KRPA Olimp», 2005, pp. 337–380 [in Russian].
7. Fomicheva Zh.E. Postmodernistskaia ironiia v sovremennom angliiskom romane [Postmodern irony in modern English novel]. *Voprosy filologii* [Journal of Philology], 2008, no. 1, pp. 107–113 [in Russian].
8. Kharkovskaya A.A. Diskursivnyi mir angloiazychnykh i russkoiazychnykh bestsellerov [Discursive world of English and Russian bestsellers]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics], 2013, no. 10, pp. 75–88 [in Russian].
9. Khranchenko D.S. Ironiia kak sredstvo aktivizatsii sinergiinykh protsessov pragma-semanticeskoi samoorganizatsii angliiskogo delovogo diskursa [Irony as a means of activation of synergetic processes of pragma-semantic self-organization of the English business discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 1(67), pp. 175–180 [in Russian].
10. Pratchett T. *Making Money*. London: Corgi Books, 2008, 480 p. [in English].
11. Ageing Bull. *The Economist*, 2006, December 9th–15th [in English].
12. Malyuga E.N. Vzaimovliianie delovoi kommunikatsii i mezhkul'turnogo delovogo diskursa [Interinfluence of business communication and intercultural business discourse]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [«IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences»], 2008, no. 84, pp. 147–155 [in Russian].
13. Malyuga E.N. Lingvopragmaticheskie aspekty delovogo interv'iu [Linguopragmatic aspects of business interview]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Khetagurova* [Bulletin of North Ossetian State University], 2010, no. 4, pp. 127–131 [in Russian].
14. Kharkovskaya A.A. Angloiazychnyi obrazovatel'nyi diskurs: sovremennye tendentsii [English educational discourse: modern trends]. In: *Professional'naia kommunikatsiia i mul'tikompetentnost': Sbornik nauchnykh trudov k 15-letiiu kafedry angliiskogo iazyka № 5 MGIMO. Pod obshch.red. L.K. Raitskoi* [Business communication and multicompetence: Collection of research works on the 15th anniversary of the Department of the English Language №5 of MGIMO]. L.K. Raitskaya (Ed.). M.: MGIMO-Universitet, 2015, pp. 177–181 [in Russian].
15. Khranchenko D.S. *Ironiia v angliiskom delovom diskurse: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Irony in English business discourse: Author's abstract of Candidate's of Philological science thesis]. M., 2010, 25 p. [in Russian].
16. Ponomarenko E.V., Malyuga E.N. Business English and Functional Linguistics: Teaching Practical English in Perfect Harmony with Theory. *ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation Proceedings*. Madrid: International Association of Technology, Education and Development, IATED, 2012, pp. 4524–4529 [in English].
17. Potebnja A.A. Teoriia slovesnosti: Tropy i figury [Theory of literature: Tropes and Figures]. M.: KRASAND, 2010, 200 p. [in Russian].
18. Bloch A. *Murphy's Law Complete*. London: Arrow Books, 2002 [in English].
19. Filippova I.N. Klassifikatsiia verbal'noi nedostatochnosti v odnoiazychii i dvuiazychii [Classification of verbal insufficiency in monolingualism and bilingualism]. In: *Voprosy obrazovaniia i nauki: teoreticheskii i metodicheskii aspekty. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 7 chastiakh* [Issues of education and science: theoretical and methodological aspects. Collection of research works on the materials of the International extra-mural research and practice conference: in 7 Vols.], 2012, pp. 137–138 [in Russian].
20. Manasse P. Deficit Limits, Budget Rules, and Fiscal Policy. *The IMF Working Paper*, 2005, no. 120 [in English].

FUNCTIONAL PROPERTIES OF IRONY IN BUSINESS ENGLISH DISCOURSE**

The article focuses on irony as an illustration of one of the topical trends in business communication, that of evolving deconventionalisation and functional deregulation of Business English discourse. Irony is analyzed as means of enhancing figurativeness that generates new sense components in discourse. The author comes to the following conclusion: considering that business circles accept English communicative models as authoritative, and non-native speakers follow their style, this verbal means is worth special attention in teaching business communication. Thus irony as a means of business rhetoric deserves profound investigation in terms of its use for increasing communicative efficiency and for more profound perception of foreign culture.

Key words: Business English discourse, institutional discourse, irony, deconventionalisation, functional deregulation, rhetoric impact, functional properties of irony.

Статья поступила в редакцию 23/IV/2016.
The article received 23/IV/2016.

* Ponomarenko Evgeniya Vitalyevna (english5mgimo@mail.ru; lpev2009@mail.ru), Department of English Language № 5, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 76, Avenue Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

** The publication has been prepared with support of MGIMO University of Russia in the framework of the research contest for young scholars under doctors' and candidates' of sciences supervision.

МАТЕРИАЛЫ ПО ПОДГОТОВКЕ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ЭКЗАМЕНАМ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

В настоящей статье предлагается анализ материалов по подготовке к международным экзаменам по немецкому языку в рамках образовательного дискурса. Особое внимание уделяется аспектам «участники» и «хронотоп», а также необходимым компетенциям участников.

Автор приходит к выводу о том, что особенностью данного образовательного дискурса является погружение участника экзамена одновременно в два хронотопа с целью решения двух задач – собственно коммуникативной (совершить какое-либо речевое действие – запросить или сообщить информацию, дать совет и т. п.) и экзаменационной (структурировать свое высказывание таким образом, чтобы оно соответствовало определенным экзаменационным критериям).

Ключевые слова: образовательный дискурс, вид речевой деятельности, международный экзамен.

Образовательный дискурс – вид институционального дискурса, который существует в ситуации передачи/получения новых знаний. Процесс получения новых знаний подразумевает проверку качества приобретенных знаний, которая, помимо других возможностей, может проходить в форме экзамена. Применительно к иностранным языкам в современных отечественных образовательных учреждениях можно встретить два вида проводимых экзаменов: с одной стороны, это сложившаяся еще в советское время и до сих пор достаточно распространенная в школе и в высшей школе традиционная форма в виде ответа на вопросы экзаменационного билета; с другой стороны, всё чаще используемая проверка знаний в формате международных экзаменов (который отчасти был перенесен на форматы ОГЭ и ЕГЭ). В нашем исследовании мы остановимся на анализе проверки вида речевой деятельности «Говорение», имеющей место как в традиционном, так и в международном форматах.

Традиционный устный экзамен по иностранному языку может проходить в монологической или диалогической форме. В первом случае кандидату предлагается изложить собственное мнение по какой-либо проблеме или пересказать чье-то авторитетное мнение, какой-нибудь сюжетный текст. Во втором случае экзаменуемые должны представить (как правило, подготовленный) диалог в типичной ситуации общения. В обоих случаях проверяется главным образом грамматическая и лексическая правильность представленного текста.

В разделе «Говорение» в международных экзаменах по немецкому языку кандидату нужно осуществить определенное речевое действие в определенной ситуации. Наиболее широкая палитра речевых действий представлена в экзамене TestDaF, разработанном институтом g.a.s.t. в Бохуме (ФРГ) и необходимом иностранным гражданам для обучения в университетах Германии: участнику предлагается выполнить семь заданий и совершить такие речевые действия, как запросить информацию, сообщить/передать информацию, аргументированно передать свое отношение к какому-либо факту или явлению, сравнить альтернативные предложения и обосновать свой выбор, высказать предположения о причинах и возможных способах развития какого-либо явления,

* © Никитин В.Н., 2016

Никитин Василий Николаевич (niva@samsu.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Московское шоссе, 34, Российская Федерация.

дать совет собеседнику. Проверяется не столько формальная грамотность, сколько умение совершить адекватное речевое действие в аутентичной ситуации.

Форма экзамена отражает цели обучения (сформировать умение грамматически правильно строить высказывание или умение осуществлять определенные речевые действия) и особенности современного образовательного дискурса.

Попытаемся проанализировать материалы по подготовке к модулю «Говорение» экзамена TestDaF с точки зрения их дискурсивных особенностей.

Описывая дискурс, В.И. Карасик выделяет следующие основные категории: 1) участники общения, 2) условия общения, хронотоп, 3) организация общения (мотивы, цели, стратегии), 4) способы общения (канал и режим, стиль и жанр) [1, с. 200]. В последней категории, видимо, необходимо учитывать еще один параметр, предложенный А.А. Кибрик, – формальность, которая базируется на характере социальных отношений между говорящим и адресатом [2, с. 6].

В традиционном экзаменационном дискурсе вопрос об участниках общения решается предельно просто: это преподаватель, который принимает экзамен, и учащийся, который сдает экзамен. В экзамене TestDaF ситуация значительно осложняется присутствующей здесь интерференцией дискурсов, при которой «происходит наложение элементов одного дискурса (включенного) на другой (принимающий), в результате чего идет их комбинирование, взаимодействие, взаимовлияние и взаимозависимость» [5, с. 3–6]. Принимающим дискурсом в данном случае является экзаменационный, а включенным – образовательный (обработка информации из разных областей знания) и учебный (студенческая жизнь). Интересно, что в языковом плане принимающий дискурс представлен очень незначительно: он ограничивается формулировкой задания. Что касается включенного дискурса, то он составляет большую часть текста экзамена.

Экзаменатор, т. е. специалист, оценивающий качество знаний кандидата, во время экзамена TestDaF отсутствует. Кандидат коммуницирует не с экзаменатором, а с имажинарным собеседником, реагируя на его стимулирующую реплику. Таким образом, в экзаменационном дискурсе появляется еще один участник – имажинарный собеседник кандидата, вероятно, гражданин Германии с соответствующим социальным опытом, который кандидат должен учитывать при общении. В то же время кандидат в ситуации экзамена говорит не совсем от своего имени, поскольку он выступает в роли студента немецкого вуза, каковым на самом деле (пока) не является, и должен в ряде заданий делиться с собеседником жизненным опытом, каким он в действительности тоже (пока) не обладает.

Вопрос о хронотопе применительно к международным форматам экзаменов также решается непросто. Если в условиях традиционного экзамена время определяется расписанием сессии, а место представляет собой экзаменационную аудиторию, то при анализе экзаменов в международном формате можно говорить о двух типах хронотопа: с одной стороны, это «реальный» хронотоп, совпадающий с хронотопом традиционного экзамена; с другой стороны, это хронотоп, определяемый заданием. При этом для успешного выполнения задания кандидат должен ассоциировать себя со вторым типом хронотопа, поскольку экзаменационное задание «предполагает погружение экзаменуемого в иную тематически смоделированную среду за рамками учебно-экзаменационной ситуации, в которой он в действительности пребывает» [4, с. 201].

Хронотоп задания формулируется в самом задании, и, чтобы выполнить его, кандидат должен погрузиться в эту ситуацию, например, в ситуацию разговора по телефону с сотрудниками международного отдела университета (задание 1), ситуацию выступления с кратким сообщением на занятии по практике языка (задание 3), ситуацию участия в дискуссии по академической тематике (задание 4) либо в ситуацию публичного выступления с докладом на семинаре (задание 6).

Следующая категория дискурса – организация общения (мотивы, цели, стратегии). В условиях традиционного экзамена мотивы, цели и стратегии участников разнонаправлены: экзаменатор должен проверить качество знаний экзаменуемого, а последний должен продемонстрировать свои знания. В формате международных экзаменов, таких как TestDaF, помимо этого, можно отметить такую особенность, как некоторая «раздвоенность» участников. «Экзаменатор» включает в себя как анонимного составителя заданий,

так и анонимного проверяющего (ср. подобную ситуацию с автором и тьютором в online-курсах [1, с. 53]): цель составителя — создать условия для проверки, а цель проверяющего — проконтролировать, насколько продемонстрированные умения и навыки соответствуют критериям. В задании составитель теста четко формулирует, умение осуществлять какое речевое действие проверяется в данном конкретном случае. Например, модельное задание 5 сформулировано таким образом: «Ваш друг Штеффен должен во время учебы пройти практику. У него две возможности: пройти практику на фирме своих родителей или на каком-либо другом предприятии. Штеффен обращается к Вам за советом. Взвесьте аргументы «за» и «против», обоснуйте свой совет».

«Раздвоенность» отличает и другого участника экзаменационного дискурса — экзаменуемого: с одной стороны, он реагирует на стимулирующую реплику собеседника, например, дает ему совет в какой-либо житейской ситуации; с другой стороны, он выполняет требование экзаменатора, например, сравнивает преимущества и недостатки какого-нибудь шага. Не исключено, что в реальной жизненной ситуации кандидат не стал бы сравнивать разные возможности, а сконцентрировался бы на одной, но для успешного выполнения задания он должен продемонстрировать умение сравнивать. Таким образом, кандидат не просто погружается в ситуацию экзамена, а одновременно находится в двух хронотопах и стремится к достижению одновременно двух целей — собственно коммуникативной (совершить какое-либо речевое действие — запросить или сообщить информацию, дать совет и т. п.) и экзаменационной (структурировать свое высказывание таким образом, чтобы оно соответствовало определенным экзаменационным критериям).

Что касается способов общения (канал, режим, стиль и жанр, формальность), то здесь тоже можно обнаружить ряд особенностей, отличающих именно этот вид экзаменационного дискурса. Канал общения всегда устный, однако коммуникацию нельзя считать непосредственной, поскольку: а) стимулирующие реплики записаны на электронный носитель; б) кандидат не может видеть собеседника и не получает визуальной информации; в) собеседник не реагирует на сообщение экзаменуемого; г) кандидат имеет время для подготовки своего текста (от 30 секунд до 3 минут); е) выполняя задание, кандидат должен «уложиться» в определенные временные рамки (от 30 секунд до 2 минут). Таким образом, формально сохраняя устный канал, коммуникация в ходе экзамена утрачивает основные свойства устного общения. Непосредственность отсутствует и в контакте между кандидатом и экзаменатором: сообщение кандидата записывается на электронный носитель и потом проверяется экзаменатором, т. е. последний не имеет возможности вмешаться в ход экзамена, уточнить или переспросить, если что-то осталось непонятным даже по причинам технического характера (например, если кандидат говорил недостаточно громко).

С точки зрения жанровой принадлежности задания экзамена в международном формате отличаются многообразием: телефонный разговор на бытовую тему, выступление на семинаре, непосредственное дружеское общение с коллегами по учебе в университете и т. д.

Формальность определяется конкретным заданием: при общении с друзьями (задания 1 и 7) беседа должна носить неформальный характер, коммуникация с преподавателем в учебной аудитории, с представителями какого-либо института должна быть достаточно формальной.

Названные особенности экзаменационного дискурса экзаменов в международном формате требуют от участников владения определенными компетенциями. Они должны достаточно хорошо владеть страноведческой информацией — представлять себе среднестатистического гражданина Германии с его социальным опытом, знать, как выглядит студенческая жизнь, иметь хорошо сформированный навык нахождения одновременно в ситуации экзамена и в иной смоделированной в задании среде, уметь инсценировать псевдонепосредственное общение, владеть различными жанрами, типичными для студенческой среды, и быть в состоянии быстро менять формальный регистр общения.

Таким образом, можно констатировать, что экзаменационный дискурс TestDaF частично совпадает с образовательным дискурсом немецких университетов и требует от кандидатов владения рядом компетенций, отсутствующих в образовательном дискурсе немецких вузов.

Библиографический список

1. Гончарова М.А. Online-курсы немецкого языка: попытка дискурсивного анализа // Вестник СамГУ. 2015. № 4 (126). С. 52–57.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 4–25.
4. Копшукова Е.В. Особенности текста сертифицированного экзаменационного формата как составляющей современного англоязычного образовательного дискурса // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сб. науч. ст. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. С. 200–204.
5. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов. Самара: СамГУПС, 2008. 203 с.

References

1. Goncharova M.A. Online-kursy nemetskogo iazyka: popytka diskursivnogo analiza [Online-German courses: an attempt of discourse analysis]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State Universit], 2015, no. 4(126), pp. 52–57 [in Russian].
2. Karasik V.I. Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p. [in Russian].
3. Kibrik A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues in Linguistics], 2009, no. 2, pp. 4–25 [in Russian].
4. Kopshukova E.V. Osobennosti teksta sertifitsirovannogo ekzamenatsionnogo formata kak sostavliaiushchei sovremennogo angloiazynchnogo obrazovatel'nogo diskursa [Features of text of certified exam format as a component of contemporary English-language educational discourse]. In: *Evoliutsiia i transformatsiia diskursov: iazykovye i sotsiokul'turnye aspekty: sbornik nauchnykh statei* [Evolution and transformation of discourses: linguistic and socio-cultural aspects: collection of scientific articles]. Samara: Izd-vo «Samsarskii universitet», 2015, pp. 200–204 [in Russian].
5. Shevchenko V.D. Vvedenie v teoriuu interferentsii diskursov [Introduction to the theory of interference of discourses]. Samara: SamGUPS, 2008, 203 p. [in Russian].

*V.N. Nikitin****MATERIALS TO PREPARE FOR THE INTERNATIONAL EXAMS IN GERMAN LANGUAGE: DISCOURSE ANALYSIS**

This article presents an analysis of the materials in preparation for international exams in German language in the framework of the educational discourse. Particular attention is paid to the aspects of «participants» and «time-space», as well as the necessary competences of participants.

The author comes to the conclusion that peculiarity of the given educational discourse is the immersion of the participant of an examen simultaneously into two chronotopes with the aim of solving two tasks – properly communicative (to perform some sort of speech activity – request or turn in information, give an advice etc.) and examenational one (to structure your own statement in such a way so that it corresponded certain examenational criteria).

Key words: educational discourse, the kind of speech activity, international exam.

Статья поступила в редакцию 12/III/2016.
The article received 12/III/2016.

* *Nikitin Vasilii Nikolaevich* (niva@samsu.ru), Department of German Filology, Samara University, Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЖИВОЙ И ПРАВДИВОЙ РЕЧИ В РУССКИХ ГОВОРАХ**

Статья посвящена семантическому анализу лексических выражений концептов «Правда» и «Ложь» на материале диалектной лексики и фразеологии, связанных с речью. Выявлены основные компоненты смысла, регулярно дополняющие значение лживой речи в семантеме диалектного слова. Абстрактность понятий «правда» и «ложь», а также содержательных и коммуникативных признаков речевого акта при вербализации порождает большое количество метафорических наименований. Анализ метафорических моделей концептуализации понятий «Правда» и «Ложь» показал, что они имеют экстралингвистическую природу и в диалектной речи характеризуются высокой степенью лексического варьирования, при этом реализующиеся метафорические модели являются общезыковыми.

Ключевые слова: концепт, лексика, фразеология, семантика, диалект, речь.

Концепты «Правда» и «Ложь» входят в число ключевых, определяющих единицы картины мира, наряду с другими, аккумулирующими культурно-ценностную информацию о важнейших онтологических категориях (*время, пространство, дух, свобода, справедливость, совесть* и др.) [1; 2]. Важным свойством концепта является его соотношение с выраженными в культуре ценностными доминантами; иначе говоря, концепт усваивается индивидом в контексте сложившихся в социуме культурно-ценностных представлений [3].

Объектом настоящего исследования выступают диалектные лексические и фразеологические единицы с семантикой речи как средства концептуализации правды и лжи в русской языковой картине мира. Отмечено, что диалектная картина мира непосредственно отражает традиционные, определяющие черты русского национального мировидения [4, с. 371]. Эмпирическую базу исследования составили результаты сплошной выборки из сводного «Словаря русских народных говоров» [5] в количестве свыше 1200 единиц.

Следует отметить, что сводный диалектный словарь, послуживший источником выборки, включает как регулярно встречающиеся, так и окказиональные наименования, при этом убедительно разграничить их только на материале словаря невозможно. Критерии такого разграничения, основывающиеся на выявлении частотности внутрдиалектных вариантов и соотношения диалектных и литературных форм, были разработаны представителями Саратовской лингвистической школы [6]. Но такой анализ возможен только с использованием обширного корпуса диалектных текстов; к тому же отмечается, что даже частая повторяемость нелитературной лексики не

* © Баженов Н.Ю., 2016

Баженов Николай Юрьевич (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации? Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002 «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты»).

всегда служит надежным обоснованием приуроченности ее к данному конкретному говору [6].

Настоящее исследование нацелено на семантический компонентный анализ лексических и фразеологических средств концептуализации понятий *правда* и *ложь*, которые выражены глагольными обозначениями речевого действия, именными указаниями на объект (правдивую / лживую речь) и характеристиками человека по его речевому поведению (склонности говорить правду или ложь), наречными конкретизаторами глагольной семантики. Помимо этого, ввиду высокой частотности метафорических обозначений ставится задача описать основные модели образной концептуализации правды и лжи в диалектной лексике.

При распределении лексико-фразеологического массива по двум полярным группам («Правда» и «Ложь») очевидно численное преобладание единиц второй группы. Нельзя не согласиться с З.И. Резановой, отметившей, что в говорах зачастую «оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонением в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций» [7, с. 71]. Однако следует также добавить, что такая тенденция характерна и для других подсистем национального языка, включая литературный язык.

Семантика сравнительно немногочисленных наименований, относящихся к правдивой речи, часто осложняется дополнительными дифференциальными семами (выделено чертой под словом. — Н.Б.), отраженными в словарных дефинициях и проявляющимися в контекстах употребления слов, ср. ворон. *говорить налицо* ‘говорить правду в глаза’ (*Он всегда налицо говорит, прямой человек*) [5, вып. 20, с. 19]; новг. *ошпéтить* ‘сказать неожиданную правду’ [5, вып. 25, с. 96]; пск. *открыться на духу* ‘покаяться (попу, священнику), рассказать всю правду во время исповеди’ [5, вып. 24, с. 213]; дон. *вывести* кого-либо на личную стáвку ‘заставить выйти кого-либо и сказать правду’ [5, вып. 41, с. 24]. Однако сема ‘правда’ может фиксироваться и без указаний на дополнительные смысловые оттенки, ср. *справдiть* ‘сказать правду’ (*А этот справдил офицер, что сюда нас привез, не сбредал. Казаки-некрасовцы; смол., зап.-брян.*) [5, вып. 40, с. 252]; том. *изабыль* ‘правда, истина’ (*Изабылью раньше правду старые люди называли*) [5, вып. 12, с. 84].

Любопытно, что проявление отмеченного в ряде номинаций смыслового признака ‘откровенно’ может прямо указывать на нелицеприятный характер высказываемой информации, ср. волог. *выбрыкать* ‘сказать правду; высказать в горячности все, что накопело’ (*При случае я уже выбрыкаю ему все*) [5, вып. 5, с. 249]; смол. *отлепить* ‘сказать что-нибудь резкое без стеснения’ (*А я ему всю правду отлепила в глаза*) [5, вып. 24, с. 224]; вост.-казах. *правдик* ‘правдолюбивый человек’ (*Правдик он, ниче не боится, все выложит*) [5, вып. 31, с. 51].

Словарные дефиниции слов и фразеологизмов, связанных с речевым выражением лжи, отражают многоаспектность денотата — речевой ситуации. То, что сказанное может соответствовать или не соответствовать истине, важно и с коммуникативно-прагматической точки зрения, ибо маркируются, помимо содержательных свойств речи, такие признаки, как:

а) **объект высказывания (референт)**, ср. перм. *греховать* ‘клеветать, наговаривать на кого-либо’ [5, вып. 7, с. 135];

б) **цель высказывания**, ср. яросл. *ерундiть* ‘изворачиваться, лгать, стараясь показать себя правым’ [5, вып. 9, с. 35]; ворон. *заходiться* ‘осторожными, дипломатичными разговорами пытаться обмануть, выведать что-либо’ [5, вып. 11, с. 157]; пск., твер. *сочить* ‘просить, канючить, выманивать что-либо обманом’ [5, вып. 40, с. 93]; влад. *слить пúлку и подпустить козúлку* ‘запугать кого-либо заведомой ложью’ [5, вып. 14, с. 80]; сарат. *набреханный* ‘научившийся говорить складно ради выгоды, хотя и в ущерб правде’ [5, вып. 19, с. 133];

в) **восприятие речи другими, ее оценка**, ср. *догорошитъ*³ ‘прервать чью-либо речь, уличив говорящего в неправде, несправедливости’ [5, вып. 8, с. 88]; диал. (Даль) *оболживить* ‘объявить лживым, лжецом’ (*Ты за что оболживил меня, коли я правду говорю?*) [5, вып. 22, с. 164].

Показательно, что в семантеме диалектного слова, связанного с ложью, регулярно фиксируются значения и других содержательных и коммуникативных признаков речи, таких как пустословие, сплетни, хвастовство, которые дополняют друг друга в семантемах диалектных слов, в том числе в случаях, когда слово фиксируется в говорах одного региона. Ср. пенз. *салесничать* ‘говорить неправду, лгать’ (*Верить-то тебе как? Поди, салесничаешь*) // ‘говорить вздор, пустяки, болтать’ (*Салесничать мастер, только уши развешивай*) [5, вып. 36, с. 61]. Зачастую упомянутые значения вовсе объединяются в одну семему, ср. дон. *расталдыкаться* ‘наговориться, наболтать лишнего, завратиться’ (*Он расталдыкался, да я не верю: талдычишь ты лишнее, брешешь*) [5, вып. 34, с. 246]; волог., влад., перм. *сикавить* ‘сплетничать, наговаривать, клеветать’ [5, вып. 37, с. 299]; пск. *барабоша* ‘болтун, врун, пустомедя’ (*Барабуша ты, говоришь, что к носу пришло*) [5, вып. 2, с. 101]; пск., твер. *тюрить* ‘болтать вздор, ерунду; врать’ [5, вып. 46, с. 34]. Это отражает диффузность семантики диалектного слова и позволяет судить о слабом разграничении (по крайней мере на уровне средств выражения) упомянутых свойств речи, что отчасти обусловлено многоаспектностью самого денотата.

Из этих примеров видно, что приводимый собирателем контекст далеко не всегда проясняет то, какой именно смысл или оттенок его вкладывает в свои слова диалектоносите́ль. Диффузия семантики диалектного слова порождается приблизительно словоупотребления, свойственной устной разговорной речи. Однако примечательно то, что семантическая диффузия характерна и для многих полисемантических слов литературного языка [8, с. 78–80].

Из всех выявленных наименований примерно 37 % являются метафорическими, т. е. в первичном значении указывают на предметы, явления или признаки, с речью не связанные. Вообще о метафорической природе значений речевого действия у полисемантов, семемы которых отмечены в разных частных диалектных системах (говорах), можно судить лишь с известной долей условности в связи со сложностью системной организации русских говоров и отсутствием в науке о языке единой точки зрения на этот счет. В то же время можно выделить ряд типичных механизмов образования вторичных лексических значений, связанных с речью: пространственная, предметная, зооморфная, физиологическая метафоры, образы физического воздействия, путаницы и тьмы. Эти модели характерны для концептуализации разных аспектов речи, особенности же метафорической интерпретации правдивой и лживой речи заключаются в семантическом наполнении образов.

Так, распространенной реализацией **пространственной метафоры** при концептуализации правды и лжи (а также некоторых других содержательных и коммуникативных свойств речи, таких как откровенность или пустословие) в русском языке является оппозиция ПРЯМОЕ – КРИВОЕ, ср.:

а) ПРАВДА = ПРЯМО: лит. *говорить прямо, прямолинейный человек*; диал. вят. *прямик*, моск. *прямушка* ‘прямой, откровенный человек’ (*Прямушка не любит говорить по стороне, а скажет в глаза всю правду*) [5, вып. 33, с. 86, 89];

б) ЛОЖЬ = КРИВО: лит. *кривить душой, кривда*; диал. курск. *гну́ть* ‘врать, рассказывать пустое’ [5, вып. 6, с. 251]; арх. *позагиба́ть* ‘насочинять, наврать’ [5, вып. 28, с. 304]; екатеринб. *говорить без кривуль* ‘говорить правду’, ряз. *кривой* ‘обманщик, лжец’ [5, вып. 15, с. 251, 245].

Частной реализацией пространственной метафоры является **мотив ложного пути**, который может быть выражен абстрактно (ср. волог. *проваживать на словах* ‘обманывать, вводить в заблуждение’; смол. *пройти* ‘обмануть, провести кого-либо’: *Какой бы ты хитрый не был, а меня ты не пройдешь!* [5, вып. 32, с. 90, 149]) – или же более конкретно, через уподобление лживой речи непрямому – извилистому, круговому или беспорядочному – движению, ср. литер. разг. *обвести вокруг пальца* – диал. нижегор. *вертлюжить* ‘обманывать или хитрить; уклоняться от прямого ответа’ [5, вып. 4, с. 153]; влад. *заезжать* ‘начать говорить чепуху, нелепости, завратиться’ [5, вып. 10, с. 72]; *кривлять*² 1) ‘идти или ехать, сбиваясь с прямого пути то в одну, то в другую сторону’ (олон.), 2) ‘говорить ложь, неправду’ (пск., твер.), *кри-*

вить 1) 'уклоняться в сторону от дороги; сбиваться с прямого пути' (арх.), 2) 'обманывать, нарушать обещания, лгать' (арх., влад., новорос.); волог., костром., влад., пск., твер. *кружить* 'врать, пустословить, болтать' [5, вып. 15, с. 242, 244, 311]; костром., орл., твер., пск. *петлять* 'лукавить, врать' [5, вып. 26, с. 328]; *крутеть* (*крутиль*) 'лживый, хитрый человек, обманщик' (*Бог не теля, видит праведника и крутеля*. Смол. *Это ж такой крутеть, что в его в ступе не попадешь*. Зап.-брян.) [5, вып. 15, с. 324]; диал. (даль) *свилющий* 'избегающий говорить правду (о человеке)' [5, вып. 36, с. 280].

В наименованиях лживой речи прослеживается образ круга, ср. енис. *круговой* 'лживый, плутоватый' [5, вып. 15, с. 304]. Отметим единичную реализацию образа круга при концептуализации правдивой речи – кубан. *круглое словечко* 'верное, правдивое слово' [5, вып. 15, с. 301]. Можно предположить, что в данном случае выражается другая метафорическая модель – КРУГ = ПОЛНОТА, ПОЛНОЦЕННОСТЬ, – ср. *круглый год*, *круглый отличник* и т. п.

Предметная метафора при акцентировке на структурно-содержательную и коммуникативно-прагматическую сторону речи реализуется в образах предмета, его конструирования и перемещения в пространстве, вместилища. Опишем выражение указанных метафорических моделей в наименованиях речи по признакам 'правда' и 'ложь'.

Прежде всего метафорически, как предмет, может быть представлено само высказывание, ср. оренб. *кыра масляная* 'ложь, неправда, вранье' [5, вып. 16, с. 202]. Достаточно частотна такая разновидность предметной метафоры, как образ действия с материальным предметом. Так, среди сценариев развертывания образа речи как предмета можно выделить его управление движущимся предметом: перенесение (ср. мурман. *спустить враку* 'солгать, выдумать что-либо' [5, вып. 40, с. 287]; сарат. *переть* 'говорить глупости, нести чушь, врать' [5, вып. 26, с. 251]), *езда* (ср. жарг. *знать* 'врать' – диал. бурят. *знать тóлько* 'врать' [5, вып. 46, с. 23]).

Другой сценарий представлен мотивом передачи предмета кому-либо, ср. костром. *как в руку положить* 'сказать верно, безошибочно' [5, вып. 29, с. 103].

Третий сценарий, основанный на образе собирательства, акцентируется непосредственно на содержательной стороне речи, ср. яросл. *набирать* [5, вып. 19, с. 116], среднеурал. *сбирать* [5, вып. 36, с. 174]; арх. *выковёривать* [5, вып. 5, с. 293] – 'врать'.

Типичной моделью метафоризации является конструирование (созидательная деятельность), реализующееся как:

а) **составление, складывание**, ср. волог. *составлять* 'порочить кого-либо, клеветая на него, представлять кого-либо в ложном свете' (*Составляют про меня всего*) [5, вып. 42, с. 308].

б) **плетение (речь = ткань / веревка)**, ср. лит. разг. *плести* – диал. арх. *плести плетню* 'лгать, наговаривать на кого-либо' (*На Андрея говорят, он пьяный был, да кто знает, сколько плетни-то плетут*) [5, вып. 27, с. 128], *сплесть* 1) 'изготовить плетением, сплести' (литов., волго-кам., башкир., курск.), 2) 'солгать, оклеветать, насплетничать' (смол.) [5, вып. 40, с. 160]; пск. *верёвочный чёрт* 'об обманщике, сумасброде и т.п.' [5, вып. 4, с. 126];

в) **лепка**, ср. *лепить правду* 'говорить прямо, откровенно, резко' (*Правду брат в глаза так старшине лепит*. Смол.; костром.) [5, вып. 16, с. 364], смол. *отлепить* (см. выше);

г) **переработка, перемалывание (сведения «перемолотые» = искаженные, лживые)**, ср. лит. прост. *молоть, пустомеля* – диал. арх., твер. *мельница* 'о лгуне, обманщике' [5, вып. 18, с. 104];

д) **грубая, неумелая, некачественная работа**, ср. *варнакать* 1) 'делать что-либо небрежно, плохо' (твер., ряз., курск., ворон., орл.), 'стряпать, готовить какое-либо кушанье' (калуж.), 2) 'лгать' (ряз., смол.) [5, вып. 4, с. 56].

Когнитивным основанием указанных предметных образов служит неоднозначная (двойная) интерпретация словесного выражения лжи. С одной стороны, это искусная и тонкая «работа», требующая определенных «навыков» (ср. образ ткани, распростра-

ненный как в литературном языке, так и в говорах). С другой — это деятельность примитивная, грубая и бессмысленная. Последняя оценка относится прежде всего к неумелой лжи, непохожей на правду, ср. ворон. *сварнакатъ* ‘сказать что-либо нелепое, вздорное, неразумное’ (*Что-то ты, Иван, сварнакал — совсем не похоже на правду*) [5, вып. 36, с. 214].

Неправдоподобие передаваемой информации в восприятии носителей языка и говоров отражается в образе грубых следов, которые якобы оставляет на чем-либо лживая речь, уподобляющаяся некоей жидкости или вязкой массе, ср. прот. *ляпнуть* — диал. волог. *ляпать* ‘врать’ [5, вып. 17, с. 279], сев.-двин. *изляпаться* ‘запутаться во лжи, изолгаться’ [5, вып. 12, с. 142]; вят., карел. *нашлепать* ‘наговорить неправды’ [5, вып. 20, с. 300].

Пожалуй, наибольшая степень экспрессии характерна для наименований, в которых речевой акт метафорически уподобляется дефекации, ср. сев.-двин. *срать* ‘лгать, врать’, *сосрать* ‘соврать’, *срамка*, *сраль* ‘лгун, враль’ [5, вып. 40, с. 307, 58, 304].

Частным случаем предметной метафоры является также образ (не)ровной поверхности, ср. вят. *гладкобай* ‘ласковый, веселый человек, который говорит всегда правду’ [5, вып. 6, с. 180] — волог., сев.-двин. *боронить* ‘говорить вздор, врать’ [5, вып. 3, с. 116].

В содержательном отношении речь характеризуется с точки зрения смысловой наполненности, т.е. реализуется модель РЕЧЬ = ВМЕСТИЛИЩЕ. Признак ‘смысловая наполненность’ имеет и коммуникативный статус: речь оценивается с точки зрения значимости для собеседника. В одних случаях лживая речь может быть представлена в виде пустого вместилища, в других — наоборот, заполненного; в таких случаях частотен образ жидкости, ср. миасс. *галюши заливать* ‘лгать’ [5, вып. 6, с. 117] — перм. *пустая говоря* ‘ложь, неправда’ [5, вып. 33, с. 148].

Речь становится объектом непосредственного восприятия в своем звучании, поэтому основным материалом ее концептуализации служат различные звуковые ассоциации, которые могут быть связаны:

а) с голосовыми звуками животных, в частности, собаки, голосовые звуки которой ассоциируются с лживой, бестолковой речью, ср. *облаивать* — 1) ‘лая невпопад, некстати, направлять охотника по ложному следу; лаем подавать ложный сигнал о дичи (о собаке)’ (Даль), 2) ‘лгать, сбивать с толку’ (волог.) [5, вып. 22, с. 83]; смол. *собачуга* ‘о лживом человеке, обманщике’ [5, вып. 39, с. 153].

б) со звуками, издаваемыми материальными предметами, ср. арх., урал. *бухать* ‘лгать’ [5, вып. 3, с. 320]; свердл. *колоколить* ‘врать, преувеличивать, привирать’ [5, вып. 14, с. 165];

в) со звуком громкой человеческой речи, ср. *пастить* 1) ‘громко кричать, орать, широко открывая рот (о человеке)’ (арх., север., вост., Даль) // ‘громко плакать, рыдать’ (арх.; беломор.) // ‘громко, но неразборчиво говорить’ (арх.), 2) ‘болтать, врать’ (арх.) [5, вып. 25, с. 264]; *орать* ‘врать’ (*Почнет орать — только слушает, а спроси людей — ничего и не было*. Сарат.; влад., свердл., костром., твер.) [5, вып. 23, с. 330].

Из приведенных примеров видно, что в основе аналогии заложен звонкий, громкий звук. Такая метафорическая модель продуктивна при обозначении речи не только по признаку ‘ложь’, но и по признакам ‘бессмысленно’, ‘попусту’, ‘сплетня’, ‘хвастовство’. Можно предположить, что когнитивным основанием такой гиперболизации формы (относительно содержания) является интерпретация речи, характеризующейся упомянутыми признаками, как «сотрясения воздуха», а также с точки зрения христианской морали — как действия, совершение которого не пройдет бесследно и неизбежно будет иметь последствия (ср. *Бог все слышит*). Это наводит на мысль о том, что при вербализации концепта ‘ложь’ в лексике говорения звуковая метафора носит не языковой, а когнитивный характер.

Негативная направленность речевого действия на другое лицо может быть метафорически представлена как физическое воздействие в отношении адресата речи, ср. свердл. *подкусить* ‘оклеветать’ [5, вып. 28, с. 53]; ряз. *класть ложь* ‘клеветать’ (*Ты святая такая, ходишь по церквам, а на бабу кладешь ложь*) [5, вып. 13, с. 267],

положить пустоту 'оклеветать кого-либо' (*Как тае не стыдно, на девок положила таку пустоту*) [5, вып. 29, с. 103]; влад. *поддевало* 'тот, кто в разговоре уличает других во лжи или несообразностях' [5, вып. 27, с. 385].

Восприятие лжи как нарушения истинного положения вещей, элемента дисгармонии и хаоса находит выражение в **образах путаницы, неясности**, ср. пск., твер. *спутать* 'наговорить вздору, солгать' [5, вып. 40, с. 292]; твер., сарат. *глумить* 'врать' [5, вып. 6, с. 210]; гурьев. *затуманивать* 'врать' [5, вып. 11, с. 111]; новг. *зыбочник* 'обманщик, хитрец' [5, вып. 12, с. 32]; волог. *омутковый* 'любящий приврать, лживый' [5, вып. 23, с. 206].

Правда и ложь в метафорической проекции могут быть противопоставлены как **свет и тьма**, ср. новг. *на солнышко гляжу* 'говорю правду, подтверждаю что-либо, уверяю в чем-либо' (*Мужик в лесу (в)стречу попал, на солнышко гляжу, не вру [крестится]; я не могу под чужим мужиком, еще затяжелеешь*) [5, вып. 39, с. 274] – том. *глаз затемнить* 'давать путаное объяснение, говорить неправду' [5, вып. 6, с. 186]; смол. *чертей слепить* 'нагло врать' [5, вып. 38, с. 264].

Заметим, что обе эти модели не универсальны и характерны преимущественно для наименований речи с точки зрения соответствия истине и смысловой наполненности.

Особо стоит отметить номинации, в которых реализуется сразу несколько метафорических образов, например, пространственная и предметная метафора (арх. *вести в плетню* 'лгать, наговаривать на кого-либо' [5, вып. 27, с. 128]), пространственная и звуковая (*кривосвист* 'лживый лстец', Даль [5, вып. 15, с. 247]).

Проведенный анализ выявил высокую степень семантический диффузности и значительный коннотативный потенциал исследованных языковых единиц. Рассмотренные метафорические модели отражают закрепившиеся в языковой картине мира представления о лжи как о нарушении гармонии: пространственной (образы кривизны, неровности, путаницы, тьмы), звуковой (ассоциации с громким звуком). В то же время за наименованиями, связанными с правдой, закреплены «гармоничные» образы гладкости, прямоты и света. Эти образы, в том числе звуковые, имеют экстралингвистическую природу и в диалектной макросистеме характеризуются высокой степенью лексического варьирования, что обусловлено не только особенностями системной организации русских говоров, но и обилием вариантных наименований.

Примечания

¹ Здесь и далее знак ударения отсутствует в словах, в которых он в словаре-источнике не проставлен или в которых содержится помета «(удар. ?)».

² Здесь и далее цифрой 1 обозначаем первичное, цифрой 2 – вторичное значение.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001. 208 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.
4. Демидова К.И. Метафорические модели в русских народных говорах как способ вербализации концептов окружающего мира // ЛАРНГ (Материалы и исследования). 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 371–377.
5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб, 1965–2015. Вып. 1–48.
6. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Лексическое своеобразие среднерусской диалектной речи по данным диалектного текстового корпуса. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/communication/antichnost.htm>.
7. Резанова З.И. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений. Томск, 1995. С. 69–74.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. 2-е изд. М.: URSS, 2006. 280 с.

References

1. Wierzbicka A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kliuchevykh slov. Per. s angl. A.D. Shmeleva [Understanding Cultures Through Their Key Words. Transl. from English by A.D. Shmelev]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 288 p. [in Russian].
2. Maslova V. A. Lingvokul'turologiia [Cultural linguistics]. M.: Academia, 2001, 208 p. [in Russian].
3. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse [Lingua-cultural concepts of precedential texts in consciousness and in discourse]. M.: Academia, 2000, 139 p. [in Russian].
4. Demidova K.I. Metaforicheskie modeli v russkikh narodnykh govorakh kak sposob verbalizatsii kontseptov okruzhaiushchego mira [Metaphoric models in the Russian folk dialects as a way of verbalization of environmental concepts]. In: *LARNG (Materialy i issledovaniia) 2009* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and studies) 2009]. SPb.: Nauka, 2009, pp. 371–377 [in Russian].
5. *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov* [Dictionary of Russian folk dialects. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (Eds)]. M.; L.; SPb., 1965–2015, Issues 1–48 [in Russian].
6. Kriuchkova O.Yu., Gol'din V.E., Sdobnova A.P. Leksicheskoe svoeobrazie srednerusskoi dialektnoi rechi po dannym dialektного tekstovogo korpusa [Lexical peculiarity of the Middle-Russian dialect speech through the database of the dialect text corpus]. Retrieved from: <http://sarteorlingv.narod.ru/communication/antichnost.htm>. [in Russian]
7. Rezanova Z.I. Chelovek v tsnostnoi kartine mira (na materiale sibirskikh dialektnykh leksicheskikh sistem) [Man in the axiological worldview (on the base of lexical systems of Siberian dialects)]. In: *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoiashchee, budushchee. Sb. tez. dokl. IV Dukhovno-istoricheskikh chtenii* [Homeland culture: the Past, the Present, the Future. Book of abstracts of the IV Clerical and Historical readings]. Tomsk, 1995, pp. 69-74 [in Russian].
8. Shmeliov D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki. 2-e izd.* [Problems of semantic analysis of Vocabulary. 2nd edition]. M.: URSS, 2006, 280 p. [in Russian].

*N.Yu. Bazhenov**

NAMES OF TELLING THE TRUTH AND TELLING LIES IN THE RUSSIAN DIALECTS

The article is devoted to semantic analysis of lexical explication of the concepts of *Pravda* (Truth) and *Lozh* (Lie). The empirical base of the investigation is made up by the dialect vocabulary and the dialect phraseology denoting speech act. The main semantic components, supplement regularly with the meaning of telling lies in the semantheme of dialect word, are revealed. The verbalization of the concepts explicates in a lot of metaphoric names, and their multiplicity is caused by the abstractedness of denotation, which reflects conceptual and communicative side of speech. The analysis of metaphoric paths used for the conceptualization of *Pravda* and *Lozh* demonstrates their extra linguistic nature. The considered concepts are characterized by the high level of lexical variation. Besides the metaphoric models realized in the vocabulary and phraseology are common for the all subsystems of the Russian language.

Key words: concept, vocabulary, phraseology, semantics, dialect, speech.

Статья поступила в редакцию 12/III/2016.

The article received 12/III/2016.

* *Bazhenov Nikolay Yurievich* (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The research is acrried out with financial support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project ?15-14-63002 «Imaginative nomination and imaginative conceptualization of knowledge about the world in the semantic system: linguistic and cognitive aspects»).*

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ СУБСТАНТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье показана значимость новгородских берестяных грамот как источника изучения истории языка. Затрагивается фундаментальный вопрос о жанровой природе новгородских берестяных грамот. Рассматриваются словообразовательные средства выражения оценки. Анализируются оценочные суффиксы, на материале новгородских берестяных грамот определяются их линии развития.

Ключевые слова: древнерусский язык, новгородские берестяные грамоты, субстантивное словообразование, оценочные суффиксы,

Новгородские берестяные грамоты занимают особое место в жанровой системе письменных памятников и в силу этого представляют собой важный материал для исследований по истории русского языка, а для прагмалингвистики они оказываются уникальным историческим источником. При всей значимости данных источников берестяные грамоты пока еще не получили должного освещения в трудах ученых, что объясняется новизной материала. В частности, как отмечает Г.А. Николаев, данный источник «до сих пор оказался почти не востребованным именно в историко-словообразовательных исследованиях» [5, с. 217]. Цель данной работы – показать перспективность исследования на материале новгородских берестяных грамот словообразовательной системы русского языка.

Вопрос о жанровой природе новгородских берестяных грамот, связанный с проблемой языка данных памятников, остается открытым. Одни ученые предлагают рассматривать тексты на бересте как фиксацию разговорной речи (Г.А. Николаев, В.В. Иванов, В.Д. Левин), другие высказывались против этой точки зрения (Н.А. Мещерский) [2–5]. В книге «Историческая грамматика русского языка» В.В. Иванов отмечает: «...берестяные грамоты широко отражают живой разговорный язык народа, отражают его в гораздо большей степени, чем какая-либо иная письменность» [2, с. 22]. Н.А. Мещерский считал, однако, что на формирование языка новгородских берестяных грамот оказала влияние и письменная традиция. В работе «Существовал ли эпистолярный стиль в Древней Руси? Из заметок о грамотах на бересте» он пришел к выводу: «Язык берестяных грамот в этом отношении не отличается ничем существенным от того литературно-письменного языка, который предстает перед исследователями при изучении ранее известных письменных памятников, сохранившихся на пергаменте или на бумаге» [4, с. 44].

В данном вопросе категоричность позиции вряд ли можно считать оправданной. Новгородские берестяные грамоты не являются записью разговорной речи или исключительно книжными памятниками. В грамотах сочетаются и разговорные, и книжные элементы. Характерной чертой языка исследуемых текстов становится коннотация, наличие которой во многом было определено жанровой природой документов,

* © Веколова А.Ю., 2016

Веколова Анастасия Юрьевна (ana98539710@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

близостью к разговорному стилю. Жанровая природа новгородских берестяных грамот, обслуживающих сферу бытового общения, объясняет обилие нарицательных и собственных имен существительных, образованных посредством оценочных суффиксов. Новгородские берестяные грамоты использовались в сфере бытовой коммуникации, многие из них представляют собой переписку родственников. Именно сфера бытовых, родственных отношений стала той средой, в условиях которой формировалась и развивалась система словообразовательных оценочных средств.

В целях изучения оценочных суффиксов субстантивного словообразования древнерусского языка нами были изучены все 956 грамот, имеющихся в корпусе древнерусских берестяных текстов, созданном под руководством А.А. Зализняка. Все отмеченные в памятниках имена существительные с оценочными суффиксами представлены двумя группами: имена нарицательные (18 примеров словоупотреблений) и имена собственные (45 примеров словоупотреблений). Используемые в них словообразовательные форманты отражены в таблице.

Таблица

**Оценочные суффиксы субстантивного словообразования, используемые
 в новгородских берестяных грамотах**

Нарицательные субстантивные производные	Варианты оценочных суффиксов в древнерусском языке	Кол-во примеров в новгородских берестяных грамотах	Примеры	Соответствующие оценочные суффиксы в современном русском языке
	-к-/-ьк-/*-ок-	8	ГРАМОТКУ	-к-
	-иц-/-ич-	4	ГРАМОТИЦОУ	-иц-
	-ец-/-ц-/*-ьц-	4	З БОЛОЦЬЦА	ец-/-иц-/-ц-
	-ьч-/-ц-	2	БРАТЬЧЕ	-ец-
Собственные субстантивные производные	*-к-/*-ьк-	14	ЗАХАРКА	-к-
	-ец-/-ц-/*-ьц-/*-ьц-	13	КЛИМЕЦУ	-ец-
	-иц-/-ич-	11	ИВАНОВИЦЮ	-ич-
	-ш-/-ьш-	5	ДАНЬША	-ш-
	*-ешк-	1	УТ СМЕШКА	-ѣшк-
	*-ис-	1	ОУ ИВАНИСА	-ис-

Анализ материала показывает, что уже на этапе древнерусского языка суффиксы нарицательных и собственных субстантивов отличаются по семантике, частоте употребления. Образующие ими слова имеют разные морфологические характеристики.

В результате исследования отмечено 4 оценочных суффикса нарицательных имен существительных -ец-, -иц-, -к-, -ц-. Самым продуктивным является формант -к- (8 примеров), посредством которого образуются производные женского рода склонения на *-а. (грамотка, кобилѣка, лошатка и др.). Данный формант представлен тремя вариантами -к-/-ок-/-ѣк-. Положительная оценка подчеркивается контекстом. Например, в грамоте № 24 содержится указание на наличие общего секрета между автором и адресатом: *цоловьѣкомъ грамотку пришли тайно* («с человеком грамотку пришли тайно») [1].

Далее по частоте употребления следуют суффиксы -иц- и -ц- (по 4 примера). Суффикс -иц- используется для образования 4 слов женского рода склонения на *-ја с уменьшительной или ласкательной оценкой: *всьсп(и)ши ми грамѣтицю о свѣемъ стѣ[р](ѣ)вѣ и о дѣтьхъ* (грамота № 854) [1].

Суффикс *-ц-* встречается в вариантах *-ец-/ -ц-/ -ьц-* и используется для образования четырех производных среднего рода склонения на **-jo*. На положительную оценку указывает контекст грамоты, в которой передается «просьба купить лампадного масла»: *купите маслеца древнаго да пришлите симъ* («купите маслица лампадного да пришлите сюда») (грамота №73) [1].

Наиболее редким по частоте употребления оказывается суффикс *-ец-*. Он используется для образования двух слов склонения на **-jo* и представлен вариантами *-ьц-/ -ц-*. Образование *братъче* является формой звательного падежа. Оценочный характер производных с формантом *-ец-* подчеркивается лексикографически и контекстом: *а соромъ ми оже ми лихо мълв аше и покланяю ти сѧ братъче мои то си хотѧ мълви ты еси мои а ѧ твои* («А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И [все же] кланяюсь тебе, братец мои, хоть ты и такое говорил. Ты мой, а я твой») (грамота № 605) [1].

Если нарицательные имена существительные с суффиксами оценки получили достаточное отражение в словарях древнерусского языка, то оценочные и неполные имена собственные в них отмечаются в незначительном количестве. Следовательно, новгородские берестяные грамоты оказываются уникальным источником, на основе которого можно более полно рассмотреть оценочные суффиксальные собственные имена существительные. На данный факт указывает и Е.Н. Полякова, которая в работе «Из истории русских имен и фамилий» отмечает: «...в летописях, церковной литературе, художественных произведениях Древней Руси рассказывается прежде всего о князьях, боярах, воеводах — феодалах. Их обычно не называли в тексте неполными или оценочными именами. А о простых людях там записей немного, поэтому редко встречаются и неполные имена. Нужно искать источники изучения таких имен. На помощь приходят новгородские берестяные грамоты» [6, с. 51].

Собственные субстантивные производные образуются посредством 6 суффиксов. Наиболее частотным формантом является суффикс *-к-*, который встречается в 14 образованиях мужского рода. Он представлен в вариантах *-к-/ -ьк-*. Значение отрицательной оценки форманта *-к-* является социально обусловленным. Данный суффикс используется в грамотах, относящихся к жанру челобитной, и выражает отрицательную уменьшительно-уничижительную оценку. Крестьяне и холопы называют себя формами с суффиксом *-к-* при обращении к господину. В грамоте 300 говорится: *----Иѣъ господину михаилу(ду ю)рвевичю вт тероха и тимоцѣъ и терохъ возилесь быле в ---имовѣ хоромѣ а (ти)мошка въ терохо(вѣ)* («[Челобитье] господину Михаилу Юрьевичу от Тереха и от Тимошки. Терех въезжал (переезжал) в ...имов дом, а Тимошка в Терехов») [1].

На втором месте по частоте употребления находится оценочный суффикс *-ец-*, который употребляется в вариантах *-ец-/ -ц-/ -ьц-/ -ѣц-* (всего выявлено 13 примеров). Словоформы с данным формантом употребляются, как и производные с суффиксом *-к-*, в грамотах, относящихся к бытовой переписке, для именованя людей из низших слоев населения. Например, грамота № 417 представляет собой отчет о доставке дани из Заволочья. В памятнике суффиксальное собственное имя на *-ец-* используется для именованя человека, платившего дань: *приѣхавъ и заволоцѣа носилѣ серебро климецѣ с племенѣ на завтрѣтѣ по петровѣ дни* («Приехавши из Заволочья, носили серебро Климец и его родичи на другой день после Петрова дня...») [1].

Суффикс *-ич-* отмечен в 11 образованиях мужского рода. Он имеет варианты *-иц-* и *-ич-*, в первом случае получает отражение диалектное цоканье. В настоящее время имена с суффиксом *-ич-* — это отчества, они не являются оценочными. Однако раньше подобные наименования «относились к князьям, знати, людям состоятельным — к господам» и имели положительную коннотацию [6, с. 63]. Например, грамота № 310 представляет собой челобитную крестьян, которые уважительно обращаются к господину и называют его производным именем с суффиксом *-иц-*. Они пишут: *цлобитие в сподину посаднику новгороцкому вндрею ивановичю вт твоѣгъ ключника вт вавулы и вт твоихъ хрестиа но* («Челобитье господину посаднику новгородскому Ондрею Ивановичу от твоего ключника Вавулы и от твоих крестьян») [1].

Суффикс *-ш-* употребляется в 5 словоформах и представлен вариантами *-ш-* и *-вш-*. В древнерусском языке собственные имена с данным суффиксом содержали положительную коннотацию. Такая оценка подчеркивается контекстом. Производные с суффиксом *-ш-* используются в грамотах, которые относятся к бытовой переписке. Например, в грамоте № 821 Негл жалуется Якше на соарендаторов, согнавших Негла с земли, неодобрительно отзываясь о них и противопоставляя им Якшу: *отъ нѣгала <...> къ якѣше сънѣле землоу <...> а ныне въкоупникѣ пришь и съгонилѣ* («От Негла <...> к Якше. Взял в совместную аренду землю, <...> а теперь соарендаторы пришли и согнали») [1].

Суффикс *-шик-* встречается в форме *-шик-* один раз при образовании мужского имени. Форма употребляется в следующем контексте грамоты № 11: *поклонъ ѿ смѣшка фоми* [1]. На то, что посредством суффикса выражается положительная оценка, указывают составители корпуса новгородских берестяных грамот. При переводе они отмечают оценочный характер слова: «Поклон от Смёшка (уменьшительное от Семен) Фоме».

Суффикс *-ис-* встречается один раз в форме *-ис-* при производстве мужского имени, которое относится к склонению на *-о* (*оу иваниса*). Данная форма употребляется в грамоте № 138, представляющей собой «завещание Селивестра», и находится в одном ряду с производными с суффиксами *-к-* и *-ец-*, имеющими отрицательную оценку [1].

Проведенный анализ материала позволяет сделать вывод о жанровой природе берестяных текстов, показывает, что уже на этапе древнерусского языка суффиксы нарицательных и собственных субстантивов отличаются по семантике, частоте употребления, образуемые ими субстантивы имеют разные морфологические характеристики. В дальнейшем суффиксы нарицательных и собственных субстантивов и их производные сохранили указанные различия.

Таким образом, привлечение значительного корпуса нового лингвистического материала берестяных грамот обеспечивает фундаментальность историко-лингвистического исследования [7] и его большую надежность, способствует более точному пониманию истории развития словообразовательных ресурсов русского языка. Данный источник материала позволяет рассмотреть способы выражения оценки в древнерусском языке, которая реализуется многими средствами, в том числе словообразовательными. Это помогает наметить дальнейшие линии развития словообразовательных средств выражения оценки.

Библиографический список

1. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: www.gramoty.ru
2. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1964. 452 с.
3. Левин В.Д. Рецензия на курс лекций А.И. Ефимова «История русского литературного языка» // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 140–148.
4. Мещерский Н.А. Существовал ли эпистолярный стиль в Древней Руси? Из заметок о грамотах на бересте // Избранные статьи. СПб.: Издательский отдел Языкового центра филологического факультета СПбГУ, 1995. С. 39–44.
5. Николаев Г.А. Новгородские берестяные грамоты и проблемы русского исторического словообразования // Язык образования и образование языка. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. С. 217–218.
6. Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1975. 160 с.
7. Карпенко Л.Б. Современное отечественное языкознание: тенденции развития // Наука и культура России. Т. 2. Самара: Изд-во СамГУПС, 2012.

References

1. Drevnerusskie berestiane gramoty [Old Russian birchbark manuscripts]. Retrieved from: www.gramoty.ru [in Russian].
2. Ivanov V.V. Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka [Historical grammar of the Russian language]. M.: Prosveshchenie, 1964, 452 p. [in Russian].

3. Levin V.D. Retsenziia na kurs leksii A.I. Efimova «Istoriia russkogo literaturnogo iazyka» [Review on the course of lectures of A.I. Efimov “History of the Russian literary language”]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 1955, no. 5, pp. 140-148 [in Russian].

4. Meshhetskij N.A. Sushchestvoval li epistolarnyi stil' v Drevnei Rusi? Iz zametok o gramotakh na bereste [Was there an epistolary style in the old Russia? From notes on letters on birchbark]. In: *Izbrannye stat'i* [Featured articles]. SPb.: Izdatel'skii otдел Iazykovogo tsentra filologicheskogo fakul'teta SPbGU, 1995, pp. 39-44 [in Russian].

5. Nikolaev G.A. Novgorodskie berestiane gramoty i problemy russkogo istoricheskogo slovoobrazovaniia [Novgorod birchbark manuscripts and problems of Russian historical word-formation]. *Iazyk obrazovaniia i obrazovanie iazyka* [Language of education and language formation]. Veliky Novgorod: Izd-vo NovGU, 2000, pp. 217-218 [in Russian].

6. Poljakova E.N. Iz istorii russkikh imen i familii. Kniga dlia uchashchikhsia [From the history of Russian names and surnames. A book for students]. M.: Prosveshhenie, 1975, 160 p. [in Russian].

7. Karpenko L.B. Sovremennoe otechestvennoe iazykoznanie: tendentsii razvitiia [Modern Russian linguistics: development trends]. In: *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and culture of Russia]. Vol. 2. Samara: Izd-vo SamGUPS, 2012, p. 71 [in Russian].

A.Yu. Vekolova *

NOVGOROD BIRCHBARK MANUSCRIPTS AS A SOURCE OF RESEARCH OF EVALUATIVE SUFFIXES OF SUBSTANTIVAL WORD-FORMATION IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

The article reveals the importance of Novgorod birchbark manuscripts as a source of researching the history of language. A fundamental question about the nature of genre of Novgorod birchbark letters is raised. Much attention is paid to the connotations of recorded manuscripts. Derivational means of expression evaluation are discussed. Evaluative suffixes are analyzed, its evolution is determined on the material of Novgorod birchbark manuscripts.

Key words: old Russian language, Novgorod birchbark manuscripts, substantive word-formation, evaluative suffixes.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.

The article received 15/II/2016.

* *Vekolova Anastasiia Yurievna* (ana98539710@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

«ЧЕЛОВЕК СКУЧНЫЙ» В МИРОВОЗЗРЕНИИ А.П. ЧЕХОВА (СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В фокусе внимания статьи находится рассмотрение репрезентации концепта «Скука» дериватами, которые в его структуре занимают приядерную зону. Семантика анализируемой концептуальной области связана с концепцией человека и вербализуется преимущественно адъективными лексемами, способными одновременно выразить эмоционально-оценочное отношение и обозначить ценностные критерии в подходе к объекту характеристики. Результаты анализа позволяют выделять в содержании концепта взаимосвязанные признаки «оценочность» и «ценностность», принадлежащие его аксиологической стороне. Через семантическую противопоставленность репрезентантов выявлена группа ценностно ориентированных признаков концептуального понятия «человек скучный» в системе писателя.

Ключевые слова: концепт «Скука», приядерная зона, дериваты, семантико-когнитивный анализ, когнитивные признаки.

Одной из форм вербального бытия концепта «Скука» выступает авторский текст, в котором ментальное образование совмещает признаки общего и индивидуального и представляет как авторское мышление, так и национальное мировосприятие. Как показывают исследования литературоведов (А.Д. Семкин [13], И.Н. Сухих [17], Л.П. Якимова [21], Л. Шестов [20] и др.) и языковой материал, явление *Скуки* обладает особой значимостью для художественного сознания А.П. Чехова.

Среди различных подходов к выявлению содержания и структуры концепта, разработанных когнитивистами (Ю.С. Степанов [16], В.И. Карасик [8], С.Г. Воркачев [3], Г.Г. Слышкин [15] и др.), мы принимаем за основу исследования полевою модель концепта, представленную теорией З.Д. Поповой, И.А. Стернина [12], которая, с нашей точки зрения, позволяет дать наиболее полное описание его сложной организации.

Заявленное в названии статьи семантико-когнитивное направление в описании языковых единиц как репрезентантов концепта применяется с целью получения семантических компонентов и формулирования когнитивных признаков. Данные описания имеют место на определенном этапе анализа ядерно-периферийной структуры концепта – приядерной зоны, вербализующей содержание ментальной единицы деривационными средствами языка. Экспликантом смысла служит семантическая реализация лексем *скучища*, *скучный* и их его производных, характеризующих человека по различным критериям.

Эмотивно-оценочные смыслы в интерпретации понятия «человека скучного» связаны с отрицательной коннотацией и выполняют функцию негативной характеристики как интеллектуальных способностей человека, так и результатов его умственной деятельности, поведения и поступков. Одна из иллюстраций этой темы: «Получил от А.А. Андреевой *скучнейшее, как она сама, письмо*, просит рассказа для публичного чтения... Сестрица ее, т. е. г-жа Бальмонт, *тоже отчаянно скучная особа...*» (О.Л. Книппер, 14 февраля 1903 г., Ялта) (Здесь и далее цитаты приводятся по изданию [19]).

* © Маханова Г.Е., 2016

Маханова Галина Евгеньевна (magaev-mge@yandex.ru), кафедра русского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 241036, Российская Федерация, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

Как уже можно убедиться, оценка напрямую связана с осознанием ценности [4, с. 7], которая доступна только через оценку и является ее критерием [2, с. 203]. Оцениванию подвергается только то, что представляет ценность и значимость, отвечает запросам и потребностям личности.

Обращает на себя внимание и утверждение когнитологов, что ценностная сторона является обязательной для ментальных абстрактных образований, а для эмоциональных концептов в особенности [3; 9, с. 823]. В связи с этим анализ данного концептуального сектора в структуре деривационной области направлен на установление аксиологических смыслов, без которых содержание концепта представляется ущербным. Таким образом, в семантике эмотивной лексемы *скука* за «оценочностью» скрывается «ценностность» — существенный признак концепта.

Какие же ценностные ориентации носителя языка лежат в основе оценочных суждений о *скудном* человеке? Ответ на этот вопрос находим в письме Чехова к близкому ему по духу человеку, с которым он откровенно делится своим жизненным кредо: «Мое святое святых, — читаем в письме к А.Н. Плещееву, — это **человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь** и абсолютнейшая **свобода**, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» (А.Н. Плещееву, 4 октября 1888 г.).

Показательно, что в ценностной картине мира Чехова *Скука* становится центром стяжения выделенных приоритетов. Организованные вокруг ключевого номинанта, они образуют с ним разветвленную оппозиционную систему с причинно-следственными отношениями и выступают как его аксиологические признаки.

Благодаря взаимодействию концепта «Скука» с этими значимыми константами внутреннего мира человека («ум», «талант», «любовь», «свобода», «творчество») (*вдохновение* — «состояние творческого подъема, прилив творческих сил» [6, с. 153]) становится возможным установить общие перекрестные признаки для каждого концепта, а также высветить потенциальные смыслы анализируемого.

Оппозицию «скука — здоровье» наглядно иллюстрирует цитата из чеховской переписки: «От души желаю Вам здоровья, ибо без здоровья скучно живется» (Н.А. Лейкину, 2 июля 1898 г., Мелихово).

В ценностной языковой картине мира, по наблюдениям А.В. Головановой, концепт «Ум» по своему ценностному статусу оказывается самым сложным. «Это связано с тем, что ум является определяющим свойством человека, отличающим его от животных и в то же время отличающим людей друг от друга» [5, с. 38].

В письме к старшему брату Чехов выделяет *ум* как одну из нравственных доминант личности («Первородством не гордись, ибо главное не первородство, а ум...» (Ал.П. Чехову, 19 апреля 1904 г., Ялта)), а устами своего персонажа поет торжественный гимн уму: «...на этом свете все незначительно и неинтересно, кроме высших духовных проявлений человеческого ума. Ум проводит резкую грань между животным и человеком, намекает на божественность последнего и в некоторой степени даже заменяет ему бессмертие, которого нет. Исходя из этого, ум служит единственно возможным источником наслаждения»; «Только один ум интересен и замечателен, все же остальное мелко и низменно» (Палата № 6).

Но ум как таковой не является безусловной ценностью, поэтому антиномия *скука* — *ум* концептуализируется у Чехова неоднозначно. Устанавливаются противопоставления как позитивного, так и негативного характера в ценностных суждениях об уме: *скука* от ума и *скука* без ума. Ср.: «Это был **умный, добрый, нескучный и искренний человек** ...» (Страх); «В литературе тихо, **всё умственное скудно, жутется по-старому**...» (А.И. Южину, 6 июля 1898 г., Мелихово); «**Зато мой Петр Петрович, у которого еще со студенчества осталась манера всякий разговор сводить на спор, говорил скудно, вяло и длинно, с явным желанием казаться умным и передовым человеком**» (Дом с мезонином).

Скука как индикатор истинного и показного «загорается» тогда, когда неумные люди пытаются казаться умными, начинают выпячивать свой ум, имитировать высокие интеллектуальные способности, т. е. «умничать», следуя сложившемуся в обществе стерео-

типу: умный значит уважаемый, с репутацией. В другом примере скука также служит оценкой невысоких интеллектуальных способностей («нет оригинальности», «умудряется выражать»), а также манеры изложения мыслей и убеждений («все в одну ноту, не эффектно и вяло»): «Он либерал и считается в уезде красным, но и **это выходит у него скучно**. В его вольнодумстве нет оригинальности (заимствования, подражательность) и пафоса; возмущается, негодует и радуется он как-то все в одну ноту, не эффектно (без впечатления) и вяло (бесстрастно). Даже в минуты сильного воодушевления он не поднимает головы и остается сутулым. Но **скучнее всего, что даже свои хорошие, честные идеи он умудряется выразить так, что они кажутся у него банальными и отсталыми**» (Соседи); «Ведь вот, кажетя, и добр, и великодушен, и весельчак, а **скучен. Нестерпимо скучен**. Так же вот бывают люди, которые всегда говорят одни только умные и хорошие слова, но чувствуешь, что они **тупые люди**» (Палата № 6).

К серьезным социальным последствиям и разладу в межличностных отношениях могут привести оценочные суждения об умственной недостаточности человека: «Лантева не приглашали с собой, потому что обыкновенно он не ездил за город и потому что у него сидел теперь брат, но он понял это так, что его общество скучно для них, что он в этой веселой, молодой компании совсем лишний. И его досада, его горькое чувство были так сильны, что он едва не плакал; он даже был рад, что с ним поступают так нелюбезно, что им пренебрегают, что он **глупый, скучный муж**, золотой мешок, и ему казалось, что он был бы еще больше рад, если бы его жена изменила ему в эту ночь с лучшим другом и потом создалась бы в этом, глядя на него с ненавистью...» (Три года).

Настоящий художник слова в творческой профессии ценил ум и талант, которые не так часто совмещаются в одном человеке («Вы пишете все лучше и лучше, т. е. **талантливее и умнее**» (А.С. Лазареву (Грузинскому), 20 октября 1888 г., Москва), а скука с такими людьми — небольшая и временное явление: «Он **талантлив и умен**, хотя и **скучноват** был в последнее время...» (А.Н. Плещееву, 15 сентября 1888 г., Москва).

Там, где не хватает творчески одаренных людей, способных предлагать новые идеи, вносить креативность и оживление, все превращается в рутинность, и скука вступает в свои права: «Зима протекала не весело. Везде в Москве играли в карты, но если вместо этого придумывали какое-нибудь другое развлечение, например, пели, читали, рисовали, то выходило еще скучнее. И оттого, что в Москве было **мало талантливых людей** и на всех вечерах участвовали все́ одни и те же певцы и чтецы, само наслаждение искусством мало-помалу приелось и превратилось для многих в скучную, однообразную обязанность» (Три года); «Чтобы **читать** хорошо, то есть **нескучно** и с **пользой** (признак «полезность») для слушателей, нужно, кроме **таланта**, иметь еще **сноровку и опыт**...» (Скучная история).

Среди конституентов в оппозиции скуке «абсолютнейшая свобода» занимает более сильную позицию, чем ум и талант, которые все вместе включаются в более широкую противопоставленность — «скука — творчество»: «Кроме ... таланта, нужно еще кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, **необходимо чувство личной свободы**...» (А.С. Суворину, 7 января 1889 г., Москва); «Я не скажу, чтобы французские книжки были и **талантливы**, и **умны**, и **благородны**. И они не удовлетворяют меня. Но они **не так скучны**, как русские, и в них не редкость найти главный элемент **творчества** — **чувство личной свободы**, чего нет у русских авторов» (Скучная история).

Подтверждается объединение взаимосвязанных семантических констант (ум + талант + свобода + творчество) переносным типом номинации: «Во всех наших толстых журналах **царит** кружковая, партийная **скука**. Душно! Не люблю я за это толстые журналы, и не соблазняет меня работа в них. Партийность, особенно если она **бездарна** (т. е. лишена одаренности, таланта; неумна) и суха, не любит **свободы** и широкого размаха» (А.Н. Плещееву, 23 января 1888 г., Москва).

О «любви — скуке» в сфере частной жизни идет речь, когда наступает ощущение эмоциональной и смысловой пустоты, исчезает взаимный интерес, растет разобщенность. Здесь также показательна реализация ключевой оппозиции «скука — интерес»:

«Моя вторая семья, то есть жена Наталья Гавриловна, жила в нижнем этаже, в котором занимала все комнаты. Обедала, спала и гостей своих принимала она у себя внизу, совсем не интересуясь тем, как обедаю, как сплю и кого принимаю я. Отношения наши были просты и не натянуты, но холодны, бессодержательны и скучны, как у людей, которые давно уже далеки друг другу, так что даже их жизнь в смежных этажах не походила на близость» (Жена).

Конкретное наполнение смысла «скучного», заключенного в оценочной характеристике отношений, уточняется как эксплицированной семей «интерес», так и семантики значений предшествующего ряда однородных прилагательных: *холодные* — не только «лишенные душевной теплоты», но и без проявления интереса, «равнодушные, безразличные» [14, с. 616]; *бессодержательные* — «бедные содержанием, неинтересные, пустые» [18, с. 79].

Что же касается признаков «интерес» и «веселье», то они в определении *скучного* человека получают своеобразное субъективное преломление: «Вот уж три недели, как я не написал ни одной строки, перезабыл все свои сюжеты и не думаю ни о чем таком, что было бы для Вас интересно. Скучен я до безобразия» (А.Н. Плещееву, 9 апреля 1889 г., Москва); *«Лучше быть пьяным и веселым, чем трезвым и скучным» (Ненужная победа); «Чтобы не показаться скучным, и я тоже пил красное вино» (Моя жизнь); «Человек я скучный, тяжелый, неостроумный. Какое со мной веселье? Вечно я со своими чертежами, фильтром да почвой. Ни поиграть, ни потанцевать, ни побалагурить... ни на что я не способен, а ведь Ниночка, согласитесь, молодая, светская...» (Ниночка).*

В общем, для каждого типа людей человек как «наводящий скуку» определяется по-разному. Совмещаясь с признаком «интерес», вариация когнитивного признака «человек» в приядерной зоне выглядит следующим образом: «Боюсь, как бы не пришли гости. Уж очень **скучный** здесь народ, не литературный; говорить с ними не о чем, а слушать их — в глазах становится тускло» (Письмо О.Л. Книппер, 3 марта 1904 г., Ялта); «На Волге всегда ветер, пахнет нефтью, пейзажи однообразны и **публика на пароходах скучная** — все картузы и дешевые цепочки на жилетах, не с кем поговорить и не бывает интересных встреч. На морских пароходах куда интереснее» (В.Ф. Коммисаржевской, 20 мая 1897 г., Мелихово); *«Мое счастье душило меня, и я не знал, куда мне уйти от него, и я надоел и отцу, и прислуге, рассказывая постоянно о том, как пылко я люблю. Счастливые люди — это самые надоедливые, самые скучные люди. Я надоедал страшно, даже теперь мне совестно...» (Сильные ощущения); «Я любил свой родной город. Он казался мне таким красивым и теплым! Я любил эту зелень, тихие солнечные утра, звон наших колоколов; но люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любил и не понимал их» (Моя жизнь).*

Понятийная зона характеристики человека включает гендерный аспект каузативного дескриптивно-оценочного признака *скучного*, наиболее яркое воплощение получившего в приложении к женской природе. В самом контексте поясним эксплицированный семный состав адъективной лексемы: *«Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна* (без выраженных особенностей), *холодна* (бесстрастна, равнодушна), *не умеет одеваться* (не выражена индивидуальность), *не поет, не смеется* (не жизнерадостна, не способна развеселить), *не миловидна* (не привлекательна) *и, как выразился один старожил в разговоре со мной: “жестка на ощупь”* (грубовата, сурова)» (Из Сибири).

Обозначенный ценностный критерий как «человеческое тело» в большей степени соотносится с женской красотой и представлен в системе «скука — красота» субстантивным дериватом: «Вчера впервые пошел в город, **скучища там страшная, на улицах одни только рожи, ни одной хорошенькой, ни одной интересно одетой**» (О.Л. Книппер, 14 декабря 1902 г., Ялта).

Жизнь как бытие человека и высшая, вечная ценность создается человеком, это мир, в котором он «живет, самоутверждается, действует, преодолевает трудности, постигает сущность явлений бытия, кует свое счастье, судьбу» [10, с. 136]. В связи с этим по отношению к жизни оппозиция «скука — талант» имеет важный ценност-

ный показатель: «...зачем же эта **ваша жизнь**, которую вы считаете обязательною и для нас, — зачем она **так скучна**, **так бездарна**, зачем ни в одном из этих домов, которые вы строите вот уже тридцать лет, нет людей, у которых я мог бы поучиться, как жить, чтобы не быть виноватым?» (*Моя жизнь*).

Следующий текстовый материал объективирует два образа повседневного существования, построенных на оппозиции «скучный — интересный». Компоненты смысловой структуры «скучный человек и его жизнь» базируются на семеме «неверие в себя», а уже отсюда проистекают последствия (семы), а именно: «не такой, как все», «зависть», «недовольство», «бедность», «однообразие», «ненасыщенность», жизнь воспринимается как «обременение», «выживание». Одно из представлений о жизни интересного человека складывается из: «соответствующий общепринятому», «здоровье», «достаток», «положение», «богатство событий», «получение удовольствий в полной мере». Ср.: «— Скажите, отчего вы **живете так скучно**, **так не колоритно?** — спросил я у Белокурова, идя с ним домой. — **Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна**, потому что я художник, я **странный человек**, я издерган с юных дней завистью, недовольством собой, неверием в свое дело, я всегда **беден**, я **бродяга**, но вы-то, вы, **здоровый, нормальный человек, помещик, барин**, — отчего вы **живете так неинтересно**, **так мало берете от жизни?** Отчего, например, вы до сих пор не влюбились в Лиду или Женю?» (*Дом с мезонином*).

Таким образом, посредством лингво-когнитивного исследования производных репрезентантов концепта «Скука» стало возможным проникнуть в семантику концептуальной области *скучного* (человека, его существования) и зафиксировать субъективные ценностно-оценочные признаки ее содержания. Признаковый комплекс («ум», «талант», «любовь», «свобода», «творчество», «здоровье»), полученный через анализ семантической противопоставленности лексем, служит демонстрацией ментальных представлений носителя языка о человеке, позволяет уточнить систему ценностных приоритетов личности. В то же время выявленные признаки, вскрывающие аксиологическую сторону концепта, выступают в качестве причинных для *Скуки*.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. Категория оценки / Баженова Е.А., Сиполс О.В. [и др.] // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта, 2003. 696 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, язык, личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–71.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космос-Психо-Логос: монография. М.: Прогресс, Культура, 1995.
5. Голованова А.В. Ум как ценность в русской языковой картине мира // *Проблемы филологии*. Пермь: ПГУ, 2003. С. 38–39.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1209 с.
7. Зализняк А.А. Семантическая деривация синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*. 2001. № 2. С. 14–25.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: ВГУ, 2002. 476 с.
9. Красавский Н.А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц) // *Молодой ученый*. 2015. № 6.
10. Малинович М.В. Ценностные смыслы в семантическом пространстве причинности: Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
13. Семкин А.Д. Скучные истории о скучных людях? // *Журнальный зал: Нева. Премье времени*. 2012. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/8/s12.html>.

14. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988.
15. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2001. 990 с.
17. Сухих И.Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова // А.П.Чехов: pro et contra: Творчество А.П.Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 9–44.
18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.
19. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем [электронное издание]: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. URL.: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p.
20. Шестов Л. Творчество из ничего (А.П.Чехов) // А.П.Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 568–598.
21. Якимова Л.П. Мотивная динамика в произведениях А.П. Чехова 1890–1900 годов: от скуки к терпению // Критика и семиотика. 2010. № 14. С. 143–168.

References

1. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oznacheniia emotsii v russkom iazyke: monogr. [Lexical means of designation of emotions in the Russian language: monograph]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989, 184 p. [in Russian].
2. Bazhenova E.A. Kategoriia otsenki [Category of estimation]. In: *Bazhenova E.A., Sipols O.V. et al. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. М.: Flinta, 2003, 696 p. [in Russian].
3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiia, iazyk, lichnost', kontsept: stanovlenie antropologicheskoi paradigmy v iazykoznanii [Cultural linguistics, language, identity, concept: formation of anthropology-cal paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 1, pp. 64–71 [in Russian].
4. Gachev G.D. Natsional'nye obrazy mira: Kosmos-Psicho-Logos: monogr. [National images of the world: Space-Psycho-Logos: monograph]. М.: «Progress», «Kul'tura», 1995, 480 p. [in Russian].
5. Golovanov A.V. Um kak tsennost' v russkoi iazykovoii kartine mira [Mind as a value in Russian linguistic view of the world]. In: *Problemy filologii* [Problems of Philology]. Perm: PGU, 2003, pp. 38–39 [in Russian].
6. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: V 2 t. [New Dictionary of the Russian language. Explanatory word-formative: In 2 Vols.]. М.: Russkii iazyk, 2000, Vol. 1: A–O, 1209 p. [in Russian].
7. Zaliznyak A.A. Semanticheskaiia derivatsiia sinkhronii i diakhronii: proekt «kataloga semanticheskikh perekhodov» [Semantic derivation of synchrony and diachrony: “directory of semantic transitions” project]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 2001, no. 2, pp. 14–25 [in Russian].
8. Karasik V.I. Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monogr. [Linguistic circle: personality, concepts, discourse: monograph]. Volgograd: VGU, 2002, 476 p. [in Russian].
9. Krasavsky N.A. Obraznye i tsennostnye priznaki emotsional'nogo kontsepta «gnev» (na materiale nemetskikh i russkikh poslovits) [Figurative and value features of emotional concept of “anger” (based on German and Russian proverbs)]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2015, no. 6, p. 823 [in Russian].
10. Malinovich M.V. Tsennostnye smysly v semanticheskoi prostranstve prichinnosti: Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriia tsennostnykh smyslov: kolektivnaia monografiia [Valuable meanings in the semantic space of causality: Linguistics and axiology: etnosemiometriia of value meanings: multi-authored monograph]. М.: Tezaurus, 2011, 352 p. [in Russian].
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. М.: Azbukovnik, 1999, 944 p. [in Russian].
12. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika: monogr. [Cognitive Linguistics. Monograph]. М.: AST: Vostok-Zapad, 2007, 314 p. [in Russian].
13. Semkin A.D. Skuchnye istorii o skuchnykh liudiakh? [Boring stories about boring people?] [Electronic resource]. In: *Zhurnal'nyi zal: Neva. Primety vremeni* [Magazine room: Neva. Signs of the time], 2012, no. 8. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/8/s12.html> [in Russian].

14. Slovar' russkogo iazyka. Pod red. A.P. Evgen'evoi: V 4 t. 3-e izd. [Dictionary of the Russian language. A.P. Evgenyeva (Ed.): in 4 Vols. 3rd edition]. M.: Russkii iazyk, 1985–1988 [in Russian].
15. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monogr. [Lingvocultural concepts and metaconcepts: monograph]. Volgograd: Peremena, 2004, 477 p. [in Russian].
16. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: monogr. [Constants: Dictionary of Russian culture: monograph]. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Akademicheskii Prospekt, 2001, 990 p. [in Russian].
17. Sukhikh I.N. Skazavshie «E!». Sovremenniki chitaiut Chekhova [Those who said “E!”. Contemporaries read Chekhov]. In: *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX-nachala XX v. (1887-1914). Antologiya. Sost., predisl., obshchaia redaktsiia I.N. Sukhikh* [Chekhov: pro et contra: Anton Chekhov's creativity in Russian thought in the late XIX-early XX century. (1887–1914). Anthology. Compiler, preface, general edition by I.N. Sukhikh]. SPb.: RKhGI, 2002, pp. 9-44 [in Russian].
18. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: V 4 t. Pod red. D.N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian language: In 4 Vols. D.N. Ushakov (Ed.)]. M.: Veche, Mir knigi, 2001 [in Russian].
19. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [elektronnoe izdanie]: V 30 t. [Complete works and letters: In 30 Vols.] M.: Nauka, 1974-1983. Retrieved from: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p [in Russian].
20. Shestov L. Tvorchestvo iz nichego (A.P. Chekhov) [Creativity out of nothing (Anton Chekhov)]. In: *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887-1914). Antologiya. Sost., predisl., obshchaia redaktsiia I.N. Sukhikh* [Chekhov: pro et contra: Anton Chekhov's creativity in Russian thought in the late XIX-early XX century. (1887–1914). Anthology. Compiler, preface, general edition by I.N. Sukhikh]. SPb.: RKhGI, 2002, pp. 568-598 [in Russian].
21. Yakimova L.P. Motivnaia dinamika v proizvedeniiakh A.P. Chekhova 1890–1900 godov: ot skuki k terpeniiu [Motivic dynamics in the works of Anton Chekhov of 1890–1900: from boredom to patience]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2010, no. 14, pp. 143–168 [in Russian].

G.E. Makhanova*

«BORING PERSON» IN THE WORLDVIEW OF A.P. CHEKHOV (SEMANTIC AND COGNITIVE ASPECTS)

The focus of the article is a review of representation of the concept of «Boredom» derivatives, that occupy the area of co-nuclear parts in its structure. The semantics of the analyzed conceptual field associated with the concept of human and verbalized by mainly adjective lexemes capable at the same time to express and the emotional and estimated relation, and to identify value criteria in the approach to the characterization of the object. The results of the analysis allow to allocate in the maintenance of the concept the interconnected signs the «estimation» and «value», belonging to its axiological party. Through semantic opposition of representants the group of value-oriented features of the conceptual notion of «person boring» in the writer's system is revealed.

Key words: the concept of «Boredom», area co-nuclear parts, derivatives, cognitive features.

Статья поступила в редакцию 15/IV/2016.
The article received 15/IV/2016.

* *Makhanova Galina Evgenyevna* (magaev-mge@yandex.ru), Department of Russian Language, Bryansk State University named after Academician Ivan Georgiyevich Petrovsky, 14, Bezhitskaya street, Bryansk, 241036, Russian Federation.

КОНЦЕПТ «ХИНКАЛ» В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРТВЕЛЬСКИХ, АБХАЗО-АДЫГСКИХ И НАХСКИХ ЯЗЫКОВ)

В статье проводится лексический анализ термина «хинкал», имеющего дагестанскую этимологию, и лингвокультурологический анализ концепта «хинкал», обнаруживающего параллели в южнокавказских, северо-западнокавказских и нахских языках.

Ключевые слова: концепт «хинкал» в абхазско-адыгских языках, концепт «хинкали» в картвельских языках, параллели термина «хинкал» в нахских языках.

Анализ социальных, культурных и исторических аспектов формирования концепта «еда» в кавказских лингвокультурах имеет важное значение, так как с этими аспектами связаны существенные концептообразующие признаки. Концепт «еда» является исходной формой, содержащей сведения об историческом развитии, современных ассоциативных связях, мифолого-религиозных традициях и приоритетах. В текстах философов, культурологов, этнокультурологов, историков, этнографов, авторов кулинарных книг содержится релевантная экстралингвистическая информация о социокультурных и исторических составляющих, позволяющих выявить не только лингвистические, но и экстралингвистические особенности концептуализации сферы еды. Чтобы максимально полно исследовать специфику концепта «еда» как фрагмента языковой картины мира, выявить когнитивный и прагматический аспекты его формирования и развития, необходимо обратить внимание на то, какие экстралингвистические и связанные с ними лингвистические факторы влияли на его становление в разные исторические периоды развития культуры народов Кавказа. По наблюдениям лингвистов, в содержательную структуру концепта «еда» входит и информациональный блок, связанный с местом принятия пищи, – кухня, столовая и т. д.

Жители гор отличались относительно равнодушным отношением к пище. Сдержанность в еде воспитывалась с детства как достоинство. В рационе преобладали мучные блюда – хинкал, каши, хлеб, а мясо и молочные продукты – это дополнение к ним, то есть все то, что едят с хлебом. Наиболее распространенной повседневной едой не только на Кавказе, но и за его пределами был хинкал – мучное блюдо. При этом на Северном Кавказе почти повсеместно это блюдо встречается под идентичным названием, что позволило лингвисту Г.А. Климову включить лексику «хинкал» в число лексических параллелизмов, «которые повторяются в максимальном числе кавказских языков». При этом исследователь подчеркивает, что приведенные общекавказские лексические изоглоссы «во многих случаях разделяются и другими представленными на Кавказе языками» [1, с. 227].

Термин *хинкал* является формой множественного числа от аварского *хинк I*, что свидетельствует о заимствовании этого термина другими народами у аварцев. Хинкал во всех его вариантах являлся повседневной пищей как зажиточных, так и бедных слоев населения. Кроме того, он в любом виде полностью заменял хлеб. Судя по этимологии названия хинкала, его роли в рационе питания и наличии в горах самых разнообразных его видов, можно сделать заключение, что это блюдо возникло в горных областях Дагестана, в частности в Аварии. Далее оно распростра-

* © Ибрагимова М.О., Казимагомедова А.А., 2016

Ибрагимова Мариза Оглановна (mariza71@mail.ru), Казимагомедова Айшат Абдулгануровна (kazimagomedova1989@gmail.com), кафедра общего языкознания, Дагестанский государственный педагогический университет, 367003, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57.

нилось среди носителей андо-цезских, лакского, даргинского и лезгинских языков, о чем свидетельствуют языковые факты.

Лексема «хинкал» преодолевает бытовое значение мучного блюда и получает концептуальное значение благодаря тому, что приобретает более сложный, обобщенный характер, объединяя людей в определенную общность: (*хинкIцоял* «близкие друзья, сотрапезники, едящие хинкал из одной миски») и символизируя благополучие и достаток: так, в аварском языке известны формы *хинкIкъаби*, *хинкIкъаб* «отсутствие, нехватка продуктов питания» или же «неурожай» (букв. «обесхинкалеть, лишиться хинкала»).

Концептуальный характер слова «хинкал» подтверждается тем обстоятельством, что и в других языках, локализованных на Кавказе (в нахских, картвельских и абхазо-адыгских), обнаруживаются параллели. Фонетические варианты исследуемой единицы выявлены и в азербайджанском языке.

Так, Г.А. Климов писал, что «К сравнительно недавнему времени должно относиться распространение на Кавказе обозначения хинкала – характерного блюда из вида галушек с различной начинкой. Слово имеет, несомненно, дагестанскую этимологию. Идет оно из аварского *xink-al*, где конечный элемент служит показателем плюралиса... Непосредственно от дагестанского материала зависят груз. и мегр. *xinkal-i...*» [2, с. 227].

Таким образом, термин «хинкали» в грузинском языке образован от формы множественного числа аварского слова *хинкI-ал* (ед. ч. *хинкI*) присоединением форманта *-и*, так как, согласно грузинской грамматической традиции, имена существительные имеют вокалический исход.

Заметим, что грузинское блюдо *хинкали* (ხინკალი) по составу и способу приготовления существенно отличается от дагестанского хинкала, который представляет собой иной тип блюда: при приготовлении хинкали мясо в виде фарша варится в бульоне в мешочке из теста, в дагестанских же языках вариации хинкала многочисленны: они классифицируются по форме (толстый, тонкий, крупный, мелкий), по материалу приготовления (пшеничная, кукурузная, гороховая и т. д. мука) и характеризуются отсутствием начинки.

В грузинском слове *хинкали* основа слова цельная (как и в азербайджанском). Этим они отличаются от большинства традиций бытования слова *хинкал*, поскольку почти во всех дагестанских языках есть часть целого *хинк* – «кусочек, отрезанный от большого хинкала, одна хинкалина (галушка)».

Хинкали готовятся из пшеничного теста с добавлением или без добавления яиц. Наполнителем для хинкали является рубленое мясо, приправленное специями, луком и чесноком. Некоторые виды приправ изготавливаются из трав, которые произрастают только в Грузии.

В лазском языке также выявляется соответствие дагестанскому хинкалу – блюдо *хинкIури*. Согласно лазско-грузинскому словарю слово *хинкIури* означает «*ხინკორი ლაზური კერძი მონაბრუნლ ცომიანი*» (перевод: «хинкIури – лазское блюдо из вареного теста») [3, с. 883]. (В связи отсутствием лазско-русского словаря, мы опираемся на перевод информатора-грузиноведа Л. Азмаипарашвили).

В грузинском языке мы обнаружили еще один сходный термин – *хинкила*, именуемый грузинский суп из гоми (особый вид зерна) или риса.

Параллели обнаружены и в абхазско-адыгских языках, так, например, адыгский, кабардинский *xāncə* // *xəncə*, который служит названием супа-лапши. [4, с. 227].

В ингушском языке термин *хингал* (мн. ч. – *хингалаш*) именуется печеные лепешки из пшеничной муки с начинкой из тыквы – «ябакхаш чубехка хингалаш» и из крапивы – «нитташ чубехка хингалаш». Печеные лепешки с любой другой начинкой имеют название *чIаьпильгаш* [5, с. 389].

Как правило, хинкал у дагестанских народов характеризуется отсутствием начинки. Исключение составляет речь носителей катехского, джарского, кабахчольско-магамаларского, чардахларского и тальского говоров закатальского диалекта аварского языка, локализованных в Азербайджане, которые хинкалом называют либо варе-

ные кусочки теста, либо вареники с разной начинкой или пельмени, например: *ч Лорогойл хъинк Iал* – хинкал в форме квадратиков из теста без начинки (букв. «пустой хинкал»); *гъанал хъинк Iал* – хинкал с мясной начинкой; *гаржу хъинк Iал* – хинкал с начинкой из орехов; *къабахи хъинк Iал* – хинкал с начинкой из тыквы; *магаш хъинк Iал* – хинкал с начинкой из творога; *алагъужа хъинк Iал* – хинкал с начинкой из внутренностей животных и т. д. Разновидностей хинкала с творожной начинкой существовало несколько: *гириул хъинк Iал* – хинкал в форме полумесяца с начинкой из творога со специями); *т Iепрал хъинк Iал* – приплюснутые круглые хинкалины с начинкой только из творога и масла и *магаш хъинк Iал* – хинкал из творога.

Термин «хинкал» в говорах закатальского диалекта аварского языка имеет фонетический вариант *хъинк Iал*, в отличие от аварского *хинк Iал*.

Г.А. Климов констатировал факт проникновения исследуемой лексики и «...в некавказские языки Кавказа» [6, с. 227].

Так, в азербайджанской кухне встречается название супа, имеющее в основе термин «хинкал» – *qasıq hingel* «кашук хенгель» (*кашук* в переводе с азербайджанского – ложка, *хенгель* – ромбовидные или квадратные кусочки теста).

Таким образом, термин «хинкал», имеющий аварскую этимологию, получил распространение в республиках и странах Кавказа (грузинском, лазском, абхазском, адыгейском, ингушском, азербайджанском) в разных фонетических модификациях, но с сохранением общей фонетической базы.

Необходимо отметить, что исследуемый концепт в кавказских языках имеет различное предметно-образное наполнение: в дагестанских языках он актуализуется и на уровне паремиологии, фразеологии, передавая семантику «достаток», «урожай», «нужда», «дружба» и др., что характеризует его как значимое явление в национальной концептосфере дагестанцев.

Наиболее разнообразные оценочные коннотации характерны для носителей аваро-андо-цезских языков, у которых сформировалось представление о хинкале как о значимом феномене в ценностном поле этих этносов на современном этапе их развития. В других кавказских языках термины, производные от «хинкал», не богаты коннотативными значениями и являются наименованиями мучных блюд.

Библиографический список

1. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала: Институт ЯЛИ, 2007.
2. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала, 2007.
3. ლლი თანდილავა. ლაზური ლექსიკონი. თბილისი, 2013 // Тандилава Али. Лазский словарь. Тбилиси, 2013.
4. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала, 2007.
5. Агиева Л.Т. Этнография ингушей. Майкоп, 2011.
6. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала, 2007.

References

1. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe iazykoznanie [Introduction to the Caucasian Linguistics]. Makhachkala, Institut IaLI, 2007 [in Russian].
2. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe iazykoznanie [Introduction to the Caucasian Linguistics]. Makhachkala, 2007 [in Russian].
3. ლლი თანდილავა. ლაზური ლექსიკონი. თბილისი, 2013 // Tandilava Ali. Lazskii slovar' [Laz dictionary]. Tbilisi, 2013 [in Georgian].
4. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe iazykoznanie [Introduction to the Caucasian Linguistics]. Makhachkala, 2007, p. 227 [in Russian].
5. Agieva L.T. Etnografiia ingushei [Ethnography of Ingush]. Maikop, 2011, p. 389 [in Russian].
6. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe iazykoznanie [Introduction to the Caucasian Linguistics]. Makhachkala, 2007 [in Russian].

*M.O. Ibragimova, A.A. Kazimagomedova**

**CONCEPT «KHINKAL» IN CAUCASIAN LANGUAGES
(ON THE MATERIAL OF KARTVELIAN, ABKHAZ-ADYGHE
AND NAKH LANGUAGES)**

In the article the lexical analysis of the term «khinkal» having Dagestan etymology and linguoculturological analysis of the concept «khinkal» detecting parallels in the South Caucasus, North-Western Caucasus and Nakh languages is carried out.

Keywords: the concept of «khinkal» in the Abkhaz-Adyghe languages, the concept of «khinkali» in the Kartvelian languages, parallels the term «khinkal» in the Nakh languages.

Статья поступила в редакцию 29/III/2016.
The article received 29/III/2016.

* *Ibragimova Mariza Oglanovna* (mariza71@mail.ru), *Kazimagomedova Aishat Abdulgapurovna* (kazimagomedova1989@gmail.com), Department of General Linguistics, Dagestan State Pedagogical University, 37, M. Yaragskogo street, Makhachkala, 367003, Russian Federation.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНА

В статье исследуется проблема понимания и объяснения коммуникативно-прагматического аспекта изучения ЯСЦ. Терминотворчество рассматривается как вид деятельности. Выявлены основополагающие принципы номинализации в авторском терминотворчестве. Когнитивный подход позволяет объяснить возникновение и эволюцию специальных понятий, обозначить причины и механизмы динамических процессов в профессиональной номинации. Ставится вопрос о влиянии языковой личности на процесс развития научного знания в связи с меняющимися когнитивно-коммуникативными потребностями ученых. Определяются актуальные задачи лексикографического описания терминов.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, терминография, классификация.

Современная парадигма терминоведения актуализировала коммуникативно-прагматический аспект изучения феномена ЯСЦ. Л.Ю. Буянова считает, что в основе этого подхода лежит общий для языка вообще и ЯСЦ в частности принцип антропоцентризма. Создатель термина рассматривается как языковая личность, а его речевые акты – как имеющие установку, намерения (интенциональность), явные или скрытые цели (иллокуции, по Дж. Остину), тактику и правила научной коммуникации, пресуппозицию [1, с. 168].

На основе традиционного учения о речевой деятельности, разработанного учеными А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьевым, Л.С. Выготским, Ю.В. Сложеникиной предложена коммуникативно-прагматическую модель терминологической деятельности [2, с. 90–95].

Первый этап побудительная причина, повод к словопроизводству, мотив, потребность.

Вторая фаза терминообразования – целеполагание. Цель создателей специального неологизма – реализовать специфическое свойство термина максимально точно выразить специальное понятие.

Третий этап – анализ существующего положения дел, т. е. пропозиции. Ситуация создания неологизма включает анализ дискурса, экстра- и интралингвистического контекста.

Четвертый шаг – формулирование авторской интенции. Как правило, она направлена на устранение внутренней противоречивости уже существующего обозначения.

Пятый этап – создание фрейма, отграничение подобных и схожих явлений.

Шестая стадия – моделирование понятийной структуры термина. Новый термин должен отражать признаки, которые номинант считает основополагающими.

Седьмая ступень – формирование суждения, предикация: термин должен соотноситься с некоторым предложением, быть его замещением, и, наоборот, предложение может быть сжато в термин.

* © Кухно И.Ю., 2016

Кухно Ирина Юрьевна (irina.kuhno@yandex.ru), кафедра филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Восьмой этап – номинализация, под которой понимается превращение развернутого синтаксического целого в единое наименование, по терминологии Е.С. Кубряковой – дефиниционное словообразование [3, с. 26].

Девятый шаг – выбор словообразовательного модуса, т. е. способа действия. В.М. Лейчик обращает внимание на общеязыковой субстрат любого специализированного слова: термины основаны на единицах либо национальных, либо классических языков [4, с. 63].

Десятая стадия – оценка, авторская рефлексия.

Одиннадцатый этап – узуализация, дефинирование.

Принцип антропоцентризма в изучении языка вызвал появление когнитивного терминоведения. Когнитивный подход позволяет объяснить возникновение и эволюцию специальных понятий, выявить причины и механизмы динамических процессов в профессиональной номинации, обусловить их меняющимися когнитивно-коммуникативными потребностями ученых.

Е.И. Голованова определяет 10 перспективных направлений когнитивного терминоведения. Принципиально важными являются следующие задачи, которые можно решить с помощью методов когнитивистики:

1) изучение профессиональной языковой личности как субъекта продуцирования и развития профессионального знания, разработка соответствующей типологии языковых личностей;

2) изучение особенностей репрезентации важнейших гносеологических категорий в терминологии;

3) исследование когнитивных аспектов образования, преобразования развития терминосистем [5, с. 15].

Можно утверждать, что изучение языковой личности как субъекта продуцирования и развития научного знания в ментально-языковом аспекте связано с парадоксальным мышлением. Ученый – автор новой теории стремится к устранению противоречий, аргументации оригинальной точки зрения.

Н.И. Береснева, С.Л. Мишланова, Е.О. Голева видят созидательный смысл в «разрушении» ортодоксальной теории: «Существующие противоречия как бы изнутри подрывают научную теорию. Но этот недостаток оборачивается в положительный момент для самой теории, поскольку наличие парадоксов свидетельствует о несовершенстве концепции, что с необходимостью вызывает потребность в устранении парадоксов и, как следствие, приводит к развитию науки» [6, с. 21].

А.К. Сухотин именно «ненормальные» теории считает способными сдвинуть человеческое познание. Каждая новая парадигма научного знания, делает вывод А.К. Сухотин, проходит три стадии. «Первое время ее встречают в штыки как абсурдную, отказываясь принимать в науку. Тогда она еще не парадигма, а пока лишь новая теория с большим будущим. Затем наступает полоса признания, и новое знание входит обязательной частью в ткань науки. Наконец, на склоне лет все считают, что это само собой разумеется, наиболее дальновидные же задумываются, не пора ли парадигму заменить» [7].

Парадоксы имеют важнейшее значение для развития научных теорий. Во-первых, они оказываются узловыми моментами ставшего и одновременно становящегося знания. Во-вторых, они стимулируют развитие концептуально новых теорий, подталкивают ученых к разработке новых научных подходов, к построению новых научных теорий. В-третьих, парадоксы могут выступать как причины пересмотра введенных абстракций.

Речь конкретных языковых личностей отражается в словарях разного типа. Л.Л. Шестакова замечает: «Лексикографический метод начинает не только служить целям создания уникальной базы источников изучения речи реальных индивидов во всем ее многообразии, но и одновременно становится одним из объективных методов изучения языковой личности» [8, с. 116].

Проблема обозначения данного явления важна и в теоретическом, и в практическом плане. В настоящее время для именованного рассматриваемого явления исполь-

зуется ряд терминологических словосочетаний: «словарь языка писателя», «писательский словарь», «словарь писателя», «словарь одного автора», «авторский словарь», «словарь идиостиля», «идиолектный словарь», «словарь идиолекта», «словарь личности», «словарь языковой личности. Таким образом, проблема языковой личности актуализировалась и в теории терминоведения, языках для специальных целей, нашла отражение в терминографической практике.

Библиографический список

1. Буянова Л.Ю. Когнитивно-категориальная стратификация как механизм эволюции терминосистемы // *Sochi Journal of Economy*. 2013. № 1. С. 168–171.
2. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. 2-е изд. М.: Либроком, 2016. 120 с.
3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 200 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 5-е изд. М.: УРСС, 2012. 261 с.
5. Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.
6. Береснева Н.И. Парадоксальные конструкции языка науки // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* / под ред. Н.И. Бересневой, С.Л. Мишлановой, Е.О. Голевой. 2015. № 1–1 (51). С. 21–23.
7. Сухотин А.К. Парадоксы науки [Электронный ресурс]. М.: Молодая гвардия, 2012. URL: <http://vzms.org/suhot.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
8. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность: монография. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

References

1. Buyanova L.Yu. Kognitivno-kategorial'naiia stratifikatsiia kak mekhanizm evoliutsii terminosistemy [Cognitive and categorial stratification as the mechanism of evolution of the terminological system]. *Sochi Journal of Economy*, 2013, no. 1, pp. 168–171 [in Russian].
2. Slozhenikina Ju.V. Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina. 2-e izd. [Foundations of terminology: Linguistic aspects of the theory of term. 2nd edition]. M.: Librokom, 2016, 120 p. [in Russian].
3. Kubryakova E.S. Tipy iazykovykh znachenii [Types of linguistic meanings]. M.: Nauka, 1981, 200 p. [in Russian].
4. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. 5-e izd. [Terminology studies: subject, methods, structure. 5th edition]. M.: URSS, 2012, 261 p. [in Russian].
5. Golovanova E.I. Kognitivnoe terminovedenie: problematika, instrumentarii, napravleniia i perspektivy razvitiia [Cognitive terminology studies: problematics, instrumentarium, directions and prospects of development]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk State University], 2013, no. 24 (315). *Filologiya. Iskusstvovedenie* [Philology. Study of art], Issue 82, pp. 13–18 [in Russian].
6. Beresneva N.I. Paradoksal'nye konstruksii iazyka nauki [Paradoxical science language constructions]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Pod red. N.I. Beresnevoi, S.L. Mishlanovoi, E.O. Golevoi* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology, study of art. Issues of theory and practice. N.I. Beresneva, S.I. Mishlanova, E.O. Golevaya (Eds.)]. Tambov: Izd-vo Gramota, 2015, no. 1–1 (51), pp. 21–23 [in Russian].
7. Suhotin A.K. Paradoksy nauki [Paradoxes of science]. M.: Molodaia gvardiia, 2012. Retrieved from: <http://vzms.org/suhot.htm> (accessed 05.05.2016) [in Russian].

8. Shestakova L.L. Russkaia avtorskaia leksikografiia: Teoriia, istoriia, sovremennost': monografiia [Russian author's lexicography: Theory, history, modernity: monograph]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011, 464 p. [in Russian].

*I.Yu. Kuhno**

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND COGNITIVE ASPECTS OF THE STUDY OF THE TERM

In the article the problem of understanding and explanation of communicative and pragmatic aspect of studying of YaSTs is investigated. Terminotvorchestvo is considered as a kind of activity. The fundamental principles of nominalization in an author's terminotvorchestvo are revealed. Cognitive approach allows to explain emergence and evolution of special concepts, to designate the reasons and mechanisms of dynamic processes in the professional nomination. The question of influence of the language personality on the development of scientific knowledge, in connection with the changing cognitive and communicative needs of scientists is raised. Actual tasks of lexicographic description of terms are defined.

Key words: term, terminology, terminological system, terminography, classification.

Статья поступила в редакцию 18/VI/2016.
The article received 18/VI/2016.

* *Kuhno Irina Yurievna* (irina.kuhno@yandex.ru), Department of Philology and Mass Communication, Samara branch of Moscow City Pedagogical University, 76, Stara-Zagora street, Samara, 443081, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусейнов Юсуп Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства. Тема докт. дис.: «Крым в евразийской политике России». Автор 15 статей и монографии «Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков».

Область научных интересов: история Крыма с древнейших времен до наших дней.

Арапова Юлия Викторовна, кафедра российской истории, Самарский университет.

Область научных интересов: история России.

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, кафедра истории, международного права и зарубежного регионоведения, Самарский филиал Московского городского педагогического университета. Тема канд. дис.: «Сельские татарские общины юго-востока Нижегородской области в меняющихся реалиях XX века (1901–1985 гг.)»; тема докт. дис.: «Мусульмане Поволжья в XX веке (на материалах Самарской, Нижегородской и Ульяновской областей)». Автор более 60 научных работ, в т. ч. 10 монографий: «Ислам в Самарской области» (М., 2007), «Мусульмане Поволжья в XX веке» (Самара, 2013) и пр.

Область научных интересов: история ислама и мусульманских общин России, суфизм в России.

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой российской истории, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции» (защ. в 1972 г.); тема докт. дис.: «Аграрные отношения в Поволжье в начале XX века» (защ. в 1983 г.). Автор и соавтор более 450 научных работ, в т. ч. 18 монографий.

Область научных интересов: аграрная история; политическая история начала XX века; история и культура регионов России; история войн и революций в России в начале XX века.

Леонов Михаил Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Аграрная программа эсеров в конце XIX – начале XX вв.»; тема докт. дис.: «Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг.». Автор 143 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая» (Самара, 2011, в соавт.); «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) (Самара, 2013, в соавт.); История Самары (1586–1917 гг.) (Самара, 2015, в соавт.).

Область научных интересов: история России XIX–XX вв., история политических партий России, история партии эсеров, история Среднего Поволжья и Заволжья.

Барнинова Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Самарский институт (филиал) российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Тема канд. дис.: «Поместное дворянство Центрально-Черноземного района России в начале XX века» (защ. в

1993 г.); тема докт. дис.: «Власть и поместное дворянство России в начале XX века» (защ. в 2003 г.). Автор и соавтор более 100 научных работ, в т. ч. монографий «Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик» (2008), «Власть и поместное дворянство России начала XX века» (2002), «Российское дворянство начала XX века: социокультурный портрет» (2006).

Область научных интересов: история дворянства, история повседневности, история России и Самарской области.

Мухин Владимир Николаевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук 07.00.02 – Отечественная история, кафедра историографии и источниковедения, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Тема буд. канд. диссертации: «Казанская епархия Русской православной церкви в 1930–е гг.». Автор 5 научных работ.

Область научных интересов: история Русской православной церкви в начале советского периода.

Романова Галина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сызранский филиал ВУНЦ ВВС ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. Тема канд. дис.: «Реформирование системы школьного образования в 1958–1964 гг.». Автор 23 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: история образования.

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Церковно-монастырские феодалы в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв.» (защ. в 1986 г.); тема докт. дис.: «Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.» (защ. в 2000 г.). Автор и соавтор 203 научных работ, в т. ч. монографий: «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы» (Кн. 1. Самара, 2011, в соавт.); «Юго-Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронт в середине XVI–XVII в. Очерки истории». (Самара, 2012); «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). (Ч. 1. Самара, 2013, в соавт.); «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация». (Самара, 2014, в соавт.).

Область научных интересов: средневековая история России; экономика и предпринимательство, колонизация, демография, фортификация России в XVI – первой половине XVIII вв., ономастика и топонимика, региональная история Юго-Востока Европейской России.

Леонтьева Ольга Борисовна, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Историческая концепция Н.А. Бердяева» (защ. в 1996 г.); тема докт. дис.: «Субъективная школа в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX в.: Проблема

мы теории и методологии истории» (защ. в 2005 г.). Автор 121 научной работы, в т. ч. монографий: «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.» (Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.); «Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.» (Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 428 с.); «Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса» (Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 206 с.); «"Субъективная школа" в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории» (Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 200 с.); «Николай Александрович Бердяев: В поисках смысла истории» (Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 176 с.).

Область научных интересов: российская историография, теория и методология истории, интеллектуальная история, историческая память.

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра (Федеральное агентство научных организаций). Тема канд. дис.: «Аграрные отношения в Уфимской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1912–1917 гг.»; тема докт. дис.: «Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения». Автор 237 научных публикаций, в т. ч. 27 монографий: «"Новые" имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв.» (СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. 174 с.), «Уфимский некрополь» (СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. 176 с.), «Судьбы крымчан (история греков Южного Урала)» (Уфа, 2015. 168 с.), «Река времени. 2015» (Уфа, 2015. 168 с.), «Река времени. 2016: К 400-летию Смоленского собора Уфы» (Уфа, 2016. 158 с.).

Область научных интересов: аграрная история, экономика, статистика, краеведение.

Макарова Вера Николаевна, кандидат исторических наук, зав. отделом истории края Национального музея Республики Башкортостан. В 1981 г. окончила Казанский государственный университет по специальности «Преподаватель истории». Тема канд. дис.: «Развитие золотодобывающей промышленности Башкортостана в период двух модернизаций: 1880-е годы XIX века – 1930-е годы XX века» (защ. в 2006 г.) Автор более 100 научных публикаций и 200 научно-популярных статей, монографии «Развитие золотодобывающей промышленности Башкортостана в период двух модернизаций: 1880-е годы XIX века – 1930-е годы XX века» (2006).

Область научных интересов: история России и Башкортостана, музеология.

Виноградов Андрей Николаевич, аспирант кафедры теоретической и прикладной психологии, Тольяттинский государственный университет.

Область научных интересов: педагогика высшей школы, теоретическая и прикладная психология.

Виноградова Галина Александровна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, Тольяттинский государственный университет. Тема канд.

дис.: «Нравственно-психологический климат в педагогическом коллективе как фактор становления мастерства учителя» (защ. в 1992 г.); тема докт. дис.: «Теоретические основы формирования нравственно-психологического климата в профессионально-педагогических коллективах» (защ. в 1998 г.). Автор и соавтор 116 научных работ, в т. ч. монографий «Нравственно-психологический климат в коллективе и мастерство учителя» (1995 г.), «Феноменология нравственно-психологического климата профессионально-педагогических коллективов» (1997 г.), «Климат в педагогическом коллективе и субъективное благополучие личности педагога» (2010 г.).

Область научных интересов: климат в коллективе, особенности управления профессионально-педагогическими коллективами, субъективное благополучие личности.

Руднева Татьяна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Исследование деятельности деканов факультетов» (защ. в 1977 г.); тема докт. дис.: «Формирование профессионализма у студентов университета» (защ. в 1996 г.). Автор 143 научных публикаций, в т. ч. монографий «Профессиональная деятельность в ситуациях риска: коллективная монография» (2014), «Методологические подходы к исследованию проблем в области профессиональной педагогики: коллективная монография» (2013).

Область научных интересов: профессионально-педагогическая деятельность, профессиональная культура, профессионализм преподавателей вуза, методологическая грамота педагогических исследований, профессиональная компетентность преподавателя вуза.

Рожнова Елена Николаевна, аспирант кафедры педагогического и психолого-педагогического образования, Сочинский государственный университет, в 1992 году окончила Московский кооперативный институт по специальности «Товароведение непродовольственных товаров», в 2014 году поступила в аспирантуру Сочинского государственного университета. Тема буд. канд. дис.: «Сопряженное управление процессом формирования готовности специалистов среднего звена к управленческой деятельности». Автор 14 научных публикаций.

Область научных интересов: среднее профессиональное образование, подготовка специалистов среднего звена, управленческая деятельность, управление персоналом, профессиональное мышление руководителя.

Ширяев Евгений Андреевич, аспирант второго года обучения, кафедра педагогики, Самарский университет, в 2014 г. окончил Самарский государственный университет по специальности «История». Тема буд. канд. дис.: «Социально-педагогические условия успешности обучения учащихся». Автор 5 статей, опубликованных в сборниках, выпущенных по итогам работ научных конференций; 2 статей, опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК.

Область научных интересов: история педагогики и образования, социальная педагогика, успешность обучения.

Егорова Ульяна Геннадьевна, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры педагогики, Самарский университет.

Область научных интересов: педагогическая психология, возрастная психология.

Дмитриев Денис Сергеевич, кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский университет. Опубликовано более 12 научных работ.

Область научных интересов: теория и методика профессионального образования.

Агуреева Алина Викторовна, студент I курса заочной формы обучения в магистратуре по направлению 44.04.02 Психолого-педагогическое образование, образовательная программа «Психология и педагогика профессионального образования», Самарский университет.

Область научных интересов: психология и педагогика профессионального образования.

Сариева Зулфия Ириковна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Тольятинская академия управления.

Область научных интересов: речевая культура, информационные технологии в образовании, электронное обучение.

Стрекалова Наталья Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Средовой подход как фактор формирования информационно-коммуникационной компетентности студентов гуманитарных специальностей» (защ. в 2009 г.).

Область научных интересов: информатизация образования, электронное обучение, эффективность использования информационно-образовательных сред и информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе.

Рымарь Николай Тимофеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Самарский университет; директор Института культуры стран немецкого языка, Самарская государственная академия. Тема канд. дис.: «Соотношение лирического и эпического в современном западногерманском романе» (защ. в 1979 г.); тема докт. дис.: «Поэтика романа» (1992). Автор свыше 150 научных работ и 4 монографий.

Область научных интересов: литература стран немецкого языка XX в., теория романа, проблема романного мышления, поэтика романа XX в., художественный язык XX в., «кубистический принцип» в художественном языке XX в., проблемы границы и опыта границы в художественном языке, проблема аутентичности художественного высказывания.

Голубков Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Комическое в ранней прозе А.Н. Толстого» (защ. в 1978 г.); тема докт. дис.: «Поэтика комического в русской прозе первой трети XX века» (защ. в 1994 г.). Автор 160 научных публикаций, в т. ч. монография «Комическое в романе Е. Замятина “Мы”» (Самара: Изд-во СамГПИ, 1993) и др. Подготовил 15 канд. филол. наук, 3 докт. филол. наук. Председатель докторского диссовета Д212.218.07 по филологическим наукам при СамГУ с 2004 года. (До этого, в 1997–2003 гг., был председателем канд. диссовета при СамГУ); член научно-метод. совета министерства образования и науки Самарской об-

ласти. Лауреат Премии Губернатора Самарской области (2014). Осуществлял подготовку 6 научных проектов на средства грантов РГНФ «Волжские земли», администрации Самарской области.

Область научных интересов: комическое, поэтика смешного, русская и зарубежная литература, метафизика города.

Гарбузинская Юлия Романовна, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет.

Область научных интересов: русская и зарубежная литература.

Казарина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Традиции А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского в творчестве В.Трифонов» (защ. в 1983 г.); тема докт. дис.: «Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов)» (защ. в 2005 г.). Автор и соавтор 60 научных работ, в т. ч. монографии «Три эпохи русского литературного авангарда» (1985).

Область научных интересов: история русской литературы, семиотика искусства.

Кубайдулова Айсулу Юрьевна, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет.

Область научных интересов: дневник, К.И. Чуковский, литературные дневники.

Эверстов Максим Сергеевич, аспирант филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет.

Область научных интересов: русская и зарубежная литература XX века, жанры, антиутопия, мотив, художественный образ, субъект.

Шубина Эльвира Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка, МГИМО МИД России. Тема канд. дис.: «Квантитативные словосочетания типа Nquant + AdjN в немецком литературном языке XVII–XIX веков: особенности грамматического оформления и лексического наполнения» (защ. в 2001 г.); тема докт. дис.: «Проблема нормы и вариативности в немецком языке на уровне словосочетаний типа Nquant + AdjN и eine Art + AdjN (по материалам художественной литературы XVII–XX веков, современной прессы и экспериментальных данных)» (защ. в 2007 г.). Автор и соавтор 35 научных работ, в т. ч. монографий «Функционирование субстантивных словосочетаний типа Nquant + AdjN и eine Art + AdjN в языке прессы» (2014), «Словосочетания типа Nquant + AdjN и eine Art + AdjN в языке немецкой художественной литературы XX века: особенности грамматического оформления и лексического наполнения» (2004).

Область научных интересов: синтаксис немецкого языка, лексикология, история языка.

Пonomаренко Евгения Витальевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка № 5, МГИМО МИД России. Тема канд. дис.: «Структурно-семантические и коммуникативно-функциональные особенности пояснительных номинаций в современном английском языке» (защ. в 1991 г.); тема докт. дис.: «Системность функциональных связей в современном английском дискурсе» (защ. в 2004 г.). Автор и соавтор более

105 научных работ, в т. ч. монографий «Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса)» (1999), «Функциональная системность дискурса (на материале английского языка)» (2004), «Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка)» (2010).

Область научных интересов: функциональная лингвистика и прагматика, проблемы системности, дискурс-анализ, риторика и культура делового общения, лингвосинергетика, теоретическая грамматика английского языка, лингводидактика делового общения.

Никитин Василий Николаевич, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский университет.

Область научных интересов: немецкий язык как иностранный, образовательный дискурс, фонетика немецкого языка и массовой коммуникации, тестирование по иностранным языкам.

Баженов Николай Юрьевич, аспирант кафедры русского языка, Самарский государственный университет, в 2014 г. окончил Самарский государственный университет по специальности «Русский язык и литература». Тема канд. дис.: «Опыт дифференциального и недифференциального анализа поля “Речь” в самарских говорах». Автор и соавтор 15 научных публикаций.

Область научных интересов: русский язык, диалектология, лексикология, лексикография, семасиология.

Веклова Анастасия Юрьевна, аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский уни-

верситет, в 2014 году окончила Самарский государственный университет по специальности «Филология».

Область научных интересов: история русского языка, древнерусский язык, старославянский язык.

Маханова Галина Евгеньевна, аспирант кафедры русского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского.

Область научных интересов: русский язык, творчество А.П. Чехова.

Ибрагимова Мариза Оглановна, доктор филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Дагестанский государственный педагогический университет, филологический факультет. Более 50 науч. публикаций.

Область научных интересов: кавказские языки.

Казимагомедова Айшат Абдулгapurовна, Дагестанский государственный педагогический университет, филологический факультет, аспирант кафедры общего языкознания.

Область научных интересов: кавказские языки.

Кухно Ирина Юрьевна, учитель русского языка и литературы, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета Год поступления в аспирантуру 2013-й. Тема канд. дис.: «Авторская терминология (на материале научного идиостиля Л.Н. Гумилева)».

Область научных интересов: лексикография, отечественная история, русская и зарубежная литература.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Guseynov Yusup Magomedovich, Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Dagestan State University of National Economy. Subject of Doctoral thesis: «The Crimea in the Eurasian policy of Russia». Author of 15 articles and 1 monograph: «Adat and Shariat in family and social household activities of Kumyks».

Research interests: history of the Crimea through the ages.

Arapova Yulia Viktorovna, Department of Russian history, Samara University.

Research interests: history of Russia.

Guseva Yulia Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, associate professor, deputy director on study, Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Samara branch of Moscow City Pedagogical University. Subject of Candidate's thesis: «Rural Tartar communities of the south-east of Nizhny Novgorod region in the changing realities of the XX century (1901-1985)». Subject of Doctoral thesis: «Muslims of the Volga region in the XX century (on the materials of the Samara, Nizhny Novgorod and Ulyanovsk regions)». Author of more than 60 scientific works including monographs Islam in the Samara region. M., 2007; Muslims of the Volga region in the XX century. Samara, 2013 etc.

Research interests: history of Islam and Muslim communities of Russia, Sufism in Russia.

Kabytov Petr Seraphimovich, Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Russian

History, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Volga village on the eve of the February bourgeois-democratic revolution» (presented in 1972); subject of Doctor's thesis: «Agriculture relations in the Volga Region in the early XX century» (presented in 1983). Author and coauthor of over 450 scientific papers, including 18 monographs.

Research interests: agrarian history; political history of the beginning of XX century; history and culture of the regions of Russia; history of wars and revolutions in Russia in the early XX century.

Leonov Mikhail Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Agricultural program of Socialist-Revolutionaries at the end beginning of the XX century». Subject of Doctoral thesis: «Socialist-Revolutionary Party in 1905–1907». Author of 143 scientific publications including monographs: History of Samara from voivode administration to the Regional Duma. Book One. Samara, 2011. In coauthorship, pp. 158–188, 205–212; «Acquisition of the Motherland»: society and power in the Middle Volga region (second half of XVI – beginning of the XX century). Samara, 2013. In coauthorship, pp. 306–339, 24–78 (part); Samara history (1586–1917). Monograph. Samara, 2015. In coauthorship, pp. 295–367, 394–411.

Research interests: history of Russia of the XIX–XX centuries, history of Russian political parties, history of Socialist-Revolutionary Party, history of the Middle Volga and the Trans-Volga regions.

Barinova Ekaterina Petrovna, Dr. of Historical Sciences, professor of the Department of Social and Humanitarian and Natural-Sciences disciplines, Samara institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics. Subject of Candidate's thesis: «Landed gentry of the Central Black Earth Region of Russia at the beginning of the XX century» (1993); subject of Doctoral thesis: «Power and landed gentry of Russia at the beginning of the XX century» (2003). Author and coauthor of more than 100 scientific works, including monographs: «Russian nobility at the beginning of the XX century: economic status and sociocultural shape» (2008), «Power and landed gentry of Russia of the beginning of the XX century» (2002), «Russian nobility of the beginning of the XX century: sociocultural portrait» (2006).

Research interests: nobility history, daily occurrence history, history of Russia and the Samara region.

Mukhin Vladimir Nikolaevich, degree seeking student 07.00.02 – National history; Department of Historiography and Source Study, Institute of International Relations, History and Middle Eastern Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Subject of Candidate's thesis: «Kazan diocese of the Russian Orthodox Church in 1930-ies». Author of 5 scientific works.

Research interests: history of Russian Orthodox Church in the beginning of the Soviet period.

Romanova Galina Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Lecturer at the Department of Humanitarian and Socioeconomic Disciplines, Syzran branch of Air Force Military Educational and Scientific Center «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» (Voronezh). Subject of Candidate's thesis: «Reform of the school system in 1958–1964». Author of 23 scientific works and publications.

Research interests: history of education.

Dubman Eduard Leibovich, Dr. of Historical Sciences, prof. of the Dept. of Russian History, Samara State University. Subject of Candidate thesis «Church and monasterial feudal lords in Simbirsk and Samara Volga Region in the XVII – beginning of the XVIII century» (1986); subject of Doctoral thesis «Fishery entrepreneurship and reclamation of the Lower Reaches of the Volga in the second half of XVI – XVII centuries» (2000). Author and coauthor of 203 scientific works, including monographs «History of Samara: from military governor management to Regional Duma (Book 1. Samara, 2011, in coauthorship)» (2011), «South East of European Russia. Part 1. Povolzhskiy frontier in the middle XVI – XVII centuries. Essays on history» (2012); ««Acquisition of the native land»: society and power in Middle Volga Region (second half of the XVI – beginning of the XX centuries). Part I» (2013, in coauthorship); ««Acquisition of the native land»: society and power in Middle Volga Region (second half of the XVI – beginning of the XX centuries). Part II» (2014, in coauthorship).

Research interests: medieval history of Russia; economics and entrepreneurship, colonization, demography, fortification of Russia in XVI – first half of the XVIII centuries, name-study and toponymy, regional history of south-east of European Russia.

Leontieva Olga Borisovna, associate professor, professor at the Department of Russian History, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «N.A. Berdiaev's historical theory» (1996). Subject of Doctoral thesis: «Subjective school in Russian thought:

Issues of theory and methodology of history» (2005). Author of 121 published works, including monographs: Leontieva O.B. Historical memory and images of the Past in the Russian culture of the 19th – early 20th centuries. Samara: OOO «Kniga», 2011, 448 p.; Leontieva O.B. Intellectual history of Russia of the 19th – early 20th centuries. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2012, 428 p.; Leontieva O.B. Russian Marxism in the end of the XIX – early XX centuries: Problems of methodology of history and theory of historical process. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 206 p.; Leontieva O.B. «Subjective School» in Russian Thought: Problems of theory and methodology of history. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 200 p.; Leontieva O.B. Nikolai Alexandrovich Berdiaev: In search of a sense of history. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1998, 176 p.

Research interests: Russian historiography, theory and methodology of history, intellectual history, historical memory.

Rodnov Mikhail Igorevich, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Officer of the Department of History and History of Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center (Federal Agency of Scientific Organizations). Subject of Candidate's thesis: «Land relations in the Ufa province before the Great October Socialist Revolution. 1912–1917». Subject of Doctoral thesis: «Peasantry of the Ufa province at the beginning of the XX century (1900–1917)». Author of 237 scientific publications, including 27 monographs: 1) «New» names: historical and literary and regional studies on the South Ural in the XIX – beginning of the XX century. Compiler Rodnov M.I. Federal Agency of Scientific Organizations, Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Spb.: OOO «Svoe izdatel'stvo», 2015, 174 p.; 2) Ufian necropolis. Compiler and executive editor M.I. Rodnov. Spb.: OOO «Svoe izdatel'stvo», 2015, 176 p.; 3) Fates of the Crimeans (history of Greeks of Southern Ural). Compiler and executive editors E.A. Kruglov-Mavridis, M.I. Rodnov. Society of Greeks of the Republic of Bashkortostan «Ksimeroma». Ufa, 2015, 168 p.; 4) Stream of time. 2015. Executive editor M.I. Rodnov. Federal Agency of Scientific Organizations, Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Ufa, 2015, 168 p.; 5) Stream of time. 2016: On the 400th anniversary of Smolensky cathedral of Ufa. Executive editor M.I. Rodnov. Federal Agency of Scientific Organizations, Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center; Society of Development of Russian Historical Enlightenment in the memory of Emperor Alexander III, Bashkir regional department. Ufa, 2016, 158 p.

Research interests: agrarian history, economics, statistics, local studies.

Makarova Vera Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, head of the Department of History of the Region, National Museum of the Republic of Bashkortostan. In 1981 graduated from Kazan State University as a teacher of history. Subject of Candidate's thesis: «Development of the gold mining industry of Bashkortostan during two upgrades: 1880-ies of the XIX century – 1930-ies of the XX century» (2006). Author of over one hundred scientific publications and two hundred scientific and popular articles, author of a

monograph: «Development of the gold mining industry of Bashkortostan during two upgrades: 1880-ies of the XIX century – 1930-ies of the XX century» (2006).

Research interests: history of Russia and Bashkortostan, museology.

Vinogradov Andrey Nicolaevich, postgraduate student of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Togliatti State University.

Research interests: theoretical and applied psychology.

Vinogradova Galina Aleksandrovna, Dr. of Psychological Sciences, professor, professor at the Department of Theoretical and Applied Psychology, Togliatti State University. Subject of Candidate's thesis: «Moral and psychological climate in the teaching staff as a factor of skill of a teacher» (1992); subject of Doctoral thesis «Theoretical bases of formation of moral-psychological climate in professional pedagogical collectives» (1998). Author and coauthor of 116 scientific works, including monographs «Moral and psychological climate in the team and the skill of a teacher» (1995), «Phenomenology of moral and psychological climate of professional teaching staff» (1997), «Climate in the teaching staff and the individual teacher's subjective well-being» (2010).

Research interests: climate in the team, features of management of professional teaching staff, subjective well-being of an individual.

Rudneva Tatyana Ivanovna, Doctor of Pedagogic Sciences, professor, Honoured scientist of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Research of activity of deans of faculties» (1977). Subject of Doctoral thesis «Formation of professionalism at students of a university» (1996). Author of 143 scientific publications, including monographs «Professional activity in risk situations» (2014), «Methodological approaches to the investigation of the problem in the sphere of professional pedagogics» (2013).

Research interests: professional and teaching activities, professional culture, professionalism of university professors, methodological document of pedagogical researches, professional competence of university professors.

Rozhnova Elena Nikolaevna, postgraduate student of the Department of Pedagogical and Psychological Education, Sochi State University. In 1992 graduated from Moscow Institute of Cooperation with a degree in «Merchandising of nonfoods», in 2014 entered a PhD program of Sochi State University. Subject of Candidate's thesis: «Conjugated management of the process of formation of readiness of specialists of a mid-ranking to the management activity». Author of 14 scientific publications.

Research interests: secondary professional education, training of specialists of mid-ranking, management activity, personnel management, professional thinking of a leader.

Shiryaev Evgeniy Andreevich, postgraduate student of the second year of study at the Department of Pedagogy, Samara University, in 2014 graduated from Samara State University with a degree in «History». Subject of Candidate's thesis «Social and pedagogical conditions of success of students». Author of seven scientific articles.

Research interests: history of pedagogy and education, social pedagogy, learning motive, success of learning.

Egorova Ulyana Gennadiyevna, Department of Pedagogy, University of Samara.

Research interests: educational psychology, developmental psychology.

Agureeva Alina Viktorovna, student of the 1st year of study, extramural attendance of Master's Degree program on the specialization 44.04.02 Psychological and pedagogical education, educational program «Psychology and pedagogics of professional education», Samara University.

Research interests: psychology and pedagogics of professional education.

Sarieva Zulfia Irikovna, senior lecturer at the Department of Humanities, Togliatti Academy of Management.

Research interests: speech culture, information technologies in the sphere of education, eLearning.

Strekalova Natalia Borisovna, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Environmental approach as a factor of formation of information and communication competence of students of the Humanities» (2009).

Research interests: informatization of education, e-learning, efficiency of the use of educational media and information and communication technologies in the educational process.

Dmitriev Denis Sergeevich, Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara University. Published more than 12 scientific papers.

Research interests: theory and methodology of professional education.

Rymar Nikolai Timofeevich, Doctor of Philological Sciences, professor, Department of Russian and Foreign Literature, Samara University; Director of the Institute of Culture of the German language countries, Samara State Academy. Subject of Candidate's thesis: «Relation of lyric and epic in the modern West German novel» (1979). Subject of Doctoral thesis «Poetics of the novel» (1992). Author of over 150 scientific papers and 4 monographs.

Research interests: literature of German-language countries of the XX century, novel theory, problem of novel thinking, poetics of the novel of the XX century, artistic language of the XX century, «Cubist principle» in the artistic language of the XX century, problem of the border and experience of the boundaries in the artistic language, problem of authenticity of artistic expression.

Golubkov Sergey Alexeevich, Dr. of Philological Sciences, prof., head of the Dept. of Russian and Foreign literature, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Comic in the early prose of A.N. Tolstoy» (1978); subject of Doctoral thesis: «Poetics of the comic in the Russian prose of the first third of the XX century» (1994). Author of 160 scientific publications including the monograph «Comic in the novel by Ye. Zamyatin «We»» (Samara, Izd-vo SamGPI, 1993) et al. Prepared 15 Candidates of Philological Sciences, 3 Doctors of Philological Sciences. Chairman of Doctoral Dissertation Council Д 212.218.07 on Philological Sciences at Samara State University since 2004 (Before that, in 1997–2003 was the chairman of Candidate's Dissertation Council at SamSU); member of research and methodology soviet of the Ministry of Education and Science of the Samara Region. Recipient of prize of the Governor of the Samara Region (2014). Carried out preparations of 6 scientific projects on the means of grants of the Russian Humanitarian Science Foundation «Volga territories», administration of the Samara Region.

Research interests: comic, poetics of funny, Russian and foreign literature, metaphysics of the city.

Garbuzinskaya Ylia Romanovna, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University.

Research interests: russian and foreign literature.

Kazarina Tatyana Viktorovna, Doctor of Philological Sciences, professor at the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Traditions of A.P. Chekhov and F.M. Dostoevsky in the works by V. Trifonov» (1983); subject of Doctoral thesis: «Three ages of the epoch of Russian literary avant-garde (evolution of aesthetic principles)» (2005). Author and coauthor of 60 scientific works, including monograph «Three ages of Russian literary avant-garde» (1985).

Research interests: history of Russian literature, semiotics of art.

Kubaydulova Aysulu Yurievna, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University.

Research interests: diary, K.I. Chukovsky, literary diaries. **Everstov Maksim Sergeevich**, postgraduate student of the Philological Faculty, North-Eastern Federal University.

Research interests: Russian and foreign literature of the XX century, genres, anti-utopia, motive, artistic image, subject.

Shubina Elvira Leonidovna, Dr. of Philological sciences, assistant professor, professor at the Department of the German Language, MGIMO University. Subject of Candidate's thesis: «Quantitative word combinations of the type Nquant+AdjN in the German literary language of the XVII – XIX centuries: features of grammatical formulation and lexical filling» (2001); Subject of Doctoral thesis: «Problem of standard and variability in the German language at the level of word combinations of the type Nquant+AdjN and eine Art+AdjN (based on materials of the artistic literature of the XVII-XX centuries, contemporary press and experimental data)» (2007). Author and coauthor of 35 scientific works, including monographs: «Functioning of substantive word combinations of the type Nquant+AdjN and eine Art+AdjN in the language of press» (2014), «Word combinations of the type Nquant+AdjN and eine Art+AdjN in the language of the German artistic literature of the XX century: features of grammatical formulation and lexical filling» (2004).

Research interests: syntax of the German language, lexicology, history of language.

Ponomarenko Evgeniya Vitalyevna, Dr. of Philology, prof. of the Department of English Language № 5,

MGIMO. Subject of Candidate's thesis: «Structural-semantic and communicative-functional properties of explanative nominations in modern English» (1991); subject of Doctoral thesis: «Systematicity of functional relations in modern English discourse» (2004). Author and coauthor of 105 scientific works, including monographs «Explanation as language unit (on the issue of functional relations of discourse)» (1999), «Functional systematicity of discourse (on the material of English Language)» (2004), «Linguosynergetics of business communication from the positions of the competence-based approach (on the material of English language)».

Research interests: functional linguistics and pragmatics, system studies, discourse analysis, business communication rhetoric and culture, linguosynergetics, theoretical English grammar, linguodidactics of business communication.

Nikitin Vasily Nikolaevich, an assistant professor of German Philology, University of Samara.

Research interests: German as a foreign language, educational discourse, phonetics of the German language test for foreign languages.

Bazhenov Nikolay Yurievich, postgraduate student of the Department of Russian language and Mass Communications, Samara State University, in 2014 graduated from Samara State University with a degree in «Russian language and literature». Subject of Candidate thesis: «The experience of differential and non-differential analysis of the lexical field of “Speech” in Samara dialects». Author and coauthor of 15 scientific publications.

Research interests: Russian language, dialectology, lexicology, lexicography, semasiology.

Vekolova Anastasiia Yurievna, postgraduate student of the Department of Russian Language and Mass Communications, Samara State University; in 2014 graduated from Samara State University with a degree in «Philology».

Research interests: russian language, mass communication, old russian language, old slavonic language.

Makhanova Galina Evgenyevna, a graduate student of the department of the Russian language, Bryansk State University named after Academician Ivan Georgiyevich Petrovsky.

Research interests: Russian language, creativity A.P. Chekhov. **Kuhno Irina Yuryevna**, teacher of Russian Language and Literature, postgraduate student of the Department of Philology and Mass Communications. Entered a PhD program in 2013. Subject of Candidate's thesis: «Author's terminology (on the material of scientific author's style of L.N. Gumilyev).

Research interests: lexicography, national history, Russian and foreign literature.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название — «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку в **программе «Антиплагиат»** и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала — 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки и археология», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (dubmane@mail.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или ttf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.

- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала